

Элиас Лённрот Калевала

*Собрал и обработал Элиас Лённрот
Перевод Л. П. Бельского*



Руна первая

1. *Вступление.*
2. *Дочь воздуха опускается в море, где, забеременев от ветра и воды, становится матерью воды.*
3. *Утка свивает гнездо на колене матери воды и кладет там яйца.*
4. *Яйца выкатываются из гнезда, разбиваются на кусочки, и кусочки превращаются в землю, небо, солнце, луну и тучи.*
5. *Мать воды сотворяет мысы, заливы, берега, глубины и отмели моря.*
6. *Вяйнямейнен рождается от матери воды и долго носится по волнам, пока, наконец, не достигает суши.*

*Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу
Быть готовым к песнопенью
И начать скорее слово,
Чтоб пропеть мне предков песню,
Рода нашего напевы.
На устах слова уж тают,
Разливаются речами,
На язык они стремятся,
Раскрывают мои зубы.
Золотой мой друг и братец,
Дорогой товарищ детства!
Мы споем с тобою вместе,
Мы с тобой промолвим слово.
Наконец мы увидались,
С двух сторон теперь сошлись!
Редко мы бываем вместе,
Редко ходим мы друг к другу
На пространстве этом бедном,
В крае севера убогом.
Так давай свои мне руки,
Пальцы наши вместе сложим,*

Песни славные споем мы,
Начиная с самых лучших;
Пусть друзья услышат пенье,
Пусть приветливо внимают
Меж растущей молодежью,
В подрастающем народе.
Я собрал все эти речи,
Эти песни, что держали
И на чреслах Вяйнямёйнен,
И в горниле Ильмаринен,
На секире Каукомъели,
И на стрелах Ёукахайнен,
В дальних северных полянах,
На просторах Калевалы.
Их певал отец мой прежде,
Шопорище вырезая;
Мать меня им научила,
За своею прялкой сидя;
На полу тогда ребёнком
У колен их я вертелся;
Был я крошкой и питался
Молоком еще, малютка,
Тели мне они о Сампо
И о чарах хитрой Лоухи,
И старело Сампо в песнях,
И от чар погибла Лоухи,
С песней Випунен скончался,
В битве умер Лемминкяйнен.
Слов других храню немало
И познаний, мне известных;
Я нарвал их на тропинке,
Их на вереске сломал я,
Их с кусточков отломил я,
Их набрал себе на ветках,
Их собрал себе я в травах,
Их я поднял на дороге,
Пастухом бродя по тропкам,
И на пастбищах мальчишкой,
Где луга богаты медом,
Где поляны золотые,
Вслед за Мурикки-коровой
И за пестрой идя Киммо.
Насказал мороз мне песен,
И нанес мне песен дождик,
Мне наваял песен ветер,
Принесли морские волны,
Мне слова сложили птицы,
Речи дали мне деревья.
Я в один клубок смотал их,
Их в одну связал я связку,
Положил клубок на санки,
Положил на сани связку
И к избе привез на санках,
На санях привез к овину

И в амбаре под стропила
В медном ларчике их спрятал.
Долго песни на морозе,
Долго скрытые лежали.
Не убрать ли их с мороза?
Песен с холода не взять ли?
Не внести ль ларец в жилище,
На скамью сундук поставить,
Под прекрасные стропила,
Под хорошей этой кровлей;
Не открыть ли ларчик песен,
Сундучок, словами полный,
За конец клубок не взять ли
И моток не распустить ли?
Песню славную спою я,
Зазвучит она приятно,
Если пива поднесут мне
И дадут ржаного хлеба.
Если ж мне не будет пива,
Не предложат молодого,
Стану петь и всухомятку
Иль спою с одной водою,
Чтобы вечер был веселым,
Чтобы день наш был украшен
И чтоб утренним весельем
Завтра день у нас начался.
Я, бывало, слышал речи,
Слышал, как слагались песни.
По одной идут к нам ночи,
Дни идут поодиночке -
Был один и Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец
Девой выношен прекрасной,
Он от Ильматар родился.
Дочь воздушного пространства,
Стройное дитя творенья,
Долго девой оставалась,
Долгий век жила в девицах
Средь воздушного простора,
В растянувшихся равнинах,
Так жила – и заскучала,
Странной жизнь такая стала:
Постоянно жить одною
И девицей оставаться
В той большой стране воздушной,
Средь пустынного пространства.
И спустилась вниз девица,
В волны вод она склонилась,
На хребет прозрачный моря,
На равнины вод открытых;
Начал дуть свирепый ветер,
Поднялась с востока буря,
Замутилось море пеной,
Поднялись высоко волны.

Ветром деву за́качало,
Било волнами девицу,
За́качало в синем море,
На волна́х с вершиной белой.
Ветер плод надул девице,
Полноту дало ей море.
И носила плод тяжёлый,
Полноту свою со скорбью
Лет семьсот в себе девица,
Деять жизней человека -
А родов не наступало,
Не зачатый – не рождался.
Мать воды, она металась
По́ к востоку, то на запад,
По́ на юг, а то на север
И ко́ всем небесным странам,
Шя́жко́ мучимая болью,
Полнотой в тяжёлом чреве -
А родов не наступало.
Не зачатый – не рождался.
Шихо́ стала дева плакать,
Говорить слова такие:
"Горе мне, судьбой гонимой,
Мне, скиталице, бедняжке!
Разве многого достигла,
Что из воздуха я вышла,
Что меня гоняет буря,
Что волна меня качает
На морской воде обширной,
На равнинах вод открытых,
Лучше б в небе на просторе
Дочкой воздуха осталась,
Чем в пространствах этих чуждых
Стала матерью воды я:
Здесь лишь холод да мученья,
Шя́жело мне оставаться,
Жить, томясь, в холодных водах,
По́ волнам блуждать бессменно.
О ты, У́кко, бог верховный!
Шы́, всего носитель неба!
Шы́ сойди на волны моря,
Поспеши скорей на помощь!
Шы́ избавь от болей деву
И жену от муки чрева!
Поспеши, не медли боле,
Я в нужде к тебе взываю!"
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье -
Вот летит красота утка,
Воздух крыльями колышет,
Для гнезда местечко ищет,
Ищет места для жилища.
Мчится к западу, к востоку,
Мчится к югу и на север,

Но найти не может места,
Ни малейшего местечка,
Где бы свить гнездо сумела
И жилище приготовить.
Полетала, осмотрелась,
Призадумалась, сказала:
"Коль совью гнездо на ветре,
На волне жилые поставлю,
Мне гнездо развеет ветер,
Унесут жилище волны".
Мать воды то слово слышит,
Ильматар, творенья дева,
Подняла из волн колено,
Подняла плечо из моря,
Чтоб гнездо слепила утка,
Приготовила жилище.
Утка, та красотка птица,
Полетала, осмотрелась,
Увидала в синих волнах
Матери воды колено.
Приняла его за кочку
И сочла за дерн зеленый.
Полетала, осмотрелась,
На колено опустилась
И гнездо себе готовит,
Золотые сносит яйца:
Шесть яичек золотые,
А седьмое – из железа.
Вот наседкой села утка,
Греет круглое колено.
День сидит, сидит другой день,
Вот уж третий день проходит -
Ильматар, творенья дева,
Мать воды, вдруг ощутила
Сильный жар в своем колене:
Кожа так на нем нагрелась,
Словно в пламени колено
И все жилы растопились.
Сильно двинула колено,
Члены сильно сотрясает -
Покатились яйца в воду,
В волны вод они упали,
На куски разбились в море
И обломками распались.
Не погибли яйца в тине
И куски во влаге моря,
Но чудесно изменились
И подверглись превращенью:
Из яйца, из нижней части,
Вышла мать – земля сырая;
Из яйца, из верхней части,
Встал высокий свод небесный,
Из желтка, из верхней части,
Солнце светлое явилось;

Из белка, из верхней части,
Ясный месяц появился;
Из яйца, из пестрой части,
Звезды сделались на небе;
Из яйца, из темной части,
Плучи в воздухе явились.
И вперед уходит время,
Год вперед бежит за годом,
При сиянье юном солнца,
В блеске месяца молодого.
Мать воды плывет по морю,
Мать воды, творенья дева,
По водам, дремотой полным,
По водам морским туманным;
И под ней простерлись воды,
А над ней сияет небо.
Наконец, в году девятом,
На десятое уж лето,
Подняла главу из моря
И чело из вод обширных,
Начала творить творенья,
Создавать созданья стала
На хребте прозрачном моря,
На равнинах вод открытых,
Шолько руку простирала -
Мыс за мысом воздвигался;
Где ногою становилась -
Вырывала рыбам ямы;
Где ногою дна касалась -
Вглубь глубины уходили.
Где земли касалась боком -
Ровный берег появлялся;
Где земли ногой касалась -
Там лососьи тони стали;
И куда головой склонялась
Бухты малые возникли.

Отплыла от суши дальше,
На волнах остановилась -
Создала скалы в море
И подводные утесы,
Где суда, наткнувшись, сядут,
Моряки найдут погибель.
Вот уж созданы утесы,
Скалы в море основались,
Уж столбы ветров воздвиглись,
Создались земные страны,
Камни ярко запестрели,
Встали в трещинах утесы,
Шолько вещей песнопевец
Вяйнямёйнен не рождался.
Старый, верный Вяйнямёйнен
В чреве матери блуждает,
Придцать лет он там проводит,

Зим проводит ровно столько ж,
На водах, дремотой полных,
На волнах морских туманных,
Он подумал, поразмыслил:
Как же быть и что же делать
На пространстве этом темном,
В неудобном, темном месте,
Где свет солнца не сияет,
Блеска месяца не видно.
Он сказал слова такие
И такие молвил речи:
"Месяц, солнце золотое
И Медведица на небе!
Дайте выход поскорее
Из неведомой мне двери,
Из затворов непривычных
Очень тесного жилища!
Дайте вы свободу мужу,
Вы дитяти дайте волю,
Чтобы видеть месяц светлый,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба!"

Но не дал свободы месяц,
И не выпустило солнце.
Стало жить ему там тяжко,
Стала жизнь ему постыла:
Пронул крепости ворота,
Сдвинул пальцем безымянным,
Костяной замок открыл он
Малым пальцем левой ножки;
На руках ползет с порога,
На коленях через сени.

В море синее упал он,
Ухватил руками волны.
Отдан муж на милость моря,
Богатырь средь волн остался.
Пролежал пять лет он в море,
В нем пять лет и шесть качался,
И еще семь лет и восемь.
Наконец плывет на сушу,
На неведомую отмель,
На безлесный берег выплыл.

Приподнялся на колени,
Опирается руками.
Встал, чтоб видеть светлый месяц,
Чтоб на солнце любоваться,
На Медведицу дивиться,
Поглядеть на звезды неба.
Так родился Вяйнямйнен,
Племени певцов удалых

*Знаменитый прародитель,
Девой Ильматар рожденный.*

Руна вторая

- 1. Вяйнямёйнен выходит на пустынный берег и велит Сампсе Пеллервойнену сеять деревья.*
- 2. Вначале дуб не всходит, но, посеянный вновь, разрастается, распространяется по всей стране и загораживает своей листвой луну и солнце.*
- 3. Маленький человек поднимается из моря и срубает дуб; луна и солнце опять становятся видны.*
- 4. Птицы поют на деревьях; травы, цветы и ягоды растут на земле; только ячмень еще не растет.*
- 5. Вяйнямёйнен находит несколько ячменных зерен на прибрежном песке, вырубает лес под пашню и оставляет только одну березу для птиц.*
- 6. Орел, обрадованный тем, что для него оставлено дерево, высекает Вяйнямёйнену огонь, которым тот сжигает свою подсеку.*
- 7. Вяйнямёйнен сеет ячмень, молится об его хорошем росте и выражает пожелание успеха на будущее.*

*Вот поднялся Вяйнямёйнен,
Стал ногами на побережье,
На омытый морем остров,
На равнину без деревьев.
Много лет затем он прожил,
Год за годом проживал он
Шам на острове безлюдном,
На равнине без деревьев.
Он подумал, поразмыслил,
Долго голову ломал он:
Кто ему засеет землю,
Кто рассыпать может семя?
Пеллервойнен, сын поляны,
Это, Сампса, мальчик-крошка,
Он ему засеет землю,
Он рассыпать может семя!
Засевает он прилежно
Всю страну: холмы, болота,
Все открытые поляны,
Каменистые равнины.
На горах он сеет сосны,
На холмах он сеет ели,
На полянах сеет вереск,
Сеет кустики в долинах,
Сеет он по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуху во влажной,
На местах пониже – иву,
На святых местах – рябину,
На болотистых – ракиту,
На песчаных – можжевельник
И дубы у рек широких.
Высоко растут деревья.*

Потянулись вверх побеги:
Ели с пестрою верхушкой,
Сосны с частыми ветвями,
Поднялись по рвам березы,
Ольхи в почве разрыхленной
И черемуха во влаге;
Также вырос можжевельник,
Ягоды его красивы,
Плод черемухи прекрасен.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Поднялся: хотел он видеть,
Как у Сампсы сев удался,
Пеллервойнена работу.
Увидал он рост деревьев,
Их побегов рост веселый;
Только дуб взойти не может,
Божье дерево не всходит.
Дал упряму он свободу -
Пусть свое узнает счастье;
Ждет затем подряд три ночи,
Столько ж дней он ожидает.
Так проходит вся неделя,
Посмотреть тогда идет он:
Все же дуб взойти не может,
Божье дерево не всходит.
Вот четыре Девы вышли,
Вышли пять девиц из моря.
Занялись они покосом,
Стали луг косить росистый
На мысочке, скрытом мглою,
На лесистом островочке
Косят луг, сгребают сено,
Все в одно сгребают место.
Пут из моря вышел Туркас,
Богатырь из волн поднялся.
Запалил огнем он сено,
Ярко сено запылало,
Все осыпалось золою,
Потянулось тучей дыма.
Вот зола застыла кучей,
Пепел лег сухой горою;
В пепел нежный лист кладет он,
Вместе с ним дубовый желудь.
Дуб из них былинкой вырос,
Стройно стал побег зеленый,
Стал на почве плодородной
Дуб развесистый, огромный,
Дал широких веток много,
Веток с зеленью густою,
До небес вершину поднял,
Высоко он вскинул ветви:
Облакам бежать мешает,
Не дает проходу тучам,
Закрывает в небе солнце,

Заслоняет месяц ясный.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Шақ подумал и размыслил:
Кто бы с силою собрался,
Кто бы дуб свалил ветвистый?
Жизнь людей идет печально,
Плавать рыбе неудобно,
Если солнце не блистает,
Не сияет месяц ясный.
Не нашлося человека,
Богатырь не находился,
Кто бы дуб свалил ветвистый,
Сто вершин его обрушил.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам слова сказал такие:
"Каве, ты меня носила,
Мать родная, дочь творенья!
Из воды пошли мне силы -
Много сил вода имеет -
Опрокинуть дуб огромный,
Злое дерево обрушить,
Чтоб опять светило солнце,
Засиял бы месяц ясный!"
Вот выходит муж из моря,
Богатырь из волн поднялся;
Не из очень он великих,
Не из очень также малых;
Он длиной с мужской был палец.
Ростом – в меру женской пяди.
Был покрыт он медной шапкой.
Сапоги на нем из меди,
Руки в медных рукавицах,
Чешуей покрытых медной,
Медный пояс был на теле,
И висел топор из меди:
С топорием только в палец,
С лезвием в один лишь ноготь.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Шақ подумал и размыслил:
Видом он похож на мужа
Богатырского сложенья,
А длиной в один лишь палец,
Вышиной едва с копыто!
Говорит слова такие,
Молвит сам такие речи:
"Что ты, право, за мужчина,
Что за богатырь могучий?
Чуть покойника ты краше,
Чуть погибшего сильнее!"
И сказал морской малютка,
Шақ морской герой ответил:
"Нет! Я муж на самом деле,
Богатырь из волн могучих,
Дуба ствол пришел срубить я,

Расщепить здесь дуб высокий".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
"Но, как видно, ты не создан,
Сотворен не для того ты,
Чтоб сломать здесь дуб огромный,
Злое дерево обрушить".
Но едва сказал он это,
Взор едва к нему направил,
Как малютка изменился,
Обратился в великана,
В землю мощью ног уперся,
Головою держит тучи;
С бороною по колено,
Волосы висят до пяток;
Между глаз косая сажень,
Шириной штаны у бедер -
В две сажени, у коленей -
В полторы, у пяток - в сажень.
Великан топор свой точит,
Лезвие острит острее
На шести кусках кремневых,
На семи точильных камнях,
Вперевалку зашагал он,
Тяжкой поступью затопал,
Он шагал в штанах широких,
Развевавшихся от ветра.
С первым шагом очутился
На земле песчаной, рыхлой,
Со вторым он оказался
На земле довольно черной,
Наконец, при третьем шаге,
Подошел он к корню дуба.
Топором он дуб ударил,
Лезвием рубил он гладким.
Раз ударил и другой раз,
В третий раз он ударяет;
Искры сыплются с железа,
А из дуба льется пламя;
Гордый дуб готов склониться,
Вот уж громко затрещал он.
И вот так при третьем взмахе
Смог он дуб свалить на землю,
Смог сломать он ствол трещавший,
Сто верхушек опрокинуть.
Положил он ствол к востоку,
Бросил к западу верхушки,
Раскидал он листья к югу,
Разбросал на север ветки.
Если кто там поднял ветку,
Шот нашел навеки счастье;
Кто принес к себе верхушку,
Стал навеки чародеем;
Кто себе там срезал листьяв,

Взял для сердца он отраду,
Что рассыпалось из щелока,
Из кусочков, что осталось
На хребте прозрачном моря,
На равнине вод открытых,
Что под ветром там качалось,
На волнах там колыбалось,
Как челнок в воде открытой,
Как корабль в волнистом море.

К Похьёле понес их ветер.
В море Похьёлы девица
Свой большой платок стирала,
Платья в море полоскала,
Там на камне их сушила,
На краю большого мыса.
Увидала щепку в море;
Забрала себе в кошелку,
Принесла домой в кошелке,
Перевязанной ремнями,
Чтоб колдун оружие сделал,
Заколдованные стрелы.
Только дуб свалился наземь,
Только гордый ствол был срублен,
Снова солнце засияло,
Засветил прекрасный месяц,
В небесах простерлись тучи,
Снова весь простор открылся
Над мысочком, скрытом мглою,
Над туманным островочком.
Густо рожи разрослися,
Поднялись леса на воле,
Распустились листья, травы,
По ветвям порхали птицы,
Там дрозды запели песни
И кукушка куковала.
Вышли ягоды из почвы
И цветочки золотые;
Разрослись густые травы
И цветами запестрели.
Лишь один ячмень не всходит
И не зреет хлеб прекрасный.
Старый, верный Вяйнямейнен
К морю синему подходит
И у моря размышляет,
На краю воды могучей.
Там шесть зернышек находит,
Семь семян он поднимает
С берега большого моря,
С отмели песчаной, мягкой;
Спрятал их в мешочке куньем,
Сунул в лапку желтой белки.
Он пошел засеять землю.
Он пошел рассыпать семя

Возле речки Калевалы,
По краям поляны Осме.
Вот поёт синица с ветки:
"Не взойдет ячмень у Осмо,
Калевы овес не встанет,
Не расчищено там поле,
Шам не срублен лес под пашню,
Хорошо огнем не выжжен".
Старый, верный Вяйнямейнен
Шут топор устроил острый
Вырубать леса принялся,
Побросал их на поляне.
Посрубил он все деревья;
Лишь березу он оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб кукушка куковала.
Вот орёл летит по небу,
Прилетел издалека он,
Чтоб увидеть ту березу;
"Отчего ж одна осталась
Здесь нетронутой берёза
Стройный ствол её не срубаем?"
Вяйнямейнен отвечает:
"Оттого она осталась,
Чтоб на ней дать отдых птицам,
Чтоб орел слетал к ней с неба".
И сказал орёл небесный:
"Хороша твоя забота,
Что берёзу ты не тронул,
Стройный ствол её оставил,
Чтобы птицы отдыхали,
Чтоб я сам на ней садился".
И огонь орёл доставил,
Высек он ударом пламя.
Ветер с севера примчался,
И другой летит с востока;
Обратил в золу он роищи,
В тёмный дым леса густые.
Старый, верный Вяйнямейнен
Все шесть зёрен вынимает,
Семь семян берёт рукою,
Взял из куньего мешочка,
Взял из лапки белки желтой,
Летней шкурки горносталя.
Вот идёт засеять землю,
Он идёт рассыпать семя.
Говорит слова такие:
"Вот я сею, засеваю,
Сею я творца рукою,
Всемогущего десницей,
Чтоб возшло на этом поле,
Чтоб росло на этой почве.
О ты, старица земная,
Мать полей, земли хозяйка!"

Дай ты почве силу роста,
Дай покров из перегноя!
И земля без сил не будет,
Не останется бесплодной,
Если ей даруют милость
Девы, дочери творенья.
Пы вставай, земля, проснися,
Недра божьи, не дремлите!
Из себя пустите стебли,
Пусть поднимутся отростки!
Выйдет тысяча колосьев,
Сотня веток разрастётся,
Где вспахал я и посеял,
Где я много потрудился!
О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, отец небесный,
Пы, кто правит туч грозою,
Обяками управляет!
Пы держи совет на тучах,
В небесах совет правдивый!
Пы подай с востока тучу,
Пучу с севера большую,
А от запада – другую,
Пучу с юга побыстрее!
Ниспошли ты дождь небесный,
Пусть из тучи мед закаплет,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба здесь зашумели!"
Укко, этот бог верховный,
Пот отец небесный, мощный,
Совецанье держит в тучах,
В небесах совет правдивый.
Вот с востока шлет он тучу,
Пучу с севера другую,
Тонит тучу от заката,
Посылает тучу с юга;
Бьёт он тучи друг о друга,
Край о край их ударяет.
Посылает дождь небесный,
Каплет мёд из туч высоких,
Чтоб колосья поднялися,
Чтоб хлеба там зашумели.
Затемнели там колосья,
Поднялись высоко стебли
Из земли, из мягкой почвы
Вяйнямёйнена трудами.
Вот проходит день ближайший,
Две и три проходят ночи,
Пробегает вся неделя,
Вышел старый Вяйнямёйнен
Посмотреть на всходы в поле,
Где пахал он, где он сеял,
Где он много потрудился:
Видит он ячмень прекрасный,

*Шестигранные колосья,
Три узла на каждом стебле.
Старый, верный Вяйнямейнен
Осмотрелся, оглянулся.
Вот весенняя кукушка
Видит стройную березу:
"Для чего ж одна осталась
Здесь нетронутой береза?"*

*Молвил старый Вяйнямейнен:
"Для того одна осталась
Здесь береза, чтоб расти ей,
Чтобы ты здесь куковала.
Ты покличь на ней, кукушка,
Пой, с песочной грудью птица,
Пой, с серебряною грудью,
Пой ты, с грудью оловянной!
Пой ты утром, пой ты на ночь,
Ты кукуй в часы полудня,
Чтоб поляны украшались,
Чтоб леса здесь красовались,
Чтобы взморье богатело
И весь край был полон хлебом!"*

Руна третья

- 1. Вяйнямейнен постигает мудрость и становится знаменитым*
- 2. Ёукахайнен идет состязаться с ним в знаниях и, не победив, вызывает его биться на мечах; разгневанный Вяйнямейнен песней гонит его в болото.*
- 3. Ёукахайнен, попав в беду, обещает, наконец, выдать свою сестру замуж за Вяйнямейнена, который, смилостивившись, выпускает его из болота.*
- 4. Огорченный Ёукахайнен уезжает домой и рассказывает матери о своих злоключениях.*
- 5. Мать радуется, узнав, что Вяйнямейнен станет ее зятем, но дочь опечалилась и начинает плакать.*

*Старый, верный Вяйнямейнен
Проводил покойно время
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы.
Распевал свои он песни,
Песни мудрости великой.
День за днем все пел он песни
И ночами распевал их,
Пел дела времен минувших,
Пел вещей происхождение,
Что теперь ни малым детям,
Ни героям непонятно:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету.
Далеко проникли вести,
Разнеслась молва далеко
О могучем пенье старца,*

О напевах богатырских,
И на юг проникли вести,
И дошла молва на север.
В Похьёле жил Ёукахайнен,
Шоций Молодой лапландец.
Как-то раз пошел он в гости,
Речи странные там слышит,
Будто можно петь получше,
Песни лучшие составить
В чащах Вяйнёлы зеленых,
На полянах Калевалы,
Чем те песни, что певал он,
У отца им научившись.
Рассердился Ёукахайнен:
Зависть в сердце пробудили
Вяйнямейнена напевы,
Что его всех лучше песни.
К старой матери идет он,
К предводительнице рода.
Говорит, что в путь собрался,
Отправляется в дорогу,
В села Вяйнёлы он едет,
В пенье с Вяйнё состязаться.
Но его не отпускают
Ни отец, ни мать-старуха
В села Вяйнёлы поехать,
С Вяйнё в пенье состязаться:
"Нет, тебя там околдуют,
Околдуют и оставят
Голову твою в сугробе,
Эту руку на морозе,
Чтоб рукой не смог ты двинуть
И ногой ступить не смог бы".
Молвил юный Ёукахайнен:
"Мой отец во многом сведущ,
Мать намного больше знает,
Но всех больше сам я знаю.
Если я хочу поспорить
И с мужчинами состязаться,
Посрамлю певцов я пеньем,
Чародеев зачарую;
Так спую, что кто был первым.
Тот певцом последним будет.
Я его обую в камень,
Ноги в дерево одену,
Наложу на грудь каменьев,
На спину дугу из камня,
Дам из камня рукавицы,
Шлемом каменным покрою!"
Так, упрямый, он решает
И берет коня в конюшне:
Из ноздрей огонь пылает,
Брызжут искры под копытом:
Он взнуздал коня лихого

И запряг в золотые сани.
Сам уселся он на сани,
Сел удобно на сиденье
И коня кнутом ударил,
Бьет кнутом с жемчужной ручкой.
Лошадь добрая рванулась,
Конь помчался по дороге.
Вот уж дом родной далеко,
Скачет день, другой день скачет,
Третий день он быстро мчится;
А когда прошел и третий,
Прибыл к Вяйнёлы полянам
И просторам Калевалы.

Старый, верный Вяйнямейнен,
Век вечный прорицатель,
Был как раз на той дороге,
По пути тому он ехал
Среди Вяйнёлы полянок,
По дубравам Калевалы.
Ёукахайнен юный, буйный,
На него наехал быстро;
Зацепился оглобли,
И гужи переплелись,
Хомуты вдруг затрещали,
И дуга с дугой столкнулась.
Шут они остановились,
Стали оба, размышляя...
Из двух дуг сочилась влага,
От оглобель пар поднялся.
И промолвил Вяйнямейнен:
"Ты откуда это родом,
Что так скачешь безрассудно,
Не спросяся, наезжаешь?
Ты зачем разбил хомут мой
И дугу из свежей ветки,
Ты зачем сломал мне сани,
Изломал мои полозья?"
Молвил юный Ёукахайнен,
Сам сказал слова такие:
"Молодой я Ёукахайнен,
Но теперь и ты скажи мне:
Ты, дрянной, откуда родом,
Из какой семьи негодной?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Называет свое имя,
Говорит слова такие;
"Так ты – юный Ёукахайнен!
Уступи-ка мне дорогу,
Ты годами помоложе".
Молодой же Ёукахайнен
Говорит слова такие:
"Шут важна не наша старость,
Наша старость или юность!"

Кто стоит в познаниях выше,
Больше мудрости имеет -
Только тот займет дорогу,
А другой ему уступит.
Так ты – старый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Приготовимся же к пенью,
Пропоем мы наши песни,
Мы прослушаем друг друга
И откроем состязанье!"

Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
"Что ж, певец я безыскусный,
Песнопевец неизвестный.
Жизнь я прожил одиноко
По краям родного поля,
Посреди полян родимых,
Слышал там одну кукушку.
Но пусть будет, как кто хочет.
Ты дозвожь себя послушать;
Что ты знаешь больше прочих,
Чем ты прочих превосходишь?"
Молвил юный Еукахайнен:
"Я всего так много знаю;
Но вот это знаю ясно
И прекрасно понимаю:
В крыше есть окно для дыма,
А очаг внизу у печки.
Жить тюленю превосходно,
Хорошо морской собаке:
Ловит он вблизи лососей,
И сигов он поглощает.
Сиг живет на плоскодонье,
А лосось – на ровном месте.
Класть икру умеет щука
Средь зимы, средь бурь свирепых,
Но горбатый окунь робок -
В омут осенью уходит,
А икру он мечет летом,
Берег плеском оглашая.
Если ж ты не убедился,
То еще я много знаю,
Рассказать могу, как падут
Северяне на оленях,
А южане на корбылах,
За Лапландией – быками.
Знаю я леса на Тисе,
На утесах Хорны сосны:
Стройный лес растет на Тисе,
Стройные на Хорне сосны.
Страшных три есть водопада
И озер огромных столько ж;
Также три горы высоких

Под небесным этим сводом:
Хялляпюёря у Хяме,
Қатрақосқи у қарелов,
Вуоқса неукротима,
Иматра – непобедима".
Молвил старый Вяйнямйнен:
"Ум ребячий, бабья мудрость
Неприличны бородастым
И женатому неқстати.
Шы сқажу вещей начало,
Глубину деяний вечных!"
Молвил юный Ёуқахайнен,
Говорит слова тақие:
"Я вот знаю про синицу,
Что она породы птичьей;
Из породы змей – гадюка;
Ёри в воде – породы рыбьей;
Размягчается железо,
А земля переқисает;
Қипятқом обжечься можно,
Жар огня – весьма опасен.
Всех лекарств – вода старее;
Пена – средство в зақлинаньях;
Первый чародей – создатель;
Бог – древнейший исцелитель.
Из горы вода явилась,
А огонь упал қ нам с неба,
Стала, ржавчина железом,
На утесах медь рождается,
Всех земель старей – болота;
Ива – старше всех деревьев;
Сосны – первые жилища;
Қамни – первая посуда".
Старый, верный Вяйнямйнен
Говорит слова тақие:
"Может, что еще припомнишь
Иль уж высказал всю глупость?"
Молвил юный Ёуқахайнен:
"Нет, еще немного помню.
Помню древность я седую,
Қақ вспахал тогда я море
И всқопал морские глубы,
Вықопал я рыбам ямы,
Опустил я дно морское,
Распростёр я вширь озера,
Горы выдвинул я қверху,
Нақидал большие скалы.
Я шестым был из могучих,
Богатырь седьмой считался.
Сотворил я эту землю,
Зақлючил в границы воздух,
Утвердил я столб воздушный
И построил свод небесный.
Я направил ясный месяц,

Солнце светлое поставил,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе".

Молвил старый Вяйнямейнен:
"Ажешь ты свыше всякой меры!
Никогда при том ты не был,
Как пахали волны моря,
Как выкапывали глуби
И как рыбам ямы рыли,
Дно у моря опускали,
Простирали вширь озера,
Выдвигали горы кверху
И накидывали скалы.
И тебя там не видали,
Шот не видел и не слышал,
Кто тогда всю землю создал,
Заключил в границы воздух,
Утвердил и столб воздушный
И построил свод небесный,
Кто направил ясный месяц,
Солнце светлое поставил,
Вширь Медведицу раздвинул
И рассыпал звезды в небе"

Молодой же Ёукахайнен
Говорит слова такие:
"Коль рассудок мой потеряю,
Так мечом его найду я!
Ну-ка, старый Вяйнямейнен,
Шы, певец со ртом широким,
Станем меряться мечами -
Поглядим, чей меч острее"
Молвил старый Вяйнямейнен:
"Не страшат меня нисколько
Ни мечи твои, ни мудрость,
Ни оружие, ни хитрость.
Но пусть будет, как кто хочет,
И с тобой, с таким несчастным,
Я мечей не стану мерить.

Шы – негодный и противный!"
Обозлился Ёукахайнен,
Рот от гнева искривился,
Головой трясёт косматой,
Говорит слова такие:
"Кто мечи боится мерить,
Осмотреть клинки боится,
Я того моею песней
Превращу в свиное рыло.
Я таких людей презренных
По местам упрячу разным:
Уложу в навозной куче
Иль заброшу в угол хлева!"
Омрачился Вяйнямейнен

И разгневался ужасно,
Сам запел тогда он песню,
Сам тогда он начал речи.
Не ребячьи песни пел он
И не женскую забаву -
Пел геройские он песни,
Не поют их вовсе дети,
Мальчишки наполовину,
Женихи лишь в третьей части:
Ведь пришло лихое время,
Недород, и хлеба нету,
Начал мудрый Вяйнямёйнен.
Всклыхнулись озёра,
Все заливы ими полны,
И одни по ветру ходят,
А другие против ветра.
Вновь запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёукахайнен:
"Два коня в моей конюшне,
Жеребцов прекрасных пара;
И один летит как ветер,
А другой силен в запряжке.
Выбирай, какого хочешь".
Молвил старый Вяйнямёйнен:
"Мне коней твоих не нужно,
Жеребцов твоих хвалены;
У меня их дома столько,
Что стоят при каждом яслях
И стоят во всяком стойле
На хребтах с водою чистой,
На крестцах с пудами жира".
Вновь запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топь поглубже.
Молвил юный Ёукахайнен:
"О ты, старый Вяйнямёйнен!
Поверни слова святые
И возьми назад заклятья!
Шапку золота доставлю,
Серебром насыплю шапку,
Их с войны принес отец мой,
С поля битвы их доставил".
Молвил старый Вяйнямёйнен:
"В серебре я не нуждаюсь,
Свое золото на что мне!
У меня его довольно,
Кладовые им набиты,
Сундуки набиты ими;
Золото – луны ровесник,
Серебро – ровесник солнцу".
Вновь запел, и Ёукахайнен
Погрузился в топи глубже.
Молвил юный Ёукахайнен:
"О ты, старый Вяйнямёйнен!

Отпусти меня отсюда,
Дай свободу от несчастья!
Весь мой хлеб тебе отдам я,
Все поля я обещаю,
Чтобы голову спасти мне,
От беды себя избавить!"
Молвил старый Вяйнямйнен:
"Мне полей твоих не нужно,
В хлебе вовсе не нуждаюсь!
У меня его обилье,
Где ни глянешь, там и поле
И сқирды стоят повсюду.
А мои поля получше,
Мне сқирды мои милее".
Вновь запел, и Ёуқахайнен
Погрузился в топи глубже.
Наконец уж Ёуқахайнен
И совсем перепугался:
Он до рта ушел в трясины,
С бородой ушел в болото,
В рот набился мох с землею,
А в зубах кусты завязли.
Молвил юный Ёуқахайнен:
"О ты, мудрый Вяйнямйнен!
Век вечный прорицатель!
Вороти назад заклятье,
Жизнь оставь мне дорогую,
Отпусти меня отсюда!
Затянула топь мне ноги,
От песку глазам уж больно!
Если ты возьмешь заклятье,
Злой свой заговор воротишь,
Дам сестру тебе я Айно,
Дочку матери любимой.
Пусть метет твое жилище,
В чистоте полы содержит,
Будет кадки мыть и парить,
Будет мыть твою одежду,
Шкать золотые одеяла,
Печь медовые лепешки".
Старый, верный Вяйнямйнен
Просиял, развеселился,
Рад он был, что Ёуқахайнен
В жены даст сестру родную.
На скале, веселый, сел он,
Сел на камень и распелся;
Спел немного, спел еще раз,
В третий раз пропел немного -
Повернул слова святые,
Взял назад свои заклятья;
Вышел юный Ёуқахайнен:
Из болота тащит шею,
Тащит бороду из топи;
Вновь конем скала предстала,

Сани вновь из веток вышли,
Стал камыш кнутом, как прежде.
Он спешит усесться в сани;
Опустился на сиденье,
Уезжает с тяжким сердцем,
Грустный едет он оттуда,
К милой матери он едет,
Он к родителям стремится.
Он помчался с страшным шумом,
К дому бешено подъехал;
Об овин сломал он сани
И оглобли о ворота.
Мать не знает, что подумать,
А отец промолвил слово:
"Глупо сделал, что сломал ты
Эти сани и оглобли!
Что ты едешь, как безумный,
Словно бешеный, примчался?"
И заплакал Ёукахайнен.
Плачет горькими слезами,
Головой поникуныло,
Шапка на сторону сбилась,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил он печально.
Мать узнать, в чем дело, хочет,
Хочет дело поразведать:
"Ты о чем, сыночек, плачешь.
Чем, мой первенец, расстроен,
Губы сжаты, побледнели,
Нос повесил ты печально?"
Молвил юный Ёукахайнен:
"Ох ты, мать моя родная!
Ведь со мной беда случилась,
Ведь со мной несчастье было,
Не без повода я плачу,
Есть причина для печали!
Век своей слез не осушу я,
Буду жизнь вести в печали:
Ведь сестрицу дорогую,
Дочь твою родную, Айно,
Вяйнямейнену я отдал,
Чтоб певицу была женою,
Старцу слабому опорой,
В доме хилому защитой".
Мать захлопала в ладоши
И всплеснула тут руками;
Говорит слова такие:
"Ты не плачь, мой сын родимый,
Нет тебе причины плакать,
Нет причины для печали.
Я жила надеждой этой,
Много лет я ожидала,
Чтоб герой могучий этот,
Песнопевец Вяйнямейнен,

Стал моим желанным зятем,
Мужем дочери родимой".
Слышит то младая Айно,
Плачет горькими слезами,
Плачет день, другой день плачет,
На крыльце сидит, рыдая;
Плачет жалобно от горя,
От сердечной злой печали.
Говорит тут мать ей стала:
"Что ты плачешь, дочка Айно?
У тебя жених могучий;
К мужу сильному идешь ты,
Чтоб сидеть там под окошком,
У забора тараторить".
Дочь на это молвит слово:
"О ты, мать моя родная!
Есть о чём, родная, плакать:
Жаль мне кос моих прекрасных
И кудрей головки юной,
Жаль волос девичьих, мягких,
Мне так рано их закроют,
С этих лет мне их завяжут.
И всю жизнь жалеть я буду
Это солнце дорогое,
Этот месяц ясный, тихий,
Этот синий свод небесный,
Если мне их бросить надо,
Если надо мне забыть их
Братца – у станка с работой.
Под окном – отца родного".
Мать же дочери сказала,
Молодой старуха молвит:
"Брось ты, глупая, печали,
Горемычная стенанье!
Плачешь ты без основанья
И тоскуешь без причины.
Божье солнце дорогое
Озаряет всюду землю,
Не одно отца окошко,
Не одну скамейку брата.
Есть повсюду много ягод,
На полянах – земляники.
Ах ты, доченька! Ты можешь
Там набрать их, а не только
По лесам отца родного,
На полях родного брата".

Руна четвёртая

1. Вяйнямйнен встречает сестру Еукахайнена в лесу и просит ее стать его женой
2. Девица в слезах бежит домой и рассказывает об этом своей матери.
3. Мать запрещает ей печалиться, велит радоваться и нарядно одеться.

4. Девушка продолжает плакать и говорит, что не хочет идти замуж за старика.
5. Опечаленная, она уходит в лес, попадает на безлюдный берег моря, хочет выкупаться в море и тонет.
6. Мать дни и ночи оплакивает свою утонувшую дочь.

Айно, дева молодая,
Еуқахайнена сестрица,
В лес пошла нарезать веток,
В роще веников наделать.
Для отца связала веник,
Веник матери связала,
Наконец, и третий веник
Крепышу связала братцу.
И идёт, спеша из лесу,
Прямо к дому меж ольхами.
Вот подходит Вяйнямейнен.
Он девицу в роще видит
На траве в нарядном платье,
Говорят слова такие:
"Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой!"
Тақ ответила девица:
Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.
Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я чёрную краюшку;
Я сижу в отцовском доме
Вместе с матушкой родимой".
Вот с груди бросает крестик,
С пальцев кольца золотые,
С шеи жемчуг побросала,
Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их,
И в слезах пошла дорогой,
С горьким плачем в дом отцовский.
У окна отец работал,
Вырезал он топорнице:
"Что ты, дочь-бедняжка, плачешь,
Что, девица молодая?"
"Есть, отец, причина плакать,
Есть для слёз и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,
Что я плачу и рыдаю:
Потеряла с шеи крестик,
С пояса мои застёжки:
Был серебряный мой крестик,

Были медные застёжки".
У калитки брат работал,
Вырезал дугу искусно:
"Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?"
"Есть причина, братец, плакать,
Есть для слёз и для рыданья;
Вот причина, что я плачу,
Я и плачу и рыдаю:
Потеряла кольца с пальцев,
С шеи жемчуг драгоценный;
Золотые были кольца,
Серебрист на шее жемчуг".
Вот сестра сидит у двери,
Плёт из золота весь пояс:
"Что, сестрица, горько плачешь,
Что, девица молодая?"
"Есть, сестра, причина плакать,
Есть для слез и для рыданья;
Вот причина, что я плачу
И горюю, что пропали
И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий шелковый налобник,
Лента красная из шёлка".
В кладовой, у самой двери,
Мать снимала ложкой сливки:
"Что ты, дочь-бедняжка, плачешь?
Что, девица молодая?"
"О ты, мать моя родная!
Пы меня, дитя, кормила!
Плачу, матушка, от скорби
И, несчастная, горюю.
Вот причина, что я плачу
И пришла домой, рыдая:
В лес пошла я резать ветки,
В роще веников наделать.
Веник батюшке связала,
Для тебя связала веник,
Наконец, и третий веник
Крепышу связала братцу.
Уждомой идти хотела,
Шла поспешно по дубраве,
И сказал мне так Осмойнен,
Калевайнен так промолвил:
"Не носи ты для другого,
Для меня носи, девица,
Ожерелье из жемчужин,
На груди носи ты крестик,
Для меня плети ты косы,
Перевязывай их лентой!"
Я с груди швырнула крестик,
С шеи жемчуг побросала,
Синий шелковый налобник,

Ленту красную швырнула,
Чтоб земля их погубила,
Чтобы лес себе забрал их,
А сама ему сказала:
"Ни о ком не помышляя,
На груди ношу я крестик,
В волосах ношу я ленту.
Не ищу привозных платьев,
Белых хлебов мне не нужно;
Я ношу простое платье,
Ем я чёрную краюшку;
Я сижу в отцовском доме
Вместе с матушкой родимой".
Мать девице отвечает,
Молодой старуха молвит:
"Перестань ты, дочка, плакать,
Не горюй, моя родная!
Целый год ты кушай масло:
Ты тогда красивой станешь;
На другой ты ешь свинину,
И еще статнее будешь;
А на третий – хлеб молочный,
И красавицею станешь.
На горе есть кладовая:
Там в прекрасном помещенье
К сундуку сундук поставлен
И шкатулка на шкатулку.
Ты открой сундук там лучший
И найдешь под пёстрой крышкой
Золотых шесть подпоясок,
Семь прекрасных синих платьев.
Мне дочь Месяца ткала их,
Солнца дочь их мне нашила.
В годы юности прошедшей,
В молодых летах, бывало,
Я в лесу рвала малину,
Там однажды увидала
Дочку Месяца за станом,
Дочку Солнышка за прялкой
На краю поляны ровной,
На опушке синей рощи.
Подошла я боязливо,
Подле них я тихо стала,
Начала просить смиренно:
Так я девам говорила:
"Девы Месяца и Солнца!
Дайте мне серебра и злата,
Дайте девочке-бедняжке,
Дайте бедному ребёнку!"
Серебра дала дочь Солнца,
А дочь Месяца мне злата.
Золотой кокошник вышел
И серебряный налобник,
Как цветок, домой пришла я,

В дом отца. вошла веселой.
День, другой я их носила,
А на третий поснимала,
Золотой сняла кокошник,
И серебряный налобник,
Унесла на горку в домик,
Спрятала под крышку в ящик;
Там лежат они доселе,
Я их больше не видала.
Ты надень из шёлку ленты
И из золота налобник,
Ты надень блестящий жемчуг,
Золотой на шею крестик,
Полотняную сорочку.
Шерстяное вынь ты платье
Из тончайшей мягкой шерсти,
Пояс шёлковый наденешь,
Там возьмёшь чулки из шёлку,
Башмаки из тонкой кожи.
Заплети получше косы,
Лентой шёлковой свяжи их;
Не забудь на пальцы кольца,
Золотые вынь запястья!
Вот тогда домой придешь ты,
В кладовой принарядившись,
И родителям на радость,
И родным всем на утеху.
Как цветочек, ты пройдешься,
Как малинка, по дорожке,
Станешь ты стройней, чем прежде,
И красивей несравненно".
Так ей матушка сказала,
Так промолвила девице.
Но она словам не внимлет,
И речей она не слышит.
Вышла быстрыми шагами,
По двору идёт, рыдает,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Что такое мысль блаженных,
Помышления счастливых?
Ведь не то ли мысль блаженных,
Помышления счастливых,
Что вода при колыханье,
Что волна воды в ведерке.
Что такое мысль печальных,
Помышленья бедной утки?
Ведь не то ли мысль печальных,
Помышленья бедной утки,
Что весенний свет в овражке,
Что вода в колодце темном.
Ах! как часто мысль девицы,
Дума девушки несчастной,
Боязливо полем ходят,

Пробирается лесочком,
По траве ползет тихонько,
По кустам, по мхам засохшим!
Дума та смолы чернее,
Дума та угля темнее.
Мне б гораздо лучше было,
Если б я не родилася,
Если б я не подрастала,
Не видала бы на свете
Дней печали и несчастья,
Если б я жила немного;
На шестую ночь скончалась,
На восьмую умерла бы;
Мне б тогда не много нужно:
Чуть холстины на рубашку
Да под дерном уголочек,
Мать поплакала б немножко,
А отец еще поменьше,
Брат совсем не стал бы плакать"
День, другой девица плачет.
Мать опять её спросила:
"Ты о чём, девица, плачешь,
Дочка бедная, горюешь?"
"Оттого, бедняжка, плачу,
Горевать всю жизнь я буду,
Что меня ты обещала,
Отдала ты дочь родную
Старику тому утехой,
Быть для старого защитой,
Быть для дряхлого опорой
Да в избе его охраной.
Лучше б дочь ты обещала
В глубину морей холодных,
Чтоб сизам была сестрицей
И подругой быстрым рыбам,
Лучше мне там в море плавать,
Проживать в волнах глубоких,
В море быть сизам сестрою
И подругой быстрым рыбам,
Чем быть старому защитой,
Старцу слабому подмогой;
Он о свой чулок споткнется,
Упадёт, чрез суку шагнувши".
Вот идёт она к постройке
И проходит в кладовую;
Там открыла лучший ящик,
И нашла под пёстрой крышкою
Золотых шесть подпоясок,
Синих семь прекрасных платьев.
Одевается богато,
Выбирает, что получше:
И подвески золотые,
И серебряный кокошник,
Синий выбрала налобник,

Ленту красную на қосу.
Шақ пошла она оттуда
По лугам и по полянам,
По болотам и равнинам,
По лесам прошла дремучим.
А сама поёт тихонько.
Проходя, она запела;
'Тяжелы мои печали,
И тоска на бедном сердце.
Пусть тоска сильнее будет,
Тяжелей печали станут,
Как скончаюсь я, бедняжка,
Шақ с мучением покончу,
С этой тягостной печалью.
Бесконечной, горькой скорбью!
Да, теперь настало время
Навсегда с землей проститься,
В Маналу пора сойти мне,
В Пуонелу пора спуститься.
Обо мне отец не плачет,
Мать родная не жалеет,
У сестры лицо не мокро,
И глаза у брата сухи,
Хоть уж в воду я спускаюсь,
В море к рыбам направляюсь,
В глубину пучины тёмной,
В тину, смешанную с илом'.
День она идёт, другой день,
Наконец, уже на третий
Достигает края моря,
Берегов, травой поросших.
Начинало уж смеркаться,
Небо тёмным становилось.
Шам проплакала весь вечер
И всю ночь протосковала,
На прибрежном сидя камне
У широкого залива;
Дождалась она рассвета,
Поглядела: там три девы
По волнам морским стремятся.
Айно легким, тихим шагом
Хочет к ним идти четвёртой,
Подойти к ним пятой веткой.
Быстро сбросила рубашку,
На осину скинув платье
И чулки свои на землю,
Бахмақи свои на камень,
На песок свой крупный жемчуг,
На прибрежный камень кольца.
Шам надтреснутый утёс был,
Он блестел в далёком море
И к нему плывет девица,
До скалы доплыть стремится.
Но едва туда ступила,

Отдохнуть присесть хотела
На растрескавшемся камне,
На скале, блестевшей в море,
Как упал вдруг в воду камень,
Та скала на дно морское,
А с тем камнем и девица,
С той огромной глыбой Айно.
Так та курочка упала,
Так погибла та бедняжка
И сказала, умирая,
С белым светом расставаясь:
"К морю я пошла купаться,
На волне морской качаться.
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная погибла.
Никогда, отец мой милый,
Никогда в течение жизни
Не лови в волнах здесь рыбы
На пространстве вод широких!
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда ты, мать родная,
Никогда в течение жизни
Не бери воды в заливе,
Чтоб месить для хлеба тесто!
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться:
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, мой брат любимый,
Никогда в течение жизни
Не пой коня ты в море
На песчаном этом месте!
Я пошла на берег мыться,
К морю я пошла купаться;
Вот я, курочка, упала,
Птичка бедная, погибла.
Никогда, моя сестрица,
Никогда в течение жизни
Ты не мой лицо здесь в море,
Не мочи водою здешней.
Ведь все волны в этом море -
Только кровь из жил девицы;
Ведь все рыбы в этом море -
Тело девушки погибшей;
Здесь по берегу кустарник -
Это косточки девицы,
А прибрежные здесь травы
Из моих волос все будут".
Так та девушка скончалась,
Так та курочка исчезла...
Кто бы взялся молвить слово,

Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
Не медведь то слово скажет
И возьмётся весть доставить!
Он доставить весть не может;
На коров он нападает.
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
И не волк то слово скажет
И возьмётся весть доставить!
Он доставить весть не может:
На овец он нападает.
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы!
Не лиса то слово скажет
И возьмётся весть доставить!
Весть лиса подать не может:
Лишь гусей подстерегает,
Кто бы взялся молвить слово,
Кто бы взялся весть доставить
В дом красавицы прекрасный,
На родимый двор девицы?
Это заяц слово молвит
И возьмётся весть доставить!
Заяц так и отвечает:
«Да, за храбрый речь не станет».
Вот бежит, несётся заяц,
Поспешает длинноухий,
Скоро скачет кривоногий,
Быстро мчится қосоротый
К дому славному девицы,
Ко двору её родному.
Подбежал он быстро к бане
У порога приютился.
А в той бане все девицы,
И в руке у каждой веник,
«Что, қосой, в котёл собрался?
Лупоглазый, не попался ль
Ты хозяину на ужин,
А хозяйошке на завтрак,
Милой дочке на закуску,
На обед хороший сыну!»
Но ответил заяц девам,
Молвил громко пучеглазый:
«Пусть сюда приходит Лемпо,
Пусть себе в котле варится?
Я пришёл, чтоб вам поведать
Чтоб сказать такое словом
Ведь красавица погибла

С оловянным украшеньем
И с серебряной застежкой,
С пояском, обшитым медью.
Погрузилась в волны моря,
В глубину морей обширных,
Чтоб сизам там быть сестрою
И подругой быстрым рыбам".
Мать тогда по милой дочке,
По исчезнувшей девице
Горько, горько зарыдала,
Говорит слова такие:
"Матери! Вы не качайте
Никуда в течение жизни
В колыбели ваших дочек,
Не воспитывайте деток,
Чтоб насильно выдать замуж,
Как бедняжка, я качала
В колыбели мою дочку,
Дорогого мне цыпленка!"
Мать заплакала, а слезы,
Слезы горькие сбегают
Из очей старухи синих
На страдальческие щеки.
Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От щеки ее опавшей
До груди, дышавшей тяжко.
Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От груди, дышавшей тяжко,
На подол нарядный платья.
Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От краев нарядных платья
На чулок с прошивкой красной.
Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
От чулка с прошивкой красной
На башмак, что вышит золотом.
Слезы льются, слезы каплют,
Слезы горькие стремятся
С башмака, что вышит золотом,
Прямо под ноги старухи.
Слезы в землю – ей на благо,
В воду – и воде на благо.
Как стекли они на землю,
При ручья образовали;
Потекли тремя реками
Слез печали материнской,
Из очей они бежали,
От висков они стремились.
На реке такой, на каждой,
Водопады огневые,
А средь пены водопадов

Три скалы там поднялися,
На верху скалы на каждой
Золотой поднялся холмик;
На верху холма на каждом
Вырастало по березке;
На березках тех сидели
Золотые три кукушки.
Все три вместе куковали:
Тя «любовь! любовь!» кукует,
Тя «жених! жених!» покличет,
Претья кличет: «радость! радость!»
Что «любовь! любовь!» кукует,
Тя три месяца все кличет
Той девице, что погибла
Без любви в волнах глубоких,
Что «жених! жених!» кукует,
Тя шесть месяцев все кличет
Жениху тому, который
В одиночестве остался.
А что кличет «радость, радость!»,
Тя всю жизнь кукушка кличет,
Кличет матери несчастной,
Что все дни в слезах проводит,
И сказала мать сквозь слезы,
Услышавши клич кукушки:
"Мать несчастная не слушай
Слишком долго клич кукушки.
Как раздастся клич кукушки.
Сердце горестно забьется,
На глаза выйдут слезы,
По щекам вода струится,
Как горох, бегут те капли,
Как бобы, идут большие;
Становлюсь на локоть старше,
Делаюсь на четверть ниже,
Тело всё моё трепещет,
Лишь услышу клич кукушки".

Руна пятая

1. Вяйнямйнен идет к морю, чтобы поймать сестру Ёукахайнена, и ловит её, превращаясь в рыбу, на удочку.
2. Он пытается разрезать ее на куски, но рыба выскользывает из рук в море и объясняет, кто она такая.
3. Напрасно старается Вяйнямйнен словами и сетями поймать рыбу снова.
4. Огорченный, возвращается он домой и получает от своей матери совет идти свататься за дочь Похьёлы.

Вот домой доходят вести,
Вот дошел рассказ печальный
О гибели девицы,
О кончине юной девы.

Старый, верный Вяйнямейнен.
Все узнавши, стал унылым,
Плакал вечер, плакал утро,
Ночи целые проплакал
О красавице погибшей,
О девице, утонувшей
В волнах вод широкошумных,
В темноте морей глубоких,
Вот со вздохами, с заботой,
Он пошел с тяжелым сердцем
К морю синему на берег,
Говорит слова такие:
"Спящий Унтамо, скажи мне,
Сны свои открой, ленивец:
Где живут родные Ахто,
Девы Велламо таятся?"
Спящий Унтамо ответил,
Сны свои открыл ленивец:
"Вот родные где у Ахто,
Девы Велламо таятся:
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке,
В темноте морей глубоких,
В тине илистой и черной.
Там живут родные Ахто,
Девы Велламо таятся,
Там сидят в каморке узкой
Посреди избушки тесной,
Под скалою полосатой
И под выступом утёса".
Вышел старый Вяйнямейнен,
Стал на лодочную пристань,
Взял он удочку тихонько,
Осмотрел он тихо леску,
Положил в мешочки крючочки
И уду в карман запрятал.
Вот грести он сильно начал,
Лодку к острову направил,
На мысок туманный вышел,
Мглою скрытый островочек,
Приготовился к ужению,
Леску длинную расправил,
Повернул уду рукою.
Вот крючок закинул в воду,
Стал удить, таща за леску;
Медь удилица дрожала,
Серебро шуршало в леске,
И в шнурке шумело золото.
Рассветать на небе стало,
Зорька утренняя вышла,
За крючок схватилась рыбка,
За крючок железный – семга.
Тащит он ту семгу в лодку
И на дно кладет тихонько.

Пристально глядит на рыбку,
Говорит слова такие:
"Удивительная рыбка!
Никогда таких не видел,
Сиг столь гладким не бывает,
Не пестреет так пеструшка,
Щука – та не столь седая,
Чешуи у самки меньше,
У самца же ее побольше.
Девушки повязки носят,
А русалки носят пояс,
А у курочки есть уши;
Эта ж рыба – точно семга,
Точно окунь вод глубоких".
Был на поясе у старца
Нож в серебряной оправе.
Нож он с пояса снимает,
Вынул нож из светлых ножен,
Распластать он хочет рыбку
И разрезать эту семгу,
Из нее чтоб сделать завтрак,
Закусить пораньше ею,
На обед себе приготовить
И оставить часть на ужин.
Вот пластать он хочет рыбку
И брюшко пороть ей начал:
Вдруг из рук скользнула семга,
В море бросилась рыбка,
С края лодки красноватой,
Из ладьи широкой Вяйнё.
Подняла из волн головку,
Правым боком показала
На волне морской, на пятой,
При шестом станке у сети.
Правой ручкой потянулась
И сверкнула левой ножкой
На седьмой полоске моря,
На валу зыбей девятом.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Ой ты, старый Вяйнямёйнен!
Не затем я вышла в море,
Чтоб меня, как семгу, резал,
Чтоб распластывал, как рыбку,
Из меня готовил завтрак,
Закусил пораньше мною,
На обед себе приготовил
И оставил часть на ужин".
Молвил старый Вяйнямёйнен:
«Так зачем ты вышла в море?» -
"Для того я вышла в море,
Чтобы курочкой спокойной
На руках твоих садиться,
Быть всю жизнь твоей женою,

Чтоб тебе постель готовить,
На постель взбивать подушку,
Убирать твоё жилище,
Подметать полы в покроях;
Чтоб дрова носить в избушку,
Раздуть большое пламя,
Печь тебе большие хлебы
Да медовые лепешки,
Подносить и кружку пива,
Угощать тебя чем хочешь.
Я совсем не семга моря
И не окунь вод глубоких;
Я девица молодая,
Ёукахайнена сестрица;
Ты меня искал так долго
И желал в течение жизни.
Ох, старик ты неумелый,
Вяйнямейнен безрассудный!
Не сумел меня поймать ты,
Деву Велламо, русалку,
Дочь единственную Ахто".
/TD> Молвил старый Вяйнямейнен,
Молвил грустный и унылый:
"Ёукахайнена сестра ты?
О, вернись ко мне скорее!"
Не придет она обратно
Никогда в течение жизни.
Быстро в волны погрузилась.
Сразу в море опустилась
Вниз, к камням полосатым
И к расщелинам гранитным.
Старый, верный Вяйнямейнен
Поразмыслил и подумал:
Как же быть и что же делать?
Потащил свои он сети
Из конца в конец через волны;
Через бухты, через заливы,
По воде спокойной тащит,
Щащит через лососьи рифы,
Через Вяйнёлы потоки.
Через рифы Калевалы,
По бездонным черным безднам,
Беспросветным глубям моря,
Ёуколы прозрачным рекам,
Через лапландские заливы.
Много всяких рыб поймал он;
Но из рыб, живущих в море,
Не поймал он милой рыбки,
Шой, о кой он только думал,
Что у Велламо русалкой,
Что у Ахто всех прекрасней.
Шут-то старый Вяйнямейнен
Головой пони́к печально,
Шапка на сторону сбилась;

Сам сказал слова такие:
"О я, глупый и безумный!
Человек я без рассудка!
Был мне дан и ум здоровый,
И рассудок был дарован,
И отзывчивое сердце.
Прежде я имел все это,
А теперь уж всё исчезло
В хилой старости печальной
И в упадке сил бывалых;
Мой рассудок точно умер,
Прозорливость отлетела,
Стал я вовсе бестолковым.
Пу, к которой я стремился
И искал в течение жизни,
Пу у Велламо русалку,
Дочь волны широкошумной,
Чтоб иметь подругой жизни,
На всю жизнь моей супругой,-
В море удочкой поймал я
И втащил на лодку быстро;
Но её не удержал я,
Не принёс в моё жилище,
Упустил обратно в море,
В глуби тёмные морские!"
И пошёл он по дороге,
Озабоченно вздыхая,
Шёл домой прямой дорогой,
Говорил слова такие:
"Пели некогда кукушки,
Мне кукушки пели радость,
Рано утром, поздно на ночь
И один раз в час полудня.
Что испортило их голос,
Как погиб, напев чудесный?
Грустью голос их надорван,
Унесло его унынье.
Не слышать его призыва,
И, когда заходит солнце,
Нет вечерней мне отрады;
Не слышать кукушки утром.
Не могу совсем понять я,
Как мне быть и что мне делать?
Как прожить мне в этом мире,
Как скитаться в здешнем крае?
Если б мать в живых осталась,
На земле жила б родная,
Мне тогда б она сказала,
Что теперь с собой мне делать,
Чтоб печали не поддаваться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни мои плохие,
Время горести жестокой!"
Мать в могиле пробудилась,

Из воды в ответ сказала:
"Мать твоя не умирала,
Так же бодрствует родная
И тебе ответит ясно,
Что теперь ты должен делать,
Чтоб печали не поддаваться,
Не погибнуть от унынья
В эти дни твои плохие,
Время горести жестокой:
В Похьёле девиц немало!
Есть там девушки получше,
Вдвое лучше и красивей,
В пять и в шесть раз веселее
Этих Ёуколы бездельниц,
Этих медленных лапландок,
Шам, мой сын, возьми жену ты,
Похьёлы красотку деву,
Пу, что обликом прелестна,
Пу, что стан имеет стройный,
У которой ноги быстры,
У которой гибко тело".

Руна шестая

1. Ёукахайнен затаил злобу на Вяйнямейнена и подстерегает его по дороге в Похьёлу.
2. Он видит, как Вяйнямейнен верхом на лошади переправляется через реку, и стреляет в него из лука, но попадает в лошадь.
3. Вяйнямейнен падает в воду; сильный ветер уносит его в открытое море, и Ёукахайнен торжествует, думая, что Вяйнямейнен поёт свою последнюю песню.

Старый, верный Вяйнямейнен
Приготовился к отъезду
В те холодные селенья,
В Похьёлу, в страну тумана.
Мастью конь его похож был
На горох или на солому.
На коня надел уздечку,
Недоуздок он накиннул,
На спине коня уселся
И от дома отъезжает.
Гонит сильно по дороге,
Проезжает путь поспешно
На коне, что на солому
Иль горох походит мастью.
Полям Вяйнёлы несётся,
По полянам Калевалы,
На коне он быстро скачет
От родной земли всё дальше,
По хребту морскому едет,
По равнине вод открытых,
У коня копыта сухи,
На ногах не видно влаги.

Молодой же Еукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
До сих пор был всё озлоблен,
Уж давно питал он зависть
К Вяйнямёйнену седому,
К вещим старца песнопеньям.
Лук он огненный устроил,
Выгиб сделал в украшеньях;
Лук он сделал из железа,
Выгиб он отлил из меди,
Золотом его украсил,
Серебра туда прибавил.
Где же он возьмёт верёвку,
Где он тетиву разыщет?
Жилы лося взял у Хийси,
Взял он нитку льна у Лемпо.
Вот готов был выгиб лука,
И концы его готовы.
Был тот лук на вид прекрасен,
Должен был немало стоить,
Наверху конёк поставлен,
По бокам бежит жеребчик,
Медвежонок спит на сгибе,
На зарубке дремлет зайчик,
Он вырезывает стрелы,
Прижды стрелы оперяет.
Из железа точит стержень,
Из смолистых веток – кончик,
Стрелы вырезал искусно –
И тогда их оперяет
Понким перышком касатки,
Воробьиными крылами.
Закалил он эти стрелы,
А потом концы намазал
Ядовитым чёрным соком,
Что нашел в крови змеиной.
Так готовы были стрелы.
Натянул свой лук упругий,
Вяйнямёйнена всё ждал он,
Всё стерёг он друга моря.
Утром, вечером сидит он,
Стережёт и в час полудня.
Вяйнямёйнена всё ждёт он,
Ждёт без усталости неделю,
Поджидает под окошком,
Стережёт в углу забора,
Слушает в конце дороги
И высматривает в поле;
За спиной колчан повешен,
А в руках тот лук прекрасный.
Вот стеречь он дальше вышел,
От другого дома смотрит:
С края огненного мыса,
От излучины залива,

С водопада огневого,
От святой реки кипящей.
Наконец, однажды утром,
Он свои направил взоры
И на север, и на запад.
Повернул лицо он к солнцу
Что-то чёрное заметил,
Что-то синее на море:
"Что не облако ль с востока,
Не заря ли ранним утром?"
"Что не облако с востока,
Не заря то ранним утром -
Это старьёй Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец.
В Похьёлу свой путь держал он,
В Пиментолу направлялся,
На коне, что на солому
Иль горох похож был мастью.
Лук схватил тут Ёукахайнен,
Юноша дрянной лапландский,
Он схватил, пылая гневом,
И направил лук прекрасный
Вяйнямёйнену на гибель,
Чтобы моря друг скончался.
Мать его тогда спросила,
Седовласая старушка:
"Для кого ты лук устроил,
Обложил его железом?"
"Так ответил Ёукахайнен
И сказал слова такие:
"Вот зачем я лук устроил,
Обложил его железом:
Вяйнямёйнену на гибель,
Чтобы моря друг скончался.
Вяйнямёйнена сразу я,
Песнопевца Калевалы,
В сердце самое и в печень
И в лопатку я ударю".
Но стрелять не позволяет,
Запрещает мать-старушка:
"Вяйнямёйнена не трогай,
Песнопевца Калевалы.
Рода славного тот Вяйнё,
Мне по шурина племянник,
Вяйнямёйнена застрелишь,
Песнопевца Калевалы,
Вмиг исчезнет в мире радость,
На земле погибнет песня;
Здесь на свете лучше радость,
На земле приятней песня,
Чем в полях подземных, тёмных,
В мрачном Плуонелы жилище?"
Всё же юный Ёукахайнен
Приздумался немного,

На минуту он сдержался;
Бить одна рука велела,
Бить нещадно заставляла,
А противилась другая.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Пусть погибнет в мире радость,
Пусть исчезнут в мире песни,
Я стреляю без раздумья,
Я стреляю без боязни".
Лук свой, огненный направил,
На колене левом держит
В медь обитое оружье:
Стал на правое колено.
Взял стрелу он из колчана,
Оперенную он вынул;
Выбрал ту, что всех покрепче,
У которой стержень лучше;
К луку он её приладил,
На льняную клал он нитку.
Лук свой огненный приподнял,
К правому плечу приставил,
Приготовился стрелять он,
В Вяйнямёйнена направил,
Говорит слова такие:
"Мчись ты, кончик из березы..
Будь прямой, сосновый стержень,
И скользи, льняная нитка;
Коль рука нацелит низко,
Пусть стрела идет повыше;
Коль нацелит слишком кверху,
Пусть стрела помчится ниже".
Наконец за спуск он дёрнул
Первую стрелу пустил он;
Высоко стрела взлетела,
Через голову на небо,
В облака расцветки пёстрой
И в нахмуренные тучи.
Не печалась, он стреляет;
Вот пустил стрелу вторую
Полетела слишком низко
Глубоко воткнулась в землю,
В Манале быть захотела, -
Разнести там холм песчаный.
Потчас он пускает третью;
Та попала прямо в печень
Вяйнямёйнена оленя,
В быстрого коня вонзилась,
Что своей похож был мастью
На горох или на солому,
Через мясо у подмышки,
Через левую лопатку.
И упал тут Вяйнямёйнен
Прямо пальцами во влагу,

Пал руками в волны моря,
Он свалился прямо в пену
Со спины лосиной синей,
С своего коня на волны.
Поднялся ужасный ветер;
В море сильное волнение:
Понесло оттуда старца,
От земли его отбило
На просторы вод широких,
На открытое течение.
Начал хвастать Ёукахайнен,
Так он громко восклицает:
"О ты, старый Вяйнямёйнен!
Никогда в течение жизни,
Никогда ты не увидишь
Света месяца золотого,
Вяйнёлы полей широких
И просторы Калевалы!
Шесть ты лет по морю плавай,
На волнах семь лет качайся,
Восемь лет метаться будешь
На пространстве вод широких,
По открытому течению:
Как сосна на море, шесть лет,
И как ель на волнах, семь лет,
Восемь лет, как пеня древесный!
Вот в избу он воротился.
Мать его в избе спросила:
"Неужель сразил ты Вяйнё?
Сына Калевы убил ты?"
Молвил юный Ёукахайнен,
Дал в ответ такое слово:
"Вяйнямёйнена сразил я,
Сына Калевы убил я.
Пусть он море расчищает,
Пусть метёт проворно воды.
В волны илистого моря,
В мутные его потоки
Старый пальцами упёрся.
Он упал на море локтем
И склонился прежде набок,
А потом спиной улёгся,
По морским волнам понёсся,
По морской поплыл пучине".
Мать тогда сказала слово:
"Ты, несчастный, дурно сделал,
Что сразил ты старца Вяйнё,
Сына Калевы убил ты,
Сувантолы песнопевца,
Калевалы украшение".

1. Вяйнямейнен много дней плавал в открытом море; его встречает орел и, благодарный ему за то, что Вяйнямейнен оставил для него при корчевании леса нетронутую берёзу, берёт его на свою спину и доставляет на берег Похъёлы, откуда хозяйка Похъёлы берёт его к себе домой и принимает хорошо.

2. Однако Вяйнямейнен скучает по родным местам, и хозяйка Похъёлы обещает не только отправить его туда, но и отдать ему в жены дочь, если он выкует Сампо для Похъёлы.

3. Вяйнямейнен обещает по возвращении домой прислать кузнеца Ильмаринена, чтобы тот выковал Сампо, и получает от хозяйки Похъёлы сани и лошадь для возвращения домой.

Старый, верный Вяйнямейнен
По волнам плывёт глубоким,
Словно ветвь сосны блуждает,
Словно тощий сук от ели,
Шесть он летних дней несётся,
Шесть ночей без перерыва;
Перед ним морская влага,
А над ним сияет небо,
И хвостом метёт он волны,
Клювом в скалы ударяет.
Полетел, остановился,
Посмотрел он, оглянулся,
Вяйнямейнена увидел
На волнах морей синевших:
"Отчего ты, муж, на море,
Богатырь, на синих волнах?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Вот зачем я, муж, на море,
Богатырь, на синих волнах:
Шёл я Похъёлы девицу,
Деву Пиментолы сватать.
Быстро мчался я по морю
Вдоль морской равнины славной
До тех пор, пока однажды,
В час восхода, ранним утром,
В Луотолу на берег прибыл,
В Ёуколу морским теченьем.
Шам мой конь свалился мертвым,
А меня сразить хотели.
Я упал тогда на волны,
В воду пальцами упёрся,
Чтоб меня мотала буря.
Чтобы волны колыхали.
И подул с востока ветер,
Буря с севера, с заката,
Отнесла меня от суши
На пространство вод далёких.
Много дней я так качался
И ночей проплавал много
На пространстве вод обширных
По открытому теченью.
Не могу никак придумать,
Не могу понять, постигнуть,
Как мне жизнь придётся кончить,

Что со мною раньше будет;
Или с голоду погибну,
Иль в воде здесь утону я".
Отвечал орёл небесный:
"Ты нисколько не печалься!
На спине моей усядься,
У хвоста, у самой кости,
Унесу тебя из моря,
Унесу куда захочешь.
Хорошо тот день я помню,
Помню доброе то время:
Жёг у Калевы ты рощу,
Дерева сжигал у Осмо,
Пощадил тогда березу,
Стройный ствол оставил,
Чтобы птицы отдычали,
Чтоб я сам на ней садился".
Пут-то старый Вяйнямейнен
По волнам поплыл поспешно;
Из воды он смело вышел,
Богатырь из волн поднялся,
На крыло к орлу уселся,
У хвоста, у самой кости.
Вот несёт орел небесный
Вяйнямейнена седого,
Он несёт его по ветру,
По пути ветров весенних,
К дальним севера границам,
К той суровой Сариоле;
Вяйнямейнена спускает,
Сам шумит уже по ветру.
И заплакал Вяйнямейнен,
Плачет, жалобно горюет
На краю морей широких,
Шам на мысе незнакомом.
На боку сто ран имел он,
Ветра тысячу ударов,
Борода поистрепалась,
Волосы висят клоками.
Две и три проплакал ночи,
Дней проплакал ровно столько ж,
Но не мог найти дороги,
Хоть какой-нибудь тропинки,
Чтоб на родину вернуться,
На родимую сторонку,
В ту страну, где он родился,
Где он прежде жил спокойно.
Как-то Похьёлы служанка,
Белокура, невеличка,
Об заклад побилась с солнцем,
Чтобы с месяцем и солнцем
Просытаться, вместе с ними;
Поднялась гораздо раньше,
Раньше месяца и солнца;

Пётухи еще не пели
И цыплята не кричали.
Пять овец она остригла,
Шесть ягнят остригла лучших
Соткала сукна из шерсти,
Шерсти выбрала на платье
Перед утренним рассветом,
Раньше, чем поднялось солнце.
Вот столы она помыла,
Пол дощатый подметает
Чистым веником ветвистым,
Многолистной метлою,
Сор на медную лопатку
В кучу быстро собирает
И выносит сор наружу,
Из дверей выносит к пашне
К краю пахотного поля,
За плетень бросает в угол;
И стоит там возле сора,
Слышит что-то, обернулась,
Слышит, с моря плач несётся
И от берега стенанье.
В дом к себе она уходит,
Быстро в горницу проходит
И, когда вошла, сказала,
Слово молвила такое:
"Я слышала плач на море
И от берега стенанье".
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Потчас из дому выходит,
Подошла к қалитке быстро,
Плач услышала далёкий,
Говорит слова такие:
"Так нигде не плачут дети,
Так и женщины не стонут,
Плачут так одни герои,
Бородатые мужчины".
Вот толкнула в воду лодку,
Прехдощатую на волны,
И сама гребёт поспешно,
С быстротой туда стремится,
Где был старьй Вяйнямёйнен,
Богатырь, қоторьй плакал.
Горько плачет Вяйнямёйнен,
И скорбит Увантолайнен,
В ивяке плохом он плачет
Посреди густой қрушины,
Борода и рот трясутся,
Но уста его закрыты.
Молвит Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Ах, старик ты бедный, жалкий!
Ты попал в чужую землю!"

Старый, верный Вяйнямейнен
Поднял голову высоко
Говорит слова такие;
"Сам доволен это знаю,
Что попал в чужую землю,
В незнакомые пределы;
Я на родине был знатен,
Дома был в великой славе".
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"От тебя б я знать хотела,
И, позволь, тебя спрошу я:
Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие;
"Назывался я доселе
И досель всегда считался
Радостью родного края
И певцом в родных долинах,
В долах Вяйнёле широких,
На полянах Калевалы.
А теперь в моём несчастье
Сам себя не узнаю я.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Так из сырости ты выйди
И пройди ко мне тропинкой,
Расскажи своё несчастье
И судьбу свою поведай".
Вот его из места плача
И из места злой кручины
Лоухи в лодку принимает,
На конец ладьи сажает
И сама гребет старуха,
Направляет Лоухи лодку,
Прямо в Похьёлу стремится,
В дом свой гостя доставляет.
Шам голодного кормила,
Платье мокрое сушила
И неделю растирала,
Растирала, согревала;
Старец выздоровел скоро,
Стал герой опять здоровый.
Начала расспросы Лоухи,
Говорит слова такие:
"Отчего так, Вяйнямейнен,
Плакал ты, Увантолайнен,
В этой местности угрюмой,
На краю большого моря?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Есть для слёз моих причина,
Есть для слез и для рыданья.

Я ведь долго в море плавал,
И меня там били волны
На пространстве вод широких,
По открытому теченью.
Оттого так долго плачу
И, пока я жив, страдаю,
Что я родину оставил,
Из знакомых мне пределов
Прохожу в чужие двери
В незнакомые ворота,
Тяжела мне здесь берёза,
И ольха меня здесь режет,
Здесь деревья точно ранят,
Ветка каждая дерётся.
Только ветер – мой знакомый,
Только солнце – друг мой прежний
Здесь, в пределах чужеземных
У дверей, мне незнакомых.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Ты не плачь, о Вяйнямёйнен
Не горюй, Увантолайнен:
Хорошо б тебе остаться,
Проводить бы здесь всё время
Есть бы сёмгу на тарелке,
Есть бы также и свинину"
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
"Не прошу чужой я пищи,
На чужбине самой лучшей;
Всего лучше людям дома,
Каждому там больше чести.
Ниспошли, о боже добрый,
Дай, творец, любовью полный,
Вновь домой мне возвратиться,
Вновь на родину вернуться!
Лучше лаптем воду черпать
У себя, в родной сторонке,
Чем в стране чужой, далёкой
Мёд – сосудом драгоценным".
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Что ты дать мне обещаешь,
Если я тебя доставлю
На родимую сторонку,
Довезу до самой бани?"
Молвил старый Вяйнямёйнен;
"А чего бы ты хотела,
Если ты меня доставишь
На родимую сторонку,
Чтобы слышать клич кукушки,
Услышать там птицы пенье,
Шапку золота ты хочешь?
Серебра ль возьмешь ты шапку?"

Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"О ты, мудрый Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец!
Я на золото не падка,
В серебре я не нуждаюсь:
Золото – цветочки детям,
Серебро – коней убранство;
Сможешь ли скватать ты Сампо,
Крышку пёструю устроить,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе?
Так ты девушку получишь,
Дочь мою, себе в награду.
И домой тебя доставлю,
Чтоб ты слушал там кукушку,
Чтоб ты слушал птички пенье
На полях родного края".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
"Не могу скватать я Сампо,
Крышку пёструю украсить,
Но, когда домой приеду,
Ильмаринена пришлю я:
Пусть тебе скует он Сампо,
Крышку пёструю устроит,
Пусть он дочь твою получит,
Пусть её составит счастье.
Он – кузнец, и первый в мире,
Первый мастер он в искусстве.
Ведь он выковал уж небо,
Крышу воздуха сквал он,
Так, что нет следов окровки
И следов клещей не видно".
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Дочь мою тому отдам я,
Лишь тому я обещаю,
Кто скватать мне может Сампо,
Крышку пёструю украсить,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных
Вместе с шерстью от овечки
И с зерном ячменным вместе".
Вот взнуздала жеребёнка,
Запрягла гнедого в сани,
Вяйнямёйнена сажает,
Посадила старца в сани,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Головы не поднимай ты,
Не поглядывай на небо,

Конь покуда не устанет,
Не приблизится уж вечер.
Если голову поднимешь
И на небо поглядишь ты,
Что тебя беда постигнет
И судьба постигнет злая".
Вот ударил Вяйнямейнен
По коню и быстро мчитя,
Опустил свободно вожжи,
Шумно едет по дороге,
Из той Похьёлы туманной,
Из суровой Сариолы.

Руна восьмая

1. По дороге Вяйнямейнен видит красиво одетую девушку Похьёлы и просит её стать его женой.
2. Девушка в конце концов соглашается исполнить его желание, если он сделает лодку из кусков веретена и спустит её на воду, совсем к ней не прикасаясь.
3. Вяйнямейнен начинает стругать, топором разрубает себе колено и никак не может остановить кровотечение.
4. Он отправляется искать человека, который знает способ заговаривать кровь, и находит старика, который обещает остановить кровотечение.

Мрачной Похьёлы красотка,
Красота земля и моря,
На дуге сидит воздушной,
На изгибе круглом неба,
В платье чистое одета,
В одеянье белой ткани;
Ткет одежду золотую,
Серебром всю украшает,
Золотой челнок проводит
По серебряному берду,
И челнок жужжа, стремится,
Быстро бегают катушка,
Быстро движется основа
И серебряное бердо
При тканье прекрасной девы,
Серебром прилежно ткавшей.
Старый, верный Вяйнямейнен
Шумно едет по дороге
Из той Похьёлы туманной,
Из суровой Сариолы.
Недалеко он отъехал,
Он промчался лишь немного,
Слышит: вот челнок по берду
Зажужжал над головою.
Старец голову приподнял
И взглянул тогда на небо:
Вот стоит дуга на небе,
На дуге сидит девица,

Шкёт одежду золотую,
Серебром всю украшает.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Останавливает лошадь,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Ты сойди, девица, в сани,
Ты садись со мною рядом".
И ответ дала девица,
Шақ сказала и спросила:
"Что же я на этих санках,
«Что, девица, буду делать?»
Старый, верный Вяйнямёйнен
Шақ на это отвечает:
"Ты затем сойди, девица,
Ты затем садись на сани,
"Чтобы с мёдом печь мне хлебы.
Будешь пиво мне готовить,
На скамье поёшь приятно,
У окна ты развлечёшься,
В крае Вяйнёлы, на поле,
По подворьям Калевалы".
Но девица отвечает,
Говорит слова такие:
"Я пошла на луг цветистый,
На желтеющее поле
Вечерком вчера пошла я,
Как уж солнце закатилось.
Вдруг я слышу пенье птички.
Слышу – дрозд поёт на ветке,
И поет девицы думы,
Размышления невесты.
Я сказала доброй птичке,
У неё я так спросила:
"Ты скажи мне, милый дроздик,
Спой, чтоб было мне понятно,
"Как на свете жить приятней,
Как прожить на свете лучше:
У отца ли жить девицей
Или с мужем жить женою?"
Отвечает так синица,
Дрозд на ветке так щебечет:
"Летом дни теплы и ясны,
Но теплее жить девице;
Холодно зимой железо,
Холодней жене живется;
Дома девушка на воле-
Точно ягодка на поле,
А жена при муже – точно
На цепи сидит собака.
Редко раб увидит ласку,
Но жена совсем не видит".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:

"Шо пустое птичьё пенъё,
И дрозда напевы глупы:
Вечно девушка – ребёнок,
Шолько жён лишь уважают.
Шы сойди, девица, в сани,
Шы садись со мною рядом;
Я ведь – муж незаурядный,
Богатырь, других не хуже!"
Молвит девушка разумно,
Говорит слова такие:
Я тебя сочту героем
И тогда признаю мужем,
Если ты разрежешь волос,
Но чтоб нож без острия был,
Если ты яйцо завяжешь-
Но чтоб узел не был виден". -
Старый, верный Вяйнямейнен
Волос тотчас разрезает,
Но ножом ненавостренным,
Лезвия совсем лишённым;
Завязал яйцо он в узел,
И тот узел не был виден.
Просит сесть девицу в сани,
Просит он занять сиденье.
Молвит девушка разумно:
"Я к тебе усядусь в сани,
Если ты обточишь камень,
Изю льда жердинки срежешь,
Чтоб не сътались кусочки,
Чтоб пылинка не слетела".
Старый, верный Вяйнямейнен
Не задумался нисколько.
Обточил он быстро камень,
Изю льда жердинки сделал,
И не сътались кусочки,
И пылинка не слетела.
Вновь зовет он деву в сани,
Вновь девицу на сиденье.
Молвит девушка разумно,
Говорит слова такие:
"За того я замуж выйду,
Кто мне выстругает лодку
Из обломков веретёнца.
Из кусков моей катушки;
Пустит на воду ту лодку,
Новый челночок на волны,
Не толкнув её коленом,
Не дотронувшись ладонью,
Не вертя притом рукою
И не расправляя плечи".
Молвил старый Вяйнямейнен
Говорил слова такие:
"Никого здесь не найдётся,
Под небесной этой кровлей,

Кто, как я, построит лодку,
Кто так выстругать сумеет".
Взял обломки веретёнца,
Взял кусочки от катушки
И спешит построить лодку,
Сто досок соединяет
На горе стальной, огромной,
На скале её железной.
Он выстругивает лодку
И работает прилежно.
День работает, другой день,
Уж работает и третий,
Шопором не колет камень,
Лезвием скалу не рубит.
Вот на третьи сутки Хийси
Вдруг хватает топориче,
Лезвие хватает Лемпо,
Шопоричу придал силы,
И топор к скале стремится;
Лезвие несётся к камню;
Отскочил топор от камня,
Лезвие вонзилось в тело,
Мужу бедному в колено,
В палец на ноге у Вяйнё;
Лемпо режет старцу тело,
Жилы Хийси разрывает,
Кровь, тут хлынула потоком,
Потекла со всею силой.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Ты, топор остроконечный
С лезвием железным, гладким!
Мнил ты, что рубил деревья,
Воевал с косматой елью,
Направлялся к диким соснам,
Враждовал с берёзой белой,
В миг, когда в меня вонзился,
Разрубил живые жилы".
Начал старец заклинанья,
Говорит и вспоминает
Зол земных происхождение;
Вспомнил каждое он слово.
Одного не вспомнил только:
Заклинаний о железе,
Чтоб на них повязку сделать,
Чтоб замок из них устроить
На тяжёлые порезы,
На синеющие раны.
Вот ручьями кровь сбегает,
Как поток, стремится шумно
Покрывает стебли ягод.
Залила траву в полянах,

Не осталось ни травинки-
Всё покрыто было кровью,
Всё залил поток мозучий;
Он сбегал, бушуя грозно,
С богатырского колена,
С пальца на ноге у Вяйнё.
Старый, верный Вяйнямейнен
Лишай сдирает с камня,
Мох собирает на болоте,
На земле срывает травы,
Чтоб закрыть отверстие злое,
Запереть большую рану;
Но ничто не помогает,
Кровь по-прежнему струится.
Удрученный тяжкой болью
Он еще сильнее страдает.
Старый, верный Вяйнямейнен
Начинает горько плакать,
Заложил коня поспешно
И запряг гнедого в сани,
Сам на них с трудом поднялся,
Поместился на сиденье.
Вот кнутом коня ударил,
Вот стегнул хлыстом хорошим -
Бодро конь бежит оттуда,
Путь становится всё меньше:
Подъезжает он к деревне,
Там он видит три дороги.
Старый, верный Вяйнямейнен
Едет нижней дорогой,
Стал у нижнего строения,
У порога стоя, молвил:
"Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Узнавать бы мог болезни,
Исцелил герою рану?"
На полу сидел малютка,
У печи сидел ребёнок,
Дал в ответ слова такие:
"Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Мог бы боль унять героя,
Положить конец страданью,
Исцелить герою рану.
Загляни в жильё другое,
Поезжай к другому дому!"
Старый, верный Вяйнямейнен
Вновь коня кнутом ударил,
Быстро едет по дороге;
Проезжает недалеко,
Едет средней дорогой,
Стал у среднего строения,
У порога стоя, молвил
И спросил перед окошком:

"Не найдется ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Удержал бы реку крови,
Положил конец потоку?"
Шам уккрытая старушка
Перед печкою лежала
И ответила охотно,
Постучав тремя зубами:
"Никого нет в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Крови знал происхождение,
Успокаивал бы боли.
Загляни в жилье другое,
Поезжай к другому дому!"
Старый, верный Вяйнямейнен
Вновь коня хлыстом ударил,
Быстро мчится по дороге,
Проезжает недалеко,
Едет верхнюю дорогой,
Стал у верхнего строения;
У порога стоя, молвил
И сказал он под навесом:
"Не найдётся ль в этом доме,
Кто б лечил следы железа,
Кто унял бы реку крови,
Положил конец потоку?"
Шам старик седобородый
Наверху, на печке грелся;
Пробурчал оттуда старый,
Закричал седобородый:
"И не то еще сдержали,
И не то остановили
При могучих божьих слова -
Повесть о вещи начале;
Шак утихли водопады,
Реки бурные смирились,
Шакже бухты у мысочков
И за косами заливы".

Руна девятая

1. Вяйнямейнен рассказывает старику о происхождении железа.
2. Старик бранит железо и произносит заклинания; кровь перестает течь.
3. Старик заставляет своего сына приготовить снадобье, смазывает и перевязывает рану; Вяйнямейнен выздоравливает и благодарит бога за помощь.

Вот поднялся Вяйнямейнен,
Сам он быстро встал на санках
И без помощи выходит
Без поддержки приподнялся,
Из саней пошёл в жилище,
Дальше в горницу проходит.

Из серебра приносит кружку,
Чашку ставят золотую,
Но она вмещает мало,
Незначительную долю
Благородной крови Вяйнё
Из его глубокой раны.
Забурчал на печке старьей,
Закричал седобородый:
"Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
Ведь семь лодок крови вышло,
Восемь кадок глубочайших;
Кровь из твоего колена
На пол пролилась, бедняга!
Много разных слов я знаю,
Но не знаю о начале,
О рождении железа
И о первом росте стали".
Молвил старьей Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Знаю сам начало стали
И рождение железа,
Воздух – мать всему на свете,
Старший брат – водой зовётся,
Младший брат воды – железо,
Средний брат – огонь горячий.
Укко, тот творец верховный,
Старец Укко, бог небесный,
Отделил от неба воду,
Разделил он воду с сушей;
Не рождалось лишь железо,
Не рождалось, не всходило.
Укко, этот бог верховный,
Протянул однажды руки
И потер их друг о дружку
На своем колене левом:
Появились три девицы,
Эти дочери творенья,
Эти матери железа
И голуборотой стали.
Вот пошли они, қолышась,
В облаках они ступают,
Молоком полны их груди,
И сосцы отяжелели.
Молоко течёт на землю,
Грудью полной орошают
Девы землю и болота,
Ти́хо дремлющие води.
Каплей чёрною стекает
Молоко у девы старшей,
У второй же девы, средней,
Каплей белой стекает,
А у той, что всех моложе,
Каплей красною сбегает.

И из чёрных этих капель
Вышло мягкое железо;
Где же белые упали -
Сталь упругая явилась;
А из красных капель вышло
Лишь некрепкое железо.
Так недолго продолжалось,
Вот железо захотело
Брата старшего увидеть,
Завести с огнём знакомство.
Но огонь бушует страшно
И растёт с ужасной силой,
Сжечь несчастного он хочет,
Брата младшего – железо.
Но железо убегает
И спасается поспешно
От огня, от рук ужасных,
От его злодейской пасти.
И бежит оно далеко,
Для себя защиты ищет
В зыбких топях и болотах
И в потоках быстротечных,
На хребте болот обширных
И в обрывах гор высоких,
Где несут лебедки яйца,
Где сидят на яйцах гуси.
И в болоте, под водою,
Распростерлося железо,
Там скрывается два года,
Там скрывается и третий
Между пнями двух деревьев,
Между трёх корней березы.
Но совсем не убежало
От огня объятий диких,
И еще ему пришлось
Увидать огня жилище,
Чтобы там в мечи и копья
Превратиться от каленья.
По болоту волк стремится,
Из лесу медведь выходит,
И колышет волк трясины,
И медведь болото топчет.
Поднимается железо,
Вырастают прутья стали,
Где ступает волк ногою,
Где медведь ступает лапой.
Вот родился Ильмаринен,
Он родился, подрастает.
На горе углей родился,
Рос на угольной поляне,
И в руке он молот держит,
В кулаке щипцы сжимает.
Темной ночью он родился,
Днем уж кузницу он строит,

Место кузнице он ищет,
Где мехи свои поставит.
Увидал сырую землю,
По болото все в холмочках;
Поглядет туда идет он,
Рассмотреть вблизи болото;
Ставит там свое горнило
И мехи он размещает.
По следам идет он волчьим,
По следам медвежьей лапы,
Видит отпрыски железа,
Видит прутья синей стали
На следах глубоких волка,
На следах больших медведя.
Говорит слова такие:
"О ты, бедное железо!
Здесь тебе плохое место,
Ты лежишь здесь очень низко,
Где идут болотом волки,
Где медведь ступает лапой!".
Он подумал и размыслил:
"А что будет, если брошу
Я в огонь железо это,
Положу его в горнило?"
Испугалось железо,
В ужасе оно трепещет
Пред безумной силой жара,
Как услышало те речи.
И кузнец тот Ильмаринен
Молвил: "Этого не будет:
Не сожжет огонь родного,
Соплеменников не тронет.
Ты пойдешь к огню в жилище,
Где живёт, укрывшись, пламя:
Там ты вырастешь прекрасно,
Там ты сделаешься сильным,
Станешь ты мечом для мужа
И застежками для женщин!"
В тот же день и в тот же вечер
Из болот железо взяли,
Там на дне его отрыли,
Принесли его к горнилу.
Положил кузнец железо,
Поместил в огонь горнила
И мехи привел в движенье,
Прижды дуть их заставляет.
Расплавляется железо,
Размякает под мехами,
Почти тесто из пшеницы
Иль для чёрных хлебов тесто,
Там, в огне кузнечном сильном,
В ярком пламени горнила.
И воскликнуло железо:
"О кузнец ты, Ильмаринен,

Унеси меня отсюда,
Здесь меня терзает пламя!"
Так ответил Ильмаринен:
"Коль тебя отсюда выну,
Может, станешь ты ужасным,
Станешь слишком беспощадным,
Своего порежешь брата,
Сына матери поранишь".
Поклялось тогда железо,
Поклялось сильнейшей клятвой
Пред горнилом, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Есть деревья для пореза,
Можно сердце рвать у камня.
Я не буду резать брата,
Сына матери не трону;
Жизнь моя приятней будет
И житье мое привольней,
Если людям попаду н,
Послужу ручным орудьем,
Чем свое мне племя резать,
Чем своих родных мне ранить".
И кузнец тот, Ильмаринен,
Шот кователь вековечный,
Из огня железо тащит,
Положил на наковальню,
Бьет его, чтоб стало мягче,
Вещи острые кует он,
Шпоры кует и копья,
Вещи разные сковал он.
Но еще железу мало,
Надо бедному прибавить:
Не готов язык железа
И не вырос рот у стали,
Ведь не закалить железо,
Коль не намочить водою.
И кузнец тот Ильмаринен
Сам об этом поразмыслил,
Положил золы немного,
Щелоку чуть-чуть прибавил
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.
Языком он смесь отведал,
Про себя он рассуждает,
Говорит слова такие:
"Эта смесь не обратится
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа".
Вот с земли пчела взлетела,
Синекрылая из травки
Полетав, остановилась
У кузнечного горнила.

И кузнец промолвил слово:
"Пчёлка, быстрый человек!
Приноси медку на крыльях,
Языком достань ты сладость
Из шести цветочных чашек,
Из семи верхушек травных,
Чтобы сталь мне изготовить,
Чтобы выправить железо!"
Слышит шершень, Хийси птичка,
Услыхал он эти речи:
С кровли кузницы смотрел он,
На бересте кровли сидя,
Как қалилась сталь в горниле,
Как готовилось железо.
С быстротой летит оттуда,
Сыплет ужасами Хийси
И приносят змей шипенье,
Черный яд гадюки злобной,
Муравьиный яд приносит
И сокрытый яд лягушки
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа.
А кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Пораздумал и помыслил,
Что та пчёлка, прилетевши,
Сладкий мёд ему приносят,
Мёду в сотах доставляет,
И сказал слова такие:
"Рад, что принесла мне это
В жидкость для закалки стали,
В сок для крепости железа".
Сталь туда он погружает,
Погружает и железо,
Из огня железо вынул,
Из горнила сталь он поднял.
Вышла сталь оттуда злою,
Злобным сделалось железо
И нарушило присягу,
Как собака, съело клятвы;
Без пощады режет брата
И родных с ужасной злобой,
Заставляет кровь струиться
И бежать из раны с шумом.
Закачал старик на печке
Бородой и головою;
"Знаю я теперь начало
И коварный нрав железа.
Зло, жалкое железо,
Пы, изгарина дрянная,
Сталь с могуществом ужасным!
Так-то ты росло на свете,
Так-то сделалось ты страшным,
Чересчур уже великим!"

Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Ты ведь не было красивым,
Прежде не было могучим,
Молоком новорожденным
Ты покойно исходило
Из сосцов прекрасных девы,
Из девичьей полной груди
На краю обширной тучи,
Посредине небосвода.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как ты было словно влага,
Словно струйка ключевая
На хребте болот широких;
У крутой скалы, в уступе,
Ты комком земли лежало,
Ты лежало пылью ржавой.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тогда тебя в болоте
И олень и лось топтали,
Как тебя давили волки
И медведь царапал лапой.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как тебя из топи вынул,
Потащил из почвы черной,
Прямо в кузницу доставил,
Бросил к горну Ильмаринен.
Ты ведь не было великим,
Ни великим, ни ничтожным,
Как изгарина, шипело,
Кипятком ты клокотало
В страшном огненном пространстве,
Как клялось ты страшной клятвой
Перед горном, наковальней,
Перед молотом кузнечным,
Перед горячим дном горнила,
Где кузнец тогда работал.
Ныне ль ты великим стало,
Сильной ярости достигло,
Клятву страшную забыло,
Честь свою, как пёс, сожрало:
Свой же род ты полосуешь
И своих родных кусаешь?
Кто ж тебя ко злу понудил,
Кто внушил дела дурные?
Твой отец иль мать родная,
Был ли то твой брат старейший
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?
Не отец, не мать родная
И не брат родной старейший,

Не сестра твоя меньшая
И никто другой из рода;
Ты само – источник бедствий
Ты – начало дел ужасных;
Вот, смотри свою работу
Да приди беду поправить;
Иль скажу твоей родимой,
Я пожалуюсь старухе.
Много матери заботы,
Тяжело бывает старой,
Если сын дурное сделал,
Если дерзко поступил он.
Не хлещи ты, кровь, потоком.
Ты не бей струёю теплою,
Перестань на лоб мне брызгать,
Обливать мне грудь потоком;
Как стена, ты стань недвижно,
Как забор, ты стой спокойно,
Стой, как меч, упавший в море,
Как во мху стоит осока,
Как стоит на поле глыба,
Как скала средь водопада.
Если ж непременно надо,
Чтоб ты быстро устремлялась,
Ну, так двигайся ты в мясе,
По костям ты бегай быстро:
Там тебе гораздо лучше,
В коже много превосходней
Пробегать тебе по жилам
По костям передвигаться,
Чем на землю изливаться,
Перемешиваться с пылью.
Молоко, не лейся в землю,
На траву не изливайся,
Ни на дерн, мужей украса,
Ни на холм, героев злато,
Проживать должно ты в сердце,
В легких погреб свой устроить"
Поспешай туда обратно,
Возвратись туда скорее.
Нет нужды ручьем стремиться
И как озеро разлиться
Или бить ключом болотным,
В поле лужею расстилаться.
Смирно стой, не изливайся,
Кровь ты красная, не лейся,
Будь смирна, сама сдержись ты!
Водопад на Пурья стал же,
Пуонелья река смирилась,
Море высохло и небо
В лето засухи великой,
В год огня, мучений полный.
Если ж этому не внемлешь,
Я пути другие знаю,

Знаю я, чего искать мне:
Я возьму котёл у Хийси,
Чтобы кровь в нем поварилась,
Там она қалиться будет,
И не вытечет ни капли,
Красный сок не будет литься,
Не падет уж кровь на землю,
Не польет, свистя, из раны.
Иль не богатырь я больше,
Старца сын, уж не герой я,
Чтоб сдержать стремленье крови,
Запрудить из жил потоки?
О! Так есть отец великий,
Есть творец, живущий в тучах;
Из мужей он самый сильный,
Из героев самый мощный
Крови рот зажать он может,
Он уймет ее стремленье.
О ты, Укко, бог верховный,
Ты, отец и бог небесный,
Снизойди: тебя мне нужно!
Снизойди: тебя зову я!
Ты сдави рукою сильной,
Нажми ты толстым пальцем,
Да покрепче, эту рану
И запри отверстие злое,
Положи листочков нежных
И рассыпь цветы золотые,
Чтоб закрыть дорогу крови,
Запрудить ее потоки,
Чтоб оқа не шла на платье,
Бороду те заливала".
Так потоки укротил он,
Запрудил дорогу крови.
Сына в кузницу послал он,
Чтобы мази приготовить,
Взяв травы волокон нежных
И в цветку тысячелистника,
Взяв медовых сладких капель
Да собрав частицы сотов.
Мальчик в кузницу уходит,
Чтобы мази приготовить.
На пути он дуб встречает
И у дуба вопрошает:
"Есть ли мёд в ветвях широких,
Соты под корою дубовой?"
Отвечает дуб разумно.:
"Мёд еще вчера ведь капал
По ветвям моим широким,
Мёд повис в моей вершине,
С облаков, вверху шумящих,
С тех барашков мимолётных".
Взял он щепочку от дуба,
Крошку мягкой древесины,

Много трав сорвал хороших,
Злаков самых разнообразных,
Что не только в этом крае,
Но и в прочих неизвестны.
Их в котел кипящий бросил,
Смесь он крепкую составил
Из щепы коры дубовой
И из трав, прекрасных видом.
Вот шумит котел кипящий,
Он кипит подряд три ночи
И подряд три дня весенних.
Смотрит мальчик: что-то вышло,
Хорошо ли мазь вскипела,
Может, снадобье готово?
Мазь, однако, не готова,
Не такое вышло средство.
Прав ещё он в смесь прибавил,
Злаков самых разнообразных,
Что в иных местах далёких,
Миль за сотню, собирали
Девять сильных чародеев,
Восемь знахарей могучих.
Он ещё три ночи варит,
Варит девять ночек сряду
И с огня котёл снимает.
Смотрит мазь он осторожно:
Средство нужное поспело ль,
Мазь волшебная готова ль?
Там ветвистая осина
На краю росла поляны,
Только сильно подломилась
И совсем почти упала;
Он её помазал смесью
И потёр волшебной мазью,
Сам сказал слова такие:
«Через то, что этой смесью
Кривизну я здесь помажу
И залью я мазью рану,
Пусть осина исцелится
И ещё пусть крепче станет».
Пут поправилась осина
И ещё вдруг крепче стала:
Поднялась вершина стройно,
Укрепился ствол высокий.
Стал он мазать этой мазью,
Покрывать волшебным средством
И расколотые камни,
И расщёкшиеся скалы:
Вновь срастались половины
И куски соединялись.
Мальчик кузницу оставил,
Мазь целительную сделал;
Приготовил это средство,
В руки старому он подал:

"Вот состав с большою силою,
Вот испытанное средство;
Крепко сплачивает горы,
Быстро связывает скалы".
В рот кладёт лекарство старьей
На язык для испытанья
И находит средство годным,
Эту мазь вполне удачной.
Вяйнямёйнена он мажет,
Лечит все следы ранений,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет мазью по середине;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Не с своей иду я плотью,
Во плоти творца иду я;
Не своей стремлюся силою,
Силою мощного стремлюся;
Не мои уста здесь молвят,
Молвлю вышнего устами;
И в моих устах есть милость,
Но уста творца богаче;
И в моей руке есть прелесть,
Но рука творца прекрасней".
Шолько он помазал мазью,
Шолько средство приложил он,
Стал вдруг корчиться от боли
И свалился Вяйнямёйнен:
Он и так и сяк вертится,
Но покоя не находит.
Изгоняет старец боли,
Гонит сильные мученья,
Шлёт их внутрь горы болезней
И наверх холма мучений,
Чтобы камни заболели,
Чтобы мучились утёсы.
Ленты шёлковые взял он,
Режет ленты он на части,
Рвёт он ленты на полоски,
Сделал старец перевязки;
Обвязал он этим шелком,
Обмотал весьма искусно
Вяйнямёйнена колено
И больной героя палец.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Божий шелк повязкой служит,
Лента божья – перевязкой
На колене славном мужа
И на пальце, полном силы.
Шы взгляни, о бог прекрасный,
Защити, творец могучий,
Чтобы нам не ведать бедствий,
Чтобы нам не знать несчастий"

Старый, верный Вяйнямейнен
Скоро помощь ощущает
И становится здоровым.
Шело стало вновь красивым,
Снизу стало исцелённым
И внутри вполне окрепшим,
И с боков неповреждённым,
И снаружи без порезов,
Превосходнее, красивей,
Чем когда-либо бывало.
Уж ступить ногою может,
Может он сгибать колено
Без малейшей даже боли,
Безо всяких затруднений.
И поднялся Вяйнямейнен,
Выше поднимает очи,
Смотрит с радостью великой
Через голову на небо;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Да, оттуда сходит милость,
Помощь верная оттуда,
Вот оттуда, с выси неба,
От творца с могучей силой.
Да прославится создатель,
Да восхвалится всевышний!
Ниспослал ко мне он помощь,
Дал он мне свою защиту
При моих ужасных муках,
При страданиях от железа!"
Молвил старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"Ты, народ, что после будешь,
Племя, что потом возникнешь!
Челнока на спор не делай,
Лодку выгнуть не похвастай:
Шолько бог кончает дело,
Лишь творец конец дарует;
Без него герои слабы,
Руки сильного бессильны!"

Руна десятая

1. Вяйнямейнен возвращается домой и предлагает Ильмаринену идти свататься за девушку из Похьёлы, которую он может получить, если выкует Сампо.
2. Ильмаринен не хочет ехать в Похьёлу. Вяйнямейнен вынужден отправить его в путь вопреки его желанию.
3. Ильмаринен прибывает в Похьёлу, его принимают хорошо и предлагают выковать Сампо.
4. Ильмаринен выковывает Сампо, и хозяйка Похьёлы воздвигает Сампо на каменной горе Похьёлы.
5. Ильмаринен просит в жены девицу в вознаграждение за работу; девица выдумывает от-

говорки и говорит, что уйти из дому еще не может.

б. Ильмаринен получает лодку, возвращается домой и рассказывает Вяйнямёйнену, что он уже выковал Сампо в Похьёле.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Своего коня выводит,
Жеребенка запрягает.
Вот запряг гнедого в сани,
Сам в санях тогда уселся,
Поместился на сиденье.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он кнутом жемчужным,
Быстро конь бежит дорогой,
Лишь мелькает та дорога,
И стучат саней полозья,
Да трещит дуга сухая.
Он оттуда мчится с шумом
По полям и по болотам,
По равнинам и полянам;
День он едет и другой день,
Наконец, уже на третий,
Он подъехал к переправе,
Калевалы на границу,
На рубеж поляны Осмо.
Шам сказал слова такие
И такие молвил речи:
"Волк! Сожри того сонливца,
Псы, болезнь, убей лапландца!
Он сказал, что не добраться,
Не домчатся мне до дома
И живым не воротиться
И, пока сияет месяц,
Мне ни Вяйнёлы не видеть,
Ни песчаной Калевалы".
Начал старый Вяйнямёйнен,
Начал петь весьма искусно
И напел золотую елку -
Верх и ветви золотые,
Поднялась вершиной в небо,
Головой уперлась в тучи,
Высоко взметнула ветви,
Протянула их до неба.
Он поет и закликает,
И выходит светлый месяц
На золотой верхушке ели
И Медведица на ветках,
Едет шумно он оттуда,
Мчится прямо в край родимый,
Опустив главу, печальный,
Шапка на сторону сбилась,
Ибо сильный Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Им обещан как заложник,
Чтоб главу свою избавить,

В Похьёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу.
Удержав коня поспешно
На поляне новой Осмо,
Вышел старьй Вяйнямёйнен
Из саней, пестревших краской.
Слышны в кузнице удары,
В доме угля слышен молот.
Старьй, верный Вяйнямёйнен
Потчас к кузнице подходит,
Ильмаринена там видит.
Пот, не мешкая, работал.
Молвил старцу Ильмаринен:
"О ты, старьй Вяйнямёйнен!
Где так долго оставался,
Где так долго, старьй, прожил?"
Старьй, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
"Вот где прожил я так долго,
Где все время оставался:
В Похьёле той вечно мрачной,
В той суровой Сариоле,
Я в Лапландии там прожил,
Средь лапландских чародеев",
Молвил старцу Ильмаринен
И сказал слова такие:
"О ты, старьй Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель!
Расскажи о том, как жил ты,
Как на родину вернулся?"
Молвил старьй Вяйнямёйнен:
"Расскажу тебе я много.
Есть на севере девица,
Там в селе холодном дева;
Жениха она не ищет,
Мужа славного не хочет.
И пол-Похьёлы суровой
Славит дивную девицу:
Лунный свет с висков сияет,
Солнца свет с груди струится,
С плеч Медведицы сиянье,
Со спины свет семизвездный.
О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
Увези пойдя девицу,
Посмотри пойдя на косы!
Если выкуешь ты Сампо,
Крышку пеструю украсишь,
Ты возьмешь в награду деву,
Тю девицу за работу".
Отвечает Ильмаринен:
"О ты, старьй Вяйнямёйнен!
Не обещан ли тобой я
В Похьёлу, в страну тумана"

Чтоб главу твою спасти мне,
Самого тебя избавить!
Не пойду, пока живу я
И пока сияет месяц,
В избы Тохъёлы туманной,
В те жилища Сарюлы,
Где героев пожирают,
Где мужей бросают в море".
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал слова такие:
"Есть еще другое чудо.
Ель растет с главой цветущей
И с ветвями золотыми
На краю поляны Осмо:
На вершине светит месяц
И Медведица на ветках".
Отвечает Ильмаринен:
"Не поверю в то, покамест
Не увижу сам я чудо,
Не взгляну я сам глазами".
Молвил старый Вяйнямёйнен
"Если ты не хочешь верить,
Так пойдем туда, посмотрим:
Правда это иль неправда!"
Вот выходят, чтоб увидеть
Эту ель с главой цветущей.
Впереди шел Вяйнямёйнен,
А за ним шел Ильмаринен;
И когда пришли на место,
На рубеж поляны Осмо,
Подошел кузнец поближе
Ёлккой той полюбоваться,
Где Медведица на ветках,
Ясный месяц на верхушке.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Он сказал слова такие;
"Полезай наверх, мой братец,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
С золотой верхушки ели!"
Пут кователь Ильмаринен
Лезет высоко на елку,
На небесный свод стремится,
Чтобы взять там ясный месяц,
Снять Медведицу оттуда,
С золотой верхушки ели.
Ель его предупреждает,
Золотая елка молвит:
Муж ты слишком простодушный,
Богатырь без всякой сметки!
Лезешь ты, простака, на ветви,
Как ребенок на вершину,
Чтобы снять тот мнимый месяц,
Это марево созвездья".

Шотчас старый Вяйнямейнен,
Начал петь с большою силой,
Чтоб поднялся бурный ветер,
Вскочил он б страшно воздух
Сам сказал слова такие
И такие молвил речи:
"Унеси его, о ветер,
На своей носи ты лодке,
Быстро мчи, чтоб он домчался
В Похьёлу, в страну тумана"
Сильно буря зашумела,
Разрывает страшно воздух,
Ильмаринена уносит,
Быстро мчит его оттуда
В Похьёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу.
Так понесся Ильмаринен,
Так спешит оттуда дальше,
По дороге ветра едет,
По стезе воздушной свежей,
Выше месяца, под солнцем,
Над Медведицей широкой.
Похьёлы во двор он въехал,
Прямо к бане Сариолы -
Псы его не услышали,
Брехуны не забрежали.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
На дворе сама стояла;
Говорит слова такие:
"Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
По пути ветров пришел ты,
По стезе саней воздушной,
И не лаяла собака,
Не брехал брехун косматый".
Отвечает Ильмаринен:
"Не затем сюда пришел я,
Чтоб меня рвала собака,
Искусал брехун косматый
У дверей, мне незнакомых,
У входных ворот, мне чуждых"
Шотчас Похьёлы хозяйка
У пришельца вызнать хочет:
"Не знавал ли ты, быть может,
Или ты, быть может, слышал:
Ильмаринен есть кователь,
Он – кузнец весьма искусный?
Уж давно мы ожидаем,
Уж давно желаем видеть
В дальних северных пределах,
Чтоб он выковал нам Сампо".
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:

"С кузнецом знаком я, точно,
Ильмаринена я знаю:
Я и есть тот Ильмаринен,
Шот кузнец весьма искусный!".
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Быстро в горницу уходит,
Говорит слова такие:
"Дочь моя, что всех моложе,
Всех детей моих прекрасней!
Нарядись получше нынче,
Выйди в платье понарядней,
Шы навесь прекрасный жемчуг,
Грудь укрась как можно краше,
Шею ты укрась поярче,
А височки попестрее.
О румянце щек подумай
Да о блеске глаз помысли!
Ведь кузнец-то вековечный,
Знаменитый Ильмаринен,
Прибыл выковать нам Сампо,
Крышку пеструю устроить".
Дочка Похьёлы, красота,
Красота земли и моря,
Набрала получше платьев,
Понарядней из нарядов,
Их надела друг за дружкой,
Головной убор надела,
Медные взяла застежки,
Золотой прекрасный пояс.
Кладовую оставляет,
Со двора в избу проходит:
Красотой глаза блистают,
Вся она стройна, красива,
Все лицо её сияет,
На щеках румянец алый,
На груди сверкает золото,
Серебро в кудрях блистает.
Шут и Похьёлы хозяйка
Ильмаринена проводит
Прямо в Похьёлы жилище,
В дом суровой Сариолы;
Кормит досыта пришельца
И дает довольно выпить,
Угощает превосходно
И слова такие молвит:
"О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
Шы сумеешь сделать Сампо,
Крышку пеструю сковать мне,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив?"

Ты тогда возьмешь в награду
За работу дочь-красотку".
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
"Я скую, конечно, Сампо,
Крышку пеструю украшу,
Взяв конец пера лебедки,
Молока коров нетельных,
От овечки летней шерсти,
Ячменя зерно прибавив.
Я ведь выковал же небо,
Кровлю воздуха сковал я
Раньше всякого начала,
Раньше, чем что-либо было",
Вот идет ковать он Сампо,
Крышку пеструю украсить,
Просит места для кованья,
Ищет он вещей кузнечных;
Не нашел такого места,
Нет там кузницы, мехов нет,
Наковальни нет и горна,
Молотка и колотила.
И промолвил Ильмаринен,
Говорит слова такие:
"Сомневаться могут бабы,
Не кончают дел бедняги,
А не муж, хотя поплоче,
Не герой, хоть послабее!"
Ищет места для горнила,
Для мехов своих местечка,
Ищет в той стране обширной,
Ищет в Похьёле суровой.
Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Увидал он пёстрый камень,
Увидал утёс пригодный.
Там кузнец остановился,
Там огонь себе разводит.
В первый день мехи он ставит,
На другой день – наковальню.
Вот кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Все припасы бросил в пламя,
Вещи нужные в горнило,
У мехов рабов поставил,
Чтоб огонь они раздули.
И мехи рабы качают,
Сильно угли раздувают;
Три дня проводят летних
И без отдыха три ночи;
Наросли на пятках камни,
Наросли комки на пальцах,
Вот на первый день нагнулся
Тот кователь Ильмаринен;

Он нагнулся, чтоб увидеть
На пылавшем дне горнила,
Что из пламени там вышло,
Из огня что поднялось.
Лук из пламени явился
С золотым сияньем лунным;
Серебром концы блестели,
Рукоятка – пестрой медью.
Был по виду лук прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Каждый день просил он жертвы,
А по праздникам и вдвое.
Сам кователь Ильмаринен
И не рад такому луку:
Пополам он лук ломает
И бросает снова в пламя,
Поддуть рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.
На другой день вновь нагнулся
Шот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня челнок там вышел,
Вышла лодка – красный парус,
Борт весь золотом украшен,
И уключины из меди.
Был челнок прекрасен с виду,
Но имел дурное свойство:
Сам собою шел в сраженье,
Без нужды на битву рвался.
Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался лодке:
Изломал ее он в щепки
И бросает лодку в пламя,
Поддуть рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.
Вот на третий день нагнулся
Шот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня корова вышла,
У нее рога златые,
Среди лба у ней созвездье,
Меж рогов сияет солнце.
Хороша корова с виду,
Но у ней дурное свойство;
Спит средь леса постоянно,
Молоко пускает в землю.
Сам кователь Ильмаринен
Недоволен той коровой:
Режет в мелкие кусочки
И в огонь ее бросает,
Поддуть рабам велит он,
Им велит он дуть сильнее.

На четвертый день нагнулся
Пот кователь Ильмаринен
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Из огня там плуг выходит,
У него сошник из золота,
Стержень плуга был из меди
И серебряная ручка.
С виду был тот плуг прекрасен,
Но имел дурное свойство:
Он пахал поля чужие,
Бороздил соседний выгон.
Сам кователь Ильмаринен
Не обрадовался плугу:
Быстро плуг в куски ломает
И бросает снова в пламя,
Заставляет дуть он ветры,
Заставляет дуть он бурю.
Быстро ветры зашумели;
Дует западный, восточный,
Сильно дует ветер южный,
Страшно северный бушует;
Дует день, другой день дует,
Третий день бушуют ветры,
Из окошка вьется пламя,
Из дверей несутся искры,
К небу мчится туча гари,
Дым смешался с облаками.
Ильмаринен, тот кователь,
Вновь на третий день нагнулся
Посмотреть, что получилось
На пылавшем дне горнила;
Видит: Сампо вырастает,
Крышка пёстрая возникла.
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Стал тогда ковать скорее,
Молотком стучать сильнее
И выковыивает Сампо,
Что муку одним бы боком,
А другим бы соль мололо,
Третьим боком много денег.
Вот уже и мелет Сампо,
Крышка пестрая вертится:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую – для продажи,
Третью меру – на пирушки.
Рада Похъёлы старуха.
Понесла большое Сампо,
В гору Похъёлы относит,
Отнесла в утес из меди,
Что за девятью замками;
Корни Сампо там зарыла

В глубину на девять сажен,
И один шел корень в землю,
А другой – на берег моря,
Третий корень – в глубь утеса.
Все устроив, Ильмаринен
Кротко просит о девице,
Говорит слова такие:
"Ты отдашь ли мне девицу,
Ибо Сампо уж готово,
Крышка пестрая прекрасна?"
Дочка Похьёлы, красотка,
Так сама ему сказала:
"Кто же будет в год ближайший
И на будущее лето
Заставлять кукушку кликать,
Вызывать на пенье птичек,
Коль уйду в страну чужую,
Буду, вишня, на чужбине!
Если б курочка пропала,
Заблудился бы гусенок,
Если б красная брусничка -
Вишня-матушка ушла бы,
То исчезла б и кукушка,
Упорхнули б мигом птички
С высоты родимой горки,
Со спины холма родного.
Никогда на этом свете
Я не брошу дней девичьих,
Ни занятий, ни заботы
И страды не брошу летней:
Целой ягода б осталась,
И не полным песен берег,
Я не пройденным лесочек,
Не играла бы я в роще".
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Клонит голову, печальный,
Шапка на сторону сбилась;
Как ему домой уехать,
Как страны родной достигнуть,
Из той Похьёлы туманной,
Из суровой Сариолы.
Молвит Похьёлы хозяйка:
"О кователь Ильмаринен!
Отчего такой ты грустный,
Сбил ты на сторону шапку?
Иль ты мучаешься думой,
Как бы родины достигнуть?"
Говорит так Ильмаринен:
"Да! К тому стремятся мысли,
Чтоб на родине скончаться,
Шам найти покой последний".
Ильму Похьёлы хозяйка
Накормила, напоила,

На корму ладьи сажает,
К веслам, столь богатым медью,
Веять ветер заставляет,
Веять северный свой ветер.
Шақ кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Едет к родине любимой
По потокам в синем море.
Едет день, другой день едет.
Наконец, уже на третий,
Он счастливо в дом приходит,
В те места, где он родился.
Молвит верный Вяйнямёйнен,
Ильмаринена пытается:
"Ильмаринен, брат мой милый,
Вековечный ты кователь,
Что же, выковал ты Сампо,
Изукрасил ли ты крышку?"
Отвечает Ильмаринен,
Молвит сам искусный мастер:
"Сампо новое уж мелет.
Крышка пестрая готова:
И с рассвета мелет меру,
Мелет меру на потребу,
А другую – для продажи,
Третью меру на пирушки".

Руна одиннадцатая

1. Лемминкяйнен отправляется свататься к девице из знатного рода Саари.
2. Сначала девицы Саари насмеваются над ним, но вскоре близко знакомятся с ним.
3. Только одну – Кюлликки, – ради которой он отправился, он не может покорить и тогда, наконец, похищает её насильно, кладет в сани и отправляется в путь.
4. Кюлликки плачет и больше всего огорчается воинственностью Лемминкяйнена; Лемминкяйнен обещает, что никогда не пойдет на войну, если Кюлликки тоже обещает никогда не бегать в деревню, и оба клянутся исполнить свои обещания.
5. Мать Лемминкяйнена восхищается молодой невесткой.

Скажем мы теперь про Ахти,
Про молодчика споем мы.
Ахти был островитянин,
Лемпи сын молодцеватый;
Вырастал в высоком доме,
Возле матери любимой,
На морском берегу у бухты,
У залива на мысочке.
Кауко рыбами кормился,
Окуней ловил подросток,
Стал потом он сильным мужем,
Расцветая красной кровью;
Был он обликом прекрасен,

Ростом также превосходен,
Но он был не без порока,
Жизнь он вёл не без ошибок;
Очень был на женщин падоқ,
Всё кругом ходил он ночью
Там, где женщины гуляли,
Где нарядные плясали.
Слышит – есть на Саари дева,
Как цветок, девица эта
Возросла в высоком доме.
Стройно вытянулась ростом,
У отца в жилище сидя
На скамейке задней низкой.
Шла молва о ней повсюду,
Женихи за ней являлись,
В дом за девицей-красоткой,
Ко двору за девой славной.
Солнце сватало сыночка:
Но нейдет в их дом девица,
Чтоб сиять боқ о боқ с Солнцем
И спешить за Солнцем летом.
Месяц ясный сына сватал.
В дом его не хочет дева,
Чтобы с Месяцем сиять там,
Круг воздушный пробегая.
С сыном Звёздочка хлопочет.
Но нейдет в страну их дева,
Чтоб блистать там долгой ночью,
Чтоб мерцать на зимнем небе.
Сваты с Виру приходили
И из Ингрии являлись:
Никуда не хочет дева,
Всем – одно лишь отвечает;
"Золото вы зря не тратьте,
Серебро не отдавайте,
Я в Эстонию не выйду,
Не пойду я, не хочу я
Там грести в эстонских водах,
Мерить волны по побережью,
Есть эстонскую там рыбу
И эстонскую ушцу.
Я и в Ингрию не выйду
На печальное побережье:
Только голод там да холод,
Нет там дров и нет лучины,
Нет воды и нет пшеницы,
Даже нет ржаного хлеба".
Но весёлый Лемминкяйнен
Молодец тот, Каукомъели,
Ехать все ж туда решил,ся,
Саари девушку посватать,
Эту славную невесту
С разукрашенной корою.
Мать его остерегает,

Отговаривает сына:
"Ты не сватайся, сыночек,
К деве той, что выше родом:
Ведь тебя там не потерпят,
В роде Саари очень знатном".
Отвечает Лемминкяйнен,
Говорит так Каукомъели:
"Пусть мой дом не знатен вовсе,
Пусть мой род не спорит славой,
Статью, удалю возьму я,
Силой, ловкостью поспорю".
Все же мать не позволяет
Лемминкяйнену там сватать,
В роде Саари очень знатном,
В той семье весьма обширной
"Засмеют тебя девицы,
Будут женщины смеяться".
Отвечает Лемминкяйнен,
Не раздумывает долго:
"Оборву я смех у женщин
И хихиканье девичье:
Им наделаю детей я,
Дам им на руки заботу;
Это кончит их насмешки,
Будет смеха заключеньем".
Молвит мать слова такие:
"Горе мне, несчастной, в жизни!
Коль обидишь жен на Саари,
Оскорбишь девиц невинных,
Спор великий возгорится,
Битва страшная настанет,
Женихи, мужья на Саари
Целой сотней, и с мечами,
Окружат тебя, несчастный,
Ты один не сладишь с ними".
Не послушал Лемминкяйнен
Материнского совета:
Лошадь статную берет он
Жеребца хорошей крови,
Скачет с шумом он оттуда
Прямо в поселенья Саари,
Сватать там тот Саари цветик,
Эту славную невесту.
Засмеялись жены в Саари,
Насмежаются девицы,
Как на улице он странно
И во двор неловко въехал:
Опрокинул с бегу сани
И в воротах покочнулся.
Вылезает Лемминкяйнен,
Рот скривил, понику главою,
Бороду свою кусает.
Говорит слова такие:
"Никогда того не видел,

И не видел, и не слышал,
Чтобы жены и девицы
Насмехались надо мною".
Не раздумывал он долго,
Молвит им слова такие:
"Есть ли место здесь на Саари,
На равнинах этих саарских,
Где б я смог повеселиться,
На поляне поплясать бы,
Саари девушек потешить,
С милыми повеселиться?"
Говорят девицы Саари,
Отвечают так с мысочка:
"Много в Саари есть местечек,
Ровных мест в долинах саарских,
Где б тебе повеселиться,
На поляне поплясать бы.
Можешь быть ты пастушонком,
Пастушонком на пожоге;
Дети в Саари сильно тощи,
Но зато здесь жирны кони".
Не раздумывает Ахти!
Стал он в Саари пастушонком.
На лугу весь день проводит,
По ночам к девицам ходит,
С молодницами играет
И с нарядными он пляшет.
Так весёлый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели,
Оборвал смешки красавиц,
Прекратил девиц насмешки:
Ни одной не миновало,
Ни одной из дев невинных,
Чтобы он её не обнял,
Чтоб не переспал он с нею.
Но одна была меж всеми,
В роде Саари очень знатном,
Та, что сватов отсылала,
И она отвергла мужа.
Это – Кюлликки-цветочек,
Всех на Саари дев прекрасней.
Но весёлый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели,
Истоптал сто пар сапожек,
Сотню весел изработал,
Все-то сватается к деве,
Возле Кюлликки все ходит.
Кюлликки, девица-цветик,
Говорит слова такие:
"Для чего ты ходишь, слабый,
Что по берегу шумишь ты,
Что ты сватаешь девицу
С оловянною застежкой?
До тех пор не выйду замуж,

Изотру покуда камень,
Раскрошу покуда пестик,
Растолку покуда ступку.
Не хочу тебя, плохого,
Бедняка, такую тряпку;
Нужно мне стройнее мужа;
Ведь сама стройна я телом;
Нужно мне, чтоб был он статным".
Сложена сама я статно;
Нужно мне, чтоб был красавцем
Я сама лицом красива".
Мало времени проходит,
Лишь полмесяца минуло,
Как в один из дней прекрасных
Только сумерки настали,
Вышли девы веселиться,
В пляс красавицы пустились
На краю лесной лужайки,
На поляночке прекрасной.
Кюликки ведёт плясуний,
Цвет прославленный на Саари.
Удалец, цветущий жизнью,
К ним подъехал Лемминкяйнен.
На жеребчике он въехал,
На отборнейшей лошадке,
В середину самой пляски,
В хоровод девиц прекрасных,
Кюликки хватает быстро
И бросает деву в сани,
Положил её на шкуру
И ко дну саней прижал он.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он ремнем сильнее,
Поскакал оттуда быстро.
На скаку девицам крикнул:
"Никогда, нигде, девицы,
Вы меня не выдавайте,
Что сюда я к вам подъехал
И увез с собою деву!
Коль не будете послушны,
Будет вам, девицы, плохо:
Я войну найшу заклатьем
На мужей, на парней ваших,
И ни днем, ни ясной ночью
Не услышите их больше,
Не пойдут они деревней,
По поляне не поедут!"
Кюликки печально молвит,
Просит с горечью цветочек:
"Отпусти меня на волю,
Шы из рукпусти ребенка;
К матери домой пойду я,
Обо мне она ведь плачет!
Если ж ты меня непустишь,

Чтобы я домой вернулась,
У меня пять братьев дома,
Семь сынов родного дяди,
По следам найдут зайчонка,
Отобьют назад девицу".
Но её он не пускает,
Не даёт уйти из санок,
Кюлликқи тут стала плакать:
"Ах, напрасно я родилась,
Зря я выросла, бедняжка,
Для того ли подрастала;
Мужу скверному попалась,
Я бездельнику досталась,
Что всегда готов на битву,
Может вечно злобно драться!"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауқомгъели:
"Кюлликқи, цветочек сердца,
Мёд мой, ягодка, красotka!
Ты оставь свои заботы!
Обижать тебя не буду:
Будешь кушать – обниму я,
А пойдешь со мной под ручку,
За руку со мной ты станешь,-
Ляжешь ты со мною рядом!
Ну к чему ты так горюешь
И вздыхаешь от печали?
Оттого ль ты так горюешь
И вздыхаешь от печали,
Что без пищи, без коровы
Я терплю нужду в запасах?
Так оставь свои заботы!
У меня коров довольно,
Молока дают мне много;
На болоте Куманичка,
На пригорке Земляничка,
В-третьих, Клюква на полянке.
Хороши они без корму
И красивы без надзора;
Их не связывают на ночь,
Не развязывают утром.
Не кладут пред ними корму,
Им не сыплют утром соли.
Оттого ль ты так горюешь
И вздыхаешь от печали,
Что незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой?
Пусть незнатного я рода,
Не рожден в семье высокой,
Но мой меч огнем пылает,
Пышет пламенем клинок мой.
Он, конечно, знатен родом
И родился в славном доме:
Злобным Хийси отшлифован,

У богов очищен ярко;
Им достану знатность роду
И моей семье величье,-
Шем мечом моим горящим
И клинком, дающим пламя",
И вздохнула тут девица,
Испугалась и сказала:
"Ахти! Лемпи ты сыночек!
Если хочешь взять красотку
Постоянною супругой,
Почно курочку в объятьях,
Поклянись мне вечной клятвой,
Что войны ты не затеешь,
Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился!"
Шут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Я клянуся вечной клятвой,
Что войны я не затею,
Как бы золота ни жаждал,
К серебру бы ни стремился,
Но и ты клянись также
Не ходить гулять в деревне,
Как бы плясок ни желала
Иль играть ни захотела б!"
Шақ они қянутся қятвой
И залог дают навеки
Перед богом, что все видит,
Всемогущим властелином:
Ахти – позабыть про войны,
Кюллиққи – забыть про игры"
Шут веселый Лемминкяйнен
Жеребца кнутом ударил.
От стегнул его вожжами
И сказал слова такие:
"Ну, прощайте, луг на Саари,
Елей пни и корни сосен,
Где ходил я этим летом,
Где ступал я той зимою,
Где бродил дождливой ночью,
Вязнул в злую непогоду,
Эту курочку искавши,
Все за уточкой гоняясь!"
Посқақал қонёқ веселый;
Скоро дом родной открылся.
И промолвила девица,
Речи молвила такие:
"Смотрит хижина дырявой
И голодную норою,
И, конечно, ей владеет
Человек, незнатный родом?"
Но веселый Лемминкяйнен,
Отвечая, так сказал ей:
"Не тужи об этом доме,

Не вздыхай об этом месте!
Я тебе других наставлю,
Краше комнаты построю
Из гораздо лучших бревен,
Из стропил на диво крепких".
Так приехал Лемминкяйнен,
В милый дом к себе вернулся,
Прямо к матери родимой,
Подошел к своей старушке.
Мать слова такие молвит,
Говорит такие речи:
"Что ты долго оставался,
Мой сыночек, на чужбине?"
Но веселый Лемминкяйнен
Ей сказал слова такие:
"Пусть теперь смеются жены,
И невинные девицы
Пусть теперь позубоскалят,
Похохочут надо мною,-
Взял я лучшую из всех их,
Посадил на коврик в сани,
Бросил я ее под полость,
Под меха швырнул поспешно.
Отплатил я за насмешку,
За хихиканье девицье.
Мать, ведь ты меня носила
И питала, дорогая!
Приобрёл, чего желал я,
И достиг, к чему стремился.
Дай получише изголовье,
Дай помягче мне подушки,
Чтоб на родине уснул я
Рядом с юною девицей!"
Мать на это так сказала,
Речи молвила такие:
"Богу вышнему хваленье,
И хвала тебе, создатель!
Ты мне дал теперь невестку,
Мне огонь она раздует,
Будет ткать она прекрасно,
Скрутит нитки веретенцем
И отлично постирает
И холсты побелит славно!
Ты хвали судьбу, сыночек,
Ты устроился прекрасно.
Хорошо создатель сделал,
Он, отец, любовью полный:
Чист по снегу подорожник -
Зубки у невесты чище;
Хоть бела на море пена -
Нет пятна в роду девицы;
Хоть стройна на море утка -
Уточка твоя стройнее;
Ясны звезды в синем небе

*А красавица яснее,
Сделай, сын, полы пошире,
Окна вырубь побольше,
Стены новые сложи ты,
Выстрой новые покои,
Перед горницей порожки,
Над порогом двери сделай,
Ведь цветок заполучил ты,
Захватил себе красоту,
Что тебя повыше родом
И знатней происхожденьем!"*

Руна двенадцатая

1. Кюллики забывает свою клятву и отправляется в деревню, что приводит в гнев Лемминкяйнена, решающего немедленно бросить ее и отправиться свататься к девице Похъёлы

2. Мать пытается всячески удержать сына и предсказывает ему погибель; Лемминкяйнен, расчесывавший волосы, злобно бросает щетку и говорит, что когда из него потечет кровь, то кровь потечет и из этой щетки.

3. Он снаряжается, отправляется в путь, прибывает в Похъёлу и пением вызывает всех мужчин Похъёлы из жилищ; только одного злого пастуха он оставил без песни.

*Ахти, юный Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауколайнен,
Все живёт да поживает
Вместе с юною девицей.
На войну не ходит Ахти,
Кюллики нейдет в селенье.
Вот случилось однажды,
Рано в утреннее время
Вышел Ахти Лемминкяйнен
В те места, где рыбы мечут,
И под вечер не вернулся.
Шут, когда уж смерклось, ночью
Кюллики пошла в селенье,
Где все девушки плясали.
Кто расскажет это дело,
Принесёт о том известье?
Айники, его сестрица,
Рассказала это дело,
Принесла о том известье:
"Ахти! милый ты мой братец,
Кюллики пошла в селенье,
На село к чужим калиткам,
Где играют молодежи,
Где красавицы танцуют".
Ахти, матери сыночек,
Шот веселый Лемминкяйнен,
Омрачился, обозлился;
Зол был Ахти всю неделю
И сказал слова такие:
"Мать, старушка дорогая,*

Постирай скорей рубашку
В яде чёрных змей ужасных,
Высуши её скорее,
Чтоб я мог пойти сражаться
В Похьёлу с её сынами,
На поля сынов лапландских,
Кюлликқи ушла в селенье,
На село к чужим қалитқам,
Где играют молодежи,
Где красавицы танцуют".
Кюлликқи ему сказала,
Быстро вымолвила слово:
"О возлюбленный мой Ахти,
На войну не отправляйся!
Польқо я вчера заснула,
Увидала сны такие:
Шёл огонь, как из горнила,
Выбивалось сильно пламя
Под оқошқами у дома,
По краям стены высокой;
Ворвалось затем в поқои,
Зашумело водопадом,
В потолок от пола билось,
От оқошқа до оқошқа".
Пут веселый Лемминқайнен
Говорит слова такие:
Женским снам совсем не верю,
Как не верю женским клятвам.
Мать, ведь ты меня носила!
Дай военную рубашку,
Дай кафтан мне для сраженья:
Страсть влечет меня на битву,
Пиво битвы буду пить я,
Мед отведаю сраженья".
Мать ему сказала слово:
"Милый Ахти, мой сыночек,
На войну не отправляйся!
Пиво есть у нас и дома,
Пиво есть в еловых бочках,
За дубовой втулқой бродит.
Для тебя все это пиво,
Пей его с утра до ночи".
Отвечает Лемминқайнен:
"Не хочу я пива дома!
Лучше буду пить я воду,
Пить её веслом смоленным:
Слаще этот мне напиток,
Чем вся брага в этом доме.
Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
В села Похьёлы пойду я,
На поля сынов лапландских,
Чтобы золото забрать там,
Серебро принести оттуда".

Говорит мать Каукомъели
"Милый Ахти, мой сыночек!
Золота и дома много,
Серебро лежит в запасе.
Вот что здесь вчера случилось:
Рано в утреннее время
Раб пахал гадючье поле,
Запахал змеиный угол,
Сошником он поднял крышку,
В сундучке нашел монеты;
Были собраны там сотни,
Тысячи под крышкой были.
Внес находку в кладовую
И поставил под стропила".
Отвечает Лемминкяйнен:
"Не нужна мне кладовая.
Серебро, что взято с бою,
Несравненно мне дороже,
Чем все золото, что дома,
Серебро, что взяли плугом.
Дай военную рубашку,
Принеси кафтан для битвы!
В Похъёлу теперь пойду я
Избивать сынов лапландских
Мне пришло одно желанье,
Я одну задумал думу:
И хочу там сам услышать
И своим увидеть глазом,
Есть ли в Похъёле девица,
Дева в Пиментоле темной,
Чтобы мужа не хотела,
Жениха не пожелала".
Говорит мать Каукомъели:
"Милый Ахти, мой сыночек!
Кюлликки твоя тут лучше,
Всех жена твоя прекрасней.
Ведь чудно двух жен увидеть
На одной постели мужа".
Отвечает Лемминкяйнен:
"Кюлликки в селенье ходит;
Пусть она, там поигравши,
По чужим домам ночует,
С молодежью веселится
И с красавицами пляшет!"
Удержатъ его мать хочет,
Остеречь его, старушка:
Не ходи ты, мой сыночек,
В села Похъёлы далекой,
Не ходи без чародейства,
Без премудрости могучей
К избам Похъёлы суровой,
На поля детей лапландских,
Запоет тебя лапландец,
Заключит тебя турьянец

По уста положит в угли,
В пламя голову и плечи,
В жаркую золу всю руку,
На каменьях раскаленных".
Отвечает Лемминкяйнен:
"Чаровали чародеи,
Заключали эти змеи.
При лапландца собралися
На меня средь летней ночи;
Толы были на утесе,
Без одежд, без подпоясок,
Неприкрытые нисколько.
От меня они там взяли,
От меня там получили,
Что топор берет от камня
Что на льду каблуки стирает,
Что буря берет с утеса
И что смерть в пустом жилище.
А в другой раз было лучше:
Дело шло тогда иначе.
Мне грозили заключанья,
Мне грозили их заклятья,
Что завязну я в болоте;
В том болоте, где бродил я,
Я попал уж было в тину,
По колено был в трясины
И по бороду в грязи был;
Но я – муж других не хуже –
И тогда не пал я духом.
Стал я тотчас чародеем,
Сам я начал заключанья.
Я запел – и чародеи,
Те стрелки с своим оружием,
Те волшебники с ножами,
Те певцы с своею сталью,
Обратились водопадом,
Ужасающей пучиной,
Самым злым водоворотом.
Пусть они себе там дремлют,
Колдуньи пусть почивают;
Прорастут весной травы
Через головы и шапки,
Через плечи чародеев,
Через мясо на боках их,
Чародеев крепко спящих
И дремотою заклятых".
Все ж старушка запрещает
Каукомъели отправляться,
Сыну мать не позволяет,
Женщина героя просит:
"Не ходи отсюда, милый,
В те голодные селенья,
В Похьёлу, в страну тумана!
Там опасность угрожает,

Мужу бедному там страшно;
Шам живет несчастье, Ахти;
Хоть ты будешь стоязычным,
Что несбыточно вовеку,
Все же ты не бросишь пеньем
Похъёлы сынов в пучину:
Языков их ты не знаешь -
Ни лапландцев, ни турьянцев".
Приоделся Лемминкяйнен,
Развеселый Каукомгели,
Волосы свои он чешет,
Щеткой их усердно гладит.
Щетку он к стене бросает,
К косяку бросает, к печке,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Лишь тогда несчастье злое
Лемминкяйнена постигнет,
Если кровь из щетки брызнет,
Если красная польётся".
И пошел веселый Ахти
В Похъёлу, в страну тумана,
Мать свою он не послушал,
Как она ни запрещала.
Снарядился, взял он пояс
И железную рубашку,
Он надел из стали пояс,
Говорит слова такие:
"Крепче будет муж в кольчуге,
Лучше в панцире железном,
В пояске стальном сильнее
Против этих чародеев;
В них ему не страшен худший
И сильнейший не опасен".
Он за меч тогда схватился;
Как огонь, тот меч рубился,
Был отточен он у Хийси,
У богов был отшлифован;
Меч себе повесил сбоку,
Спрятал в кожаные ножны.
Где же Ахти притаился,
Где герой укрылся смелый?
Он тихонько притаился,
Спрятался герой без шума
Под стропилами у двери,
Притаился у порога,
На дворе, у переулка,
У калиточки последней.
Шам укрылся осторожно,
Быстро спрятался от женщин.
Но такая осторожность
Помогла герою плохо:
Должен он укрыться дальше
От толпы мужей могучих

На развилине дороги,
На спине холодной камня,
На болотной зыбкой почве,
У текущего потока,
У каменьев водопада,
При изгибе вод шумящих
Шут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Выходите вы с мечами,
Вечные земли герои,
Вы из глуби, меченосцы,
Лучники, из рек глубоких!
Лес, и ты иди с мужами,
Шы с своей толпою, чаща;
Старец гор – с своею силой,
Водяной ужасный Хийси,
Мать воды с своею мощью,
Старец вод с своей толпою;
Вы, из всех долин русалки,
Опененные потоком,
На защиту станьте мужа,
Как товарищи героя,
Чтобы стрелы чародеев
Острием мне не вредили,
Ни железные ножи их,
Ни стрелков оружие злое.
Если ж этого все мало,
Знаю я другое средство:
Обращусь, вздыхая, кверху,
К старцу вышнему на небо,
Где он правит туч грозою,
Облаками управляет.
О ты, Укко, бог верховный,
Шы, отец небесный древний,
Что беседуешь сквозь тучи,
Открываешься сквозь воздух!
Дай мне меч, огнем горящий,
В огненных горящий ножнах,
Чтоб опасность отвратил я,
Помешал бы я несчастью,
Победил бы чародеев
Из земли, из вод шумящих
Шех, что станут предо мною,
Что останутся за мною
И с боков, и надо мною,
И вокруг здесь соберутся,
Чтоб залял я чародеев,
Чтоб с их стрелами, с ножами,
С их блестящими мечами,
Я залял мужей негодных!"
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели,
Шут позвал коня из леса,
Златогривого с поляны;

Жеребенка запрягает,
Ставит рыжего в оглобли
И тогда садится в сани:
Поместившись на сиденье,
Он коня кнутом ударил,
Узловатым лошадь хлопнул.
Быстро конь бежит оттуда,
Сани мчат, скрипят полозья,
И гудит песок серебристый
И равнина золотая.
Едет день, другой день едет,
Также едет он и третий,
Наконец, уже на третий,
На деревню он наехал.
Скачет быстро Лемминкяйнен
Скачет быстро по дороге,
Нижней улицею едет,
Едет к нижнему строенью.
У столба остановился
И с порога так спросил он:
"Не найдется ль кто в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Опустил бы мне оглобли
И хомут стащил с лошадки?"
На полу сидел малютка;
Так с порога мальчик молвил:
"Никого здесь нет в избушке,
Кто бы мог гужи ослабить,
Отпустить твои оглобли
И хомут стащить с лошадки".
Не горюет Лемминкяйнен,
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул он жгутом жемчужным,
Быстро мчится по дороге,
Едет улицею средней,
Едет к среднему строенью;
Стал под самым там навесом
И с порога так спросил он:
"Не найдется ль кто в избушке,
Кто мои поддержит вожжи,
Кто б сумел с груди и с шеи
Отвязать ремни искусно?"
С печки старая болтунья,
Со скамейки закричала:
"Да, найдется в этом доме,
Кто твои поддержит вожжи
И гужи твои развяжет,
Спустит на землю оглобли;
Здесь найдешь мужей десяток,
Сотню целую, коль хочешь,
Что тебя отсель спровадят,
На проезд дадут лошадоқ,
Да домой плута отправят,
В край родной плута дрянного,

На отцовскую скамейку,
В материнское жилище,
К самой братниной калитке,
К сестрам на пол, и доставят
Раньше, чем наступит вечер,
Раньше, чем здесь сядет солнце".
Не горюет Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
"Застрелить старуху нужно б,
Застрелить болтунью эту".
На коне спешит оттуда,
Гонит быстро по дороге,
Едет улицею верхней,
Едет к верхнему строенью.
Вот веселый Лемминкяйнен
Ко двору тому подъехал
И сказал слова такие
И такие речи молвил:
Хийси! ты зашей собаке,
Шы зашей ей, Лемпо, морду,
Удержи ей пасть от лая,
Шы сожми собаке зубы,
Чтобы лай не раздавался,
Если муж пройдет здесь мимо!"
Вот во двор туда вошел он,
По земле кнутом ударил:
Из земли туман поднялся,
И в тумане – человек.
Он лошадку рассупонил,
Опустил затем оглобли.
Сам веселый Лемминкяйнен
Слушать начал осторожно,
Чтоб никто его не видел
И никто бы не приметил.
С улицы он слышит песни
И слова сквозь конопатку,
Слышит музыку сквозь стенку,
Он сквозь доску слышит пенье.
Заглянул он внутрь тихонько,
Посмотрел тихонько в избу:
Колдунов полны пороги.
С музыкой у стен сидели,
Громко пели чародеи,
Прорицатели – у двери,
Знахари же – на скамейках,
Защинатели – на печке,
Множество лапландских песен,
Мудрые творенья Хийси.
Сам веселый Лемминкяйнен
Изменить свой облик хочет,
Изменяется в объеме,
Проникает он сквозь угол;
Он проходит внутрь строения,
Говорит слова такие:

"Лучше пеньё с окончаньем,
Покороче песнь приятней;
Лучше мудрость всю запомнить,
Чем порвать на половинки".
Шотчас Похъёлы хозяйка
Всполошилась, взволновалась,
На средину пола стала,
Говорит слова тақие:
"Прежде пес, бывало, лаял;
Этот пес, железный цветом,
Мясо, кости пожирает,
Свежей кровью запивает.
Из кақих мужей ты будешь,
Из числа кақих героев,
Что ты в горницу проходишь,
Проникаешь ты в жилище
Шақ, что пес тебя не слышал
И брехун не мог учуять?"
Отвечает Лемминкяйнен:
"Знай, что я сюда к вам прибыл
Не без знанья и искусства,
Не без мудрости и силы,
Не без отчесқих зақлятий,
Не без дедовсқих познаний,
Чтоб собақи не кусались,
Брехуны меня не рвали.
Мать моя меня купала,
Кақ я слабым был малютқой,
Летней ночью по три раза,
Девять раз осенней ночью,
Чтоб на каждой я дороге
Оградить себя мог пеньем,
Чтоб могуче пел я дома,
Колдуном был на чужбине".
Шут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауқомгъели,
Начал грозные зақлятья,
Зақлинательные песни.
Полилось из шубы пламя
И из глаз огонь струился,
Кақ запел тут Лемминкяйнен,
Кақ он начал зақлинанья.
Он запел – и кто был лучшим,
Стал певцом совсем негодным;
Он набил им в рот каменьев,
В глотқи им он вдвинул сқалы,
Шем певцам, повсюду славным,
Знаменитым чародеям.
Он зақлял мужей тех гордых,
По местам расқинул разным:
На поляны без растений,
На невспаханное поле,
На безрыбные озера,
Где и окунь жить не может,

В водопад ужасный Рутьи,
В ту горящую пучину,
В тот поток, покрытый пеной,
Как камень, их поставил,
Чтоб они огнем горели,
Чтоб, как искры, там трещали.
И веселый Лемминкяйнен
Шесть мужей заклил с мечами,
Шесть героев с их оружием,
Стариков, а также юных,
Вместе с ними возраст средний;
Одного лишь не заклил он,
Шолько пастуха дрянного,
Шолько старого, слепого.
Этот старый, в мокрой шапке,
Говорит слова такие:
"О веселый Лемминкяйнен,
Всех заклил ты старых, юных,
Вместе с ними возраст средний,
Отчего ж мне дал пощаду?"
Отвечает Лемминкяйнен:
"Оттого я дал пощаду,
Что тебя и видеть жалко,
Скверен ты и без заклятий.
Шь, когда еще был молод,
Пастухом был самым злобным;
Деток матери ты портил,
И сестер родных срамил ты,
Лошадей всех перепортил,
Жеребят всех искалечил
По полям и по болотам,
По колеблющимся топям".
Но пастух тот в мокрой шапке
Был в обиде очень злобен;
Вышел из дверей наружу,
Через двор он вышел в поле,
К водам Пуонелы помчался,
К бездне той реки священной.
Поджидал там Кауконгели,
Лемминкяйнена там ждал он,
Как из Похьёлы обратно,
В дом родной к себе поедет.

Руна тринадцатая

1. Лемминкяйнен просит дочь у хозяйки Похьёлы, которая ставит ему условие, чтобы он достал лося Хийси.
2. Лемминкяйнен отправляется за лосем с хвастливыми словами, но вскоре, к своему огорчению, обнаруживает, что хвастовством лося не добыть.

Вот веселый Лемминкяйнен
Молвил Похьёлы хозяйке:

"Ты отдай мне дочь-девицу,
Дочь отдай свою, старуха,
Пу, что всех других прекрасней,
Ростом выше всех красавиц!"
Молвит Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"За тебя я дочь не выдам,
Не отдам тебе девицу
Ни получше, ни похуже,
Ни повыше, ни пониже,
У тебя давно жена есть,
Привезённая хозяйка".
Отвечает Лемминкяйнен:
"Кюлликки, жену, из дома
Выгоню к чужим в деревню,
На село к чужой калитке.
Здесь ищущую жену получишь;
Ты свою отдай мне дочку,
Из толпы девиц красотку,
Из числа прекраснокудрых".
Молвит Похьёлы хозяйка:
"Никогда я дочь не выдам
За пустого человека,
За ничтожного героя.
Вот тогда проси ты дочку,
У меня цветочек сватай,
Коль поймашь Хийси лося
На полянах дальних Хийси".
Острие поспешно Ахти
Насадил на быстрый дротик,
Натянул и тетиву он,
Приготовил стрел для лука.
Говорит слова такие:
"Насадил я быстрый дротик,
Заготовил стрел для лука,
Тетиву уж натянул я,
Остается мне немного -
Позаботиться о лыжах".
Шут веселый Лемминкяйнен
Пораздумал и размыслил:
Как бы сделать эти лыжи,
Из чего бы их устроить?
К дому Кауппи тут идет он,
В кузню к Люликки он входит:
"О ты, мудрый Вуоялайнен,
Ты кузнец лапландский лучший!
Сделай мне две славных лыжи,
Отстругай их мне поглаже,
Чтоб поймал я Хийси лося
На поляне злого Хийси".
Люликки в ответ промолвил,
Кауппи тут решает быстро:
"Зря идешь ты, Лемминкяйнен,
Зря идешь за Хийси лосем,-

Ведь при всем своем старанье
Ты лишь пень гнилой получишь".
Не горюет Лемминкяйнен!
Говорит слова такие:
"Ты мне только сделай лыжи.
Чтоб они готовы были.
А уж я поймаю лося
На поляне дальней Хийси".
Люликки был мастер в деле,
Кауппи тот искусен в лыжах,
Вырезает лыжи в осень,
Их обтачивает в зиму,
День один строгаёт палку,
День другой – кольцо упора.
Лыжа левая готова,
Лыжа правая за нею,
Приготовлены и палки,
И приложены к ним кольца,
И ценою палка с выдру,
А колечко – с лисью шкуру,
Жиром лыжи он намазал,
Мажет их оленьим салом;
Сам в уме он держит думу,
Говорит слова такие:
"Суждено ль кому из юных
В подрастающем народе,
Этой левой лыжей двигать,
Также двигать лыжей правой?"
Молвил юный Лемминкяйнен,
Удалец, цветущий жизнью:
"Да, один из этих юных
Из растущего народа,
Будет левой лыжей двигать,
Будет двигать также правой".
На спине қолчан приладил,
Положил свой лук на плечи,
Захватил он в руки палку;
Начал двигать левой лыжей,
А за нею также правой,
Говорит слова такие:
"Не найдется в божьем мире,
Под небесным этим сводом
И под этими ветвями
Ни один четвероногий,
Кто не мог бы быть достигнут,
Не достался бы в добычу
Сыну Калевы младому,
Лемминкяйнену на лыжах".
Слышат это люди Хийси,
Ютас эти речи слышит;
Создает тут лося Хийси,
Ютас делает оленя:
Голову из пня гнилого
И рога из веток ивы;

Вместо ног – тростник прибрежный,
Из болотных трав – колени,
Из жердей – спина у лося,
Из сухой соломы – жилы,
А глаза – цветок болотный,
Из цветов озерных – уши,
Из коры сосновой – кожа,
Из бревна гнилого – мясо.
Наставляя тут Хийси лося,
Говорил слова такие:
"Пы беги, мой лось прекрасный,
Благородный лось, стремися
На места, где много лосей,
На поля сынов лапландских,
Пусть побегаёт изрядно,
Попотеет Лемминкяйнен!"
Хийси лось тогда помчался,
Побежал олень прекрасный
Мимо Похьёлы амбаров,
По полям сынов лапландских,
Опрокинул он кадуюшку,
На огонь котел он сбросил,
Мясо вывалил в золу он,
На очаг похлебку вылил.
И поднялся шум ужасный
На полях сынов лапландских;
Стали лаять их собаки,
Дети стали громко плакать,
Жены принялись смеяться,
Зароптали все лапландцы.
Сам веселый Лемминкяйнен
Лося Хийси догоняет
По земле и по болотам,
Нескончаемым полянам:
Из-под лыж огонь стремится,
Из-под палки дым выходит,
Только лося все не видно,
Все не видно и не слышно.
Мчит лесами, городами,
Мчится по заморским странам,
По дремучим дебрям Хийси,
Через все поляны Калмы,
Перед самой пастью смерти,
Пред самим жилищем Калмы.
Смерть уж пасть свою открыла,
Калма голову склонила,
Чтоб схватить того героя,
Проглотить там Каукомъели:
Не смогла его похитить,
Не смогла его настигнуть.
Лишь в одном местечке не был,
Лишь туда зайти осталось,
В дальних Похьёлы угодьях,
На больших лапландских землях.

Он зашел и в то местечко,
Заглянул и в этот угол.
До конца угла доехал,
Слышит, с Похъялы окраин
Шум ужасный раздаётся
На полях сынов лапландских
Заливаются собаки,
Плачут дети у лапландцев,
Громко женщины смеются.
А мужья-лапландцы ропщут.
Шут веселый Лемминкяйнен
Поворачивает лыжи,
Едет он на лай собачий,
На поля сынов лапландских
И, приехавши, сказал он,
Шаг спросил, остановившись:
"Что тут женщины смеются,
Отчего тут дети плачут,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки?"
"Оттого смеются жены,
Оттого тут плачут дети,
Люди старые горюют,
Лают серые собаки,
Что пронесся лось тут Хийси,
Простучал копытом гладким;
Опрокинул лось кадуюшку,
На огонь котел он сбросил;
Наше варево он вылил,
На огонь похлебку пролил".
Слышит это плут веселый,
Молодец тот, Каукомъели,
Лыжу левую подвинул,
Как гадюку по пожогу;
Он скользнул болотной елью,
Как живой змеей, по снегу,
Сам, скользя, промолвил слово,
Шаг сказал, держась за палку:
"Ну, теперь лапландец каждый
Принесет мне тушу лося;
Может каждая лапландка
Здесь котел почище вымыть;
Из детей лапландских каждый
Насбирать мне может щепок;
И котел лапландский каждый
Может здесь сварить мне лося!"
Все свои напруг он силы,
Подался вперед, понесся;
В первый раз он лыжей двинул
И исчез из глаз тотчас же;
Во второй раз лыжей двинул
И его не слышно стало;
С третьим разом попадает
Прямо на спину он к лосю.

Вот схватил он қол кленовый,
Из ветвей березы вязку,
Чтоб связать покрепче лося,
За плетень свести дубовый:
"Шут побудь теперь, лось Хийси,
Шут постой, скакун свирепый!"
По спине он лося гладит,
Преплет ласково по шее:
"А с меня уже довольно,
Отдохнуть теперь могу я
Рядом с юною девицей,
С этой курочкой растущей!"
Хийси лось приходит в ярость,
Дико начал выбиваться,
Говорит слова такие:
"Пусть тебе поможет Лемпо
Полежать с девицей юной,
Провести с ней время вместе!"
Лось уперся, понапрягся,
Рвет он вязку из березы,
Қол кленовый он ломает,
Валит он плетень дубовый.
Убегает лось оттуда,
Устремляется поспешно,
По полям и по болотам,
По горам лесистым мчится
Так, что глазом уж не видно
И совсем не слышно ухом.
Шут молодчик омрачился,
Опечалился веселый,
Стал свирепым и сердитым,
Мчится он за Хийси лосем;
Дал один толчок ногою,-
В яме вдруг застряла лыжа,
И ремень на лыже лопнул,
А другой ремень на пятке,
Ручка дротика сломалась,
И конец сломался палки.
Хийси лось вперед умчался,
И опять его не видно.
Грустно смотрит Лемминкяйнен,
Опустил главу печально,
Видит сломанные вещи,
Говорит слова такие:
"Пусть никто в течение жизни,
Пусть никто из всех на свете
Не стремится в лес упрямо,
За негодным Хийси лосем,
Как стремился я, несчастный:
Я совсем испортил лыжи,
Поломал в лесу я палку
И согнул в лесу свой дротик!"

Руна четырнадцатая

1. Обычными охотничьими заклинаниями и мольбами Лемминкяйнен наконец добывает лося и увозит в Похьёлу.

2. Вторым условием ему велят укротить огнедышащего коня Хийси, которого он обуздывает и пригоняет в Похьёлу.

3. Третьим условием – велят застрелить лебедя на реке Туони. Лемминкяйнен приходит на реку Туони, там его поджидает обойденный им в песне пастух, который убивает его и бросает на порог Туони. Сын Туони разрубает тело Лемминкяйнена на куски.

Вот веселый Лемминкяйнен
Так подумал и размыслил:
По какой свернуть дороге,
Путь какой тут выбрать лучше -
Или бросить лося Хийси,
Самому домой вернуться,
Иль еще раз попытаться
Поохотиться за лосем
Матери лесов на радость,
Девам бора на отраду?
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"О ты, Укко, бог верховный!
Укко, ты отец небесный!
Сделай мне получше лыжи,
Дай ты им большую скорость,
Чтоб на них я мог промчатся
По земле и по болотам
Прямо в край далекий Хийси,
В Похьёлу, в поля большие,
За чудесным лосем Хийси,
По следам красавца лося!
Вот иду я в лес дремучий,
Без героев на работу
По дороге Шапиолы
Мимо Шапио жилища.
Мой поклон вам, горы, выси,
Вам, леса прекрасных елей,
Вам, осиновои рощи,
Также тем, кто к вам приветлив!
Пропустите, лес, пустыня;
Шапио, будь благосклонен,
Пропусти на горы мужа,
Дай пройти мне по болотам,
Чтоб поймать мою добычу,
Получить мою награду!
Нюррикки, сын Шапиолы,
Муж чудесный в красной шапке!
Сделай метки по дороге,
На горах поделай меток,
Чтобы шел я, глупый, прямо,
Чтобы верный путь нашел я,
Шут гонясь за добычей

И охотясь за наградой,
Миэлиққи, ты, мать-старушка,
Леса чудная хозяйка,
Разбросай свое ты золото,
Серебро свое рассыпь здесь
Перед мужем, что блуждает
По следам, по всяким ямкам!
Ты возьми ключи золотые
С твоего кольца на чреслах,
Шапио амбар открой ты,
Поищи в лесных палатках,
Здесь пока я жду добычи,
За охоту жду награды!
Если ж ты сама не хочешь,
Ты пошли своих служанок,
Ты пошли своих прислужниц,
Прикажи ты подчиненным!
Что ж ты будешь за хозяйка,
Если слуг ты не имеешь,
Если сотни нет прислужниц,
Если тысячей не служат,
Чтоб спасти стада лесные,
Чтоб заботиться о дичи?
Дева, Шапио служанка,
Сладкогласная девица!
Ты пойдь с медовой дудкой!
Посвисти свирелью сладкой
Пред великой госпожой,
Пред хозяйкой леса дивной;
Ты ей дашь услышать звуки,
Ото сна ее пробудишь -
Ведь она совсем не слышит,
Сна досель не покидает.
Умоляю неотступно,
Золотой язык тревожу!"
Развеселый Лемминкяйнен
Так, все время без добычи,
По лесам он пробегает,
По полям и по болотам,
К угольным высотам бога,
К угольной поляне Хийси.
День скрльзит он и другой день,
Наконец, уже на третий,
Подошел к горе великой,
На утес великий вышел;
Бросил взоры он на север,
Посмотрел через болото:
Видит Шапио жилище,
Двери золотом блистают,
Блеск идет через болота,
Через гору, чрез кустарник,
Шут веселый Лемминкяйнен
С своего уходит места,
Приближается к жилищу,

К окнам Шапио подходит.
В ожиданье там укрылся,
Под шестым присел окошком:
Там дающие даянья
Злаков матери сидели
В самых будничных одеждах,
В самых рваных, грязных платьях,
Так промолвил Лемминкяйнен:
"Что сидишь, хозяйка леса,
В самой будничной одежде,
В самом рваном, грязном платье
На тебя смотреть мне стыдно -
Так чудна твоя наружность;
Далеко ты не прекрасна
С огрубевшим, грязным телом.
Как блуждал я этим лесом,
При дворца в лесу нашел я:
Костяной и деревянный,
Претий был дворец из камня;
Шесть золотых прекрасных окон
Были там на каждой стенке.
Посмотрел я сквозь окошко
И увидел, притаившись,
Шапио, владыку леса,
Видел дочь его, хозяйку,
Шеллерво я там заметил,
Весь народ лесной увидел:
Все они шумели золотом,
Серебром они звенели;
А сама хозяйка леса,
Подающая отраду,
В золотом была браслете,
В золотых на пальцах кольцах;
Головной убор из золота,
В волосах золотые ленты,
А в ушах золотые серьги
И на шее крупный жемчуг.
Милая хозяйка леса,
Шы, медвяная старушка!
Сбрось соломенные туфли,
Сбрось ты лапти из бересты,
Сбрось противные лохмотья,
Сбрось рабочую рубашку;
Платье радости возьми ты
И рубашку понарядней,
Здесь пока хожу я лесом
В поисках своей добычи!
Сильно я в лесу скучаю;
Омрачился оттого я,
Что хожу здесь понапрасну
И все время без добычи;
Обещай ее доставить,
Чтоб немного отдохнул я;
Так печально долог вечер,

Долог день, коль нет добычи.
Дед лесов седобородый.
Мох – твой плащ, а хвоя – шапка!
Затяни леса в полотна,
Облеки одеждой рощи,
Покрывало дай осинам,
Платье мягкое дай ольхам,
Серебром покрой ты сосны,
Шы рассыть по елям золото,
Опояшь ты сосны медью,
Серебром лесные сосны;
Пусть цветет береза золотом,
Дай на ствол ей погремушки;
Сделай, как в былое время;
Дни тогда получше были:
Точно солнце, ель блестела,
И сосна – как будто месяц
Медом пахло по лесочку,
Медом пахло в синей роще,
Пахло пряным на поляне,
У болот стекало масло!
Дочка Шапио, девица,
Шуликки, царевна леса!
Пригони ты дичь к опушке,
К протянувшимся полянам;
Коль она бежать не хочет,
Коль сюда пойдет лениво,
От куста возьми ты хлыстик,
Хлыст березовый в долине,
И хлещи ее по бедрам,
Ударяй ее по боку
И гони скорее к месту,
С быстротой гони добычу
К ожидающему мужу,
По охотничьему следу!
Если выйдет на тропинку,
Пусть она бежит тропинкой,
Протяни ты обе руки,
Не давай ей сторониться,
Чтобы дичь не ускользнула,
Не сбежала бы с тропинки;
Если ж дичь уйдет оттуда,
Если на сторону выйдет,
За ухо отбрось к дороге,
За рога веди к тропинке!
Коль есть хворост на дороге,
Шы отбрось на край дороги;
Если там лежат деревья,
Разломай их на кусочки!
Если там плетень ты встретишь,
Опрокинь его на землю,
Обломай пять перевязок,
Опрокинь там семь подпорок!
Встретишь реку на дороге,

Ручеечек на тропинке,
Мостик шелковый ты сделай
Из пунцового платочка,
Перекинь через проливы,
Через воду перебрось ты,
Через Похъёлы потоки,
Через пену водопада!
Шапио, хозяин леса!
Мимеркки, его хозяйка!
Дед лесов седобородый,
Золотой владыка леса!
Шы, владычица лесная,
Шы, лесная мать даяний,
Старица в одежде синей
И в чулках с прошивкой красной!
Приходи меняться золотом,
Серебром со мной меняться;
От луны – мое все золото,
Серебро мое – от солнца;
На войне его добыли,
Лишь с трудом достали в битве,
И лежит без пользы в сумке,
Пропадает зря в кювете.
Неразмечно это золото,
Серебро менять мне не с кем".
Уж веселый Лемминкяйнен
Пробежал далеко лесом,
На опушке пел он песни,
В глубине трех рощ зеленых,
Он склонил к себе хозяйку
И хозяина лесного;
Дев лесных расположил он,
Благосклонны стали девы.
Испугали, выгоняют
Из лесов заросших лося,
С горки Шапио сгоняют,
По краям жилища Хийси,
К ожидающему мужу,
Чтоб он мог поймать добычу.
Сам веселый Лемминкяйнен
Свой аркан набросил быстро
На плечо лосенка Хийси,
На его набросив шею,
Чтоб не бился он ногами,
Коль ему погладишь спину.
И веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Властелин страны и леса,
Красота полян обросших!
Миэликки, ты, мать лесная,
Шы, лесная мать даяний!
Приходи, возьми ты золото,
Серебро бери скорее,
Расстели платок широкий,

Положи платок на землю,
Под блистающее злато,
Под серебро, что так прекрасно,
"Чтоб на землю не упало,
Не рассыталось по грязи!"
После в Похъёлу пошел он
И, придя, промолвил слово:
"Наконец-то лось чудесный
Пойман на поляне Хийси!
Шы отдай мне дочь, старуха,
Дай девицу мне в супруги!"
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Лишь тогда отдам я дочку,
Дам тебе девицу в жены,
Коль коня взнуздаешь Хийси,
Коль поймашь Хийси лошадь,
Жеребца, что вечно в мыле
По краям полян у Хийси".
Взял веселый Лемминкяйнен
Золотистую уздечку,
Серебристый недоуздок
И пошел искать ту лошадь,
Стал следить за долгогривой
По краям полян у Хийси.
Быстро он идет в дорогу,
Он идет поспешно с места
На зеленые поляны,
На края святого поля;
Шам коня прилежно ищет,
Ищет лошадь с длинной гривой;
Он заткнул узду за пояс,
На плечо он вскинул сбрую.
Ищет день, другой день ищет,
Наконец, уже на третий,
Он взошел на холм высокий,
Лезет на спину утеса;
Бросил взоры он к востоку,
Обратил лицо на солнце;
На песке коня увидел,
Долгогривого у елей:
Из волос огонь струился,
Подымался дым из гривы.
И промолвил Лемминкяйнен;
"О ты, Укко, бог великий!
Шы ведь правишь туч грозою,
Облаками управляешь!
Отвори ты свод небесный,
Швердь воздушную раскрой ты,
Ниспусти ты град железный,
Шы пошли куски железа
В гриву жеребенку Хийси,
Белолобому на спину!"
Укко, тот творец всевышний,

Шот надоблачный создатель,
Пополам раздернул воздух,
Разломил он свод небесный,
Иней, град железный сбросил,
Ниспустил он град железный
Покрупней главы мужчины
И помельче лошадиной
Жеребенку Хийси в гриву,
Белолобому на спину.
Шут веселый Лемминкяйнен
Подошел, чтоб все увидетъ
И получише все заметить,
Сам сказал слова такие:
"Добрый конь поляны Хийси,
Шы, горы жеребчик юный!
Золотой нагнися мордой,
Головой, серебром блестящей,
Под уздечку золотую,
Под серебряные кольца!
Обижать тебя не буду,
Сильно гнать тебя не стану
По дороге недалекой,
На пути -весьма коротком,
К дому Похъёлы суровой.
Гнать не стану к злобной теще,
Бить ремнем тебя не буду,
Гнать хлыстом тебя не стану,
Поведу тебя на ленте,
Буду погонять шнурочком".
Рыжий жеребенок Хийси,
Запненный конь, нагнулся,
Золотой нагнулся мордой,
Головой, серебром блестящей,
В серебристую уздечку
Под колечки золотые.
Наконец-то Лемминкяйнен
Держит жеребенка Хийси;
Вздел узду ему на морду,
Надевает недоуздок,
Быстро на спину садится,
На крестец вскочил проворно.
Он коня кнутом ударил,
Гонит хлыстиком из ивы,
Едет быстро по дороге,
Направляется к высотам,
К тем горам на север дальний,
На хребет, покрытый снегом.
В Похъёлу он приезжает,
Со двора идет в покри.
Похъёлы он достигает,
Входит в дом, и так он молвит:
"Я взнуздаю коня большого,
Хийси скакуна поймал я
На полях его зеленых,

На краю святого поля.
Я настигнул лося Хийси
На поляне Хийси дальней.
Пы отдай мне дочь, старуха,
Девушку отдай мне в жены!"
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Я отдам в невесты дочку,
Дам тебе в невесты деву,
Если лебедя застрелишь,
Птицу сильную убьешь ты
Пуонелы в потоке черном,
В той святой реке, в пучине.
Но один лишь раз стреляй ты,
Подстрели одной стрелой".
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели,
Хочет лебедя увидеть,
Длинношеего заметить
Пуонелы в потоке черном,
В нижних Маналы пределах.
Шел он быстрыми шагами,
Подошел весьма поспешно
Прямо к Пуонелы потоку,
К той святой речной пучине.
Лук закинут за плечами,
За спиной колчан повешен.
Но пастух тот в мокрой шапке,
Похъёлы старик ослепший,
Стал у Пуонелы потока,
У святой речной пучины
И смотрел кругом все время,
Не придет ли Лемминкяйнен.
Наконец пастух однажды
Лемминкяйнена увидел,
Как тот шел все ближе, ближе,
Прямо к Пуонелы потоку,
К той стремнине водопада,
К той святой речной пучине.
Взял он словно трость из моря,
Из волны змею приподнял,
Ею в сердце он вонзает,
Лемминкяйнену сквозь печень,
Через левую подмышку,
Прямо в правую лопатку.
И веселый Лемминкяйнен
Потемнел от сильной боли,
Говорит слова такие:
"Поступил я очень дурно,
Что спросить не догадался:
У родной моей старушки
Не спросил те два словечка
И не больше, как три слова,
Как мне быть и что мне делать

В эти дни ужасных бедствий?
Есть слова от язв змеиных,
От змеиного укуса.
Мать, ведь ты меня носила
И, трудясь, воспитала!
Ты узнай, родная, можешь,
Где теперь твой сын несчастный.
Ты приди сюда скорее,
Ты приди ко мне на помощь,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти меня от смерти,
Чтоб я юношей проснулся
И пошел, цветущий жизнью!"
Так пастух тот в мокрой шапке,
Похъёлы старик ослепший,
Лемминкяйнена забросил,
Сына Калевы повергнул
В воду Туонелы подземной,
В эту бурную пучину.
И веселый Лемминкяйнен
С шумом падает в течение;
Там шумит он с водопадом,
С быстрой Туонелы стремниной.
Тотчас Туони сын кровавый
Меч вонзает в Каукомъели:
Лезвием ударил острым,
Так что искры полетели;
В пять кусков пластает мужа,
На восемь частей разрезал;
В воду Туонелы подземной,
В реку Маналы он бросил:
"Ты лежи себе там вечно
С крепким луком и колчаном!
Лебедей стреляй в потоке,
Птиц речных в течение мрачном".
Так скончался Лемминкяйнен,
Тот жених неутомимый,
Туонелы в потоке черном,
Маналы в глубокой речке.

Руна пятнадцатая

1. Из щетки, оставленной дома Лемминкяйненом, начинает сочиться кровь; мать угадывает о гибели сына. Она торопится в Похъёлу и спрашивает у хозяйки Похъёлы, куда та дела Лемминкяйнена.

2. Хозяйка Похъёлы признается ей, какое поручение дала Лемминкяйнену, а солнце открывает ей место, где находится погибший Лемминкяйнен.

3. Мать Лемминкяйнена с длинными граблями в руках отправляется к водопаду Туони, разгребает воду, пока не находит всех частей тела своего сына, соединяет эти части и при помощи заклинания и мазей возвращает Лемминкяйнена к жизни.

4. Придя в сознание, Лемминкяйнен рассказывает, как он был убит на реке Туони, и возвращается с матерью домой.

В доме Ахти мать-старушка
Думу думает о сыне:
"Где теперь мой Лемминкяйнен,
Где мой Кауко пропадает?
Не слышать, чтоб он вернулся,
Чтоб с дороги воротился".
И не знала мать, бедняжка,
И не ведала, родная,
Где сыночек ее остался,
Плоть и кровь ее где были;
На горе ли он сосновой,
В тихой местности пустынной,
На хребте ль морей шумящих,
В вечно пенистом теченье,
Иль в боях проводит время
Средь жестокого сраженья,
Весь в крови он по колени,
По колени окровавлен.
Кюлликки, жена-красотка,
Во все стороны смотрела
В Лемминкяйнена жилище,
Во владенье Каукомгели;
Смотрит вечером на щетку,
На нее же смотрит утром.
И случилось однажды,
Рано, в утреннее время,
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки.
Кюлликки, жена-красотка,
Говорит слова такие:
"Сгибнул мой прекрасный Кауко,
Каукомгели мой погибнул
На тропиночке безлюдной,
На неведомой дороге:
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки".
Каукомгели мать тотчас же
Смотрит пристально на щетку,
Начинает горько плакать:
"Горе матери несчастной,
Время горькое настало!
Вот уж милый мой сыночек,
Дитячко мое родное,
До плохого часа дожил!
Знать, несчастье с юным вышло,
Знать, беда случилась с Кауко:
Показалась кровь в щетине,
Каплет красная из щетки!"
Забрала подол свой в руки,
Захватила в руки платье,
Быстро мчится по дороге,
Изо всей стремится силы:
От шагов трясутся горы,

Возвышаются долины,
Опускаются высоты
И наверх всплывают глубины.
К Похьёлы домам подходит,
Расспросила там о сыне
И слова такие молвит:
"О ты, Похьёлы хозяйка!
Шы куда послала сына,
Лемминкяйнена младого?"

Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Так ответила старушка:
"Ничего о том не знаю,
Где твой сын запропастился;
Жеребца ему дала я,
Огневую лошадь в сани;
Может, в проруби погиб он,
Иль замерз на льдистом море,
Или волку в пасть попался,
Иль попал медведю в глотку?"
Лемминкяйнена старушка
Говорит: "Шы явно лжешь мне!
Род наш волки не погубят,
И медведь не тронет Ахти:
Он волков кидает пальцем,
Медведей руками валит.
Если не ответишь правду –
Шы куда девала Ахти,
Я сломаю дверь овина,
Двери Сампо я обрешу".
Молвит Похьёлы хозяйка:
"Я досыта накормила
И дала ему напиток,
Угостила всем по горло;
Посадила мужа в лодку,
Чтоб спустился по порогам,
Но я все-таки не знаю,
Где пропал твой сын несчастный.
Может, в пене водопада,
Средь крутящейся пучины".
Лемминкяйнена старушка
Говорит: "Шы явно лжешь мне!
Шы скажи открыто правду,
Положи конец неправде.
Шы куда девала Ахти,
Где сейчас мой калевалец,
Иль тебя постигнет гибель,
Потчас смерть тебя похитит!"
Молвит Похьёлы хозяйка:
"Ну, теперь скажу я правду:
Был он послан мной за лосем,
Чтобы гордого поймал он,
А потом за жеребенком,
Чтоб, взнуздав, его запряг бы,

И за лебедем позднее,
Чтоб поймал святую птицу,
Но я все-таки не знаю,
Может, с ним несчастье было
Или так он задержался,
Не слышать, чтоб он вернулся
За невестою своею,
За моею милой дочкой".
Мать все ищет, где исчез он,
Все боится, что пропал он;
Точно волк, бежит болотом,
Как медведь, в чащобе рыщет,
По воде плывет, как выдра,
Барсуком бежит по полю,
Точно еж, бежит по мысу
И по берегу, как заяц,
Камни в сторону бросает
И стволы деревьев валит,
Хворост в сторону швыряет,
Гать мостит через болота.
Долго сгнувшегося ищет,
Долго ищет – не находит,
У деревьев вопрошает
О своем пропавшем сыне.
И сосна ей так сказала,
Дуб ответил неохотно:
"О себе моя забота, –
О твоём ли думать сыне?
Выпал жребий мне жестокий,
И несчастья одолели:
Из меня ведь колья тешут,
Из меня дубинки режут,
На дрова меня изводят,
Рубят, валят на пожоге".
Долго сгнувшегося ищет,
Долго ищет, не находит.
Ей встречается дорога;
У нее она спросила;
"Богом данная дорога,
Не видала ль ты сыночка,
Это яблочко золотое,
Этот прутик серебристый?"
И разумно говорит ей,
Отвечает ей дорога:
"О себе заботы много, –
О твоём ли думать сыне?
Выпал жребий мне жестокий,
И несчастья одолели:
По бегут по мне собаки,
По промчатся верховые,
По ногами сильно топчут,
Прижимают каблуками".
Долго сгнувшегося ищет,
Долго ищет, не находит.

Шел над ней по небу месяц
И она ему взмолилась:
"Богом данный месяц ясный
Не видал ли ты сыночка;
Это яблочко золотое,
Этот прутик серебристый?"
Сотворенный богом месяц
Ей разумно отвечает:
"О себе моя забота, –
О твоём ли думать сыне?
Выпал жребий мне жестокий,
И несчастья одолели:
Я один блуждаю ночью
И свечу в мороз жестокий:
Я один зимой на страже,
А на лето пропадаю".
Долго сгнувшегося ищет,
Долго ищет, не находит.
Солнце ей идет навстречу,
И она ему взмолилась:
"Богом созданное солнце,
Не видало ль ты сыночка,
Это яблочко золотое,
Этот прутик серебристый?"
Солнце ведало про это,
И в ответ оно сказало:
"Твой сыночек уже скончался,
Он уже погиб, несчастный,
В сумрачном потоке Шуони,
В Маналы глубоких водах,
В водопад его столкнули
И с порога по порогу
В темные глубины Шуони,
В недра Маналы спустили".

Лемминкяйнена старушка
Зарыдала о потере,
К кузнецу пошла, сказала:
"О кователь Ильмаринен!
Ты ковал вчера и раньше,
Поковать прошу сегодня!
Выкуй грабли с ручкой медной,
Зубья сделай из железа,
Чтоб они в сто сажень были
И в пять раз длиннее ручка".
И на просьбу Ильмаринен,
Век вечный тот кователь,
Ручку медную кует ей,
Зубья стал ковать для грабель,
Чтоб они сто сажень были
И в пять раз длиннее ручка.
Лемминкяйнена старушка
Эти грабли захватила,
Быстро к Шуонеле спустилась,

Шақ упрашивает солнце:
"Богом созданное солнце,
Самому творцу ты светишь!
Посвети разоқ сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся,
В третий раз как можно жарче:
Усыпи ты злое племя,
Маналы ослабь людей ты,
Шуонелы ослабь ты царство!"
Богом созданное солнце,
Божье чадо дорогое
На дупло березы село,
На изгиб ольхи нагнулось,
Засветило раз сильнее,
И в другой, чтоб пар поднялся.
В третий раз как можно жарче:
Усыпило злое племя,
Маналу лишило силы,
Всех там юношей с мечами,
Стариков, с дубьем сидящих,
Средний возраст – копьеносцев.
И парит, летя оттуда,
К небу ровному взлетая
На насиженное место,
На старинное местечко.
Лемминкяйнена старушка
Грабли с зубьями хватает,
Загребает, ищет сына
В многошумном водопаде,
Средь бурливого потока –
Загребает, не находит.
Вот она цепляет глубже:
И сама вступила в воду
По подвязку стала в волны
И до пояса в теченье.
Загребает по потоку,
По теченью ищет сына,
А потом идет напротив -
Раз проходит и другой раз:]
Ловит там рубашку сына,
Ловит с тяжкою печалью;
Вновь рекой она проходит:
Шащит шапку и чулочки.
Ше чулки печально тащит,
Шащит шапку с болью в сердце.
Вновь она ступает глубже.
В глуби Маналы ступила.
По длине проводит грабли,
Поперек ведет в другой раз,
В третий наискось проводит.
Наконец, при третьем разе,
Сноп огромный захватила
На зубцы железных грабель.
Но не сноп она схватила:

Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
На зубцах из вод приподнят,
За ногу одну захвачен,
За один лишь малый пальчик,
Показался Лемминкяйнен,
Шот веселый калевалец,
На богатых медью граблях,
На волнах прозрачных моря;
Но кусков не доставало:
Головы кусок с рукою
И других частей некрупных –
Не хватало также жизни.
Мать-старуха стала думать
И в слезах сказала слово:
"Мль из них не выйдет мужа,
Их не хватит на героя?"
Ворон те слова услышал
И в ответ сказал ей слово:
"Кто исчез, не станет мужем,
Кто погиб, тот жить не будет;
Ведь сизи глаза пожрали,
Ведь объели плечи щуки.
Брось его в поток скорее,
В реку Шуонелью обратно:
Пусть он там трескою станет,
Пусть в кита он обратится".
Лемминкяйнена старушка
Не бросает сына в воду,
Снова грабли опускает,
Снова медными проводит
По длине реки подземной,
По длине и поперечно:
Головы кусок и руку,
И спинных костей частицы,
Кости бедренной кусочки
И другие ловит части.
Составляет тело сына,
Лемминкяйнена младого.
Мясо к мясу прилагает,
Примеряет верно кости,
Член привязывает к члену
И сжимает сильно жилы.
Крепко связывает жилы,
Вяжет их концы друг с другом,
Нити жил она считает,
Приговаривает так:
"Ты, красотка, жил хозяйка,
Суонетар, ты жил богиня,
Ты прядешь прекрасно жилы,
Пряга с стройным веретенцем,
С медным остовом у прялки,
С колесом ее железным!
О, приди, прошу тебя я,

Принеси, я умоляю,
Связку жил своей рукою,
Связку кож в подоле платья,
Чтоб связать покрепче жилы,
Их концы скрепить покрепче
На открытых страшных ранах,
Что, отверстия, зияют!
Если ж этого не хватит,
Есть на воздухе высоком
Дева в крытой медью лодке,
В челноке с кормою красной,
Опустись с него, девица,
С середины неба, дева!
Проплыви по этим жилам,
Проплыви по членам, дева,
По пустым костям поплавай
И по щелям в этих членах!
Положи на место жилы.
Где они лежали прежде:
Ты зашьешь большие жилы
И пробудишь в них биенье,
Перевяжешь сухожилья,
Свяжешь маленькие жилы!
Ты возьмёшь иглу помельче,
Нитку шелковую вденешь!
Будешь шить иголкой мягкой,
Будешь штопать оловянной,
Жил концы иголкой стянешь,
Ниткой шелковой свяжешь!
Если ж этого не хватит,
Сам приди, земли создатель,
Запряги коней летучих,
Бегунов своих ретивых!
Проезжай на пестрых санках
По костям, по этим членам,
По трепещущему мясу,
Проезжай по жилам шумно!
Привяжи к костям ты мясо,
Привяжи ты жилу к жиле,
Серебро клади на связки,
Золото на раны в жилах!
Шам же, где распалась кожа,
Дай расти ты новой коже;
Где разорванные жилы,
Шам ты связывай покрепче.
Где ж пропало много крови,
Шам налей ты крови новой;
Где разбиты были кости,
Шам пусть сызнова срастутся.
Где растерзанное мясо,
Шам свяжи его покрепче,
Положи его на место,
Где оно лежало прежде:
К кости кость и мясо к мясу,

Прикрепи ты члены к членам!"
Собирает мать сыночка,
Мужа, славного героя,
Чтоб он зажил, как и прежде,
В том же виде, как и был он.
Вот и скреплены все жилы,
Крепко связаны концами;
Но ни звука не издал он,—
Говорить сынок не может.
Мать тогда слова такие
И такие речи молвит:
"Где теперь возьму я мази,
Где возьму медовых капель"
Чтобы слабого помазать,
Чтоб несчастного поправить,
Чтоб он мог промолвить слово,
Чтоб уста открыл для песен?
Птичка меда, божья пчелка,
Ты, лесных цветов царица!
Принеси пойдя ты меду,
Принеси ты сот медовых
К нам из Метсолы душистой,
Папиолы благовонной,
Взяв из чашечек цветочных
Из травинок ароматных
Чтоб могла унять я боли,
Утолить страданья сына!"
Пчёлка, быстренькая птичка,
Полетела, запорхала,
К Метсоле спешит душистой,
К Папиоле благовонной.
На лугах сосет цветочки,
Языком медок сварила
Из концов цветочков этих
Из ста злаков, там цветущих,
И, жужжа, летит обратно,
Прилетает быстро с шумом;
Крылья, полны сладким медом,
Соты сладкие на перьях
Лемминкяйнена старушка
Принимает мазь от пчелки,
Лечит мазью горемыку",
Неудачника врачует.
Все же мазь не помогает,
Сын не может молвить слова.
Мать тогда у пчёлки просит:
"Пчёлка, милая ты птичка!
Ты лети в другие страны,—
За девятое за море,
Опустись на остров в море,
На медовые поляны,
К Пури в новый дом лети ты,
К Палвойнену в дом без кровли!
Там медок есть благодатный,

Чудодейственные мази
Жилы накрепко скрепляют,
Все другие члены лечат.
Принеси мне этой мази,
Принеси мне средств целебных,
Чтоб беду поправить эту
И несчастье уничтожить!"
Пчелка, легкий человек,
Вновь обратно упорхнула,
За девятым морем мчится,
Пол десятого промчалась.
День летит, летит другой день
Так летит она и третий,
В камышах не отдыхая,
Не садясь на листочки,
Мчится к острову на море,
На медовые поляны,
К водопаду огневому
И к святой речной пучине.
Шам был мед уже готовый,
Приготовленные мази
В малых глиняных сосудах
И в котлах прекрасных этих,
Все длиною только в палец,
Шириною в кончик пальца.
Пчелка, быстрый человек,
Собрала прилежно мази.
Мало времени проходит,
Протекло одно мгновенье:
Уж летит, жужжа, обратно
И спешит, как только может,
Семь на спинке чашек держит;
Шесть приносит чашек в лапках,
Все полны хорошей мазью
И целебным сильным средством.
Лемминкяйнена старушка
Мажет сына этой мазью;
Девять мазей приложила,
Восемь разных средств целебных;
Не приносят средства пользы,
Ничего не могут сделать.
Мать тогда слова такие
И такие речи молвит:
"Пчелка, воздуха летунья!
В третий раз уж полети ты
На небесные высоты,
За девятое за небо!
Шам найдешь ты много меду,
Сыщешь меду сколько хочешь:
Шолько бог – его хозяин,
Шолько сам употребляет,
Им детей своих он мажет
От недобрых сил болезни.
Обмахни в медок ты крылья,

Пёрья легонькие в сладость,
Соты вынеси на крыльях,
Принеси на спинке меду,
Чтоб утихли эти боли,
Уничтожилось страданье!"
Пчелка, умненькая птичка,
Говорит слова такие:
"Как же мне туда добратся,
Я ведь слабый человек!" –
"Полетишь отсюда славно,
Зажужжишь вверху прекрасно:
Выше месяца под солнцем,
Между дневных звезд небесных,
В первый день там пролетая,
Ты виски луны заденешь,
На другой день подлетишь ты
Под Медведицы лопатку,
А на третий вознесешься
Над спиною семизвездья.
Пут уж не долга дорога,
Путь останется не долог
И до божьего сиденья,
До убежища святого".
Поднялась на воздух пчелка,
Поднялась на крыльях с дерна;
Опахалом нежным машет,
Вверх летит на быстрых крыльях,
Над двором луны взлетает,
Край затронула у солнца
И Медведицы лопатку,
Семи звезд задела спину,
Полетела в погреб к богу,
К всемогущему в чуланы.
Шам, готовилося средство,
Шам вываривались мази,
Шам в серебряных кувшинах,
В золотых котлах богатых
Посредине мед варился,
По бокам помягче мази;
Мед готовился на солнце,
По ночам варились мази.
Пчелка, воздуха летунья,
Много меду набирает,
Также сот как можно больше.
Мало времени проходит:
Уж жужжит она обратно,
Уж назад слетает с шумом;
Сто рождов приносит в лапках,
Тысячу сосудов разных,
Полных медом и водою,
Полных мазей чудодейных,
Лемминкяйнена старушка
В рот берет поспешно мази,
На язык берет отведать,

Оценить желает строго:
"Это мазь, какой ждала я;
Вот таинственное средство;
Им сам бог великий мажет,
Утоляет боль создатель".
Мазью сына натирает
Несчастливца ею лечит:
Мажет кости по расщепам,
Члены мажет по разрезам,
Мажет сверху, мажет снизу,
Мажет также в середине.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Пробудись от сна, сыночек,
Ты оставь свою дремоту
В этом месте бед ужасных,
В этом тяжком положении!"

Сын от сна освободился,
Пробудился от дремоты.
Мог теперь сказать он слово
Языком он так промолвил:
"Долго ж спал я на свободе,
Продремал, ленивый, долго!
Ну, и выспался ж чудесно
Погруженный в сон глубокий".
Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
"Ты проспал бы много больше,
Пролежал бы ты и дольше
Здесь без матери, несчастный,—
Без меня, тебя носившей.
Но скажи, сынок мой бедный,
Дай из уст твоих услышать:
Кем ты в царство Маны послан,
В реку Шуонелы опущен?"
Молвил юный Лемминкяйнен,
Так он матери ответил:
"Пастушишка в мокрой шапке,
Дед слепой страны дремотной
В Маналу меня отправил,
В реку Шуонелы толкнул он.
Из воды змею он вынул,
Из волны гадюку поднял
И усталого пронзил он;
Я не знал, что с раной сделать,
Как лечить укус гадюки,
Как сказать от змей заклятье".
Лемминкяйнена мать молвит:
"Ох ты, муж недалновидный!
Шел ты против чародеев,
Ты хотел заклясть лапландцев,
А не ведал язв змеиных,
Укушенья злой гадюки!"

От воды змеи начало;
Родилась она в потоке
Из мозгов хороших утки,
Из мозгов приморской чайки,
От слюны презлой Сюзтар,
Что бросала слюни в воду;
Волны слюни растянули,
Осветило солнце слюни;
На воде качал их ветер.
Колыхало дуновенье, —
Погнало с воды на берег
И отбросило прибором".
Вот качает мать сыночка,
Лемминкяйнена усердно,
Возвращает к прежней жизни,
Чтоб он стал таким, как прежде,
Чтоб он лучше стал, чем прежде,
И еще красивей стал бы.
И тогда спросила сына,
Что еще сыночку надо?
Отвечает Лемминкяйнен:
"Мне еще бы много надо:
Там живет мое сердечко,
Там мои хранятся думы,
Среди Похьёлы красотою,
У прекраснокудрой девы.
Слушать старая не хочет,
Не отдаст она мне дочку,
Если лебедя речного,
Если птицу не поймаю
В черном Пуонелы потоке,
Из святой речной пучины".
Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
"Пусть плывет тот лебедь с миром,
Пусть живут в покое утки
В черном Пуонелы потоке,
В той святой речной пучине!
Ты иди к родным пределам
Вместе с матерью печальной!
Ты судьбу благодарил бы,
Восхвалил бы лучше бога,
Что послал благую помощь,
Что вернул тебе дыханье,
Что из Маналы он вывел,
Что из Пуонелы вернул он.
Ничего б я не достигла,
Малой доли не свершила
Без божественной подмоги,
Без помощника благого".
Встал веселый Лемминкяйнен,
И пошел он прямо к дому
Вместе с матерью любимой,
Вместе с нею, престарелой.

Но оставлю здесь я Кауко,
Лемминкяйнена младого,
Изменяю течение песни,
Обращу слова напева
Я теперь к другим предметам,
Поведу другой дорогой.

Руна шестнадцатая

1. Вяйнямейнен посылает Сампсу Пеллервойнена за деревом для лодки, заклинаниями делает из дерева лодку, но не находит для ее окончания трех слов.

2. Не найдя нигде слов, он отправляется в Туони, где его задерживают.

3. Вяйнямейнен благодаря своему могуществу освобождается; вернувшись, предупреждает свой народ, чтобы никто не ходил в Туони по собственному желанию, и рассказывает, как тяжело и ужасно живут там люди, бывшие при жизни злыми.

Старый, верный Вяйнямейнен,
Вековечный прорицатель,
Лодку вытесать задумал.
Хлопотал он сделать шлюпку
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке:
Только не было деревьев
И досок недоставало.
Кто же дерева достанет,
Кто стволы дубов доставит
Вяйнямейнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать?
Это Сампса, мальчик малый,
Пеллервойнен, сын поляны.
Он найдет ему деревьев,
Он стволы дубов доставит
Вяйнямейнену для лодки,
Чтобы дно у лодки сделать.
Вот пошел он по дороге
На восточные поляны,
Подошел к горе, к другой он,
Подошел к горе и третьей:
Золотой топор он держит
С рукояткою из меди.
Шут осина повстречалась
Вышиною в три сажени.
Он хотел срубить осину,
Топором ее низринуть,
Но осина молвит слово,
Говорит ему поспешно:
"От меня чего ты хочешь,
Получить ты что желаешь?"
Молвит Сампса Пеллервойнен,
Отвечает он осине:
"Вот осина, что мне нужно,
Вот чего я здесь желаю:

Я ищу досок для лодки,
Для челна певцу деревьев".
Удивительно сказала
Стоветвистая осина:
"Потечет, утонет лодка,
Если будет из осины.
Пустотою ствол мой полон:
Ведь уж трижды в это лето
Червь протачивал мне сердце,
У корней моих ложился".
Слышит Сампса Пеллервойнен
И идет своей дорогой.
Он идет спокойным шагом
Прямо к северным полянам.
Встретил он сосну дорогой:
Вышиной сна в шесть сажен.
Топором сосну ударил.
Стукнул он сосну киркою,
Говорит слова такие:
"Будешь ли, сосна, пригодна
Вяйнямёйнену для лодки,
Будешь ли хорошим судном?"
И сосна так отвечает,
Громким голосом так молвит:
"Из меня челнок не выйдет,
Шестиреберная лодка.
Я испорчена давно уж:
Ведь ворона в это лето
Трижды каркала, лихая,
Каркала, на ветках сидя".
Слышит Сампса Пеллервойнен,
И пошел блуждать он дальше.
Он пошел спокойным шагом.
Вышел к области на юге:
Дуб дорогой повстречался,
Девять сажен дуб в объёме.
Вопрошает он у дуба:
"Ты, мать-дерево, быть может,
Годно на постройку судна,
На помост военной лодки?"
Дуб разумно отвечает,
И в ответ он молвит слово:
"Дерева во мне довольно,
Чтобы, сделать киль у лодки.
Статен я, без недостатков,
Пустоты внутри не знаю:
Ведь уж трижды в это лето,
В самый жаркий промежуток,
В грудь ко мне сходило солнце
И сиял в вершине месяц,
На ветвях кукушка пела,
Наверху сидели птички".
Слышит Сампса Пеллервойнен
И топоре плеча снимает,

Ударяет он по дубу,
Лезвием он рубит острым,
Скоро дерево он сносит,
Стройный дуб на землю валит.
Отрубил его вершину,
Разрубает ствол древесный
И для дна полоски рубит:
Нарубил досок без счету
На челнок пелву прекрасный,
Вяйнямёйнену на лодку.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Строит лодку заклинаньем;
Он челнок вбивает пеньем
Из кусков большого дуба,
Из частей его древесных,
Песню спел – и дно готово,
Спел еще – бок построил.
Третью песню спел – и сделал
Все уключины для весел,
Укрепил концы у ребер
И сплотил их сторонами.
Были сплочены уж ребра,
Были связаны друг с другом –
Трех словечек не хватило,
Чтоб устроить в лодке рейки,
Чтоб на киле брус окончить.
Чтоб скорее борт приделать.
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Говорит слова такие:
"Вот настали дни несчастья!
Не спустить челна на море,
Новой лодочки на водных.
Он подумал и размыслил,
Где найти ему три слова,
Получить те заклинанья:
Не в мозгах ли у касаток,
Не в мозгах ли лебединых,
Не в гусиных ли лопатках?
Он пошел искать три слова.
Лебедей убил он кучу
И гусей большое стадо,
Много ласточек убил он,
Но найти не может слова,
Не нашел он и полслова.
Он подумал и размыслил:
Не найдете ль сто словечек
В зобе летнего оленя
Иль во рту у белой белки?
Он пошел искать три слова,
Он пошел ловить заклятья;
Перебил табун оленей,
Настрелял он кучу белою,

Много разных слов находит,
Но помочь они не могут.
Он подумал и размыслил:
Сотню слов найду, наверно,
Я у Шуонелы в жилище,
В царстве Маналы подземном".
Он пошел, чтоб взять три слова
В царстве, Маналы подземном.
Шел он быстрыми шагами,
Шел неделю через кустарник,
Через заросли – другую,
Можжевельником шел третью;
Остров Маналы он видит,
Шуонелы он холм заметил.
Старый, верный Вяйнямейнен
Громкие голосом воскликнул
Шам у Шуонелы потока,
Маналы у вод глубоких:
"Дочка Шуони, дай мне лодку,
Дай паром мне, дочка Мань,
Чтобы реку перейти мне,
Через пролив туда добратся".
Шуони дочка-невеличка,
Небольшая дева Мань,
На реке стирала платье
И белье там полоскала
Шуонелы на черной речке,
Маналы у вод глубоких,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
Пригоню сюда я лодку,
Если скажешь ты причину,
По какой пришел к нам в царство,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный".
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Шуони сам меня доставил,
Притащил со света Мана".
Шуони дочка-невеличка,
Небольшая дева Мань,
Говорит слова такие:
"Болтуна вот я и вижу!
Если бы доставил Шуони,
Притащил со света Мана,
Шуони сам тебя принес бы,
Сам тебя тащил бы Мана.
Шуони дал тебе бы шапку,
Дал бы Мана рукавицы.
Молви правду, Вяйнямейнен:
В Маналу зачем пришел ты?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:

"Привело меня железо,
Сталь к вам в Шуонелу толкнула".
Шуони дочка-невеличка,
Небольшая дочка Мань,
Говорит слова такие:
"Болтуна узнала скоро!
Привело б тебя железо,
Сталь бы в Шуонелу толкнула,
Шо текла бы кровь по платью,
Шумно б красная струилась.
Молви правду, Вяйнямйёнен,
Хоть теперь ее скажи мне".
"В Маналу вода пригнала,
В Шуонелу волна примчала".
Шуони дочка-невеличка,
Небольшая дева Мань,
Говорит слова такие:
"Вот опять лгуна я слышу!
Коль вода пригнала к Мане,
К Шуонеле волна примчала,
Шо текла б вода по платью,
По одежде бы струилась.
Ты скажи открыто правду:
В Маналу зачем пришел ты?"
Снова старец Вяйнямйёнен
Деве той солгать решился:
"Сам огонь меня доставил,
С ним я в Маналу спустился".
Шуони дочка-невеличка,
Небольшая дева Мань,
Говорит слова такие:
"Аожь твою я вижу ясно:
Коль огонь привел бы к Мане,
Коль тебя пригнало пламя,
Спалены бы были кудри,
Борода бы опалилась.
О ты, старый Вяйнямйёнен;
Коль отсюда хочешь лодку,
Должен ты сказать всю правду,
Положить конец неправде:
В Маналу зачем пришел ты,
Не похищенный болезнью,
Не убитый грозной смертью
И ничем не умерщвленный?"
Молвил старый Вяйнямйёнен;
"Я солгал тебе немножко,
Не сказал тебе я правды.
Ну, теперь скажу наверно.
Я заклятьем сделал лодку,
Я челнок построил пеньем;
Пел я день и пел другой день,
Но на третий день сломал я
Санки дивного заклятья.
Я сломал полозья пенья,

В Маналу сюда спустился,
Чтобы взять себе буравчик,
Починить для песен санки,
Санки заново исправить.
Ну, теперь пошли мне лодку,
Твоей паром пришли оттуда,
Чтоб я мог туда проехать,
"Через пролив туда добраться!"
Дочка Шуонелы бранится,
Дочка Маны разозлилась:
"О ты, глупый, сумасшедший,
Человек с рассудком слабым!
Без причины, без болезни
К Шуони ты сюда спустился.
Шел бы лучше ты обратно,
Шел бы в собственную землю:
Многие сюда приходят,
Но немногие уходят.
Молвил старый Вяйнямейнен:
"Сомневаются пусть бабы,
А не муж, пусть самый слабый,
Не герой, пусть и поплоче!
Дочка Шуонелы, дай лодку,
Дай паром мне, дочка Маны".
Дочка Маны едет в лодке,
Вяйнямейнена седого
Через пролив переправляет,
Перевозит через реку,
Говорит слова такие:
"О ты, старый Вяйнямейнен!
К Шуони ты живой спустился,
Не умерший – в царство Маны!"
Вот и Шуонелы хозяйка,
Старица жилища Маны,
Принесла, в сосуде пиво,
Держит кружку за две ручки,
Говорит слова такие:
«Выпей, старый Вяйнямейнен!»
Старый, верный Вяйнямейнен
Осмотрел пивную кружку:
Там внутри кричат лягушки,
По краям лежат там черви.
Молвил он слова такие:
"Не затем сюда пришел я,
Чтоб у Маны пить из кружки,
Пить у Шуони из сосуда.
Кто пьет пиво, тот пьянеет:
Кто пьянеет, часто гибнет".
Молвит Шуонелы хозяйка:
"Слушай, старый Вяйнямейнен!
В Маналу зачем пришел ты,
В царство Маны, в царство мрака,
Прежде чем тебя позвал он,
Чем потребовал он, Мане?"

Молвит старьй Вяйнямейнен:
"Я себе там строил лодку,
Я челнок готовил новый;
Было нужно мне три слова,
Чтоб скрепить концы плотнее,
Чтоб покрыть корму у лодки.
Не нашел я трех словечек,
Не достал я их на свете.
Вот и в Шуонеле собрался"
Вот и в Маналу пошел я,
Чтоб достать себе три слова,
Чтобы выучить заклятье".
Молвит Шуонелы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Шуони слов тебе не скажет,
Мана мощью не наделит,
Шы отсюда уж не можешь
никогда в теченье жизни,
В дом родной к себе вернуться,
Выйти в собственную землю".
В сон героя погружает,
Отдыхать кладет пришельца"
На постели мягкой Шуони.
Шам лежит герой в дремоте,
В сон глубокий погруженный,
Лишь не спит одежда мужа.
Шам была одна старуха
С острой челюстью отвислой,
Пряха ниток из железа,
Отливала нить из меди:
Сто сетей она напяла,
Сеток тысячи связала
Как-то ночью, теплым летом,
Где-то там, в воде на камне,
В Шуонеле один был старец,
У него три пальца было;
Из железа плел он сети,
Сети медные готовил:
Сто сетей наплел он, старьй,
Сеток тысячу окончил
Шой же ночью, теплым летом,
Шам, в воде на том же камне.
Был там сын у Маны: пальцы -
Это крючья из железа;
Сто сетей он расставляет
В черном Шуонелы проливе,
Поперек и вдоль их ставит,
Ставит наискось те сети,
Чтоб не вышел Вяйнямейнен,
Чтоб не выскользнул друг моря
Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц
Из жилищ подземных Шуони,
Из селений Маны мрачных,

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Не пришла ль ко мне погибель,
Не обрушились ли беды
Здесь, в жилищах Шуони черных,
В этом мрачном царстве Мань?"
Быстро облик свой меняет,
В новом облике явился:
"Черный, он стремится в море,
Как камыш, идет в трясину.
Он ползет, как червь железный,
И скользит змеею черной
Через Шуонелы потоки,
Через сто сетей у Мань.
Шуони сын тут поднял пальцы,
Эти крючья из железа,
Вышел в утреннее время,
Посмотреть пошел он сети.
Там нашел форелей сотню,
Рыбок тысячу помельче,
Не нашел он только Вяйнё,
Не нашел он друга моря.
Старый, верный Вяйнямейнен
Шут из Шуонелы выходит,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Никогда, о бог мой добрый,
Никому не позволяй ты
Своевольно быть у Мань,
К Шуони в царство опускаться.
Многие туда приходят,
Но немногие уходят
Из жилищ подземных Шуони,
Из селений Мань мрачной".
Дальше так он молвил слово,
Так сказал он молодежи,
"Что теперь лишь подрастает,
Молодому поколению:
"Никогда, сыны земные,
Никогда в течение жизни
Не обидьте невиновных,
Зла не делайте невинным,
"Чтоб не видеть вам возмездья
В сумрачных жилищах Шуони!
Там одним виновным место,
Там одним порочным ложе:
Под горячими камнями,
Под пылающим утесом
И под сотканным покровом
Из червей и змей подземных".

1. Вяйнямёйнен отправляется за словами к Антеро Випунену и будит Випунена от длительного сна под землей.

2. Випунен проглатывает Вяйнямёйнена, и, находясь в его чреве, Вяйнямёйнен начинает сильно его беспокоить.

3. Випунен пытается при помощи чисел, заклинаний и угроз отделаться от Вяйнямёйнена, но тот, в свою очередь, грозит ему не выйти до тех пор, пока не узнает от Випунена трех слов, необходимых ему для постройки лодки.

4. Випунен открывает Вяйнямёйнену всю свою мудрость, и тот наконец вырывается из его чрева, возвращается домой и заканчивает изготовление лодки.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Не принес три нужных слова,
В Пуюнеле их не добыл он
И в жилищах Маны мрачных;
Он своим умом раскинул,
Рассуждает сам с собою:
Где б найти три эти слова,
Где б добыть те заклинанья?
Шел на стух ему навстречу,
Говорит слова такие:
"Слов найти ты можешь сотню,
Песен тысячу узнаешь:
Випунен тебе их скажет,
Их найдешь в его утробе.
К Випунену есть дорога,
К тем местам идет тропинка.
Не из лучших та дорога,
Не совсем она из худших;
Часть пути пройти ты должен
По концам иглок женских;
А другую часть пройдешь ты
По концам мечей железных;
Третью часть пройти придется
По секирам заостренным".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Поразмыслил о дороге,
К кузнецу пошел, к горнику,
Говорит слова такие:
"О, кователь Ильмаринен,
Выкуй обувь мне из стали,
Сапоги сней из железа
Да железную рубашку;
Сделай мне рычаг железный,
Из хорошей стали ворот,
Шы его из стали сделай,
Обтяни вокруг железом.
Я хочу достать три слова
И добыть себе заклятий:
Випунен их мне откроет,
Их в его найду утробе".
Шут кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
"Випунен давно уж умер,
Антеро давно скончался,

Уж силқов давно не ставит
И сетей не расставляет.
У него ты не узнаешь,
Не найдешь ни полсловечка".
Старый, верный Вяйнямейнен
Все ж уходит, как задумал.
В первый день проходит быстро
По концам иглох женских,
На другой с трудом проходит
По концам мечей героев
И идет, качаясь, в третий
По секирам заостренным.
Випунен, старик могучий,
Защинатель-песнопевец,
Лежа врос в сырую землю
И с заклятьями, и с пенем;
На плечах росла осина,
На висках росла береза,
С бороды свисали ивы,
И ольха на подбородке,
Из лба тянулись ели,
Меж зубов качались сосны.
Вот подходит Вяйнямейнен,
Меч железный обнажает.
Из ножон, из кожи тащит,
С пояса его снимает;
На плечах осину рубит,
На висках березу валит,
Ольхи валит с подбородка,
В бороде он рубит ивы,
Он со лба сбивает ели
И с зубов срубает сосны.
Кол железный он втыкает,
Випунену в рот огромный,
В отвратительные десны,
Через скрежещущую челюсть.
Говорит слова такие:
Встань, служитель человека,
Под землей лежащий праздно,
В сон глубокий погруженный!"
Випунен, певец заклятий,
Оставляет сон глубокий;
Он удар жестокий чувствует,
Ощущает он страданье:
Кол железный прикусил он,
Сверху мягкое железо;
Но прогрызть не может стали,
Прокусить нутро железа.
Старый, верный Вяйнямейнен
На губе его споткнулся,
Поскользнулся незаметно
И скользит ногою левой
Випунену в рот огромный,
Между скул его костлявых.

Випунен, певец заклятий,
Открывает рот пошире,
Угол рта он расширяет,
Проглотил с мечом героя,
Пропускает через горло
Вяйнямёйнена седого.
Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
"Ел я многое на свете -
Я глотал козу с овцою
И нетельную корову,
Кабана глотал, бывало,
Но такого я ни разу
Не отвеживал кусочка!"
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"Вижу я, пришло мне горе,
Разразилось несчастье
Надо мною в склепе Калмы,
В загородке злого Хийси".
Он подумал и размыслил:
Как тут быть и что же делать?
У него был нож на чреслах,
Из березы рукоятка:
Из нее челнок он сделал,
Лодку выстроил искусно
И поплыл на этой лодке,
По кишкам гребя повсюду,
Он гребет по всем проходам
И с трудом по закруткам.
Випунен, певец заклятий,
Не был этим встревожен,
И тотчас же Вяйнямёйнен
Приготовился к кованию,
Начал он ковать железо:
Обратил рубашку в кузню,
Рукава мехами сделал,
Шубу сделал поддувалом,
Из штанов устроил трубы,
Из чулок отверстие печи,
Стал ковать он на колене,
Молотком рука служила.
Он ковал с ужасным шумом,
Колотил с ужасным стуком;
Напролет ковал он ночи,
Днем ковал, не прекращая,
Шам, в желудке великана,
В животе у чародея.
Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
"Из каких мужей ты будешь,
Из числа каких героев?
Проглотил я сто героев,
Я до тысячи пожрал их

Но не ел тебе подобных;
Мне до рта доходит уголь,
К языку мне жар подходит
Раскаленного железа!
Выходи оттуда, изверг,
Убегай скорей, мучитель,
Иль я к матери отправлюсь,
Все скажу твоей старухе!
Если матери скажу я,
Все открою ей, старухе,
Будет мать твоя печальна,
Тяжело старухе будет,
Что затеял сын дурное,
Очень плохо поступает.
Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть:
Как ты в чреве оказался,
Как попал туда ты, изверг,
Чтоб кусать меня и мучить,
Пожирать и рвать ужасно.
Или ты – болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним.
Или мне тебя наслали,
Причинили вред другие,
Иль пришел сюда за плату,
Поместился здесь за деньги?
Если ты – болезнь от бога,
Хворость, посланная вышним,
То себя творцу я верю,
Воле вышнего отдамся;
Славных бог не оставляет,
Никогда не губит храбрых.
Если ж мне тебя наслали,
Причинили вред другие,
То найду твое начало,
Отыщу происхождение.
Появилось наваждение
И несчастье от заклятий
Силой круга чародеев,
И певцов весьма искусных,
На седалище злых духов,
На полянах для гаданья,
На равнинах бога смерти,
Изнутри земли явилось.
Из жилищ мужей умерших,
Из домов людей погибших.
Из распухшей вышло почвы,
Из земли, повсюду взрытой,
Из кремней, крутимых ветром,
Из песков, обильных шумом,
Из долин, идущих к низу,
Из болот, лишенных моха,
Из волны, шумящей вечно,
На оград дубравы Хийси,

Из шести расщелин темных,
Из пяти ущелий горных,
С гор покатых, медью полных,
И с вершин, рудой богатых,
С многошумной серой ели
И с сосны, шумящей сильно,
Из дуплистых старых сосен,
Из гнилого леса елей,
Из дрянной норы лисицы,
Из лесных полян оленей,
Из скалистых нор медведей,
Из пещеры косолапых,
Похъёлы краев туманных,
Из большой страны лапландской,
Из дубрав, где нет побегов,
От равнин, не знавших плуга,
Да с больших полей сраженья,
Где мужи, сражаясь, бьются,
От травы, помятой сильно,
И от крови, что дымится,
С дальнего хребта морского,
С распростершейся равнины,
Из покрытой илом глуби,
Глуби тысячесаженной,
Из шипящего потока,
Из огнем кипящей бездны,
Из больших порогов Рутья,
Из стремнины водопада,
С половины задней неба,
С облаков далеких, тонких,
Со стези ветров весенних,
С места их отдохновенья.
Ты скажи, оттуда ль вышел,
Ты оттуда ли пробрался
В это сердце, что невинно,
В это чрево, что безгрешно,
Чтоб кусать и рвать нутро мне,
Пожирать, кромсать ужасно?
Выходи, собака Хийси,
Вылезай, собака Маны,
Выйди, чудище, из чрева,
Из моей печенки, изверг!
Ты не рви мою грудь,
Не тревожь мне селезенку,
Не тряси ты мой желудок,
Не повертывай ты легких,
Не просверливай пупок мой
И моих висков не трогай,
Ты не мучь хребта спинного,
Не раскалывай мне бедер!
Если я не муж, как должно,
Мужа я пошлю получише,
Чтоб прогнать беду оттуда,
Чтобы чудище извергнуть.

Жен земли я снизу кликну,
Позову полей хозяев,
Из земли мужей с мечами,
Из пещер верхом героев -
Всех на помощь мне я кликну,
На подмогу мне, на пользу,
При моих страданиях тяжких,
При ужаснейших мученьях,
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Призову я лес с мужами,
Можжевельник со слугами
И с народом лес еловый,
Озеро с детьми своими,
Сто героев, всех с мечами,
Тысячу мужей железных,
Чтобы дьявола извергнуть,
Раздавить болезнь лихую!
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Ты, о мать воды, явися
Из волны в повязке синей,
Из потока в мягком платье,
В чистоте из тины выйди,
Мужу слабому защитой,
Мне, герою, исцеленьем,
Чтоб невинный пожран не был,
Чтоб живой не взят был смертью!
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Дочь прекрасная творенья,
Ты, краса, золотая дева,
Ты, древнейшая из женщин,
Ты, что мать была всех раньше,
Посмотри на эти боли,
Отврати мое несчастье,
Удали страдания эти
И мучителя извергни.
Если ж то тебе не страшно,
Если выйти не захочешь,
Ужко, ты, что в высях неба,
Что сидишь средь туч гремящих,
Ты сойди, тебя прошу я,
Поспешу, я призываю,
Изгони мученье это,
Удали ты наважденье
Огненным мечом разящим
И клинком, дающим искры!
Вылезай отсюда, изверг,
Убегай скорей, мучитель!
Не твое жилище это,
Коль тебе нужна обитель,
Ты ищи другого места,
Обиталища подальше,

Близ хозяйского жилища,
У дверей твоей хозяйки!
Но когда туда дойдешь ты,
До конца пройдешь дорогу,
К отцу-матери поближе
И к родителскому стаду,
Дай им знак, что ты на месте,
Укажи им, что ты прибыл,
Застучи, как треск громовый,
Заблести, как блещет пламя!
На дворе ударь по двери,
Опусти с окошка доску,
Проскользни во внутрь жилища,
Мчи грозой в покои дома!
Ты за щиколотку крепко,
Ты за икры ухвати их -
Лишь покажется хозяин,
Лишь в дверях хозяйка станет,
У него глаза ты вырви,
У нее разбей ты череп,
Изогни им пальцы в крючья,
Головы согни обоим!
Если ж этого все мало,
Петухом лети наружу
И на двор лети цыпленком.
На навоз садись ты грудью!
Лошадей гони от ясель,
Скот рогатый от корыта,
Чтоб в навоз ушли рогами
И хвостом в земле увязли.
Вырви им глаза из впадин,
Шеи всем перешиби ты!
Если ж ты – болезнь от ветра.
Им навеяна, надута
Вместе с воздухом весенним,
Послана сюда морозом,
То иди дорогой ветра,
По пути ветров весенних,
Не садясь на деревья,
На ольхе не отдыхая,
Прямо на гору из меди,
К ней на верх, покрытый медью;
Чтоб качал тебя там ветер.
Обвевал тебя там воздух!
Если ж ты спустился с неба,
С облаков далеких, тонких,
Ты взойди опять на небо,
Поднимись опять на воздух
В облака, где много капель,
На мерцающие звезды,
Чтоб, как пламя, запылал ты,
Как огонь, чтоб загорелся
На большой дороге солнца,
На дворе луны округлом!

Если ж ты пришел с потоков,
Пригнан ты сюда водою,
Ты к воде и возвращайся,
Уходи опять в потоки,
К краю крепости укромной,
К водяной горы вершине,
Чтоб тебя качали волны
И потоки колыхали!
Если ж ты с поляны Калмы,
Из жилищ людей умерших,
Возвратись в места родные,
Опустись в обитель Калмы,
Вниз, в распухший дерн могильный
И в ископанную землю,
Где народы погрузились,
Где лежат большие толпы!
Если ж ты, глупец, явился
Из лесов дремучих Хийси,
Из углов еловой чащи,
Из жилищ сосновой рощи,
Прогоню тебя, чтоб жил ты
Средь лесов дремучих Хийси,
Средь жилищ сосновой рощи,
Средь углов еловой чащи,
До тех пор там оставайся,
Не сгниет покуда пол там,
Не покроет плесень стены,
Не падет на землю крыша.
Прогоню тебя, дрянного,
Вышлю чудище отсюда
В норы старого медведя,
В дом медведицы-старухи,
На болотистые доли,
На безгласные болота
И на зыбкие трясины,
На бурливые потоки,
На безрыбные озера,
В воду, где не плещет окунь.
Не найдешь и там ты места-
Прогоню тебя подальше,
В Похьёлу, страну тумана,
В область дальнюю лапландцев,
На поляны без побегов,
На невспаханную землю,
Где ни солнца, ни луны нет,
Нет совсем дневного света.
Там прожить тебе удобно,
Там летать тебе приятно:
Там висят на ветках лоси,
Благородные олени,
Чтобы голод муж насытил,
Утолил свое желанье.
Я гоню дрянного дальше,
Заклинаю, прогоняю

К тем порогам, что на Рутье,
На ревущую пучину,
Где потоки рвут деревья,
Ели с корнями срывают,
Со стволом большие сосны,
С головой зеленой ели.
Там поплавай, злой язычник,
В белой пене водопада,
Покрутись в волнах широких,
Поживи в потоках узких!
Если ж там не будет места,
Прогоню тебя оттуда
В реку Пуонельи туманной,
В вечные потоки Мань,
Чтоб оттуда ты не вышел
Никогда в течение жизни,
Коль не дам тебе свободы,
Коль тебя не отпущу я
За девять баранов жирных,
Все ягнят одной овечки,
За девять быков сильнейших,
Все телят одной коровы,
За девять коней прекрасных,
Жеребят одной кобылы.
Лошадей себе попросишь,
Для пути коней захочешь -
Лошадей в дорогу дам я,
Для пути коней доставлю:
Чудный конь живет у Хийси,
На горе он, красногривый,
Изрыгает пастью пламя,
У ноздрей концы пылают,
Все копыта – из железа,
Ноги сделаны из стали:
Может на горы он прыгать,
Может двигаться в долине,
Если сам седок искусен,
Если всадник полон силы.
Коль и этим недоволен,
Ты возьми у Хийси лыжи,
Из ольхи сапожки Лемпо,
Также палку злого мужа,
Чтоб попал в равнины Хийси,
Чтоб попал ты в рошу Лемпо,
Исчертил поляны Хийси,
Обошел всю землю Лемпо.
Встретишь там, в пути, камень,
Расколи их на две части;
По пути ты встретишь ветки
Разломай их на кусочки;
По пути героя встретишь
Оттолкни его в сторонку.
Ну же, трогайся ты, лишний,
Убегай, дрянной, отсюда,

Прежде чем здесь день начнется,
Прежде чем заря займетя,
Прежде чем взойдет здесь солнце,
Прежде чем петух здесь крикнет!
Уходит дрянному время,
Убегать пора дрянному,
Уходит при лунном свете,
Удаляться при сиянье.
Если ж, злой, не убежишь ты,
Не уйдешь, собака, скоро,
То возьму орлиный коготь,
Коготь жаждущего крови;
И возьму клещи для мяса,
Те зубцы, что носит ястреб,
Чтоб сдавить дрянного ими,
Чтобы с извергом покончить,
Голова чтоб не шумела
И душа не волновалась.
Ведь бежал же страшный Лемпо,
Милый матушкин сыночек,
Оттого, что бог помог мне,
Даровал творец мне помощь.
Ты, что матери не знаешь,
Шварь дрянная, убежишь ли,
Без хозяина собака,
Тес, что матери не знает,
Прежде чем упустишь время,
"Чем окончит путь свой месяц?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Хорошо мне здесь живется,
Мне приятно здесь остаться.
Вместо хлеба ем я печень,
Жир мне служит для обеда,
Славно легкие варятся,
Сало – пища недурная.
Эту кузницу поглубже
Посажу я в мясо сердца,
Молотком сильнее буду.
Колотить в местах опасных,
Чтобы ты в течение жизни
От меня свободен не был,
Если слов я не услышу.
Не узнаю заклинаний,
Если тысячу заклятий
Не запомню здесь хороших,
Не должны слова скрываться,
Не должны таиться притчи.
Не должны зарыться в землю
И по смерти чародеев".
Випунен, певец заклятий,
Этот старец, полный силы,
На уста выносит песни,
Силой грудь переполняет,

Отпер ящик песнопений -
Отворил ларец заклятий,
Чтобы спеть получше песни,
Наилучших песен выбрать:
О вещей начале первом,
О вещей происхожденье.
Не поют теперь их дети,
Не поют их и герои -
Времена пришли плохие
Недород, и хлеба мало.
Пел вещей происхожденье,
По порядку все заклатья,
Как по божьему веленью,
Всемогущему приказу,
Сам собой распался воздух,
Из него вода явилась,
Из воды земля возникла,
Из земли пошли растенья.
Он пропел, как создан месяц,
Зажжено на небе солнце,
Как столбы ветров воздвиглись,
Как возникли в небе звезды.
Випунен, певец заклятий,
Много пел с большим уменьем!
Не слышали, не видали
Никогда в теченье жизни
Никого, кто пел бы лучше,
Кто б сильнее знал заклатья.
Шакуста слова и гонят,
Шакуязык и гонит речи,
Как рысистой жеребенок,
Как скакун, безущий быстро.
День за днем поет он песни,
Он поет подряд все ночи;
И внимает пенью солнце,
Прекращает бег свой месяц,
Неподвижны в море волны,
Стали все валы в заливе,
Не текут потоки больше,
Замер бурный омут Рутьи,
Стихло Вуоксы волнение,
Иордан остановился.
Старый, верный Вяйнямейнен,
Как напевы эти понял,
Как наслушался их вдалеке,
Как набрал хороших притчей
Порешил скорее выйти
У чудовища из чрева,
Из рта у великана,
Из груди у чародея.
Молвил старый Вяйнямейнен:
О ты, Випунен! Открой-ка,
Отвори свой рот пошире,
Уст твоих углы побольше,

Чтоб из чрева мог я выйти
И на родину вернуться!"
Випунен, певец заклятий,
Говорит слова такие:
"Пожираю я в жизни много,
Проглотил я много тысяч;
Никогда не ел такого,
Как ты, старый Вяйнямейнен!
Шы, хитер, сюда забрался
Все же лучше, коль уйдешь ты".
Славный Випунен зевает,
Быстро челюсти раздвинул,
Открывает рот пошире
И углы у рта побольше.
Старый, верный Вяйнямейнен
У него из чрева вышел,
Из утробы великана,
Из нутра у чародея;
Из рта скользит поспешно,
Выскользает на поляны,
Словно белка золотая,
Златошерстая куница.
Он пошел дорогой дальше,
К кузнецу пришел, к горнику.
И промолвил Ильмаринен:
"Что ж, узнал ли ты три слова,
Получил ли изречения,
Чтоб края построить лодки,
Чтоб связать корму покрепче,
Чтоб борты сплотить сильнее?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Так в ответ ему промолвил:
"Ста словам я научился,
Тысячу узнал заклятий,
Вынес скрытые заклатья
И слова из тайной глубины".
К челноку уходит старец,
К месту, где работал мудро;
Скоро лодочку окончил,
По краям связал каемки;
Он корму связал покрепче
И борты сплотил сильнее:
Был готов челнок без стройки,
Лодка выросла без щепок.

Руна восемнадцатая

1. Вяйнямейнен плывет на своей новой лодке к девице Похъёлы, чтобы посвататься к ней.
2. Сестра Ильмаринена видит его и разговаривает с ним с берега, узнает о его намерении и торопится сообщить своему брату о том, что он может потерять заслуженную им в Похъёле невесту.
3. Ильмаринен снаряжается и тоже спешит, верхом по побережью, в Похъёлу.

4. Хозяйка Похьёлы, увидя женихов, советует своей дочери выйти за Вяйнямёйнена.

5. Дочь, однако, обещает выйтizza выковавшего Сампо Ильмаринена и отвечает отказом Вяйнямёйнену, который вошел в дом первый.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Пораздумал и размыслил:
Привести пойти девицу,
Деву с славною косою,
Взять из Похьёлы суровой,
Из туманной Сарюлы,
Дочку Похьёлы, красотку,
Шам, на севере, невесту.
Красной краской красит лодку,
Синюю приделал крышку,
Нос он золотом украсил,
Серебром его отделил,
И потом, прекрасным утром,
Рано, только день начался,
Оттолкнул он лодку в воду,
На течение челн дощатый,
От катков, коры лишенных,
От еловых бревен круглых,
Мачты крепкие поставил,
Паруса на мачту поднял,
Натянул он парус красный,
Прикрепил и парус синий;
Сам в ладью тогда он сходит,
В этот новенький кораблик,
Чтобы править им по морю,
Бороздить по голубому.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Ты сойди, всевышний, в лодку,
На корабль ты, милосердный,
В помощь слабому герою,
Мужу малому в подмогу
На пространстве вод широких,
По открытому теченью!
Ты качай челнок мой, ветер,
Ты гони, волна, кораблик,
Чтоб не брать мне в руки весел
И не трогать ими воду.
На хребте широком моря,
По открытому теченью!"
Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Прежде солнышка проснулась,
Рано утром пробудилась
И белье уже колотит,
Платья чисто полоскает
На конце моста, на красном,
На широком переходе,
На мысочке, скрытом мглою,
Шам, на мглистом островочке.

Вот вокруг взглянула дева,
В даль, в простор она взглянула,
Посмотрела кверху в небо,
А потом взглянула в море:
В высоте блестело солнце,
А внизу сверкали волны.
Взоры бросила на море,
Повернулась прямо к солнцу:
В Суомеле, при устье речки,
При владенье речки Вяйнё,
Что-то на море чернеет,
Что-то синее на волнах,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Что там черное на море,
Что там синее на волнах?
Шо, быть может, стадо уток,
Иль гусей крикливых стадо?
Так лети себе скорее
Вверх, в небесные просторы!
Или ты – утес лососий,
Иль, быть может, рыба стая?
Так спустись и плавай глубже,
Уходи ты в глубь потоков!
Или ты – подводный камень,
Или просто ветка в море?
Пусть тебя укроют волны,
Пусть вода тебя покроет!"
Но челнок плывет все дальше,
Едет парусный кораблик
Мимо мглистого мысочка,
Мимо острова в тумане.
Дева Анникки, красотка,
Уж кораблик увидала,
Видит близко челн дощатый,
Говорит слова такие:
"Ты не братнин ли кораблик,
Не челнок ли ты отцовский?
Поезжай в родную землю,
Поверни в страну родную,
К этой пристани стань носом,
А кормой к каткам чужбины.
Если ж ты челнок с чужбины,
Шо плыви отсюда дальше,
Носом стань к каткам чужбины,
К этой пристани кормою!"
Шо не с родины челнок был,
Но и не совсем с чужбины:
Подплывал то Вяйнямйёнен,
Шо челнок певца подъехал.
Очень близко подъезжает,
В разговор вступает старец,
Слово молвит, вслед – другое,
Чтоб сказать получше третье.

Дева Анникқи, красотқа,
Дочка сумереқ и ночи,
Обратившись к лодке, молвит:
"Ты куда же, Вяйнямейнен,
Ты куда, друг моря, едешь,
Красота страны, стремишься?"
Отвечает Вяйнямейнен,
Молвит с лодки старец дева:
"Я ловить лососей еду,
Где икру лососи мечут,
В черных Пуонелы потоках,
В глубине меж камышами".
Дева Анникқи, красотқа,
Говорит слова такие:
"Хоть не лгал бы ты так явно!
Разве рыба ныне мечет?
Выезжал отец мой прежде,
Часто ездил седовласый,
Чтоб ловить в потоках семгу,
Привозить домой пеструшек;
И лежали сети в лодке,
Невода в челне бывали,
У сетей веревок много,
По бокам шесты и сети;
На скамьях багры лежали,
У руля большие палки.
Ты куда же, Вяйнямейнен,
Держишь путь, Сувантолайнен?"
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Я гусей ловить поехал
Там, где пестрые играют,
Птиц ловить хочу слюнявых
На Сақсонском том проливе,
По открытому теченью".
Дева Анникқи, красотқа,
Говорит слова такие:
"Знаю тех, кто правду молвит,
И лгуна всегда открою:
Выезжал отец мой прежде,
Часто ездил седовласый,
Чтоб гусей ловить в проливе,
Убивать там красноклювых;
Лук его бывал прилажен,
Он натягивал тетивку;
На цепи собаки были
И привязаны у лука;
Лсы по берегу бежали,
Брехуны по острым камням.
Молви правду, Вяйнямейнен,
Ты куда свой путь направил?"
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Ну а если я поехал
К шуму страшному сраженья,
Где мужи друг с другом бьются,

Где потоком кровь струится,
До колена достигает?"
Молвит Анникки девица
В оловянных украшениях:
"Знаю, как идут на битву.
Уходил отец мой раньше
В тот великий шум сраженья,
Где мужи друг с другом бьются.
Сто мужей садились к веслам,
С ними тысячи стояли,
По краям висели луки,
По скамьям мечи висели.
Ты скажи-ка лучше правду,
Ты скажи, не прильгая:
Ты куда, о Вяйнямйнен,
Держишь путь, Сувантолайнен?"
Молвит старый Вяйнямйнен,
Говорит слова такие:
"Ты сойди на лодку, дева,
Ты войди в челнок, девица,
Вот тогда скажу я правду
И скажу, не прильгая".
Отвечает тут девица
В оловянных украшениях:
"Ветер пусть сойдет на лодку,
В твой челнок пусть сядет буря!
Поверну твою я лодку,
Твой челнок я опрокину,
Если правды не услышу,
Для чего ты в лодке едешь,
Не услышу правды ясно
И ты ложь свою не кончишь".
Молвит старый Вяйнямйнен,
Говорит слова такие:
"Ну, скажу я правду ясно.
Я солгал тебе немножко:
Я иду, чтоб взять девицу,
Получить младую деву -
Взять из Похьёлы суровой,
Из туманной Сариолы,
Из жилища людоедов,
Где героев топят в море".
Дева Анникки, красотка,
Дочка сумерек и ночи,
Услыхавши эту правду,
Эту правду без обмана,
Уж платков не выбивала,
Платьев больше не стирала
На широком переходе,
На краю моста, на красном;
Подхватив рукою платья,
Подобрав подол рукою,
Припустилася в дорогу,
Побежала к дому быстро,

К кузнецу пришла в жилище,
Подошла сама к горнилу.
Там работал Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Делал лавку из железа,
Серебром ее украсил;
Копоть с локоть – на макушке,
На плечах углей на сажень.
Подошла к дверям девица,
Говорит слова такие:
"Брат-кузнец мой, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
Челночок мне, братец, выкуй,
Выкуй мне получише кольца,
Выкуй две иль три сережки,
Пять иль шесть мне подпоясок,
Я за то скажу всю правду,
Безо лжи все расскажу я!"
Молвит мастер Ильмаринен:
"Принесешь вестей хороших -
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
И на грудь скую я крестик,
Головной убор прекрасный.
Принесешь дурные вести -
Поломаю украшенья
И сорву, в огонь их брошу,
Брошу их в мое горнило".
Дева Анникки, красотка,
Говорит слова такие:
"О кователь Ильмаринен!
Ты ведь хочешь взять девицу,
Ту, с которой обручился,
Хочешь взять ее в супруги!
Ты куешь без передышки,
И без отдыха стучишь ты:
Летом ты куешь подковы,
А зимой куешь железо,
По ночам ты строишь сани,
Днем ты также сани строишь,
Чтобы ехать за невестой,
Ехать в Похьёлу за нею.
Между тем туда уж едет,
Кто хитрей тебя и ловче,
И возьмет, что заслужил ты,
Увезет, что так любил ты
И на что смотрел два года.
Сватался три полных года.
Спешно едет Вяйнямёйнен
По волнам на синем море,
У руля из меди сидя,
На корме с золотой резьбою,
В Похьёлу, в страну тумана,
В сумрачную Сариолу".

Ильмаринен огорчился,
Муж железа стал печален,
Молоток из рук валится,
И клещи из рук упали.
Молвит сильный Ильмаринен:
"Анникки, моя сестрица,
Челночок тебе скую я,
Накую колец хороших,
Две ли, три ль скую сережки,
Пять ли, шесть ли подпоясок,
Баню сладкую нагрей мне,
Надыми в медовой бане,
Положи потоньше плахи,
Нащепи помельче щепок,
Да подсыпь золы немного,
Щелоку прибавь немножко,
Чтоб им голову мне вымыть,
Щело щелоком очистит
От углей еще осенних
И от старой зимней гари!"
Дева Анникки, красотка,
Хорошо нагрела баню.
Жжет упавшие деревья
И что молнией разбиты;
Набрала в реке каменьев,
Полила их – пар поднялся
От воды, в ключе добытой,
В роднике, покрытом пеной.
Нарвала в кусточках веток,
В роще веточек хороших,
Парит полный медом веник,
На краю медовом камня,
Из мозгов и простокваши
Мыло мягкое готовит.
Мыло, чтоб оно смывало,
Чтобы пенилось, сверкало,
Чтоб жених все тело вымыл,
Чтобы голову очистил.
Сам кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Наковал, что ей хотелось,
Головной убор украсил,
Между тем как дева в бане
О мытье его старалась.
Положил ей в руки вещи,
А она ему сказала:
"Я уж баню истопила,
Сладкий пар уж приготовлен,
Уж попарила я веник,
Помахала там ветвями.
Мойся в бане этой вдосталь,
Лей воды там сколько хочешь,
Чтоб, как лен, глава белела,
Чтоб глаза, как снег, блестели!"

И крователь Ильмаринен
Шут пошел в той бане мыться.
Шам он вдоволь накупался,
Добела все тело вытер.
И глаза его блестели,
И виски его горели,
Как яйцо, белела шея,
И все тело заблистало.
Вышел в горницу из бани -
Шам его едва узнали:
Так прекрасны были щеки,
Так они румяны были.
Говорит слова такие:
"Анникки, моя сестрица,
Дай ты мне получише платье,
Полотняную рубашку,
Чтоб украсить лучше тело,
К сватовству мне быть готовым!"
Дева Анникки, красотка,
Принесла ему рубашку,
Чтоб облечь сухие члены,
Чтоб покрыть нагое тело;
Принесла штаны сестрица,
Ше, что мать родная сшила,
Натянуть ему на бедра,
Где костей совсем не видно.
Вносит мягкие чулочки,
Что когда-то мать связала,
Чтоб покрыть у брата голень,
Чтоб ему закутать икры;
Бахмаки дает по мерке,
Сапоги, что сам купил он,
Чтоб покрыть концы чулочков,
Что когда-то мать связала;
Куртку сверху голубую,
Цвета печени с изнанки,
Чтоб надеть поверх рубашки
Из льняной прекрасной ткани,
И кафтан суконный плотный,
С четверной кафтан подкладкой
На ту куртку голубую,
На новейшую из новых;
Шубу с тысячею петель,
С целой сотней украшений,
На кафтан суконный плотный,
Но сукном обшитый тонким;
Надевает ему пояс,
Золотом обильно шитый,
Что родная вышивала,
Бывши в девушках, соткала;
Вносит пестрые перчатки
С оторочкой золоченой,
Что готовили лапландцы
Для руки прекрасной формы;

На его золотые кудри
Принесла большую шапку,
Что отец купил когда-то,
К сватовству еще готовясь.
Вот кователь Ильмаринен
Уж готов, принарядился,
В ту одежду облачился
И рабу тогда промолвил:
"Запряги мне жеребенка
В разукрашенные сани,
Чтоб я мог на них поехать
В Похьёлу, помчаться быстро!"
Раб ему и отвечает:
"Шесть коней у нас в конюшне,
Лошадей, овес жующих,
Так какую ж запрягу я?"
Отвечает Ильмаринен:
"Жеребца возьми получше,
Запряги-ка жеребенка
Мне буланого в оглобли;
Посади-ка шесть кукушек,
Семь из птиц голубоватых,
На дуге чтоб поместились
И в ремнях ярма звучали:
Пусть любят девицы,
Пусть нарядной будет радость.
Принеси мне мех медвежий,
Чтоб на нем я мог усесться;
Принеси тюленью шкуру,
Чтоб покрыть мне ею сани!"
И запряг тут раб усердный,
Что работает поденно,
Жеребенка быстро в сани,
Шам буланого в оглобли.
Шесть кукушек размещает,
Птичек семь голубоватых,
Чтоб звучать им под дугою,
Чтоб в ремнях ярма чирикать.
Он приносит мех медвежий,
Чтобы сел на нем хозяин.
И принес тюленью шкуру
Вместо полости на сани.
Сам кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Укко вышнему взмолился,
Так гремящего он просит:
"С неба снег пошли мне, Укко,
Хлопья мягкие на землю,
Чтоб по ним скользили сани,
Чтоб по снегу зашуршали!"
С неба снег бросает Укко,
Хлопья мягкие на землю,
Стебли трав покрыл он снегом
И покрыл верхушки ягод.

Сам кователь Ильмаринен
Сел потом в стальные сани,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Ты садись за вожжи, счастье,
Правь санями, бог, в дороге
Не порвет мне счастье вожжи,
Бог саней не поломает!"
Захватив рукою вожжи,
А другою кнутовище,
Он коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
"Ну, беги ты, белолобый,
Ты скачи, с льняною гривой".
Скачет, мчится конь дорогой,
По песчаному побережью,
Перед рощею медовой,
Меж холмов, ольхой поросших,
Едет берегом он шумно,
По песку побережья мчится,
И песок в глаза несется,
Плещет в грудь вода морская.
Гонит день, другой день гонит,
Третий день он гонит также,
Наконец, уже на третий,
Вяйнямёйнена догнал он,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"О ты, старый Вяйнямёйнен,
Сговоримся-ка с тобою,
Чтоб когда мы будем сватать
Эту спорную девицу,
Что не брать ее насильно,
Против доброй воли в жены".
Молвит старый Вяйнямёйнен:
"Соглашаюсь я охотно:
Силой взять нельзя девицу,
Против воли выдать замуж,
Пусть того женою будет,
За кого пойти согласна;
И другой пусть не гневится,
За другой иметь не должен".
Едут дальше по дороге,
По своей дороге каждый,
И шумит вдоль берега лодка,
Скачет конь, земля трясется.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье-
Вот залаяла собака,
Пес дворовый громко лает
В Похьёле, в стране суровой,
В той туманной Сариоле.
Вот ворчит собака тише
И рычит гораздо реже,

На краю усевшись пашни,
По земле хвостом махая.
Мрачной Похъёлы хозяин
Молвит: "Дочка, посмотри-ка:
Серый пес там что-то лает,
Воет битый, вислоухий".
Отвечает дочь разумно:
"У меня и так есть дело:
Хлев убирать, смотреть за стадом
Да вертеть тяжелый жернов,
Чтоб муку смолоть помягче,
Пропустить муку чрез сито.
Прудно жерновом работать -
И на это сил-то мало!"
Тихо лает пес лохматый,
Все ворчит он на кого-то,
Снова Похъёлы хозяин
Говорит: "Пойди, старуха,
Серый пес все что-то лает,
Воет битый, под воротный!"
Но ему старуха молвит:
"Никакой мне нет охоты.
В пору мне с хозяйством сладить:
Хлопочу я об обеде,
Хлеб большой сготовить нужно,
Замесить покруче тесто.
Крупен хлеб – мелка мукица:
И на это сил-то мало".
Молвит Похъёлы хозяин:
"Вечно бабы суетливы,
Вечно девушки с работой:
По погреются у печки,
По растянутся в постели.
Шы, сынок, пойди взгляни-ка!"
Но молодчик отвечает:
"Нет мне времени смотреть там:
Наточить топор мне нужно,
Расколоть им пень огромный,
Дров для топки наготовить,
Наколоть поленьев тонких,
Полсты бревна, тонки плахи:
И на это сил-то мало".
А дворовый пес все лает,
Все ворчит собака злая,
Страшный пес рычит со злобой,
Сторож все не утихает,
На краю поляны сидя
И хвостом своим махая.
Молвит Похъёлы хозяин:
"Не напрасно лает серый,
Не рычит он без причины,
Не ворчал бы он на сосны".
Сам пошел он поразведать,
За черту двора выходит,

На последний край поляны
Позади своих посевов.
Посмотрел собаке в морду,
Видит: морда повернулась
На хребет холмов бурливых,
На вершины гор ольховых;
Шут всю правду он увидел,
Отчего так серый лаял,
Самый лучший пес на свете,
И вертел хвостом мохнатым:
Паруса у лодки красной
На заливе Лемпи веют,
Едут убранные сани
Перед рощею медовой.
Шут сам Похъёлы хозяин
Входит в горницу поспешно,
Быстро в доме появился,
Говорит слова такие:
"К нам уж прибыли чужие
По хребту морей шумящих,
И подъехали к нам сани
Подле той медовой рощи,
С парусами едет лодка
По волнам залива Лемпи".
Но хозяйка Сариолы
Молвит: "Как же мы узнаем,
С чем к нам прибыли чужие?
Дочка, милая малютка,
Положи в огонь рябину,
Подожги красу деревьев;
Если кровь польет струею
То идут на нас войною;
Если ж потечет водица
То останемся мы с миром".
Дева, Похъёлы красотка,
Эта скромная девица,
На огонь кладет рябину,
Подожгла красу деревьев.
Не течет ни кровь оттуда,
Ни водица чистой струйкой;
Видит – мед течет оттуда,
Сладкий сот там показался.
Молвит Суовакко тихонько,
Молвит старая с постели:
"Если мед течет из древа,
Коль из сота сладкий каплет,
Это значит – будут гости,
Женихи толпой большою".
Вышла Похъёлы хозяйка
Вместе с матерью и дочка
По двору шагают быстро,
Со двора – да за калитку
Посмотрели вдалеку
Повернули взоры к солнцу

Увидали, что подходит
Близко парусный корабль
Из досок, из целой сотни,
По заливу Лемпи едет:
Серовата лодка снизу,
Красновата в верхней части
У руля сидит там сильный
Муж сидит у медных вес
Видят – скачет жеребенок,
Сани красные скользят там
Пестро убранные едут
Перед рощею медовой;
На дуге там шесть кукушек
И поют золотые птицы,
Птичек семь голубоватых
Шам в ремнях ярма распели
Гордый муж сидит на санках
И в руках он держит вожжи
Шут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
"Замуж хочешь ли ты выйти
Если сватать эти едут,
Чтоб подругой стать для мужа
Мужу курочкой любимой
Шот, который едет в лодке.
В челноке стремится красном,
Мчится по заливу Лемпи,
Это – старый Вяйнямейнен;
Он на дне везет запасы,
Он везет богатства в лодке.
Шот, который едет сушей,
Шам скользит на санках пестрых
Подле той медовой рощи,
Шо – кователь Ильмаринен,
И с пустыми он руками,
В санках – только обещанья.
Как войдут они в пороги,
Принеси ты в кружке меду,
В кружечке с двумя ушками,
И тому подай ты кружку,
За кого идти согласна.
Вяйнямейнену подай ты,
Что везет именье в лодке,
В челноке везет богатства!"
Дочка Похъёлы, красота,
Говорит в ответ ей слово:
"Мать, ведь ты меня носила,
Ты меня ведь возрастила!
Я не выберу богатства,
Ни с сокровищами мужа.
Муж мой должен быть красивым:
И лицом красив, и телом.
Никогда то не бывало,
Чтоб девицу продавали.

Без сокровища пойду я
К Ильмаринену младому,
Что нам выковал здесь Сампо,
Крышку пеструю украсил".
Молвит Похьёлы хозяйка:
"Явно глупый ты ягненок!
Ильмаринена берешь ты,
Чтоб стирать ему рубашки,
Очищать чело от пота,
Голову от черной сажи!"
Так ответила ей дочка,
Говорит слова такие:
"Вяйнямёйнену не буду,
Старцу слабому, охраной:
Очень трудно с ним мне будет,
Скучно будет с этим старым".
Скоро прибыл Вяйнямёйнен
Он достиг до цели раньше;
Лодку красную он ставит,
Темный челн свой помещает
На катки, что из железа,
На катки, где много меди;
Сам отправился в покои,
Быстро входит в дом старухи
И, на пол дощатый ставит,
Перед дверью, у порога,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Хочешь, дева, быть моею,
На всю жизнь моей супругой,
Дни мои делить со мною,
Быть мне курочкой любимой?"
Потчас Похьёлы девица
Быстро старцу отвечает;
"А ты выстроил мне лодку,
Челн большой ты мне построил
Из обломков веретенца,
Из кусков моей катушки?"
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Лодку славную я сделал,
Сколотил я челн мой крепко
Чтоб выдерживал он ветер
Чтоб держался в непогоду
Если он пойдет на волны
Заскользит по глади моря
Чтоб поднялся, как пузырь,
Чтоб качался, как цветочек,
В шири северных потоков,
На волнах, покрытых пеной".
Дочка Похьёлы, красотка,
Так ответила на это:
"Не хочу я мужа с моря,
Что всегда живет на волнах;

Ум его уносят бури,
По мозгам его бьют ветры.
Не могу с тобой идти я
И себя связать с тобою,
Чтобы спутницей быть в жизни
Старцу курочкой любимой,
Для спанья готовить место,
Класть под голову подушку".

Руна девятнадцатая

1. Ильмаринен входит в дом Похьёлы – сватается к дочери Похьёлы, и ему дают опасные поручения.
2. Благодаря советам девицы Похьёлы он благополучно исполняет поручения, вспахивает змеиное поле, ловит медведя Туони и волка Маналы и, наконец, огромную рыбу из реки Туони.
3. Хозяйка Похьёлы выдает свою дочь за Ильмаринена.
4. Грустный возвращается Вяйнямёйнен из Похьёлы и никому не советует соперничать с молодыми в сватовстве.

Шут приходит Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Быстро в горницу вступает,
Направляется в жилище.
Мед был тотчас же предложен,
Сладкий сок был в кружке подан
Ильмаринену в покаях,
И кузнец промолвил слово:
"Никогда в теченье жизни
И пока сияет месяц,
До питья здесь не дотронусь,
Если деву не увижу,
Если замуж не готова
Ша, которой ожидал я".
Молвит Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Ведь труда большого стоит
Ша, которой ожидают.
В башмачок обует ножку
И другую точно так же –
И готова будет замуж
За тебя девица выйти,
Если поле змей ты вспашешь,
Если так взрыхлить сумеешь,
Чтоб сошник не подвигался,
Плуг нисколько не качался.
Пропахал то поле Лемпо,
Взбороздил то поле Хийси
Сошником, богатым медью,
Плугом с огненным железом,
Половину мой сыночек
Недопаханной оставил".

Шут қователь Ильмаринен
Қ деве в горницу приходит,
Говорит слова тақие:
"Дочка сумереқи ночи!
Помнишь ли бывшее время,
Как сқовал для вас я Сампо,
Крышку пеструю украсил?
Шы қялася мне страшной қяत्वой
Пред всезнающим владықой,
Пред лицом его велиқим
Мне дала обет священный,
Что пойдешь за добрым мужем
Будешь спутницею в жизни,
Будешь курочқой любимой:
Мать тебя отдать не хочет,
Дочку мне не доверяет,
Если поле со змеями
Мною вспахано не будет".
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
"О кузнец ты, Ильмаринен,
Веқовечный ты қователь!
Выкуй ты сошник из золота.
Серебром укрась прекрасным
Им ты быстро поле вспашешь
Взрежешь поле со змеями"
Шут қователь Ильмаринен
Положил в горнило золота,
Серебра туда прибавил
И сошник из них сработал
Из железа обувь сделал,
Сделал поножи из меди,
Их надел себе на ноги
И покрыл он ими икры;
Взял железную рубашку
Опоясался он сталью,
Взял железные перчатқи
Взял он варежқи из қамня,
Сделал огненную лошадь;
Запрягает лошадь в упряжь -
И пошел пахать то поле,
Бороздить пошел он пашню.
Видит: головы вертятся,
Черепи шипят ужасно.
Говорит слова тақие:
"Змеи, созданные богом!
Қто здесь поднял ваши пасти,
Қто вас выслал, қто устроил
Ваши головы тақ прямо,
Ваши шеи тақ высоко?
Уходите вы с дороги,
На жнивье идите, злые,
Ускользайте в чащу леса,
Уползайте, змеи, в травы.

Если ж вновь вы приползете,
Укко головы снесет вам,
Разобьет стальной стрелой,
Размозжит дождем железным".
Он прошел змеиной пашней,
Взбороздил поля ехидны,
Поднял змей своей сохюю,
И гадюк он поднял плугом,
И сказал, придя обратно:
"Я прошел змеиной пашней,
Взбороздил поля гадючьи,
Поднял землю со змеями.
Шы отдашь ли дочь, старуха,
Мне доверишь ли родную?"
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Лишь тогда отдам родную,
Лишь тогда тебе доверю,
Коли Шуонелы медведя,
Волка Маналы седого
Шы поймаешь в царстве мертвых,
В мрачных Шуонелы пределах,
Сотни взять его хотели,
И никто не возвратился".
Шут кователь Ильмаринен
Входит в горницу девицы,
Говорит слова такие:
"Мне еще есть порученье:
В Шуонеле добыть медведя,
Волка Маналы седого,
Опуститься в царство мертвых,
В дебри Маналы лесные".
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
"О кузнец ты, Ильмаринен,
Вековечный ты кователь!
Выкуй ты узду из стали,
Выкуй ты ремень железный
Посреди воды на камне,
В бурной пене трех потоков!
Ими Шуонелы медведя,
Волка Маналы захватишь".
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Выковал узду из стали,
Выковал ремень железный
Посреди воды на камне,
В бурной пене трех потоков.
Укрощать пошел животных;
Сам сказал слова такие:
"Перхенетар, дочь туманов!
Шы просей туманы ситом,
Шы рассыпть туманом тени
Шам, где ходят в роще звери,

Чтоб мой шаг им не был слышен,
Чтоб они не убежали!"
Обвязал он пасть у волка,
Он связал медведя цепью
В темных Шуонелы полянах,
В глубине лесов дремучих
И сказал, придя обратно:
"Ты отдай мне дочь, старуха!
Взял я Шуонелы медведя,
Волка Маналы связал я".
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Эту уточку отдам я,
Эту птичку голубую,
Если щуку ты поймаешь,
Рыбу жирную захватишь
В Шуонелы потоках темных
И в глубоких водах Маны, —
Не поставивши тенета,
Не закинув в воду невод.
Сотни там ловить ходили,
Ни один не возвратился".
Стал угрюмым Ильмаринен,
Погрузился он в унынье.
Входит в горницу девицы,
Говорит слова такие:
"Мне еще есть порученье,
И оно труднее прежних:
Нужно выловить мне щуку,
Рыбу жирную поймать мне
В темных Шуонелы потоках
И в глубоких водах Маны,
Но без невода, без сети
И без всякого подспорья".
Помогла ему невеста,
Подала совет девица:
"О кователь Ильмаринен,
Никогда не падай духом!
Из огня ты птицу выкуй,
Гордого орла ты сделай!
Он тебе поймает щуку,
Рыбу жирную изловит
В черных Шуонелы потоках,
В Маналы глубоких водах".
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Птицу огненную сделал,
Из огня орла сковал он,
Сделал пальцы из железа,
Из қаленой стали когти,
Крылья из огромной лодки.
Сам взошел на эти крылья,
Сел он на спину у птицы,
На костях спины орлиной.

Шақ орла предупреждает,
Шақ советует он птице:
"О орел ты мой любезный!
Пы лети, куда велю я:
К черным Шуонелы потокам,
К водам Маналы глубоких!
Пы поймай большую щуку,
Рыбу жирную достань мне!"
Полетел орел прекрасный,
Устремился что есть силы,
Чтобы вытащить ту щуку, –
Рыбу с страшными зубами,
В Шуонелы потоках черных,
В Маналы глубоких водах,
Волн одним крылом коснулся,
А другим достал до неба;
Загребает дно когтями,
Клювом скалы задевает.
Вот подходит Ильмаринен,
Поискать спешит кователь
В Шуонелы потоках черных,
А орел охраной служит.
Пут чудовище явилось,
Ильмаринена схватило;
Но орел хватает зверя,
Повернул его за шею, –
Погрузил его глубоко
И забил в густую тину.
Щука Шуонелы всплывает,
Из воды ползет собака –
Щука та не из огромных,
Но не очень чтоб из малых;
С топорнице язычище,
С рукоятку грабель – челюсть,
Пасть в широких три потока,
Шириной спина в семь лодок;
Проглотить героя хочет,
С Ильмариненом покончить.
Но орел спустился быстро
Птица воздуха слетает;
Не из очень он великих
И не очень чтоб из малых;
Во сто сажень клюв длиною,
Зев отверстием в шесть потоков,
А язык длиною в шесть копий.
И в пять кос длиною когти.
Устремился к страшной щуке
К той проворной жирной рыбе
И бросается на рыбу,
Чтоб схватить ее когтями.
Но огромнейшая щука,
Шот пловец проворный, жирны
У орла зажала когти
В глубине воды прозрачной.

Поднялся орел высоко,
Поднялся в свободный воздух
Щащит когти он из тины
По спине воды блестяще
Полетел, остановился,
Попытаться снова хочет:
И одним ударил когтем
По плечу ужасной щуки,
Водяному псу по боку,
А другим ударил когтем
По утесу из железа,
По скале из твердой стали.
Отскочил от стали коготь,
От железного утеса:
Уж уходит в глуби щука,
Уж на дно воды стремится
Из когтей орла большого,
Из когтей огромной птицы;
На боках у ней отверстие,
На плечах большие щели.
Шут железными когтями
Снова бьет орел огромный,
Крылья пламенем блистают,
А из глаз он мечет искры:
Захватил когтями щуку,
Водяного пса сжимает,
Шу чешуйчатую рыбу;
Щащит чудище потоков
Из ужасной водной глуби
Но спине блестящей моря.
Шақ сумел Орел могучий
Наконец, при третьей схватке,
Щуку страшную осилить –
Жирного пловца доставить
Из потоков черных Шуони,
Речек Маналы глубоких,
Стал поток неузнаваем –
Столько в нем чешуек щучьих,
Нелегко узнать и воздух –
Столько в нем орлиных перьев.
Потащил орел когтями
Рыбу с твердой чешуек"
На большие ветви дуба,
На сосну с густой верхушкой.
Начал пробовать он щуку:
Клювом ей разрезал брюхо,
Разорвал ей грудь когтями,
Отделил голову от тела.
И промолвил Ильмаринен:
"Ох, орел, плохой помощник!
Что же это за пернатый
И какая ж это птица,
Если щуки сам отведал,
Клювом брюхо ей разрезал,

Разорвал всю грудь у рыбы,
Отделил главу от тела!"
Но орел с железным когтем
Улетает в гневе дальше,
Поднялся повыше в воздух
На края широкой тучи;
Стонет небо, гнутся тучи,
Крыша воздуха погнулась,
Сломан лук у бога неба,
На луне рога сломались.
Вот приносит Ильмаринен
Голову той страшной щуки
Щеще будущей в подарок,
Говорит слова такие:
"Голова пусть служит эта
Стулом в Похьёлы жилище".
А потом опять промолвил,
Говорит слова такие:
"Я вспахал с змеями поле,
Взбороздил страну гадючью,
В Манале связал я волка,
В Пуюнеле я взял медведя.
Вот теперь пришел со щукой,
С тем пловцом проворным, жирным,
Из потоков черных Пуюни,
Речек Маналы глубоких,
Что ж, отдашь ли дочку в жены,
Мне доверишь ли девицу?"
Молвит Похьёлы хозяйка;
"Все ж ты очень плохо сделал,
Что ей голову отрезал,
Распорол у щуки брюхо,
Разорвал всю грудь у рыбы,
Мяса щучьего отведал".
Пут кователь Ильмаринен
Говорит в ответ старухе:
"Не бывает без ущерба
И из лучших мест добыча,
Я ж из Пуюнелы доставил,
В Манале ее добыл я!
Ну, теперь готова ль дева,
Долгожданная невеста?"

Молвит Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Да, теперь готова дева,
Долгожданная невеста!
Эту уточку родную,
Птичку нежную, вручаю
Ильмаринену: пусть будет
Милой спутницею в жизни,
Будет дней его подругой,
Будет курочкой любимой".
На полу сидел ребенок,

И запел с земли мальчишка:
"Показалась у жилища,
Подлетела к дому птица,
По летит орел с востока,
Прилетает с неба ястреб;
Он крылом коснулся тучи,
А другим – волны коснулся,
Он хвостом потоки режет,
Головой достал до неба.
Он кругом прилежно смотрит,
Полетит – недвижно станет,
И летит к мужам в палаты,
И стучит огромным клювом:
Но железом крыта кровля,
Он попасть в жилье не может.
Он кругом прилежно смотрит,
Полетит – недвижно станет,
И летит в палаты женщин,
И стучит огромным клювом;
Но из меди кровля женщин:
Он попасть в жилье не может.
Он кругом прилежно смотрит,
Полетит – недвижно станет,
И летит в палаты к девам,
И стучит огромным клювом:
Полотняная там кровля,
К ним попасть в жилье он может.
К дымовой трубе летит он,
Опускается на крышу;
У окошка рвет он доску,
На окне палат садится,
На стене, зеленоперый;
Сел, стоперый, на стропилах;
Он кудрявую увидел
Деву с длинною косой,
Что подруг своих прекрасней,
Краше всех девиц кудрявых,
Что милее всех нарядных,
Всех украшенных цветами.
Уж берет орел когтями,
Уж хватает ястреб быстро
Деву ту, что всех милее,
Уточку, что всех прекрасней,
Что всех легче и нежнее,
Всех быстрее и белее.
Деву взял орел воздушный,
И уже царапнул коготь
Пу, что держится так прямо,
Пу, чье тело всех прекрасней;
Взял ее на хвост пернатый,
Хвост, покрытый нежным пухом".
Молвит Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Ты узнал откуда, милый,

Где ты, яблочко, услышал,
Что здесь выросла девица,
Чьи, как лен, прекрасны кудри?
Серебро ль сверкнуло девы,
Или золото блеснуло,
Иль от нас сияло солнце,
Иль светил отсюда месяц?"
С пола речь повел малютка,
Отвечал отросток юный:
"Вот счастливцев, как проведаль,
Как нашел себе дорожку
К дому славной той девицы,
Ко двору прекрасной девы;
Об отце ее узнал он,
Что корабль большой он выслали;
А об матери узнал он,
Что печет крутые хлебы,
Хлеб пшеничный славно месит
И гостей им угощает.
Вот как выведал счастливцев,
Как он издали прослышал,
Что уж выросла девица,
Что девица стала выше:
Он на двор однажды вышел,
Подожел к овину близко,
Это было рано утром,
Только зорька занималась.
Вся в клоках крутилась сажда,
Дым густой бежал клубами
От жилища той девицы,
Со двора той девы стройной;
Там сама младая дева
Терла брусьями о жернов:
Тели брусья, как кукушки,
Дырря сбоку, словно утки,
Как сверчок, звучало сито,
Камни жемчугом звенели.
Он отправился в другой раз
И пошел по краю поля;
На лугу была девица,
На цветочной той поляне,
Красным красила котельчик,
Краску желтую варила.
В третий раз опять пошел он
Под окно прекрасной девы,—
Слышит, дева ткёт прилежно,
Ровно двигается бердо:
Челночок скользит веселый,
Словно горностай по камню;
Слышит стук зубцов у берда,
Словно дятлы на деревьях;
Взад-вперед навой там ходит,
Словно белочка на ветках".
Молвит Похъёлы хозяйка,

Говорит слова такие:
"Видишь, милая девица!
Я ль тебе не говорила:
Не ходи ты петь у елей,
Шы не пой на дне долины,
Не сгибай так гордо шею,
Белых рук не открывай ты,
Белой груди не кажи ты,
Стройным станом не хвались!
Всю-то осень говорила,
Лето целое твердила,
Говорила и весною,
При втором посеве хлеба:
Мы такой построим домик,
Чтоб не видно было в окна,
Как работает девица,
У станка сидит прилежно,
Чтоб о том не знали финны,
Сваты с Суоми не узнали".
На полу сидел ребенок,
Так промолвил двухнедельный:
"В доме можно спрятать лошадь,
Жеребца с хвостом хорошим,
Но кудрявую девицу
Ни в каком не спрячешь доме.
Хоть построй из камня замок
В середине самой моря
И держи ты там девицу,
Эту курочку младую,—
Не укроется девица
И не вырастет большая,
Чтоб жених не появился;
Сват придет, жених примчится
На конях, в высоких шлемах,
Сталью кованы копыта".

Шут-то старый Вяйнямейнен
Головой понику, угрюмый,
Собрался домой в дорогу,
Говорит слова такие:
"Горе дряхлому мне мужу:
Я того и не заметил,
Что ведь сватать надо раньше,
В молодых летах жениться.
Шолько мрачный по природе
Ропщет, в юности женившись,
Что он рано обзавелся
И детьми и всем хозяйством".
Не позволил Вяйнямейнен,
Запретил Сувантолайнен
Старцу свататься седому
Женихом к девице юной,
К ней водою плыть упрямо,
За желанной — сушей ехать,

*Чтобы свататься к девице,
Если есть соперник юный.*

Руна двадцатая

- 1. В Похьёле к свадьбе убивают огромного быка.*
- 2. Варят пиво и готовят кушанья.*
- 3. Рассылают посланцев за гостями. Один Лемминкяйнен не приглашен.*

*Что б теперь начать такое
И о чем бы спеть нам песни?
Пропоем теперь мы вот что,
Вот начнем какие песни:
О пирушке в Сариоле,
О попойке чародеев.
Долго свадьбу обряжают,
Долго все заготавливают
В Похьёле, в ее жилищах,
В горницах той Сариолы.
Что же там соорудили
И чего там натащили
К долгой северной пирушке,
Для питья толпе огромной,
Для еды прибывшим людям,
Для большого угощенья?
Бык кормился у карелов,
В Суоми жирного возрастили.
Не был малым иль великим,
Был теленок как теленок;
Был у тавастов хвостом он,
Головой – у речки Коми.
Вышиной рога в сто сажень,
В полтора сажен морда.
Ласка только лишь в неделю
Обежать могла вокруг шеи;
Только в целый день касатка
С рога к рогу пролетает
И при этом мчится быстро,
На пути не отдыхая;
Целый месяц нужно белке,
Чтоб с плеча к хвосту добраться
До конца не достигает,
Прежде чем пройдет весь месяц.
И теленок этот резвый,
Этот бык из Суоми сильный,
Шел из Карьялы с охраной,
Шел он к Похьёлы полянам.
Сто мужей рога держали,
Морду тысяча тянули,
Как вели быка дорогой,
В Похьёлу его тащили.
Бык идет своей дорогой,*

У пролива Сариолы,
Ест траву у вод болотных,
Шуч касается спиною.
Но мясник не находился,
Чтоб быка того зарезать,
Из сынов той Сариолы,
Из большой толпы народа,
Ни в растущем поколенье,
Ни среди уже старевших,
Прибыл старец из чужбины
Вироқаннас от карелов,
Говорит слова такие:
"Подожди-ка, бык несчастный,
Как приду сюда с дубиной,
Как қолом тебя ударю
В самый череп твой, несчастный,
Шак ты следующим летом
Головы не поворачишь,
Напирать не будешь мордой
На края поляны этой
При заливе Сариолы!"
Вот уходит Вироқаннас,
Отправляется Палвойнен,
Чтоб того быка зарезать.
Повернул бык головою,
Глянул черными глазами -
Старый прыгает на сосны,
Скоро в кустиқи Палвойнен,
Быстро в ивы Вироқаннас.
Мясника прилежно ищут,
Чтобы мог быка зарезать.
И в Карелии прекрасной,
В Суоми – на полях широких,
В ласковой земле у русских,
И в земле отважных шведов,
И в Лапландии обширной,
И в земле могучей Шурья,
Ищут в Шуонеле туманной,
В низких местностях у Маны,
Ищут долго – не находят,
Спрашивают всех – напрасно.
Мясника прилежно ищут,
Резника все не находят
На хребте прозрачном моря,
По волненью вод открытых,
Черный муж поднялся в море,
Богатырь в морских потоках,
На хребте прозрачном моря,
На пространстве вод открытых,
Не из очень он великих,
И не очень чтоб из малых,
Смог бы спать под малой чашей,
Поместиться б смог под ситом.
Был он стар, на вид железный,

У него кулак тяжелый,
И скала служила шлемом,
А утесы сапогами,
Золотой в руке был ножик,
Нож был с медной рукояткой.
Так мясник быку был найден,
Так нашелся умертвитель -
Зверю финскому убийца,
Чудище земли сразивший.
Увидал мясник добычу,
Он быка ударил в шею
И поставил на колени,
Бросил он быка на землю.
Что ж, и много получили?
Получили там немного:
Только сто ушатов мяса,
Колбасы сто сажень вышло,
Крови вышло на семь лодок,
Жиру вышло на шесть бочек -
Все для свадьбы в Сариоле,
Все на пир в стране тумана.
Средь покров Сариолы
Был один большой, широкий,
В девять сажень он длиною,
В семь он сажень шириною:
Закричит петух на крыше,
А внизу его не слышно,
В глубине щенок залает -
Не слышать его у двери.
И хозяйка Сариолы
Все там по полу ходила.
Средь покров хлопотала,
Поразмыслила, подумав:
"Где же я достану пива,
Как питье я приготовлю
При устройстве этой свадьбы,
При заботах о пирежке?
Варки пива я не знаю,
Ни его возникновенья".
На печи сидел там старый,
И промолвил старый с печи:
"Ведь ячмень для пива служит,
Также хмель идет в напиток,
И вода нужна для пива,
И огонь с ужасной силой.
Хмель от Ремунен родился,
Малым он был брошен в землю
Как змея, туда прополз он,
Муравьем пролез он малым
Близ ручья той Калевалы,
Около поляны Осмо.
Так подросток молодой отросток,
Поднялся зеленый прутик,
Потянулся по деревьям,

Поспешил к вершине прямо.
А ячмень посеял старец,
Старец счастья в поле Осмо;
Хорошо ячмень родился,
В вышину прекрасно вырос
На конце поляны Осмо,
На полянах Калевалы.
Мало времени проходит,
Хмель воскликнул на деревьях,
Говорит ячмень на поле,
Калевы ручья водица:
"Так когда же мы сойдемся
И пойдем один к другому?
В одиночестве жить скучно,
Двум, троим жить вместе лучше"
Осмотр, что пиво варит,
Капо, что готовит брагу,
С ячменя срывает зерна,
С ячменя берет шесть зерен,
Семь концов берет у хмеля,
У водицы восемь кружек,
На огонь котел там ставит,
Чтоб сильнее смесь кипела.
Поместила это пиво
В жаркий день однажды летом
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке,
Там, на дне сосудов новых,
Там, в березовых ушатах,
Вот она сварила пиво.
Все же в пиве нет брожения.
Пораздумала и молвит,
Говорит слова такие:
"Что сюда еще подбавить,
Что прибавить к этой смеси,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?"
Вот дочь Калевы, девица,
Дева с ручкою прекрасной,
Та, что всюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
То идет по краю пола,
То пойдет по середине,
То одно в котел положит,
То кладет в котел другое,-
Вдруг увидела там щепку,
Поднимает щепку с пола.
Повернула эту щепку:
"Что из щепки может выйти
На руках прекрасных девы,
Между пальцами девицы,
Если щепку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?"
Отдает ту щепку Капо

И кладет меж пальцев девы.
Вот потеряла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоям бедрам:
Белка белая явилась.
Так она сказала белке,
Так советовала дочке:
"Белка, золото в высотах,
Цвет холмов, земли веселье!
Побеги, куда пошлю я.
Я пошлю тебя, отправлю
В Метсолу твою родную,
В дорожную Шапиолу.
Полезай там на деревья,
Влезь умно на ель густую,
Чтоб орел тебя не тронул,
Не схватила б птица неба;
Принеси еловых шишек,
Нежных почечек сосновых,
И отдай их в руки Капо,
Дай на пиво дочке Осмо!"
Белка быстро побежала,
Машет хвостиком пушистым,
Пробегаёт по дороге
Через широкое пространство.
Вдоль и вширь бежит лесами:
Поперек их пробегаёт
В Метсолу свою родную,
В дорожную Шапиолу.
Видит, там стоят три ели,
Там сосны четыре славных;
И на ель в низине влезла,
На ту сосну на равнине;
И орел ее не тронул,
Не схватила птица неба.
Набрала сосновых игол,
Набрала еловых шишек,
Прячет иглы меж когтями,
Их зяпратывает в лапки,
Принесла их в руки Капо
И кладет у ней меж пальцев.
Капо их бросает в пиво,
Осмотр кладет их в брагу;
Все же пиво не бродило,
Не хотело подниматься.
Осмотр, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
"Что сюда еще добавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?"
Калеватар, та девица,
Дева с нежными руками,
Что повсюду быстро ходит,

Что всегда легко обути,
Что пойдёт по краю пола,
Что пойдёт по середине,
Что одно в котел положит,
Что кладет в котел другое,-
Вдруг увидела лучинку,
Подняла лучинку с пола.
Повернула ту лучинку:
"Что-то выйдет из лучинки
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль лучинку в руки Капо
Положу меж пальцев девы?"
Отдает лучинку Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла Капо руки,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
Вышла желтая куница.
Так она кунице молвит,
Так советовала дочке:
"Птичка ты, моя куница,
Ты, красотка с ценным мехом!
Побеги, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
На скалу, в медвежьи норы,
К ворчунам, в берлоги леса,
Где спасаются медведи,
Где их жизнь идет сурово.
Собери дрожжей там лапкой,
Почерпни ты ножкой пену,
Положи на руки Капо,
На ладони дочке Осмо!"
Побежала тут куница,
Златогрудая помчалась.
Пробегает по дороге,
Через широкое пространство,
Через реки мчится быстро,
Через них нашла дорогу
На утес, в медвежьи норы,
К ворчунам, в берлоги леса,
Где медведи лишь дерутся,
Где их жизнь идет сурово,
На скалах, железом полных,
На горах, обильных сталью.
Каплет пена с губ медведя,
Дрожжи – из свирепой пасти.
Пену лапками схватила,
Собрала когтями дрожжи,
Принесла их в руки Капо
И кладет на пальцы девы.
Капо их бросает в бразгу,
Осмотрев кладет их в пиво.
Все же пиво не бродило,

Не шипит мужей напиток,
Осмотр, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Пообдумала и мыслит:
"Что ж сюда еще подбавить,
Чтобы пиво забродило,
Чтоб поспело молодое?"
Вот дочь Калевы, девица,
Дева с нежными руками,
Что повсюду быстро ходит,
Что всегда легко обута,
По идет по краю пола,
По пойдет по середине,
По одно в котел положит,
По кладет в котел другое,-
На полу стручочек видит,
Подняла стручочек с полу.
Повернула тот стручочек:
"Что отсюда может выйти
На руках прекрасных Капо,
Между пальцами девицы,
Коль стручок я в руки Капо
Положу меж пальцев девы?"
Отдает стручочек Капо
И кладет меж пальцев девы.
Вот потерла руки Капо,
Обе руки потирает
По своим обоим бедрам:
И оттуда вышла пчелка.
Ша она сказала пчелке,
Ша советовала птичке:
"Пчелка, быстренькая птичка,
Луговых цветов царица!
Полисти, куда пошлю я;
Я пошлю тебя, отправлю
К островам на море синем,
На утесы средь потоков.
Ша девица поживает,
У нее свалился пояс,
Сбоку много трав медовых,
Злаки сладкие в подоле.
Принеси на крыльях сотов,
На свою возьми покрышку
Из верхов прекрасных злаков,
Из золотых цветочных чашек,
Положи на руки Капо,
На ладони дочке Осмо!"
Пчелка, быстренькая птичка,
Уж летит и поспешает,
Пролетает всю дорогу,
Сокращает путь далекий,
Мчится морем, вдоль второго,
Пролетает третье море,
К островам на море синем,

На утесы средь потоков.
Видит: дева тихо дремлет
В оловянных украшениях,
На лужайке безыменной,
На краю полей медовых;
На бедре трава золотая,
Из серебра трава на чреслах;
Пчелка медом мажет крылья,
Погружает перья в сладость
На верху прекрасных злаков,
В золотых цветочных чашках
И приносит в руки Капо
И кладет меж пальцев девы.
Капо мед бросает в брагу,
Осмотар кидает в пиво:
Наконец-то пиво бродит,
Молодой напиток всходит
Шам, на новом дне сосуда,
Шам, в березовом ушате.
Пиво пенится до ручек,
Через край оно стекает,
Убежать на землю хочет
И утечь стремится на пол.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье,
Вот бегут к питью герои,
Раньше прочих Лемминкяйнен
Опьянел Каукомъели,
Весельчак напился пьяным
Этим пивом дочки Осмо,
Брагой девы Калевалы.
Осмотар, что варит пиво,
Капо, что готовит брагу,
Говорит слова такие:
"Горе мне с моею жизнью!
Ведь я дурно поместила,
Не как надо, это пиво,
И течет оно из кадки
И на землю вытекает".
Дрозд на дереве высоком
Распевает краснохвостый:
"Не дурной напиток пиво,
А напиток превосходный:
Надо бочки им наполнить,
Отнести его на погреб,
Поместить в дубовых бочках
Что кругом обиты медью".
Вот как пиво появилось,
Пиво Калевы хмельное,
Оттого и имя славно,
Хорошо прозвание пива,
Что оно возникло дивно,
Что мужам оно приятно,
Что на смех наводит женщин.

А мужам дает веселье,
Храбрым радость доставляет,
А глупцов на драку гонит.
Шут хозяйка Сарюлы,
Услышав начало пива,
Собрала воды в қадушку,
Налила до половины,
Ячменя туда нақдала, '
Хмелевых головок много,
Начала готовить пиво
И кругом мешает воду,
Шам, на новом дне сосуда,
Средь березовой қадушки.
Целый месяц греют қамни,
Кипятят все лето воду,
На дрова деревья рубят,
Из қолодцев воду носят;
И леса все поредели,
В родниках вода иссякла:
В пиво все употребили,
Положили все для браги
На богатую пирушку,
На веселье в Сарюле.
Дым на острове поднялся,
Запылал огонь на мысе;
Дым густым выходит клубом,
Он густой поднялся тучей,
Шам, где был огонь ужасный,
Шам, где пламя распростерлось,
Дым пол-Похьёлы наполнил,
Всю Карелию окутал.
Весь народ на небо смотрит,
Боязливо смотрит в выси:
"Дым откуда мог подняться,
Протянуться мог до неба?
На войне бывает больше,
Пастухи сжигают меньше".
Лемминқайнена старушка
К роднику выходит утром
Зачерпнуть себе водицы,
Увидала тучу дыма
Шам, над Похьёлой туманной,
Говорит слова такие:
"Это – дым войны, конечно,
От огня вражды ужасной".
Ахти, тот Островитянин,
Молодец тот, Лемминқайнен,
Посмотрел кругом по небу,
Поразмысливши, подумал:
"Я хотел бы видеть ясно,
Шам поблизости разведать,
Где берет тот дым начало,
Где на воздух дым выходит?
Это – дым войны, быть может,

От огня вражды ужасной!
Кауко вдаль глядит прилежно
На места густого дыма;
Это не был дым сраженья,
От огня вражды ужасной.
Это был огонь от пива,
Пламя было там от браги
У пролива Сариолы,
Близ утеса при заливе.
Кауко смотрит вдаль прилежно
Покосился молча глазом,
А потом другим косится,
Искривил немного рот он,
Наконец, сказал он слово,
Так через пролив промолвил:
"Пеща Похьёлы родная,
Шь, разумная хозяйка!
Шы вари получше пиво,
Чтобы брага пригодилась,
Как питье толпе великой,
Лемминкяйнену всех больше,
На моей на свадьбе пышной
С милой дочерью твоею".
Уж готово было пиво,
Уж поспел мужей напиток,
Пиво красное убрали,
Отнесли младую брагу,
Чтоб в земле започивало,
В крепком погребе из камня,
В бочках, сделанных из дуба,
Шам, за втулками из меди.
И хозяйка Сариолы
Стала кушанье готовить;
Все котлы заклокотали,
Сковородки зашипели.
Испекла большие хлебы,
Много толокна сварила,
Чтоб кормить народ хороший,
Напитать толпу большую
В Похьёле на пышной свадьбе,
На попойке в Сариоле.
Испекла большие хлебы,
Много толокна сварила.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье -
Зашумело пиво в бочке,
Молвит в погребе младое:
"Ведь могли б меня уж выпить,
Брагу выхлебать могли бы,
Чтоб меня прославить с честью
И воспеть бы по заслугам!"
Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный,
Восхвалять бы мог прилично,

Мог бы спеть прекрасно песни.
Принесли для пенья семгу,
Щуку, чтоб прекрасно пела,
Но не дело семги – пенье,
Щука тоже петь не может:
Семга – с жабрами косыми,
Щука – с редкими зубами.
Вот певца повсюду ищут,
Чтоб он был певец искусный,
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни.
Приведен для пенья мальчик,
Как певец он был отыскан.
Не мальчишки дело – пенье,
Не слюнявого ребенка:
Языки ребят – кривые,
Языки с согнутым корнем.
И всплыло пиво в бочке,
Сыплет страшные проклятья
В бочках, сделанных из дуба,
Шам, за втулками из меди:
"Коль певец не будет найден,
Чтоб он был певец искусный,
Чтобы петь он мог прилично,
Пел бы звучные он песни,
Шо все обручи побью я,
Проломлю я дно у бочки!"
И хозяйка приказала
Приглашать на свадьбу всюду,
Шлет послов, чтоб всех просили,
Говорит слова такие:
"О ты, милая малютка,
Шы, раба моя, служанка!
Созови людей к пирушке,
Созови мужей толпами,
Всяких бедных, всяких нищих,
Всех слепых и всех несчастных,
Всех хромых и всех калечных,
Шы слепых доставь на лодках,
На конях – всех хромоногих,
А калеки вези на санках,
Похъёлы народ зови ты,
Калевы сынов на свадьбу,
Вяйнямейнена седого,-
Пусть поет он здесь искусно
Не зови лишь Каукомгели,
Не ходи на остров к Ахти!"
Шақ ей девочка сказала,
Говорит слова такие:
"Отчего ж не Каукомгели,
Отчего не звать мне Ахти?"
Но хозяйка Сариолы
Говорит в ответ ей слово:
"Оттого не Каукомгели,

Не зови сюда ты Ахти,
Что всегда он склонен к спору.
Он горячий забияка,
Он возбудит злость на свадьбе,
Бед наделает на пире,
Осмеет девиц невинных
В славных праздничных одеждах".
Отвечает ей девчонка,
Говорит слова такие:
"Как узнать мне Каукомгели,
Чтоб не звать его на свадьбу?
Я не знаю дома Ахти,
Где жилище Каукомгели".
Шут хозяйка Сариолы
Говорит слова такие:
"Ты легко узнаешь Ахти
И жилье его узнаешь:
Там на острове живет он,
У воды живет веселой,
У широкого залива,
На изгибе мыса Кауко".
Звать гостей пошла девчонка,
Тя с поденною оплатой.
По шести она дорогам,
По восьми путям проходит,
Похъёлы народ сзывает,
Всех людей из Калевалы,
Всех крестьян наибеднейших,
Казачков в кафтанах узких,
Шолько Ахти молодого
Обошла без приглашенья.

Руна двадцать первая

1. Прием жениха и его спутников в Похъёле.
2. Гостей вдоволь угощают кушаньями и напитками.
3. Вайнямейнен поет и благодарит хозяев.

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Старая из Сариолы,
Не сидит под кровлей дома,
Спешной занята работой.
Слышит хлопанье с болота,
Шум по берегу от санок,
Взор направила на запад,
Повернула взор на солнце,
Поглядевши, размышляет:
"Что за люди мчатся в санках
Там по берегу? О горе!
Неужели это – войско?"
Вот подходит к месту ближе,
Рассмотреть поближе хочет.

Шо совсем не войско было -
Юношей толпа большая,
Зять меж ними находился,
Посреди людей хороших,
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Старая из Сариолы,
Шолько зятя увидала,
Говорит слова такие:
"А я думала, что буря
Валит множество деревьев,
Что бушует берег моря,
Что шумит песок прибрежный.
Подошла я к месту ближе,
Рассмотреть, что там, хотела;
Шо не буря там шумела,
Не деревья вниз валялись,
Шо не море билось в берег,
Не шумел песок прибрежный,-
Это зять с людьми на санках,
Сотни две мужей хороших.
Как я зятя угадаю,
Как в толпе мужей узнаю!
Он в толпе всегда заметен,
Как черемуха в лесочке,
Словно дуб в зеленой роще,
Словно месяц в звездном небе.
Конь у зятя черной масти,
Словно жадный волк, горяч он,
Словно ворон на добыче,
Словно жаворонок реет;
Шесть золотых щебечут птичек,
На дуге его согнутой,
Голубых семь птичек вместе
Верещат в ремнях запряжки".
Шум на улице поднялся,
Преск оглобеля по дороге:
Зять на двор въезжает быстро,
И толпа стремится к дому.
Зять стоит среди провожатых,
Посреди людей хороших,
Стал, вперед не выдвигаясь
И назад не подаваясь.
"Эй вы, дети и герои,
Эй, высокие, спешите,
Вы супонь скорей берите
И ремни освободите,
Опустите вы оглобли
И скорей встречайте зятя!"
Быстро конь бежит у зятя,
Сани пестрые промчал он
По двору большому тестя.
Молвит Похьёлы хозяйка:
"О ты, раб, поденно взятый,
Лучший молодец в деревне!"

Шы прими коня у зятя,
Белолобого избавь ты
От шлеи, богатой медью,
Светлым оловом покрытой,
От ремней цены высокой,
От дуги его из ветел!
Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты осторожно
На ремнях, серебром богатых,
И на поводе из шелку,
Отведи на мягкий выгон,
На равнины, на поляны,
На поля снегов бесшумных,
В ту страну с молочным цветом!
Напои ты лошадь зятя,
Где в источнике ближайшем
Влага весело струится
И бежит, как простокваша,
У золотых корней сосновых,
У корней тенистой ели!
Накорми там лошадь зятя
Из станка золотого резкой
И из медного корыта
Ячменя зерном отборным,
Яровой свари пшеницы,
Яровой корми ты рожью!
Отведи ты лошадь зятя,
Отведи ты к яслям лучшим,
На возвышенное место,
К загородке самой задней!
Привяжи ты лошадь зятя
К золотым и крепким кольцам
И к крюкам, что из железа,
И к столбу, что из березы!
Пододвинь к коню ты зятя
Первое – совсем корыто,
А второе – с свежим сеном,
Претье дай ему с мякиной!
И почишь ты лошадь зятя
Щеткой из моржовой кости,
Чтобы волосы не лезли,
Чтобы хвост испорчен не был!
И покрой ты лошадь зятя
Серебристым покрывалом,
Златотканую попоной,
Сукнами с отделкой медной!
Вы же, мальчишки-цыплята,
Зятя в горницу ведите
С непокрытой головою
И с руками без перчаток!
Посмотреть бы я хотела,
Не пройдет ли зять в покои,
Там дверей не снимавши,
Косяков не отодвинув,

Притолоқи не поднявши,
Не понизивши порога,
Не сломав угол меж стенок,
И не сдвинув с места балок!
Не пройдет мой зять в покои,
Золотой в жилье не вступит,
Шам дверей не снимавши,
Косяков не отодвинув,
Притолоқи не поднявши,
Не понизивши порога,
Не сломав угол меж стенок,
И не сдвинув с места балок;
Всех на голову длиннее,
На длину ушей он выше.
Перекладыны подняли,
Чтоб он шапкой не цеплялся;
Опустили вниз порожек,
Чтоб каблуқ не надломил он,
Косяқи раздали шире,
Сняли вовсе дверь входную,
Шольқо стал он приближаться,
Подошел поближе, храбрый!
Слава богу, наконец-то
Зять вошел уже в покои!
Я бы в горницу взглянула,
Осмотрела б быстрым взором,
Может, там столы не мыты,
Может, лавқи не протерты;
Не отмыты половицы,
Досқи вытерты не чисто!
Я взглянула прямо в избу:
Не могу совсем узнать я,
Из каких она деревьев,
Из каких деревьев крыша
И откуда взяты стены,
Как собрали половицы.
Все края ежовой қости,
Все низы оленьей қости,
Двери – қости росомахи,
Косячки – ягнячьей қости.
Все из яблони стропила
С свилеватыми столбами,
Вижу лилии у печқи,
Папоротник там у крыши.
Все скамейқи из железа,
Пол из планочек немецких,
Все столы блещут от злата,
Пол покрыт ковром из шелку.
Печқа сделана из меди,
Весь очаг – из твердых камней,
Печқа – из камней подводных,
Стены – Калевы деревьев".
Вот жених в покои входит,
Поспешает он в жилище,

Говорит слова такие:
"Уққо! ты пошли здоровья
Под прославленную кровлю,
В это славное жилище!"
Молвит Похъёлы хозяйка:
"Будь и ты здоров, явившись
В эту малую избушку,
В эту низкую постройку,
К нам в еловое жилище,
В наше гнездышко из сосен!
Эй ты, девочка-служанка,
Пы, наймычка из деревни!
Принеси огня в бересте,
На конце сосновой щепки,
Чтоб я зятя посмотрела,
Жениху в глаза взглянула:
Сини те глаза иль қари,
Или белы, қак льяняные!"
Принесла огня девчонка,
Па наймычка из деревни,
На бересте принесла ей,
На конце сосновой щепки.
"Нет! шумит, трещит береста.
Дым пошел смолистый, черный,
Задымил глаза он зятю,
Цвет лица он сделал черным.
Принеси огня на свечке,
На свече из воску, белой!"
Принесла огня девчонка,
Па наймычка из деревни,
Принесла на длинной свечке,
На свече из воску, белой.
Заблестел дымок от воску,
Засиял огонь от свечки,
Осветил он очи зятя,
Заблестели зятя щепки.
"Я узнала очи зятя:
И не қари, и не сини,
И не белы, қак льяняные;
Белы, қак морская пена,
Қари, қак трава морская,
Милы, қак цветок прекрасный!
Ну вы, мальчиқи-цыплята!
Моего ведите зятя
На высокое сиденье,
На возвышенное место,
К голубой стене спиною,
Головой же поверните
На гостей, на красный столик,
Грудью к шуму всех сидящих!"
И хозяйка угощает,
И поит гостей, и қормит;
Қормит их прекрасным маслом,
Қормит мягкими қомқами;

Всех гостей кормила званых,
Больше ж всех кормила зятя.
Уж и семгу разложили
Возле жареной свинины;
Шақ полна была посуда,
Что края едва держали,
Всем гостям на угощенье,
А для зятя – прежде прочих;
Молвит Похъёлы хозяйка:
"Ой ты, девочка-малютка!
Принеси-ка пива в кружках,
В кружках, что с двумя ушками,
Всем гостям на угощенье,
А для зятя – прежде прочих!"
Принесла девочка кружку,
Ша служанка нанятая,
Чтоб кругом ходила кружка,
С пивом спелым чтоб гуляла,
Чтобы хмель с бород струился,
Пена белая стекала
У гостей, на свадьбу званых,
А у зятя – прежде прочих,
Что ж тогда случилось с пивом,
Что вспененное сказало,
Как к певцу оно попало,
Знаменитому досталось?
Старый, верный Вяйнямёйнен
Охранитель всех напевов,
Знаменит искусством пенья,
Всех сильнее в заклинаньях,
Взял он пиво прежде прочих,
Говорит слова такие:
"Пиво, доблестный напиток!
Да не пьют тебя в молчанье!
Дай мужам охоту к песне,
Золотым устам – к напеву!"
Удивляется хозяин,
А хозяйка слово молвит:
"Что-то песни поувяли,
Языки перетупились,
Дурно ль пиво я сварила,
Намила ль питья плохого,
Что певцы не запевают,
Не похвалятся напевом,
Не зальются, золотые,
И кукушка не ликует?
Кто ж начать здесь должен песни,
Голос чей раздаться должен,
В Похъёле на славном пире,
В Сариоле на пирушке?
Не поет ведь здесь скамейка
Без людей, на ней сидящих,
Не звучит здесь пол в покроях
Без людей, по нем ходящих;

Здесь окно не веселится
Без хозяев у окошка,
Не шумит здесь стол краями
Без людей, за ним сидящих,
Не гудит окно для дыма
Без людей, внутри живущих".
На полу сидел ребенок,
На печной скамье малютка.
И сказал тот мальчик с полу,
С той печной скамьи ребенок:
"Я вот мал и юн годами,
Я и слаб, и тонок телом,
Но пусть будет по желанью,
Не поют ведь те, кто толще,
Мужчи сильные примолкли,
Не хотят здесь веселиться,
Я спую, худой мальчишка,
Я спую, ребенок тощий;
Хоть мое и худо тело
И совсем без жира бедра,
Чтобы вечер был веселым,
Был прославлен день прекрасный".
На печи старик лежал там,
Говорит слова такие:
"Не должны петь песен дети,
Лопотать пустые вещи:
Много лжи в ребячьих песнях,
В песнях девушек нет смысла!
Пусть споет премудрый песню,
Шот, чье место на скамейке!"
Старый, верный Вяйнямейнен
Шут такое молвил слово:
"Есть ли кто из молодежи,
Есть ли кто в честном народе,
Кто б сложил с рукою руку,
Положил бы их друг к дружке
И потом бы начал пенье,
Пенье радостное поднял,
Чтобы день наш был веселым,
Чтобы вечер был прославлен?"
Говорит старик на печке:
"С давних лет здесь не слышали,
Не слышали, не видали
Никогда, ни разу прежде
Певуна меня сильнее,
Защитателя мудрее
С детства, как познал я лепет,
Как ребенком пел я часто
У широкого залива,
На полях шумел, бывало,
Как взывал в лесу сосновом,
Распевал я в рощах темных -
Силен, славен был мой голос
И напевы превосходны;

И текли они, как реки,
Как поток воды, шумели,
И скользили, словно лыжи,
Словно парусный кораблик;
Тяжело теперь промолвить,
Тяжелей еще услышать,
Что надорван сильный голос,
Что поникий мой голос милый:
На реку уж не похож он,
На поток он не походит,
Он как грабля между пнями,
Как сосна на снежном поле,
На земле песчаной сани,
На сухих камнях лодка".
Молвил старый Вяйнямйнен,
Говорит слова такие:
"Коль не явится другой кто,
Чтобы петь со мною вместе,
В одиночку петь я стану,
И один спою я песни;
Был певцом уж так и создан -
Песнопевцем от рожденья,
Не спрошу я у другого
Ни пути, ни цели песен".
Старый, верный Вяйнямйнен,
Тенья вечная опора,
Начал радостное дело,
Исполненье песнопенья,
Зазвучала песнь веселья,
Слово мощно загремело.
Начал старый Вяйнямйнен,
Людям дал услышать мудрость:
Знал он много слов хороших,
Ведал много дивных песен,
Больше, чем у скал каменьев,
Чем цветов в воде цветущей.
И запел тут Вяйнямйнен,
Тел он вечеру на радость,
Чтобы женщины смеялись,
Чтоб мужчины веселились,
Чтобы слушали, дивились
Вяйнямйнена напевам,
И дивились те, кто слушал,
Слух ничем не отвлекая.
Молвил старый Вяйнямйнен,
Он сказал, окончив пенье:
"Я совсем не знаменитый,
Ни певец, ни заклинатель,
Не могу пропеть я много,
И мое уменье слабо.
О, когда б запел создатель,
Слово с уст своих сказал нам!
Мощно песни он пропел бы,
Произнес бы заклинанья.

Море в мед он обратил бы,
А песок – в горох красивый,
Хряц морской – в хороший солод,
Солью стали б камни моря,
Хлебородной почвой – рощи,
Тёмный лес – пшеничным полем,
Горы стали б пирогами,
Стали б яйцами камня.
Он и пел, и заклинал бы,
Говорил слова заклятья,
Он на двор напел бы стадо,
Мог бы в хлев коров наделать,
В стойла много пестролобых,
В поле множество молочных,
Сотни с выменем обильным,
Целых тысячи рогатых,
Он бы пел и заклинал бы,
Он бы пел, и рысий мех бы
Для хозяина он создал,
На кафтан сукно хозяйке,
Башимакци на ноги дочке,
Сыну – красную рубашку.
О ты, Укко, бог верховный,
Сделай, праведный создатель,
Чтоб всегда тут сладко жили,
Чтобы так довольны были,
Как теперь на угощенье,
На пирушке Сариолы.
Пусть течет рекою пиво,
Пусть медовое польётся
В этом Похьёлы жилище,
По строениям Сариолы.
Чтобы днем здесь распевали,
Вечерами мирно пели,
Жив пока в доме хозяин
И пока жива хозяйка.
Укко, дай им воздаянье,
Пусть найдут они награду –
У стола найдет хозяин,
А хозяйюшка в амбаре,
Сыновья найдут в тенетах,
За станками сидя, дочки;
И на будущее лето
Пусть никто не пожалеет,
Что он был на этом пире,
Что сидел здесь на пирушке!"

Руна двадцать вторая

1. Невесту собирают к отъезду и поют ей о прошлом и о том, что ее ждет в будущем.
2. Невеста озабочена.
3. Невесту доводят до слез.

4. Невеста плачет.

5. Невесту утешают.

Как отпраздновали свадьбу,
Вдоволь как попиروвали
На пирушке Сарюлы,
На пиру в земле суровой,
Зятю молвила хозяйка,
Ильмаринену сказала:
«Что сидишь, высокогородный,
Что не спишь, краса отчизны?
Иль сидишь отцу утехой,
Иль для матери отрадой,
Иль для блеска здесь в побряках,
Для красы гостей на свадьбе?
Не сидишь отцу утехой,
Ни для матери отрадой,
Ни для блеска здесь в побряках,
Для красы гостей на свадьбе.
А сидишь утехой девы
И отрадой для девицы,
Ради девушки любимой,
Ради той прекраснокудрой!
Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю – жди еще ты,-
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Половина кос плетеных,
Половина неплетеных,
Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю – жди еще ты,-
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь один рукав надетьи,
А другой пока пустует.
Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю – жди еще ты,-
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна нога обута,
А другая не обута.
Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю – жди еще ты,-
Не готова дорогая,
Не снаряжена подруга:
Лишь одна рука в перчатке,
А другая не покрыта.
Женишок, мой милый братец,
Ждал неделю – не устал ты:
Уж готова дорогая,
Наша уточка одета.
Выйди, проданная дева,
Следуй, купленная птичка!
По, что тут тебя связало,

Шо тебя и разлучает.
Вот он, кто тебя увозит,
За тобою выйдет в двери;
Уж кусает конь поводья,
Ожидают сани деу.
Шы была на деньги падка,
Отдала ты скоро руку,
Приняла подарок быстро,
Шы кольцо надела скоро.
Полюби же эти сани
И войди туда скорее,
Проезжай деревней быстро,
Уезжать спеши скорее!
Мало, юная девица,
Мало в сторону смотрела,
Мало кверху ты глядела;
Шы о сделке пожалеешь,
Много слез прольешь ты в жизни,
Много лет рыдать ты будешь,
Что отцовский дом бросаешь,
Что от матери любимой
И от родины уходишь,
Из жилища дорогого.
Жить тебе прекрасно было,
Жить в родном отцовском доме!
Шы росла, как цветик нежный,
Шочно ягодка на поле;
К маслу шла ты из постели,
К молоку ты шла проснувшись,
С ложа шла ты на пшеницу,
К маслу свежему – с простынки;
Если ты не ела масла,
Шы брала тогда свинину.
Никогда забот не знала,
Дум больших ты не имела,
Отдала заботу соснам,
Отдала растеньям думы,
Всю печаль болотным соснам
На березе на песочке.
Как листочек, ты порхала,
Мчалась бабочкой веселой,
Шочно ягодка родная,
Земляничка на поляне.
Вот ты из дому уходишь,
В дом другой идешь отсюда,
К матери другой уходишь,
Из родной семьи – в чужую.
Шам совсем иначе будет,
Все в другом иначе доме:
Шам рожки звучат иначе,
Шам скрипят иначе двери,
Шам не так калитки ходят,
Петли там визжат иначе.
Шам дверей найти не сможешь,

Не отворишь там қалитқу,
Қақ их дочери умеют;
Развести огонь не сможешь,
Не истопишь там ты печкы,
Қақ хотят там их мужчины.
Знала ль это ты девица?
А ты думала, младая,
Провести там только ночку
Да домой назад вернуться?
Не на ночку ты уходишь,
Не на ночку и не на две -
Ты надолго ведь уходишь,
Да, на месяцы, на годы,
На всю жизнь отца оставишь,
Мать, пока она на свете.
Значит, двор наш станет больше
И порог повыше станет,
Если ты когда вернешься,
Вновь придешь в места родные".
Дева бедная вздохнула,
Тяжело она дышала;
У нее печаль на сердце,
На глазах стоит водица.
И сказала дева слово:
"Так я думала, гадала,
Так я знала, говорила
В годы юности цветущей:
Много ль значишь ты, девица,
Под родительской охраной,
Посреди полей отцовских,
В доме матери-старушки!
Ты тогда важнее станешь,
Қақ пойдешь, девица, қ мужу,
На порог ногой ты ступишь,
А другой ногою в сани;
Будешь на голову выше,
Будешь на ухо длиннее!
Вот чего ждала я в жизни
И желала, подрастая,
Точно славного годочка,
Точно лета приближенья.
И исполнились надежды,
Уж приблизился мой выезд,
На порог нога ступила,
А другая – уж на сани.
Все ж не в силах я постигнуть,
Что мой ум так изменило:
Я не с радостью на сердце
Ухожу, не с ликованием
Из жилища дорогого,
Где девицей проживала,
Со двора, где подрастала,
Из отеческого дома;
Ухожу я с горькой думой,

Ухожу полна заботой,
Точно к осени в объятья,
Как на тонкий лед весенний:
Нет следов на льду весеннем,
Ни следочка нет на скользком.
Как легки у прочих думы,
У других невест их мысли!
Нет такой у них заботы,
Нет такой тоски на сердце,
Как, бедняжка, я имею,
Как в заботах я страдаю!
А на сердце точно камень,
Сердце – точно уголь черный.
Ведь не то ль у лучших думы,
Ведь не то ль блаженных мысли,
Что денной рассвет весенний,
Что весенним утром солнце?
У меня, у бедной, думы,
У меня, печальной, мысли,
Точно ровный берег моря,
Точно край у темной ночи,
Точно тьма осенней ночи;
Очень мрачен день зимою,
А мои мрачнее думы
И темней осенней ночи".
Работающая старушка,
Что всегда жила при доме,
Говорит слова такие:
"Ну, вот видишь ты, девица,
Помнишь, что я говорила,
Сотни раз тебе твердила:
Женихом ты не любуйся,
Не гляди в уста мужчине
И глазам его не верь ты.
Не смотри ты, крепки ль ноги!
Пусть уста его приятны,
Пусть глаза его красивы -
Да в устах уселся Лемпо,
Смерть сидит на подбородке".
Я советовала деве,
Я племяннице сказала:
"Женихи придут к девице,
Женихи придут и сваты;
Женихам ответь, невеста,
От себя ты им промолви,
Им скажи слова такие
И такие молви речи:
"Никогда мне не придется,
Не придется мне, как видно,
Уходить отсель невесткой;
Взять меня в рабы не могут,
Девушка, как я, не будет,
Жить рабыней не захочет,
Никогда не согласится

Жить все время в подчиненье:
Если кто мне слово скажет,
Я тому и два отвечу;
Кто мне волосы лишь тронет,
Лишь кудрей моих коснется,
В волоса тому вцеплюсь я,
Растреплю я их с позором".
Ты на это не смотрела,
Слов моих ты не слышала,
Ты сама в огонь уходишь,
В жидкую смолу с охотой,
Ты спешишь к лисице в сани,
Чтоб попасть к медведю в лапы.
Увезут тебя те сани,
Унесет медведь далеко,
Вечною рабою свекра,
В рабство вечное свекрови.
Ты идешь из дома в школу,
От отца идешь на муку;
Тяжело идти в ту школу,
Там мучительно бедняжке:
Там уж куплены поводья,
Кандалы уже готовы.
Не кому-либо другому,
А тебе одной, несчастной.
Скоро ты узнаешь грубость.
Плохо проданной придется:
Из костей уста у свекра,
Каменный язык свекрови,
Речи деверя морозны,
Горд затылок у золовки.
Слушай речь мою, девица,
Слушай речь мою и слово.
Ты была в дому цветочек,
На дворе отцовском радость,
Мать звала тебя ведь солнцем,
Ясным месяцем отец звал,
Блеском вод тебя звал братец,
Голубым платком – сестрица.
Вот в чужой ты дом уходишь,
Там и мать тебе чужая,
Не такая, как родная:
Это мать ведь иноземка,
Редко даст наказ хороший,
Редко даст наказ получише.
Будешь дрянью слыть у свекра,
Рванью будешь у свекрови,
Назовет порогом деверь
И страшилищем золовка.
Ты тогда была б хорошей
И тебя бы оценили,
Если б ты как пар всходила,
Точно дым бы поднималась,
Точно листик запорхала,

Точно искорка спешила,
Не летаешь ты как птичка,
Не порхаешь точно листик,
Не спешишь ты точно искра,
Точно дым ты не восходишь.
Дева, милая сестрица!
Вот теперь ты променяла
Своего отца родного
На чужого свекра злого,
Променяла мать родную
На свекровь свою, злодейку,
Милых братьев вдруг сменила
Ты на деверьев жестоких,
Ты сестер сменила кротких
На насмешливых золовок,
Полотняные постели
На очаг, покрытый сажей,
Эту чистую водицу
На густую грязь и плесень,
Берега с песочком чистым
На болота с черной грязью,
Рощи милые сменила
На пустынные пространства,
Холмик ягодный сменила
Ты на пожниво сухое.
Иль ты думала, девица,
Иль ты, курочка, мечтала,
Что заботы и работы
Знать не будешь с этой ночи,
Как тебя ко сну отправят,
На покой тебя проводят?
Не ко сну тебя отводят,
Не покоем наслаждаться:
Ждать должна ты беспокойства,
От забот ударов тяжких;
Будут частые печали;
Поскватать всегда ты будешь.
Как платка ты не носила,
Ты не знала и печали;
Не имела покрывала,
Не имела и заботы;
И печали и заботы
Головной платок приносит.
Лен приносит только горе,
Он приносит только скорби.
Что такое дева в доме!
Дева то в отцовском доме,
Что король, живущий в замке,
Лишь меча ей не хватает!
Все иначе у невестки!
И живет она при муже,
Словно пленник на чужбине -
Только стражей не хватает!
Поработала невестка,

Сильно плечи утомились,
И промокла вся от пота,
Пот по лбу струится пеной:
Настает покая время -
Шут в огонь ее погонят,
В пламя страшное отправят,
Прямо в пекло посылают.
Взять тогда должна бедняжка,
Взять ума у быстрой семги,
А язык искуать ершиный
И у окуня взять мысли,
Рот и брюхо у плотицы,
Мудрость взять у черной утки.
Не могла сама понять я,
Мать мне тоже не сказала,
Ни ее все девять дочек,
У родителей хранимых,
Где родился тот обжора,
Где грызун тот проживает:
Жрет он мясо, кости гложет,
Волосы по ветру сыплет,
Их по ветру распускает,
Их дарит ветрам весенним.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Шы облей слезами руки,
Горьких слез налей пригоршни,
На дворе налей ты капли,
В доме пол залей прудами,
Плачь, пока залъешь покои,
Чтоб текло сквозь доски пола!
Плачешь ты еще не много,
Шақ заплачешь, как вернешься,
Как придешь ты в дом отцовский,
Старика отца увидишь
Мертвого средь дыма бани,
А в руках холодных веник,
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Шақ заплачешь, как вернешься,
В материнский дом придешь ты
И увидишь мать-старушку
Под навесом без дыханья,
А в руках соломы связку.
Плачь, девица молодая,
Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Шақ заплачешь, как вернешься,
В этот дом когда придешь ты,
Брата милого увидишь
Шам на улице упавшим,
Прислонившимся у дома.
Плачь, девица молодая,

Плачешь ты, так плачь сильнее!
Плачешь ты еще не много,
Так заплачешь, как вернешься,
В этот дом когда придешь ты
И сестриц увидишь нежных,
Как лежат среди дороги
И вальки в руках сжимают".
Тяжело вздохнула дева,
Часто дева задыхалась,
Начала тут горько плакать,
Проливать обильно слезы.
Облила слезами руки,
Налила полны пригоршни,
Оросила двор отцовский,
Залила полы прудами;
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"О вы, милые сестрицы,
Вы, мои подруги жизни!
Вы со мной играли вместе,
Вы услышите, что скажу вам!
Не могу никак постигнуть:
Отчего так угнетает,
Так гнетет меня кручина.
Отчего печаль терзает,
Отчего тоска так мучит,
Отчего забота вяжет.
Так ли думала, гадала -
Я ждала иного в жизни.
Я хотела быть кукушкой,
По холмам хотела кликать
В эти дни мои младые,
Как достигла лет цветущих,
Не иду теперь кукушкой,
Чтобы кликать по холмочкам:
Точно уточка я стала,
Как она в волнах далеких
Поплывет в воде холодной,
В ледяной воде продрогнет.
Мать, отец, мои родные!
Ты, старушечка седая!
Вы куда меня ведете,
Отправляете бедняжку,
Что я слезы проливаю,
Что я мучаюсь печалью,
Что забот имею столько,
Что терплю такое горе!
Матушка моя, бедняжка,
Что меня в себе носила,
Что меня кормила грудью,
Молоком меня вспоила -
Иль качала ты колоду,
Или камешек купала,
А не дочку ты купала,

Не качала дорожную
Для заботы беспрестанной
И для горести сердечной?
Может, кто-нибудь мне скажет,
Может, кто-нибудь помыслит:
Нет тебе, девице глупой,
Ни заботы, ни печали!
Люди добрые, молчите,
Милые, не говорите:
У меня забот ведь больше,
Чем камней в водопаде,
Чем на топком месте ветел,
Вереску в лесу сосновом.
Не могла б везти их лошадь,
Не могла бы дотащить их,
Чтоб дуга не покочнулася
И хомут не затрещал бы;
Это все – мои заботы,
Все – моя печаль-кручина".
На полу сидел ребенок,
У печи запел малютка:
"Отчего, девица, плачешь,
Отчего твои заботы?
Ты коням оставь заботы,
Меринам кручину черным,
Горе – им, железномордым,
Им – печаль, большеголовым.
Головы у них покрепче,
И у них покрепче кости,
Больше носит сгиб их шеи,
И у них сильнее тело.
И зачем тебе так плакать,
И к чему тебе томиться?
Не ведут тебя в болото,
Ни на побережье речки:
От равнины плодородной
Ты идешь к полям богатым;
Из жилищ, где много пива,
В дом идешь, где пива больше.
Девушка, взгляни направо,
Глянь на правую сторонку:
Муж стоит, твоя охрана;
Светел он с тобою рядом;
Муж хорош, и конь прекрасен,
Упряжь сделана с искусством;
Резво рябчики порхают,
На изгиб дуги взлетают,
И дрозды там веселятся
И поют в ремнях на сбруе,
Золотые шесть кукушек,
На хомут коня взлетают,
Семь прекрасных синих птичек
Впереди саней распелись.
Будь, девица, без заботы,

Дочка матери, не плачься:
Не идешь для жизни худшей,
А идешь для лучшей жизни
Рядом с этим земледельцем,
К пахарю под кров уходишь,
Ты к устам его стремишься,
Прямо в руки рыболову,
Что смывает пот охоты
В бане у ловца медведя,
Из мужей твой – самый лучший,
Ты взяла себе героя:
Лук его всегда при деле,
На гвозде қолчан не виснет,
Не лежат собаки дома
И не дремлют на подстилках
Вот уж трижды в эту весну,
В самый ранний час рассвета,
При огне он поднимался,
Пробуждался он меж сучьев;
У него уж трижды в весну
Росы падали на очи,
Ветки щеткою служили,
Гребешком служили сучья.
У него стада большие,
И они все возрастают;
Наш жених имеет много
Стад, что по лесу гуляют,
Пробегают по вершинам;
Сходят в низменность долины
Сотни тех, что носят вымя,
Сходит тысяча рогатых;
На полях там много хлеба,
В долах множество запасов,
По лесам ольховым – пашни,
По ручьям – ячмень богатый,
Там овес промеж утесов,
По побережьям рек – пшеница,
Деньги там в огромных грудах,
Там монеты – мелкий щебень".

Руна двадцать третья

1. Невесту учат и дают советы, как она должна жить замужем.
2. Старая нищенка рассказывает о своей жизни, как она была девушкой, как была замужем и как ушла от мужа.

Нужны девушке советы,
Поучить невесту нужно,
Кто же девицу наставит,
Кто учить невесту будет?
Осмотр, красота дева,
Калевы красота дочка,

Вразумляет ту девицу,
Шу сиротку поучает,
Как же быть ей там желанной,
Как прожить бы с похвалою,
Быть желанной в доме мужа,
Быть хвалимой у свекрови.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Шы, невеста, ты, сестрица,
Молодой отросток нежный!
Шы послушай, что скажу я,
Повторять тебе я буду!
Шы, цветок, идешь отсюда,
Вдаль ты, ягодка, уходить,
Шы уйдешь, платочек пестрый,
Выйдешь, бархата ворсинка,
Из прославленного дома,
Из прекрасного жилища;
В дом чужой войдешь, девица,
Вступишь в чуждое хозяйство.
Все в чужом дому иначе,
Все иначе в том хозяйстве:
Как пройдешь, подумай прежде,
Пред работой поразмысли,
А не как в родных полянах,
Как у матери на поле,
Пенье было там в долинах,
Шам веселье на лужайках,
Этот дом ты покидаешь,
Забери с собой, что хочешь,
Но оставь три вещи дома:
Сны, что ты на дню видала,
Речи матери любезной
И кадушку с свежим маслом!
Забери с собой, что хочешь,
Но оставь мешок со снами
Здесьним девушкам при доме,
На краю широкой печки!
Пенье брось на край скамейки,
К окнам – радостные песни,
Брось девичество метелке,
Шум – к оборкам одеяла,
Шалость брось к печной скамейке,
Лень свою ты выкинь на пол!
Иль отдай подруге детства,
Брось в подол своей подружке,
Пусть несет ее в кустарник,
В рощу пусть ее забросит!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Шы забудь отцову ласку,
Чтоб тебя ласкал там свекор;
Шы поклонны делай ниже,
Расточай слова получише!

Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку матери забудь ты,
Чтоб свекровь тебя ласкала;
Шы поклоны делай ниже,
Расточай слова получише!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Позабудь ты ласку брата,
Чтоб тебя ласкал там деверь;
Шы поклоны делай ниже,
Расточай слова получише!
Нравам новым научайся,
Позабудь былые нравы:
Ласку сестрину забудь ты,
Чтоб золовка там ласкала;
Шы поклоны делай ниже,
Расточай слова получише!
В продолжение целой жизни
И пока сияет месяц,
Шы нечистых нравов бойся,
Чистоту свою храни ты!
Добродетель в доме ценят,
В добром доме чистых нравов.
Муж пытается нрав супруги,
Лучших в ней достоинств ищет;
Важны знания по хозяйству,
Если нет порядка в доме;
Шам нуждаются в усердьи,
Где к нему сам муж негоден.
Пусть старик хоть волком будет,
Пусть медведицей старуха,
Хоть змею деверь будет,
Хоть занозою золовка -
Отдавай им честь такую же,
Даже кланяйся пониже,
Чем ты кланялась родимой,
Чем ты в горнице отцовской
Пред отцом родным склонялась,
Почитала мать родную!
Припасти должна ты будешь
Мудрый ум и быстрый разум;
Шам должна ты постоянно
Быть во всем благоразумной,
Зоркий глаз иметь под вечер,
Без огня работу видеть.
Острый слух иметь под утро,
Петушинный крик услышать!
Прокричал петух один раз,
Не кричал еще в другой раз -
Я должна вставить молодка,
Старики пусть спят покойно.
Коль петух кричать не будет,
Не зовет хозяев птица,

Пётухом пусть служит месяц,
По Медведице знай время!
Часто будешь выходить ты,
Чтоб смотреть на месяц ясный,
По Медведице знать время,
Принимать от звезд советы!
Коль Медведица так прямо
Головою к югу станет,
А хвостом своим на север -
Значит, время подниматься
С ложа мужа молодого,
Из объятий новой жизни
И искать огня среди пепла,
Искру малую в коробке
И раздуть огонь в поленьях,
Но чтоб он не шел далеко.
Коль огня не будет в пепле,
Не найдешь в коробке искры,
Растолкай тогда ты мужа,
Разбуди тогда красавца:
"Дай огня, супруг мой милый,
Дай мне, ягодка, хоть искру!"
Как кусок кремня получишь,
Вместе с ним немного трутю -
Выбивай огонь поспешно,
Шы воткни в скорбу лучинку
И пойдешь дорогой к хлеву,
Чтобы там кормить скотину!
Замычит свекрови телка
И заржет там лошадь свекра,
Ждет там деверя корова,
И теленок ждет золовки,
Чтоб скорее дали сена,
Чтобы клевер был наложен.
Шы пройди в загон, нагнувшись,
Наклонясь, во двор к скотине,
Накорми коров с любовью,
А стада овец с уменьем!
Брось соломы ты коровам,
Шы подай телятам поила,
Нежных стеблей жеребяткам,
Сена мягкого ягнятам!
На свиней не натыкайся,
Не толкай ты поросенка,
А поставь кормушку свиньям,
Дай корыто поросятам!
Отдыхать не вздумай в хлеве,
Не засни ты там в загоне!
Шы прошла загоном скотным
И скотину осмотрела -
Шақ спеши скорей оттуда,
Мчись скорей метелью к дому!
Там заплакал уж ребенок,
Уж кричит он на постели,

Говорить не может, бедный,
Он не скажет, бессловесный,
Есть ли хочет он, озяб ли,
Иль еще что приключилось,
Как остался без родимой,
Речи матери не слышал.
Ты когда войдешь в покои,-
Ты войдешь сама-четверта:
На руке ведро с водою,
А под мышкой свежий веник,
А во рту твоём лучинка -
Вот и выйдет вас четыре!
Подмети ты доску пола,
С пола сор смети почище;
Воду выльешь – вылей на пол,
Не на голову ребенка!
На полу дитя увидишь,
Пусть оно дитя золовки:
Посади его на лавку,
Вытри глазки, гладь головку,
Дай кусочек хлеба в руки,
Да намажь на хлебец масла!
Не найдешь ты в доме хлеба,
Дай ему хоть щепку в руки!
Ты столы захочешь вымыть
Попоздней, в конце недели -
Мой и сверху, мой и сбоку,
Не забудь и ножки вымыть!
Ты облей скамьи водою,
Обмети, как нужно, стены,
По порядку все скамейки
И в длину все стены дома!
Что на стол насело пыли,
Что насело по окошкам,
Ты смети крылом прилежно,
Вытри тряпочкой с водою,
Чтобы пыль не разошлась,
К потолку б не поднялась!
С потолка смети ты сажу,
Печку также ты почисти,
И почисти столб у печки,
Также о шестке подумай,
На жилье чтоб дом похож был,
Чтоб сочли его жилищем.
Слушай, дева, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю!
Не ходи без сарафана,
Не броди ты без сорочки,
Не ходи и без платочка,
Не ходи без башмаков ты!
Неприятно это мужу,
Заворчит тогда твой милый!
Охраняй с большим стараньем
На дворе своем рябины!

Хороши они, рябины,
Хороши у них и ветки,
Хороша на ветках зелень,
А плоды еще получишь,
Через них узнает дева,
Беззащитная узнает,
Как живет она – по вкусу ль,
По желанию ль супруга.
Шы, как мышшь, ушами слушай,
Шы, как заяц, бегай быстро!
Наклоняй затылок юный,
Молодой сгибайся шей,
Как растущий можжевельник,
Как черемухи верхушка!
Будь внимательна повсюду
И всегда остерегайся,
Чтоб нигде ты не упала,
Не свалилась бы у печки,
Не запуталась бы в платье,
На постель бы не наткнулась!
Вот вернется с пашни деверь,
А золовка – из овина,
Подойдет супруг с работы,
От сохи придет твой милый:
Принеси с водою ковшик,
Принеси и полотенце,
Наклонись к земле пониже,
Молви ласковое слово!
А свекровь в избу вернется,
Принесет с мукою короб:
Шы беги на двор, навстречу,
Поклонись еще пониже
И возьми из рук старухи,
Отнеси муку в покои!
Если ж ты сама не знаешь
И сама не понимаешь,
За какое дело взяться
И какую взять работу,
Шо спроси ты у старухи:
"Ах, свекровушка родная!
Мне за что теперь приняться
И какую взять работу?"
И свекровь тебе ответит,
Так тебе старуха скажет:
"Вот за что тебе приняться
И какую взять работу:
Шы толки, мели прилежно,
Приведи в движенье жернов,
Принеси водицы свежей,
Замеси покруче тесто,
Принеси поленьев в печку,
Чтобы печка понагрелась.
Испеки потом ты хлебы,
Испеки пирог потолще,

Для еды посуду вымой,
Для питья сосуды вытри".
Услыхавши от свекрови,
От старухи про работу,
Ты возьми зерно с каменьев
И в чулан молоть отправься!
И когда туда войдешь ты,
Чтоб молоть одной в чулане,
Ты не пой, не веселися,
Во всю глотку не кричи там:
Пусть поет у камня ручка,
Пусть шумят у камня дыры!
Не пыхти при этом сильно,
Не вздыхай, пока ты мелешь,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что ты стонешь от досады,
Что вздыхаешь ты от злости!
Ты потом муку просеешь,
Принесешь домой на крышке
И пеки там хлеб с весельем,
Замеси с большой заботой,
Чтоб сухой муки комочков
В этом тесте не осталось!
Коль ушат стоит где косо,
На плечо ушат возьми ты
И возьми черпалку в руки,
Почерпни воды черпалкой,
Понеси ушат красиво,
Принеси на коромысле!
Ты беги назад, как ветер,
Как весною дуновенье,
У воды не засидися,
У ключа не задержися,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что на личико ты смотришь
И любишься собою,
Своей свежестью в водице,
Красотой своей в колоде!
К дровяной пойдешь ты куче,
Чтобы там набрать поленьев,-
Ты бери, не выбирая,
И осиною не брезгай!
Захвати поленья тихо,
Не наделай много шума,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что бросаешь ты со злости,
Что шумишь ты от досады!
И когда в амбар пойдешь ты,
Принеси муки оттуда,
Ты не отдыхай в амбаре,
Не пробудь в дороге долго,

Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что мукой ты оделяешь
И даришь в деревне женщин.
Как пойдешь ты мыть посуду,
Мой не как-нибудь, а чисто,
Вымой ручки у горшочков,
Вымой краешки у чашек!
Моешь чашки – мой их сбоку,
Моешь ложки – мой их ручки!
Береги ты эти ложки,
Стереги горшочки эти,
Чтоб собака не стащила,
Кошка их не унесла бы,
Птица не расколотила
И не взяли б с места дети!
Ведь детей в деревне много,
Много маленьких головок,
Что возьмут твои горшочки,
Унесут с собою ложки.
Подойдет помыться время,
Воду, веник притащи ты,
Веник выпарь в кипяточке,
Как не будет в бане дыма;
Долго там не оставайся,
Не засиживайся в бане,
Чтобы свекор не помыслил
И свекровь не стала думать,
Что ты в бане разлеглася,
Развалилася на полке!
И как в горницу вернешься,
Пригласи ты свекра в баню:
"Ах ты, свекор мой любезный!
Уж вода готова в бане,
Уж и веники готовы,
Чисто выметены полки;
Ты пойдешь, попарься вдоволь,
Обливайся, сколько хочешь!
Я сама прибавлю жару,
Там под полками я стану!"
А как прясть настанет время,
Время для тканья настанет -
Не ищи в деревне пальцев,
За ручьем себе искусства,
По дворам себе советов,
У чужих себе ты берда!
А сама пряди ты нитки,
Пряжу собственной рукою,
Шерсть закручивай слабее,
А льняные нитки круче!
Их мотай в клубок покрепче,
Намотай их на воробы,
А с вороб навей на вьюшки,
На навой навей основу!

Ударяй покрепче бердом,
Ты станком скорее двигай,
На кафтан наткни ты сукон,
Шерстяных наделай платьев
Из одних охлопков шерсти
От ягнят прозимовавших,
Из волос овечки летней,
Из бараньей мягкой шерсти!
Ты послушай хорошенько,
Слушай, что тебе скажу я!
Ты вари ячмень для пива,
Сладкий солод для напитка,
Ты бери ячмень хороший,
Но сожги лишь полполена!
Солод сладкий ты попробуй,
Соқ ячменный ты отведай,
Не мешай тот солод сечкой
И лопаткой не ворочай:
Ты мешай его руками,
Поворачивай ладонью!
И ходи почаще в баню,
Чтоб затвора не испортить,
Чтобы кошка там не села,
Кот на солоде не спал бы.
Волка ты не опасайся,
Зверя дикого лесного,
В час, когда идешь ты в баню,
Если даже будет полночь!
Когда кто придет к вам в гости,
Будь приветлива ты с гостем!
Дом хороший запасает
Много разного для гостя,
Мяса лишние кусочки,
Пирожков хороших много.
Пригласи садиться гостя,
Говори с ним дружески:
Угощай его словами,
Стол покуда не поспеет!
А пойдет назад из дома
И совсем уже простится,
Провожать неиди ты гостя,
Дальше двери не ходи с ним,
Чтоб твой муж не рассердился,
Не разгневался б любезный!
Когда придет тебе желанье
Как-нибудь пойти в деревню,
Не ходи без позволения,
Не спрайся неиди ты в гости!
И пока в деревне будешь,
Речи умные веди ты;
И свой дом там не кори ты,
Не брани своей свекрови!
Там тебя невестки спросят
Или женщины другие:

Что, свекровь дает ли масла,
Как давала мать родная?
Ты не смей сказать так прямо:
«Нет! мне масла не бывает».
А скажи, что постоянно
Ложку масла получаешь,
Хоть бы ела раз лишь летом
Из запасов прошлогодних!
Слушай дальше хорошенько,
Что еще тебе скажу я!
Ты вот из дому уходишь,
Ты идешь в семью чужую,
Мать родную не забудь ты,
Огорчать ее не вздумай!
Жизнь она тебе дала ведь,
И твои вскормила груди
Мать ведь собственной грудью
И своим прекрасным телом;
Редко мать спала ночами,
О еде порой забывши,
Дитяtko свое качая
И свою малютку нянча.
Кто родную мать забудет,
Огорчит ее, голубку,-
Не добром сойдет он к Мане,
В Пюонеле не с миром снидет.
Воздадут за то у Маны,
Страшно в Пюонеле отплатят,
Коль родную мать забыла
И при жизни огорчила;
Дочки Пюонелы там скажут,
Девы Маналы промолвят:
"Как забыла ты родную,
Огорчила мать при жизни?
Тяжело ведь мать трудилась,
Тяжесть страшную носила,
В час, когда лежала в бане,
На соломе распростершись,
Бытие тебе давала,
Там тебя на свет рождала!"
На полу сидит старуха,
Нищенка сидит в лохмотьях,
На деревне все пороги,
Всех людей дороги знает.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Тел петух своей супруге,
Тел цыпленочек над нею,
Ворон тоже спеть сумеет,
Закачается весною.
Мне бы песни петь пристало,
А они б уж промолчали:
Ведь они в прекрасном доме
И на лоне у любимых;

Я ж без золота, без дома,
Без любви живу все время.
Ты, сестра, меня послушай!
К мужу в дом теперь идешь ты,
Мужа прихотям не следуй,
Мне, несчастной, уподобясь,
Угождавшей нраву мужа,
Сердцу гордого супруга!
Распускалась я цветочком,
Вереском в лесу сосновом,
Кверху шла, как юный прутик,
Вышла стройною девицей,
Ягодкой меня все звали,
Золотко меня прозвали,
Уточкой была отцовской,
Милым матери гусенком,
Водяною птичкой брата,
Зябликом была сестрицы,
Как цветок я шла дорогой,
Как малина шла по пашне,
Я по берегу шумела,
В полевых цветах качалась;
Распевала по долинам,
На холмах кукушкой пела,
По лесочкам я играла,
Веселилась в каждой роще.
Нюх лису в капкан торопит,
Язычок хорька приводит.
В мужний дом мечта сманила,
Завела к чужим девицу.
Так уж создана девица,
Так уж вынянчена дочка,
Быть ей женошкой при муже
И рабыней у свекрови.
Шла, малинка, на чужбину,
Шла к воде чужой я, вишня,
Шла, брусника, чтоб глумились,
Земляничка, на погибель.
Будто дуб хватал дорогой,
Будто ветвь березы била,
Будто схватывали ольхи,
Будто каждый сука кусался.
Я женой вошла в жилище,
Подвели меня к свекрови.
Как туда я отправлялась,
Мне твердили, будто в доме
Шесть покров, все из ели,
Вдвое будто бы чуланов,
По краям лесов амбары,
С краю выгона цветочки,
У ручья ячмень прекрасный,
По полям овсы густые -
Обмолоченного груды,
Немолоченного кучи,

Сотня денег уж добытых,
Сотня денег предстоящих,
И по глупости пошла я,
Отдала я глупо руку:
Дом там на шести подпорках,
На семи стоит тычинках,
Там безжалостны поляны,
Неприветливы там рощи,
Грусть во всех лесах царит там,
Злоба там в лесах повсюду,
В закромах запас негодный,
А другие вовсе пусты,-
Сотня слов, уже слетевших,
Сотня слов, мне предстоящих,
Я о том не горевала,
Жить и так хотела с честью.
Я ждала себе почета,
Я добра себе искала.
Привели меня в покои,
Начала искать я щепок,
Лбом я стукнулась о двери,
О косяк там головою:
При дверях глаза чужие,
Очи мрачные у стенок,
С пола там косье взгляды,
Издали и вовсе злые;
Изо рта огонь там пышет,
С языка идут пожары,
Изо рта у злого свекра,
С языка его без ласки.
И о том не горевала,
Как-нибудь прожить хотела,
Быть там в милости всегдашней
И держать себя смиренно;
Я как заяц там скакала,
Горностаем устремлялась,
На покой ложилась поздно,
Ранним-рано я вставала.
Чести все-таки не знала,
Не нашла я снисхожденья -
Хоть бы горы я қатала,
Пополом рубила б скалы.
Я с трудом муку молола,
Зерна грубые с терпеньем,
Чтоб свекровь их поедала,
Горлом огненным глотала,
На конце стола усевшись,
Из посуды золоченой.
Я сама, невесткой, съела
Вдосталь с камушками хлеба,
Мне столом служила печка,
Ложкой мне была черпалка.
Я, невестушкой, в том доме
Часто, неженка, носила

Свежий мох с болотной почвы,
Хлеб себе пекла из моха,
Из ключа носила воду,
Из ковша ее хлебала,
Ела рыбок я, бедняжка,
Шам я корюшек съедала,
Нагибаясь прямо к сети,
В зыбкой лодочке качаясь:
Рыб ведь я не получала
Из руки своей свекрови,
Ни один денек не выпал,
Чтоб такое приключилось.
Летом жала я колосья,
А зимой навоз таскала,
Как поденщица какая,
Как рабыня нанятая.
Постоянно в этом доме
У свекрови мне давали
Цеп как можно подлиннее,
Пяжелей других трепало,
Вилы самые большие
И валец побольше прочих.
Никогда никто не думал,
Что слаба я, что устану,-
Устают герои даже,
Жеребцы, и те слабеют.
Так я, бедная девица,
Исполняла все работы
И в своем поту купалась.
А когда пойду на отдых -
Время печь топить настало,
Попадаю прямо в печь.
За веселость поносили,
Языки бранили злые,
Добрый нрав мой осуждали,
Незаятнанное имя;
Так дождем слова и лили
Мне на голову, бедняжке,
Словно искрами метали,
Сыпали железным градом.
Я в отчаянье не впала,
Прожила бы я и дольше -
Помогать свекрови злобной,
Жить у огненного горла;
Вот что дух мой погубило,
Принесло большое горе -
В волка муж мой обратился,
Принял вид совсем медведя,
От меня он отвернулся,
Так и ел он и работал.
Шут-то я уж стала плакать,
Размышляла я в амбаре.
Вспоминала дни былые,
Как получише мне жилосья

На дворе большом отцовском,
В доме матери прекрасном.
Шут уж я заговорила
И промолвила словечко:
"Воспитала мать родная
Дочку-яблоньку прекрасно,
Возрастить ее сумела -
Посадить же не сумела:
Дерево ведь посадила
В нелюбезное местечко,
В невозделанную землю,
У корней березы жестких -
Пусть всю жизнь оно там плачет,
Пусть все месяцы горюет.
Я годилась бы, конечно,
На местечко и получше,
На дворы и подлиннее,
На поля пошире этих,
Чтоб иметь получше мужа
И товарища покрепче.
Я напала здесь на лапоть,
Весь изодранный в лохмотья:
У него воронье тело,
Нос от ворона большого,
Рот от яростного волка,
Все другое от медведя.
Если б мне такой был нужен,
Я пошла б тогда на горку;
Я взяла б с дороги елку,
Ствол ольховый из лесочка,
Сделала б лицо из дерна,
Бороду его из клочьев,
Голову его из глины,
А глаза его из угля,
Из коры березы уши,
Из ветвей ветелки ноги".
Я такую песню пела,
Сокрушенная, вздыхала;
Что услышал мой любезный,
За стеной он находился!
Потчас вышел он оттуда
И прошел в овин через двери,
Я узнала по походке,
По шагам его узнала:
Не от ветра, а от злости
Волосы его вздымались;
Он ужасно сжал зубы,
Страшно он вертел глазами,
А в руках держал он ясень,
Он держал в руках дубину,
Надо мной дубину поднял,
Сильно в голову ударил.
Наступил затем и вечер!
Стал ко сну он собираться,

Взял он в руки хворостину,
Взял с гвоздя ременный кнутик,
Взял не для кого другого,
Для меня, жены несчастной.
Вот и я пошла на отдых,
Наконец заснуть хотела,
И легла я рядом с мужем;
Положил меня он сбоку,
Стал толкать он кулаками,
Злобно бить меня руками,
Колотить кнутом ременным,
Ручкою моржовой кости.
Отскочила я от мужа,
От холодной той постели.
На меня напал он сзади,
Тнал меня супруг до двери!
В волосы рукой вцепился,
Волосы мои повыврал,
Бросил злобно их по ветру,
Их по воздуху рассыпал..
У кого же искать совета,
И кого же звать на помощь?
Дали обувь мне из стали,
Дали мне ремни из меди,
И ждала я за стеною,
Поджидала на дворе я,
Чтоб он кончил бесноваться
И хоть несколько утих бы.
Но утихнуть он не хочет,
Бесноваться не кончает!
Наконец, я стала мерзнуть,
Там заброшенной сидя,
У стены там оставаясь,
За дверями дома мужа.
Я гадала, размышляла:
Ведь не вечно же терпеть мне,
Этот гнев сносить безмолвно,
Выносить от всех презренье,
Здесь, в жилище злого Лемпо,
Здесь, в гнезде дрянного черта.
Я простилась с милым домом,
С тем возлюбленным жилищем,
Начала тогда бродить я
По полям и по болотам,
Чрез обширные потоки,
До пределов поля брата.
Если были там сухие,
Сосны пышные шумели.
Там закаркали вороны,
Затрещали все сороки:
"Не твои теперь места здесь,
И родителей уж нету!"
Тем речам я не внимаю,
Ко двору иду я брата.

И сказала мне қалитқа,
Все поля заговорили:
"Ты на родину вернулась,
Что ж ты хочешь здесь услышать?
Уж давно отец твой умер,
Мать твоя давно скончалась;
Стал чужим тебе твой братец
и жена его – чужая".
Я и этому не внемлю,
Прохожу в покои прямо,
Я взялась за ручку двери -
Холодна в руках та ручка.
Я вошла туда в покои
И в дверях остановилась.
Так горда была хозяйка,
Что здороваться не стала
И руки не подала мне.
Я была горда не меньше:
С ней здороваться не стала
И руки не подала ей.
Протянула руку к печке -
Холодна мне показала;
Повернула руки к углям -
Все без жару были угли.
На скамье лежал мой братец,
Протянувшийся у печки:
На плечах – на сажень сажу
И на пядь на прочих членах,
Голова в золе на локоть
И на четверть в черной грязи.
Как чужой сказал мне братец,
Расспросил он словно гостью:
«Ты из-за моря откуда?»
Я ответила на это:
"Мль сестру не узнаешь ты,
Дочку матери родимой?
Мать одна нас породила,
Мы – единой птички дети,
Мы – птенцы одной гусыни,
Из гнезда одной пеструшки!"
Брат заплакал, услышавши,
Потекла из глаз водица...
И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:
«Принеси поест сестрице!»
Но жена взглянула косо,
Принесла мне щей из дому,-
Жир в них съеден был собакой,
Пес слизал всю соль с капусты,
Черный досыта наелся.
И сказал супруге братец,
Прошептал своей любезной:
«Принеси-ка пива гостье!»
Но жена взглянула косо

И воды приносит гостье,
Принесла воды негодной:
Чем глаза себе промыла,
Руки вымыла невестка.
Я тогда ушла от брата,
Из родного вышла дома
И пошла блуждать повсюду,
Начала ходить, бедняжка,
Шам по берегу морскому,
И печально подходила
Я к дверям, мне незнакомым,
Ковсе чуждым мне калиткам,
Повлекла детей с собою,
По деревне их бедняжек...
Есть, немало есть на свете,
Даже многие найдутся,
Кто злым голосом мне крикнет,
Скажет колкое мне слово;
Мало, очень мало в мире,
Кто бы доброе мне сделал,
Слово ласковое молвил,
Кто б отвел меня на печку,
Если дождь меня намочит
Или с холоду приду я
В платье, инеем одетом,
В шубе, сверху льдом покрытой.
Никогда в девичьи годы,
Никогда не помышляла,
Хоть бы сотни говорили,
Хоть бы тысячи твердили,
Что меня беда постигнет,
Что такое горе будет,
Как то горе, что мне было,
Та беда, что мне досталась".

Руна двадцать четвёртая

1. Жениху читают наставления, как он должен обходиться с невестой, и ему велят не обращаться с нею плохо.
2. Один нищий старец рассказывает, как он в свое время образумил свою жену.
3. Невеста со слезами на глазах думает о том, что теперь она должна навсегда покинуть свой любимый родной дом, и прощается со всеми.
4. Ильмаринен сажает невесту в сани, отправляется в путь и приезжает домой на третий день вечером.

Уж девицу научили,
Уж невесту вразумили;
Так еще скажу я братцу,
Жениху я так промолвлю:
"Женишок, мой милый братец,
Ты из братьев самый лучший,
Из детей ты всех милее,

Из сынов ты всех приятней!
Ты послушай, что скажу я,
Что скажу и что промолвлю
Я об этой кроноплянке,
О цыпленке, что поймал ты!
Славь, жених, судьбу благую
И хвали, что получил ты.
Хвалишь ты – хвали сильнее,
Ведь добро тебе досталось,
Даровал добро создатель,
Дал добро он, благосклонный!
И отца благодари ты,
Благодарен будь родимой,
Что прекрасную невесту,
Эту деву воспитали!
Чистая с тобой девица,
Ясная с тобой в союзе,
Белая в твоём владенье,
Статную ты охраняешь,
Сильную у сердца держишь,
Крепкая с тобою рядом.
Молотить она умеет
И прекрасно косит сено.
Дева в стирке так искусна,
И полотна белит ловко,
И прядет отлично нитки,
И ловко, чтоб выткать платье.
У нее так звучно бердо,
Как на холмике кукушка,
Челночок скользит у девы,
Как по ветке горностайка,
У нее в руках катушка,
Как в зубах у белки шишка;
Не заснет деревня крепко,
И не спит весь округ замка -
Так стучит девица бердом,
Так шумит челнок у девы.
Женишок, молодчик милый,
Ты, мужей прекрасный отпрыск!
Скуй ты косу поострее,
Укрепи на твердой ручке,
У калитки ручку вырежь
И на пне отбей ты косу;
Как взойдет на небо солнце,
Проводи на луг девицу
И следи за шумом сена,
Как трава шуршит сухая,
Под косой визжит осока,
Как шипит щавель зеленый,
Как кусточки исчезают,
Как ломаются отростки!
На другой день дай девице
Челночок хороший ткацкий,
Дай ей ниченки, дай бердо,

Дай ей ткальные набилки,
Дай получише ей подножку,
Весь прибор хороший ткацкий.
Посади к станку девицу
И подай девице бердо;
Зазвучит оно у девы,
Застучит станок, заходит,
Стук пойдет по всей деревне,
Даже дальше шум от берда.
Это старые заметят,
Спросят женщины в деревне:
«Кто такой там ткёт за станом?»
Должен будешь ты ответить:
"Это ткёт моя золотая,
Звякает мое сердечко.
Распустить ей, что ли, ткани?
Снять ли ей основу с берда?"
Распускать не нужно ткани
И снимать основу с берда.
Так ведь ткать лишь дочка Солнца,
Дочка Месяца способна,
Дочь Медведицы на небе,
Так лишь дочки звезд умеют.
Женишок, молодчик милый,
Шы, мужей прекрасный отпрыск!
Шы отправишься в дорогу,
Шы от этих мест поедешь
Дальше с милою девицей,
С этой курочкою дивной.
Зяблика возить не вздумай,
Эту нашу коноплянку,
Не вози ее по ямам
И не стукни о заборы,
Шам на пни чтоб не упала,
Не свалилась бы на камни.
Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
Не возили ее к ямам,
Никогда к углам заборов,
Чтоб на пни там не упала,
Не свалилась бы на камни.
Женишок, молодчик милый,
Шы, мужей прекрасный отпрыск!
Не води свою девицу,
Не води ты драгоценность
По углам сидеть по темным,
Чтоб она в углах копалась!
Ведь она в отцовском доме
И в побряках материнских
Никогда углов не знала
И в углах там не копалась,
А сидела у окошка,
На досках стояла средних,
Утром матушке на радость,

Вечером – отцу родному.
Никогда, супруг ты бедный,
Не води свою ты птичку
К ступке с жесткою травой,
Чтоб кору она толкла там,
Хлеб пекала бы из соломы,
Замесив с корой сосновой.
Никогда в отцовском доме,
На дворе своей родимой
Не ходила дева к ступке,
Чтоб толочь кору сухую,
Печь тут хлебы из соломы
И месить с корой сосновой.
Эту курочку веди ты
На поля с богатой жатвой,
Пусть насыплет ржи в амбаре,
Пусть берет ячмень хороший,
Чтоб месить большие хлебы,
Чтоб сварить получше пиво,
Чтобы хлеб испечь пшеничный,
Чтобы взбить получше тесто!
Женишок, мой милый братец!
Эта курочка золотая,
Этот милый наш гусенок,
У тебя чтоб слез не знала!
Коль придет дурной часочек,
Коль девица заскучает,
Запряги гнедого в сани,
Лошадь белую в запряжку,
Привези к отцу девицу,
К милой матери в покои!
С этой курочкой не смей ты,
С этой нашей коноплянкой,
Как с рабыней обращаться,
Как с поденщицей наемной,
Не пускать ее на погреб,
На замке держать амбары.
Никогда в отцовском доме,
На дворе ее родимой
С нею так не обращались,
Как с рабынею-служанкой;
Для нее открыт был погреб
И амбар не запирался,
Белый хлеб она держала
И за яйцами смотрела,
За молочной посудой,
За посудой для пива,
На ночь погреб запирала,
А наутро отпирала.
Женишок, молодчик милый,
Шы, мужей прекрасный отпрыск!
Если будешь ласков с девой,
Будешь ласково и принят:
Коль ты к тестю в дом приедешь,

Коль приедешь в гости к теще,
Хорошо тебя покормят,
И накормят, и напоют,
Отпрягут твою лошадку,
Отведут ее в конюшню,
Шам покормят и попят,
Принесут овса в кормушке.
Не позорь девицу эту,
Эту нашу коноплянку,
Будто род ее незнатен
И родня не так обширна!
Знатен род у этой девы,
И родня весьма обширна:
Коль бобов осьмину сеять,
По бобу получит каждый;
Если льна осьмину сеять,
Выйдет каждому по нитке.
Шы не вздумай, муж несчастный,
Поступить с девицей дурно,
Поучить ременной плеткой,
Как рабу кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать!
Ведь ее в отцовском доме
Никогда никто не вздумал
Поучить ременной плеткой,
Как рабу кнутом ударить
И хлыстом заставить охать,
По овинам горько плакать.
Перед нею стань стеною,
Стань пред ней, как столб у двери,
Чтоб свекровь ее не била,
Чтобы свекор не бранился,
Чтобы гости не сердили,
Чтоб соседи не бранили.
Коль к тебе пристанут люди,
Чтоб ты сам ее ударил,
Никогда не бей ты нежной,
Не наказывай любезной:
Шы три года дождался,
Сватал деву непрерывно!
Шы учи, супруг, девицу,
Это яблочко золотое,
Шы советуй ей в постели
И учи ее за дверью;
Делай так в течение года.
Год учи ее словами,
А другой учи глазами,
Претий топай ты ногою!
Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Шы сорви тогда тростинку,
Собери хвощу в поляне,
Поучи хвощом девицу.

На четвертый год все так же
Ты стращай ее тростинкой,
Злаком с крепкими концами,
Не секи ее ремнями
И не бей еще ты розгой!
Если слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Принеси из лесу розгу,
Взяв березку из долины,
Принеси ее под шубой,
Чтоб соседи и не знали;
Покажи ее супруге,
Пристыди ее, не бивши!
Если ж слушаться не будет,
Если все ей горя мало,
Почучи ее ты розгой,
Свежей веткою березы
Где-нибудь в углу, в покорях,
За промышленною стеною.
Не секи ее средь луга
Или где-нибудь на поле:
Не дошел бы шум в деревню,
Не дошел бы крик к соседям,
До других домов рыданье,
Суматоха та до лесу!
По плечам лишь бить ты должен,
Умягчать пониже спину;
Никогда не бей по глазу
И ушей ты не касайся.
На висках коль шишки вскочат,
Пятна синие под глазом,
То начнет свекровь расспросы,
И заметит свекор это,
На деревне все увидят,
Станут женщины смеяться:
"На войне была, должно быть,
Где-нибудь была в сраженье.
Иль уж волк не изодрал ли?
Иль медведь где не помял ли?
Видно, волком-то супруг был,
Муженек, знать, был медведем?"
Там лежал на печке старец,
Наверху лежал там нищий,
И сказал оттуда старый,
Так промолвил сверху нищий:
"Никогда, супруг несчастный,
Не гляди на нрав супруги,
На язык супруги гладкий,
Вот как я, несчастный малый!
Покупал я хлеб и мясо,
Покупал я масло, пиво,
Покупал я рыбы всякой,
Разной снеди и припасов;
Пиво брал я в странах здешних,

А пшеницу из далеких,
Но и этого все мало,
Не пошло ей впрок и это.
Вот вошла жена в покров,
В волосы мои вцепилась
С искаженными чертами
И вертит глазами страшно:
Все вздыхала и стонала,
Говорила лишь со злобой,
Обзывала дровосеком
Да бранилася болваном.
Вот другой исход нашел я;
Я пошел другой дорогой:
Взял я ветку от березы -
Назвала супруга птичкой,
Можжевельный взял прутик -
Говорит: «Пты – золотой мой!»
Высек ивовую розгой -
Женка бросилась на шею".
Птяжко девушка вздохнула,
Прослезилась, застонала,
Стала дева горько плакать,
Говорит слова такие:
"Да, близка другим разлука,
У дверей уж их прощанье,
А моя разлука ближе,
А прощанье вовсе близко;
Птяжела моя разлука,
Нелегко мое прощанье
С этой славною деревней,
С этим двориком прекрасным,
Где я выросла, красотка,
Где я выше становилась,
Как росла еще ребенком,
В годы детства возрастала.
Ведь не думала я раньше,
Никогда не помышляла,
Не мечтала о разлуке,
Не гадала о прощанье,
О прощанье с этим домом
И с горой высокой этой.
Вот теперь в разлуку верю,
Вижу, уходит пора мне:
Пьют уже прощальный квашик,
Нет прощального уж пива,
Вот уж сани расписные
Передком глядят наружу,
Боком смотрят на конюшню,
К хлеву спинкой повернулись.
Чем воздам я при разлуке,
Чем, бедняжка, при прощанье,
Чем за молоко родимой,
За добро отцу родному,
За любовь родному братцу

И за ласковость сестрице?
Уж и батюшке родному
За всю жизнь мою спасибо,
За еду, что я поела,
За отборные кусочки.
Уж и матушке спасибо,
Что меня, дитя, качала,
Что малюточку носила,
Что меня кормила грудью.
И тебе спасибо, братец,
И тебе, моя сестрица!
И спасибо всем в семействе,
Всем друзьям годов прошедших,
С кем жила я неразлучно,
С кем росла я, молодая.
Не горюй ты, мой родимый,
Также матушка родная.
Не горюй, мой род высокий,
Вы, почтенные родные,
Не горюйте, не заботьтесь,
Обо мне вы не печальтесь,
Что иду в страну иную,
А куда, сама не знаю!
Ведь блистает солнце божье,
И сияет божий месяц,
И сверкают неба звезды,
И Медведица на небе,
Ведь везде они, повсюду,
Где бы я ни оказалась,
Не в одном дворе отцовском,
Где жила я, молодая.
Я теперь должна расстаться
С золотым родным жилищем,
С этой комнатой отцовской,
С этим погребом родимой
И с болотами, с полями;
Оставляю дерн зеленый,
Эти светлые потоки
И песчаный этот берег;
Пусть купаются тут жены,
Пусть тут плещутся подпаски.
Оставляю здесь болото,
Поле – пахарю с сохойю,
Лес – для ищущих покоя,
Для гуляющих – лужайки,
Для шагающих – заборы,
Для бродящих – луговины,
Для бегущих – двор широкий,
Для стоящих – эти стены,
Для опрятных – пол дощатый,
Для метущих – доски пола,
Для оленей – их поляны,
Чащи вольные – для рысей,
Для гусей – луга большие

И кустарники – для птичек,
Ухожу теперь отсюда,
Удаляюсь я киному,
В руки ноченьки осенней
Да на скользкий лед весенний,
Где шагов не остается,
Где на глади след не виден,
На коре следы от платья,
На снегу следы подола.
Если я назад вернуся,
Возвращусь в места родные,-
Не услышит мать мой голос,
Ни отец мое рыданье,
Как начну я причитанья,
Над главами их заплачу,
Уж взойдет младая травка,
Подрастет уж можжевельник,
Там у матери над телом,
У отца над головою.
Если я назад вернуся,
Вновь на улицы большие,
Уж никто меня не встретит,
Кроме двух моих подружек,
Кроме связок у забора,
Кроме қольев в заднем поле.
Я, дитя, их завязала,
Я, девица, их воткнула.
Да узнает лишь қорова;
Как была она теленком,
Я ей есть и пить давала,
И теперь она мычит здесь,
На навозных этих кучах,
На полях зимы холодной -
Вот она еще признает,
Что из этого я дома.
Да отца конек-любимчик,
Что я досыта қормила,
Как была еще девчонкой,
Конь, что ржет здесь постоянно,
На дворе, на сорных кучах,
На полях зимы холодной -
Он еще меня признает,
Что из этого я дома,
Да у братца вот собачка,
Что ребенком я қормила,
Вывши девочкой, учила,
Что здесь лает беспрестанно,
На дворе, на сорных кучах,
На полях зимы холодной -
Вот она меня признает,
Что из этого я дома.
А другие не признают,
Как вернусь в места родные.
Все, как прежде, будут броды,

Все такое же жилище,
На своих местах заливы,
Тони рыбные на месте.
Ты прощай, мое жилище,
Ты, с своей дощатой крышей,-
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Вы прощайте, наши сени,
Вы, с своим дощатым полом,-
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Ты прощай, мой двор широкий,
Двор, рябиною поросший,-
Любо было бы вернуться,
Хорошо бы возвратиться!
Всем поклоны на прощанье:
Лесу, ягодам, землице,
Вам, всем пастбищам с цветами,
Вам, всем травам и полянам,
Вам, озерам с островами,
Вам, глубокие проливы,
Вам, холмы и рожи сосен,
Вам, овраги и березы!"
Пут кователь Ильмаринен
Посадил девицу в сани
И коня кнутом ударил,
Говорит слова такие:
"Вы прощайте, берег моря,
Берег моря, край поляны,
Вы, все сосны на пригорке,
По дубравам все деревья,
Ты, черемуха у дома,
Можжевельник у потока,
Вы, все ягодки на поле,
Стебли ягодок и травок
И кусточки, корни елей,
Листья ольх, кора березы!"
Уезжает Ильмаринен
Со двора из Сариолы.
Дети петь там продолжали.
Так они запели песни:
"Птица черная летела,
Через лес сюда спешила,
Взять здесь уточку сумела.
Нашу ягодку стащила,
Наше яблочко уносит,
Нашу рыбочку увозит;
Мало денег заплатила,
Серебром ее сманила.
Кто к воде теперь сведет нас,
Кто покажет тропку к речке?
Здесь не сдвинутся ушаты,
На гвозде тут қоромысло,
Пол здесь будет неметеным,

Доски будут нескорблены,
Вся посуда непомыта
И ушки у кружек грязны!"
Сам кователь Ильмаринен
Вдаль спешит с девицей юной.
Едет быстро, пролетая
По побережью Сариолы,
У медового залива,
По хребту горы песчаной;
Камни и пески запели,
И стучат дорогой сани,
И железные колечки,
И подпорки из березы;
Затрещал из ивы узел
И черемушная дужка,
Завизжали там оглобли,
Кольца громко забренчали;
Так стремился конь хороший,
Конь рысистый, белолобый.
Скачет день, другой он скачет,
Скачет так еще и третий.
Держит муж рукою вожжи,
А другою руку девы,
Ногу держит он наружу,
А под войлоком другую.
Конь бежит дорогой скоро,
День короче – путь короче;
Наконец, на третьи сутки,
Как уж солнце шло к закату,
Кузнеца жилище видно,
Ильмаринена строенье:
Сажа мчится полосами,
Дым густой выходит тучей,
Из избы идет веселый,
К облакам идет обильно.

Руна двадцать пятая

1. Жениха, невесту и провожатых принимают в доме Ильмаринена.
2. Гостей вдоволь угощают кушаньями и напитками; Вяйнямёйнен поет и благодарит хозяйина, хозяйку, свата и прочих провожатых.
3. На обратном пути со свадьбы у Вяйнямёйнена ломаются сани, он их чинит и едет домой.

Уж немало поджидали,
Поджидали и глядели:
Что не едут поезжане
К Ильмаринену в жилище?
Загноился глаз старухи -
Так она в окно глядела,
Слабнут юношей колена,
Поджидавших у қалиток,
Дети ноги ознобили,

За стеною дома стоя,
Разорвали люди обувь,
Все-то бегая по берегу.
Наконец, однажды утром,
Как-то рано в день прекрасный,
Услыхали шум из лесу,
Застучали громко сани.
Локка, добрая хозяйка,
Калевы красота дочка,
Говорит слова такие:
"Это, верно, сани сына!
Он из Похьёлы к нам едет,
Возвращается с невестой!
Жалуй, сын, в страну родную,
Ты въезжай во двор отцовский,
К той избе, отца наследству,
Что когда-то строил предок!"
И кователь Ильмаринен,
Въехал тут во двор отцовский,
К той избе, отца наследству,
Что еще построил предок.
Звучно рябчики щебечут
На дуге его, на новой,
Кличут весело кукушки
Впереди перед санями,
Белка скачет, веселяся,
По оглобле, по кленовой.
Локка, добрая хозяйка,
Калевы красота дочка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Новолунья ждет хозяин,
Солнца ждут молодые люди,
Дети – ягод на поляне,
А вода – смоленой лодки.
Я ждала не новолунья,
Солнца я не ожидала,
А ждала я только сына,
Сына с юною супругой.
Утром, вечером глядела,
Думая, куда он делся:
Не растит ли там малютку,
Уж не тощего ли кормит,
Что сюда идти не хочет.
Ведь всегда мне обещал он,
Что, не дав остынуть следу,
Он домой придет обратно.
По утрам я все глядела,
Целый день держала в мыслях:
Уж не сани ль заскрипели,
Не стучат ли по дороге,
Не въезжают ли на дворик,
И не мчатся ли к избушке?
Будь тот конь хоть из соломы

И из двух дощечек сани,
Я б дощечки похвалила,
Назвала бы их санями,
Лишь доставили б родного,
Подвезли б сыночка к дому.
Так все время и глядела,
Целый день я ожидала,
Все вытягивала шею,
Волосы все растрепала
И повыглядела очи.
Я ждала: не мчится ль милый,
Не въезжает ли на дворик,
Быстро к тесному жилищу.
Наконец-то он приехал,
Наконец домой вернулся;
Рядом с ним – прекрасный облик,
И румянёвкие щечки!
Женишок, мой милый братец!
Распрягай скорей гнедого,
Отведи свою лошадку
На привычные ей травы,
На овес, на самый свежий,
Нам же дай свои поклоны,
Поклонись и прочим людям,
Поклонись ты всей деревне.
А как кончишь ты поклоны,
Расскажи, что пережил ты:
Не имел ли приключений,
Был ли ты здоров в дороге,
Как ты к теще направлялся,
Как ты шел в жилище тестя?
Не войной ли добыл деву,
Не взломал ли ты ворота,
Ты жилья не взял ли силой,
Не обрушил стены дома,
Через порог вошел ли к теще,
Сел ли на скамейку тестя?
Но я вижу без расспросов,
Не выпытывая, вижу:
Был он свеженек в дороге,
Был в пути своем доволен,
Как добычу, взял гусенка;
Он взломал в войне ворота,
Он сломал из досок крепость,
Сокрушил из липы стены,
Чтоб попасть в жилище тещи,
Чтоб попасть в жилище тестя.
Взял он утку под защиту,
Взял он курочку в объятья;
Дева чистая с ним рядом,
Ясная – ему покорна.
Кто принес сюда неправду,
Распустил дурные вести,
Что жених ни с чем явился,

Что напрасно конь пробежал?
Не один жених явился,
Не напрасно конь пробегал:
Было что ему доставить,
Должен был трясти он гривой!
И покрыт он даже потом,
И облит обильной пеной -
Ведь цыпленочка привез он,
К нам цветущую доставил.
Из саней, красотка, выйди,
Слезь-ка, добрая, с сиденья.
Пусть тебя не поднимают,
Не несут тебя оттуда,
Лишь младенец встать не сможет,
Только гордый встать не хочет!
Поднимись же ты с сиденья,
Из задка саней ты выйди
На прекрасную дорогу,
Стань на бурую здесь землю,
Что выравнивали свиньи,
Поросята утоптали,
Ровной сделали ягнята,
Подметали кони гривой!
Ты пойди шажком гусенка,
Мелким уточкиным шагом
По дороге подметенной,
По полянам этим ровным,
По двору твоей свекрови,
Где твой свекор поживает,
На места, где брат работал,
На зеленый луг сестрицы,
На порог ступи ногою,
Стань в сенях ногою на пол,
Стань в сенях, всегда прохладных,
И потом войди в покои
И под притолоку ату,
Под прославленную крышу!
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Костяной нам пол пророчил,
Что ты скоро здесь пройдешься;
Крыша знала золотая,
Что под ней ты скоро будешь;
Сильно радовались окна,
Что сидеть под ними станешь.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Все трещала ручка двери
О руке твоей в колечках,
И порог склонялся ниже
В ожиданье умной девы,
Отворялись двери сами,
Отворяльщицу все ждали.
Уж последнею зимою

И прошедшим этим летом
Вся изба вертелась наша
И ждала твоей уборки:
Пол в сенях был беспокоен -
Твоего он ждал метенья,
Волновались овинны,
Твоей щетки ожидая.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Двор вокруг все озирался -
Ждал, что ты сбережешь лучинки;
Наклонялися амбары -
Твоего прихода ждали,
И шесть давно погнулись,
Чтоб повесила ты платья.
Уж последнею зимою
И прошедшим этим летом
Так дороженька скорбела,
Что по ней ты не гуляешь;
Ожидал тебя и хлевик,
Для прекрасного утенка.
Ожидал тебя наш дворик,
Чтоб за ним ты присмотрела.
И в истекающие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
Шу корова поджидала,
Кто ей выдаст связку корма;
Ждал о той нам жеребенок,
Кто ему даст утром сена;
И о той ягненок блеял,
Кто побольше даст кусочков.
И в истекающие лишь сутки,
В эти нынешние сутки,
У окон сидели старцы,
Дети бегали по взморью,
Женщины у стен стояли,
У сенных дверей мальчишки,-
Ждали юную хозяйку,
Все невесту поджидали.
Славься, двор, со всем народом,
С теми храбрыми мужами,
Славься ты, овин, со всеми
Подошедшими гостями,
Славьтесь, сени, с тем народом,
Кто вошел под вашу кровлю,
Славься, дом, со всем народом,
С детками в избе дощатой,
Славься, месяц, славься, витязь,
Славьтесь, свадебные гости!
Прежде здесь и небывало
Никогда еще, ни разу,
Поезжан таких, как эти,
Столь прекрасного народа.
Женишок, мой милый братец!

Развяжи ты красный узел
И сними платки из шелку!
Покажи свою кунцу,
Пу, что пять годов ты сватал,
Восемь лет смотрел с любовью!
Пу ли взял ты, что желал ты?
Ты желал ли взять кукушку,
Взять там белую с землицы,
Взять там свежую из моря?
Но я вижу без вопросов,
Не рассматривая, знаю:
Ты привел красу кукушку,
Утку синюю привез ты,
Самый юный взял отросток
От зеленого кусточка,
Ветку взял, что всех свежее,
Из черемухи ты выбрал".
На полу сидел ребенок,
И сказал мальчишка с полу:
"Что с собой ты, братец, тащишь?
Красоту ли пней смолистых,
Стройность ли дегтярной бочки
Вышиною с мотовило?
Ох, жених, жених злосчастный!
Ты всю жизнь в надежде прожил,
Что получишь деву в сотню,
Даже в тысячу ценою.
Получил девицу в сотню,
Даже в тысячу ценою,
Как ворону на болоте,
Как сороку на заборе,
Птичье пугало на поле,
Птицу черную из пыли!
Лето прошлое без дела
Провела девица эта:
И чулок не навязала
И перчаток не связала!
Так ни с чем сюда явилась,
Без даров явилась к свекру;
В сундуке ее, знать, мыши,
Длинноухие в шкатулке!"
Лоққа, добрая хозяйка,
Калевалы украшенья,
Слышит странные те басни,
Говорит слова такие:
"Злой ребенок, что сказал ты,
Почему солгал бесчестно?
О другой пусть это скажут,
Пусть другую так позорят,
А не эту нашу деву,
Не девицу в нашем доме!
Ты сказал плохие речи,
Эти речи, верно, молвил
В ночь родившийся теленок

Иль щеночек однодневный!
Жениха девица – прелесть,
Лучше всех в своей округе:
Почنو спелая брусничка
И на горке земляничка,
Как кукушечка на ветке,
Почنو птичка на рябине,
Почنو пташка на березе,
Белошеечка на клене.
Никогда в земле немецкой
Иль эстонской не получишь
Столь прекрасной юной девы,
Столь прелестного утенка,
Красоты такой во взоре,
Величавости осанки,
Белизны руки, столь нежной,
И изгиба тонкой шеи.
Не ни с чем пришла девица:
Принесла с собою шубы,
Принесла с собою платьев,
И сукна у ней довольно.
Эта юная девица
Много пряла веретенцем
И работала катушкой,
Много пальцами трудилась.
Платья с блеском глянцевитым
Припасла она зимою,
А весною их белила,
Шеплым летом их сушила;
Простыни ее так тонки,
Пухлы мягкие подушки,
Чистотой блестят платочки,
И сверкают покрывала.
Ах ты, женушка-красотка,
С свежим личиком прекрасным!
Дома славилась всегда ты
У отца хорошей дочкой;
Будь прославленной теперь ты
Здесь при муже нам невесткой!
Никогда не знай заботы
И в печаль ты не вдавайся!
Ведь пришла не на болото,
Не на край пришла речушки –
Ты пришла с земли богатой
В землю, что еще богаче,
Из дому, где много пива,
В дом, где пива много больше.
Дева, добрая красотка!
Вот о чем тебя спрошу я:
По дороге к нам видала ль
Ты снопов большие сқирды,
Ржи запасы целой грудой?
Это все – при нашем доме:
Хорошо пахал супруг твой,

Хорошо пахал и сеял.
Дева, милая красотка!
Вот что я тебе промолвлю:
Ты умела в дом приехать,
Ты умеешь в нем оставаться!
Тут для жёнушки удобно,
Для невестки здесь прекрасно,
На руках твоих все масло,
Молоко к твоим услугам.
Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Широки здесь доски в бане,
И длинны в избе скамейки;
Здесь хозяин – что отец твой,
Точно мать твоя – хозяйка,
Сыновья их – точно братцы,
Как сестра твоя – их дочка.
Как придет тебе желанье,
Коль почувствуешь охоту
Съесть опять отцовской рыбы
Или братниной дичины,
Не у деверя проси их,
Не проси ты их у свекра!
А проси их у супруга,
Что сюда тебя доставил!
Не найдется зверя в лесе
Ни единого пушного,
Ни одной воздушной птицы,
Ни с двумя крылами пташки,
Ни единой рыбы в волнах
Из прекрасной рыбьей стаи,
Чтоб не мог поймать супруг твой,
Чтоб твой муж их не достал бы.
Хорошо здесь для девицы,
Здесь для курочки прекрасно.
Жернов ей вертеть не нужно
И не нужно ставить ступку:
Здесь вода пшеницу мелет,
И для ржи поток стремится,
Волны здесь посуду моют,
Очищает пена моря.
Вот красотка деревенька,
Вот клочок земли прекрасной:
Луг – внизу, а выше – поле,
Посредине их – деревня,
Под деревней – милый берег,
А у берега – водица:
В ней поплавать любят утки,
Любит птица водяная".
Тут прибывших накормили,
Накормили, напоили,
Дали мясо им кусками,
Дали пряников красивых,
Дали ячного им пива,

Дали браги из пшеницы.
Было много что покушать,
Что покушать, что и выпить:
Было все на красных блюдах,
На лотках, весьма красивых,
Пирог лежат кусками,
Масло сложено частями,
На куски суги разъяты,
И разрезал лососину
Нож серебряный на части,
Лезвие его из золота.
Без конца лилося пиво,
Мед, не купленный на деньги,
Через кран бежало пиво,
Через отверстие мед струился,
Чтоб смочить тем пивом губы,
Оживить тем медом мысли.
Кто же должен спеть нам песню,
Кто певцом явиться должен?
Старый, верный Вяйнямейнен,
Вековечный песнопевец,
Пенье тотчас начинается,
Принимается за песни.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Золотые друзья-братья!
Вы, богатые словами,
Вы, речистые, родные!
Вы послушайте, что молвлю!
Редко гуси станут рядом
И сестра с сестрой напротив,
Редко рядом станут братья,
Дети матери единой,
Здесь, в пределах несчастливых,
В бедных северных пространствах,
Приступать ли к песнопенью,
Начинать ли пенье песен?
Пение певцу – работа,
Как кукушке – кукованье,
Как красильщице – крашенье,
И как ткачество – ткачихе.
Ведь поют лапландцев дети,
Ше, что в лапотки обуты,
Мяса лосьего поевши,
Мяса грубого оленя;
Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям
За едой, обильной рожью,
После кушанья мучного?
Ведь поют лапландцев дети,
Ше, что в лапотки обуты,
Выпив ковшичек водицы,
Пожевав коры сосновой;
Отчего же не запеть мне,

Не запеть и нашим детям
От ячменного напитка,
От проваренного пива?
Ведь поют лапландцев дети,
Ше, что в лапотки обуты,
У костра на пепле лежа,
На углях очажных черных:
Отчего же не запеть мне,
Не запеть и нашим детям,
Под стропилами здесь сидя,
Под прославленную кровлей?
Хорошо здесь быть мужчинам,
Быть и женщинам приятно,
Здесь, у бочек, полных пивом,
У больших бочонков меда,
Здесь, вблизи сизов в проливах,
При больших лососьих тонях,
Где всегда бывает пища
И питье не иссякает.
Хорошо здесь жить мужчинам.
Жить и женщинам приятно -
Не едят здесь, пригорюнясь,
Жизнь проводят беззаботно,
Здесь едят не унывая,
Без заботы проживают
До тех пор, пока хозяин
И пока хозяйка – живы.
Так кого же славить первым
Мне, хозяйина ль, хозяйку ль?
Первый здесь герой – хозяин,
И ему сначала слава.
Дом воздвиг он на болоте,
Из лесов его доставил,
Он принес стволов еловых,
Он принес высоких сосен,
Их поставил в лучшем месте,
Сколотил их так искусно,
Что семье большой дом вышел,
Превосходное строенье;
Стены из лесу доставил,
Балки снес с горы высокой,
Из густых кустов стропила,
Доски с ягодной поляны,
Снял бересту он с березок,
Мох из зыбкого болота.
Осторожно дом построен
И стоит на месте прочно.
Сто мужей над ним трудились,
Были тысячи на срубе,
Как отделявали избу,
Как сколачивали доски.
Потерял хозяин дома,
Как отделявал избу он,
С головы волос немало,

В бурю, в шуме непогоды
Оставляя хозяин часто
На утесе рукавицы,
На ветвях деревьев шапку
И терял чулки в болоте.
Часто добрый наш хозяин
Поднимался ранним утром,
Поднимался раньше прочих
И, не слышимый деревней,
Оставлял шалаши дорожный
И огонь, там разведенный,
Промывал глаза росой
И причесывался ветхой.
Ша́-то добрый наш хозяин
И набрал друзей в покои,
Рассадил певцов на лавках;
У окон народ любезный,
На полу народ шумливый;
Говорят за загородкой,
По стенам стоят толпою,
Мимо изгороди ходят,
По двору снуют толпою,
По земле везде гуляют.
Я хозяина прославил -
Славлю добрую хозяйку,
Что сготовила нам пищу,
Стол заставила посудой.
Напекла хлебов нам пышных
И лепешек толокняных -
Все своими лишь руками,
Все десятком легких пальцев -
И возили прекрасно хлебы;
Всех гостей она кормила
В изобилии свиной,
Пирогам со сметаной;
Лезвия ножей погнулись,
У ножей скривились стержни
От работы над лососьей
И над щучьей головою.
Часто добрая хозяйка
Хлопотливо поднималась,
Петухи еще не пели
И цыпленок не кудахтал,
Чтоб устроить все на свадьбу,
Чтоб исполнить всю работу,
Чтобы дрожжи приготовить
И сварить побольше пива.
Ша́-то добрая хозяйка
Осмотрительно сварила
Превосходного нам пива,
Льет гостям напиток сладкий;
Из семян он плодоносных,
Солод в нем из сладких зерен,
И она не деревяшкой,

Не мешала зерен палкой,
Но мешала их рукою,
Все месила лишь руками,
Все мешала в чистой бане,
На досках, метенных чисто.
Эта добрая хозяйка
Осмотрительно глядела,
Чтоб зерно не прорастало,
Не пропах землю солод;
И ходила часто в баню,
Приходила даже в полночь,
Ни волков не опасаясь,
Ни лесных зверей не труся.
Вот прославил я хозяйку:
Так теперь прославлю свата!
Кто же был назначен сватом,
Кто указывал дорогу?
Сват в деревне самый лучший -
Он в нее приводит счастье.
Хорошо наш сват оделся:
Разодет в кафтан суконный;
На руках кафтан в обтяжку
И сидит везде прекрасно.
Хорошо наш сват оделся,
И кафтан на нем в обтяжку:
По песку он полы тащит,
По полям подол волочит.
Хороша рубашка свата:
Чуть выглядывает ворот,
Словно дочь Луны соткала,
Всюду оловом украсив.
Хорошо наш сват оделся:
Шерстяной на чреслах пояс,
Что сработала дочь Солнца,
Дивно кольцами расшила
В дни, когда огня не знали
И огонь не появлялся.
Хорошо наш сват оделся:
На ногах чулки из шелка,
На чулках из шелка банты,
Изукрашены подвязки,
Словно золотом прошиты,
Серебром они покрыты.
Хорошо наш сват оделся:
Башмаки на нем от немцев,
Точно лебеди на речках,
Как на бережке лысухи,
Точно гуси меж кусточков,
Точно птицы в перелете.
Хорошо наш сват оделся:
Голова – златые кудри,
Борода в златых косичках;
Голова у свата в шлеме,
Поднялся тот шлем до тучи,

Вышиной с верхушку леса,
За него заплатишь сотни,
Марок тысячи заплатишь.
Вот прославил я и свата.
Буду славить я подружку!
И откуда та подружка,
Где счастливая нашлася?
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
Шам, за Шаникой, за замком,
Шам, за крепостью, за новой.
Не оттуда та подружка
И нисколько не оттуда!
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася:
При водах Двины нашлася,
При больших широких далях,
Не оттуда та подружка
И нисколько не оттуда!
На земле росла брусника,
На поляне земляника,
Шравка славная на поле,
Золотой цветочек в роце:
Вот откуда та подружка,
Где счастливая нашлася.
Нежный ротик у подружки,
Как челнок из Суоми ткацкий;
Глазки смотрят дружелюбно,
Словно звездочки на небе;
Далеко блестят височки,
Словно лунный свет на море.
Убрана подружка славно:
Шея с цепью золотою,
С золотой головка лентой,
В золотых браслетах руки,
В золотых колечках пальцы,
Золотые в ушках серьги,
В золотых кружках височки,
Золотой на бровках жемчуг.
Думал я, что светит месяц,
Как блеснули там застежки;
Думал я, что светит солнце,
Как блеснул рубашки ворот;
Думал я, что парус веет,
Как платок ее завял.
Вот прославил я подружку;
Посмотрю теперь гостей я,
Хороша ль толпа пришедших,
Крепки ль старые здесь люди,
Резвы ль люди молодые,
Вся ль компания красива!
Посмотрел здесь всех гостей я,
Словно знал их всех и раньше:
Никогда здесь не бывало

И появится не скоро
Столько славного народа
И толпы такой прекрасной,
Стариков, столь крепких с виду,
Молодых, настолько славных,
Вся толпа одета в белом,
Точно лес, где выпал иней,
Сверху – точно зорька утром,
Снизу – словно час рассвета.
Серебра гостям немало,
Золота довольно было:
На полях горстями деньги,
А на улицах – мешками
Для гостей здесь приглашенных
Ради славы здесь сидящих!
Старый, верный Вяйнямйёнен,
Пенья сильная опора,
Закачался скоро в санках
И домой к себе поехал;
Пел он песни непрерывно,
Пел искусно эти песни.
Спел он песню, спел другую;
Третью песню как запел он -
Зазвенел о камень полоз,
И повис на пне брусочек;
Разломались старца сани,
Поломался санный полоз,
Пополам брусок сломался,
Отвалился бок от бока.
Молвил старый Вяйнямйёнен,
Говорит слова такие:
"Нет ли в здешней молодежи,
В возрастающем народе,
Нет ли здесь меж стариками,
В исчезающем народе,
Кто бы к Пуонеле спустился,
В царство Маны кто пошел бы
Раздобыть бурав у Маны,
Взять у Пуонелы буравчик,
Чтоб я мог наладить сани,
Сделать новое сиденье!"
Что сказали молодые,
То и старые сказали:
"Нет меж здешней молодежью,
Нету здесь меж стариками
В этом племени великом
Столь отважного героя,
Кто бы к Пуонеле спустился,
Кто б пошел в жилище Маны,
Взял бы в Пуонеле буравчик,
Раздобыл бурав у Маны,
Чтоб ты вновь устроил сани,
Расписные починил бы".
Старый, верный Вяйнямйёнен,

Вековечный песнопевец,
В Пюонелу опять спустился,
Вновь сошел в жилище Мань.
В Пюонеле добыл буравчик,
В Манале достал бурав он,
Начал пенье Вяйнямёйнен,-
Рощу синюю напел он,
В роще ровные дубочки
Вместе с стройною рябиной;
Он из них построил сани
И согнул себе полозья,
Выбирает на брусочки,
На дугу берет деревьев:
Так привел в порядок сани,
Так он новые устроил.
Запрягает жеребенка,
Впряг гнедого в эти санки,
Сам потом он в них садится,
Опустился на сиденье.
Без кнута бежит лошадка,
Что есть силы побежала
Ко двору, где корм привычный,
Там, где добрая кормежка.
И приехал Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
К своим собственным воротам,
На свой собственный порожек.

Руна двадцать шестая

1. Лемминкяйнен, огорченный тем, что не был приглашен на свадьбу, решается все-таки ехать в Похьёлу, несмотря на запрещение матери и на погибель, которая, по словам матери, его ожидает в пути.

2. Он отправляется в путь и благодаря своим познаниям счастливо проходит через все грозящие гибелью места.

Ахти жил у мыса Кауко,
Там на острове при бухте.
Он распахивал там поле,
Бороздил свои поляны.
Было тонко ухо Ахти,
Слух имел он очень острый.
Из деревни шум он слышит,
Слышит топот по прибрежью.
Стук саней по льду он слышит,
Слышит стук саней в лесочке.
Мысль в уме его возникла,
В голову его запала:
Свадьбу в Похьёле справляют,
Там народ пирует тайно!
И пони он головою,
Кудри черные упали,

Кровь вдруг бросилась от злости
С побледневших щек пониже,
Бороздить не стал он больше,
Перестал пахать средь поля,
Быстро он вскочил на лошадь
И поехал прямо к дому,
К матери своей любимой,
Прямо к матери-старушке.
И, придя, сказал он старой,
Так он, в дом войдя, промолвил:
"Мать, ты милая старушка!
Дай поесть мне поскорее,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы голод утолил я;
Затопи мне также баню,
Приготовь скорей купанье,
Чтоб я мог омыть все тело
И предстать в красе героя!"
Лемминкяйнена мать тотчас
Пищу быстро собирает,
Чтобы алчущий наелся,
Чтобы жажду утолил он,
А потом готовит баню,
Сыну славное купанье.
И веселый Лемминкяйнен
Съел сперва поспешно пищу,
Поспешил потом он в баню,
Он отправился в парилку;
Шам и выкупался зяблик,
Вымыл тело подорожник,
Голова, как лен, белела,
И блестела ярко шея.
Он пришел в избу из бани,
Говорит слова такие:
"Мать, ты милая старушка!
Ты пойди в овин на гору,
Вынь прекрасную рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтоб в него я мог одеться,
Мог в кафтан облечь бы тело!"
Мать его спросила прежде,
Начала расспрос хозяйка:
"Ты куда идешь, сыночек,
На охоту ли за рысью,
Иль поймать ты хочешь лося,
Иль стрелять ты будешь белок?"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели:
"Дорогая, мать родная!
Не хочу идти за рысью,
Не пойду ловить я лося
И стрелять не буду белок;
В Похъёлу иду на свадьбу,
Шам на тайную пирушку.

Дай получише мне рубашку,
Принеси кафтан покрепче,
Чтобы в нем гулять на свадьбе,
Красоваться на пирушке!"
Мать сыночку запрещает,
И жена не позволяет,
Обе дочери творенья,
Порожденные природой:
Пусть не едет Лемминкяйнен,
В Похьёлу нейдет на свадьбу.
Так вот сыну говорила,
Так твердила мать-старушка:
"Не ходи, сыночек милый,
Мой сыночек милый Кауко,
В Похьёлу на пир великий,
На большую ту пирушку!
Ведь тебя туда не звали
И совсем не приглашали".
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Лишь дурной идет по зову -
Молодец идет без зова;
Есть у Ахти приглашенье,
Есть у Ахти побуждение:
Меч мой с огненным железом,
Мой клинок, что мечет искры".
Мать же о своем хлопочет,
Удержатъ сыночка хочет:
"Не ходи ты, мой сыночек,
В Похьёлу на ту пирушку!
Ведь на улицах там ужас,
Чудеса там на дороге:
Прижды смерть грозит герою,
Прижды там грозит погибель".
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
"Смерть повсюду видит старый,
И везде ему погибель.
Муж нигде не побоится,
Муж нигде не утрашится.
Но пусть будет, как кто хочет:
Шы скажи-ка, дай послушать,
Что за первая погибель
И последняя какая?"
Лемминкяйнена старушка
Говорит слова такие:
"Я скажу тебе по правде,
А не так, как ты желаешь.
Вот где первая погибель,
Из погибелей всех прежде.
Шы пройдешь, сынок, немного,
День один всего проедешь,
Встретишь огненную реку
На пути среди дороги;

В ней кипит огнем пучина,
И горит скала в пучине;
На скале той холм сверкает,
На холме орел пылает,
Ночью он все зубы точит,
Днем навастривает когти
На чужих, кто там проходит,
На людей, кто ходит близко".
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгъели:
"Так пусть бабы умирают,
Но не это смерть для мужа.
Знаю я на это средство,
Шут я справится сумею.
Чародейство сотворю я
Из ольхи с конем героя,
Чтобы мимо он проехал,
Чтоб взамен меня промчался.
Сам нырну я тотчас уткой,
Опускаюсь я быстро в волны
Под орлиными когтями,
Под когтями этой птицы.
Дорогая, мать родная!
Ты скажи вторую гибель".
Лемминкяйнена мать молвит:
"Вот тебе вторая гибель:
Ты проедешь лишь немного,
И в течение дня второго
Ров ты огненный увидишь.
Он лежит среди дороги,
Протянувшись и к востоку,
И на запад бесконечно.
Полон ров камней горячих,
Глыб он полон раскаленных;
Там уж сотни пострадали,
Там уж тысячи погибли.
Были сотни те с мечами,
Эти тысячи с конями".
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгъели:
"Не от этого смерть мужу,
Не от этого герою,
Знаю средство и на это,
Шут исход себе найду я:
Превращу я снег в героя,
Из льда создам я мужа,
Погоню героя в пламя
И вгоню его я в пекло,
В ту пылающую баню;
С медным веником пойдет он;
Сам скользну я стороною,
Проскочу я через пламя;
Борода не обожжется,
Не сгорят нисколько кудри.

Дорогая, мать родная!
Ты скажи мне третью гибель".
Лемминкяйнену мать молвит:
"Вот какая третья гибель:
Как еще проедешь дальше,
День еще в пути пробудешь,
Будешь в самом узком месте,
Встретишь Похъёлы ворота,
Там блуждает волк во мраке,
В темноте медведь там бродит -
Там, где Похъёлы ворота,
Там на самом узком месте
Уничтожены уж сотни,
Сгибли тысячи героев.
Отчего ж тебя не съестъ бы,
С беззащитным не покончить?"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели:
"Можно там сожрать ягненка,
Разорвать его на части,
А не мужа, пусть дурного,
Не героя, пусть плохого!
А на мне ведь мужа пояс,
А на мне застежка мужа,
Я ношу героев пряжку,
Чтобы мог спастись наверно
Я от пасти волка Унто,
Заколдованного зверя.
Знаю, как пойти на волка,
Знаю средство на медведя:
Колдовством узду на волка,
На медведя цепь надену,
Рассеку его я сечкой,
Раскрошу я на кусочки,
И тогда пойду свободно
И свой долгий путь я кончу".
Лемминкяйнену мать молвит:
"Не конец еще и это:
Это ты найдешь в дороге.
Чудеса в пути большие:
Там три ужаса найдешь ты,
Три погибели для мужа.
Но когда туда дойдешь ты,
Чудеса найдешь страшнее.
Ты пройдеши еще немного -
Похъёлы там двор увидишь:
Частокол в нем из железа,
А вокруг из стали стены,
От земли идут до неба
И к земле идут от неба,
И стоят, как колья, копы -
Змеи в них переплелися,
Вместо прутьев там гадюки,
Ящерицы вместо связок

И играют там хвостами
Да шипят все головами,
Дол шипеньем оглашают,
Головы приподымают.
На земле простерлись змеи,
Растянулись гадюки,
Вверх подняв язык шипящий,
А хвосты внизу качают.
Но одна, что всех страшнее,
Залегла у входа прямо.
Подлинней она, чем балка,
Перекладыны потолще,
Языком шипит высоко,
Пасть раскрыла, угрожая
Не кому-нибудь другому,
Одному тебе, несчастный".
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели:
"Пусть так дети умирают,
Но не это смерть героя.
Колдовством огонь уйму я,
Утолить сумею пламя,
Змей сгоню я чародейством,
Отгоню гадюк оттуда.
Пропадал же поле прежде,
Что все змеями кишело,
И с гадюками поляну;
Змей я голыми руками,
Змей держал я просто пальцем,
Пальцем я держал гадюку;
Змей десятку убивал я
И гадюк до сотни черных;
Кровь змеиная осталась,
Жир гадюки здесь на пальцах,
Пропаду не так-то скоро,
Никогда не попадусь я,
Как кусочек, в зев змеиный,
В пасть гадюки разъяренной.
Сам давить дрянных я буду,
Рас топчу я этих скверных,
Загоню я змей, колдуя,
Прогоню гадюк с дороги;
Двор тот Похъёлы пройду я
И войду в избу свободно".
Лемминкяйнену мать молвит:
"Не ходи ты, мой сыночек,
В дом тот Похъёлы суровой,
В то жилище Сариолы!
Там герои все с оруьем,
Опоясаны мечами,
От питья хмельного шумны
И озлоблены от пьянства:
Заколдуют там бедняжку
На концах мечей огнистых.

Посильней тебя убить,
Похрабрей от чар погибли".
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауқомгъели:
"Ведь уж я немало пожил
В этих избах Сариолы;
Не со мной лапландцу сладить,
Не побьет меня турьянец -
Сам лапландцев заколдую,
Сам побью я там турьянцев,
Расколю в куски их плечи,
Продырявлю подбородки,
Распорю рубашки ворот,
Грудь разрежу на кусочки".
Лемминкяйнену мать молвит:
"О, несчастный мой сыночек!
Ты все думаешь о прошлом
И все хвастаешься прежним.
Ты, конечно, долго пробывал
В этих избах Сариолы.
Весь ты был в дремотных волнах,
В волнах, травами покрытых,
Побывал в пучине темной,
Там упал с потоком к низу.
Маналы измерил реку,
Черной Шуонелы теченье,
Был бы там и посегодня,
Если бы не мать-бедняжка.
Ты послушай, что скажу я.
К избам Похъёлы пойдешь ты,-
Там все колья на пригорке,
Огорожен двор столбами,
И по черепу на каждом.
Лишь один пока не занят,
Для того, чтобы на этом
Голова твоя сидела".
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауқомгъели:
"Пусть глупцы на это смотрят
И бездельники боятся
Лет пяти, шести в сраженьях,
Даже лет семи военных;
Но герои не боятся
И нисколько не страшатся.
Дай военную рубашку,
Принеси вооруженье!
Подниму я меч отцовский,
Посмотрю клинок я старца;
Долго он лежал холодный,
Долго был он в темном месте,
Много плакал постоянно,
Шосқовал, без дела лежа".
Взял военную рубашку,
Взял все старое оружие,

Взял клинок отцовский, верный,
Взял отцовскую секиру,
Острием ударил об пол,
В потолок концом ударил
И качнул клинок рукою,
Как черемушную ветку
Иль растущий можжевельник,
И промолвил Лемминкяйнен:
"Кто тут в Похьёле найдется,
На пространстве Сариолы,
Кто б свой меч померил с этим,
На клинок меча взглянул бы?"
Со стены он лук снимает,
Лук с гвоздя снимает крепкий,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Назову того героем
И того признаю мужем,
Кто мой лук согнуть сумеет,
Петиву на нем натянет
Шам, в жилищах Сариолы,
В избах Похьёлы суровой".
Вот веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Взял военную рубашку,
Он надел вооруженье
И потом рабу промолвил,
Говорит слова такие:
"Шы, мой купленный работник,
Раб, доставшийся за деньги!
Снаряди скорее лошадь,
Снаряди коня для битвы,
Чтоб я мог на пир поехать,
К людям Лемпо на пирушку!"
И, послушный приказанью,
Раб пошел на двор поспешно,
Он ретивую запряг там,
Красно-пламенную лошадь
И, пришедши, так промолвил:
"Я исполнил приказанье
И лошадку приготовил;
Конь стоит уже в запряжке".
Лемминкяйнену пора бы
И в дорогу отправляться.
Так одна рука велела,
Но противилась другая;
И пошел, как думал раньше,
Вышел смело, без боязни.
Сыну мать совет давала,
Так дитяти мать-старушка
У дверей, у самой печки,
У сиденья говорила:
"Мой единственный сыночек,
Шы, дитя, моя опора!

Поспешаешь на пирушку
И придешь, куда ты хочешь.
Пей ты кружку вполовину,
Пей ты чашку до середины,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже:
В чашке черви копошатся,
Шам на дне сосуда змеи!"
И еще сказала сыну,
Наставления давая
На окраине поляны,
На околице в қалитке:
"Қоль пойдешь ты на пирушку
И придешь, куда придется,
Ты сиди на полсиденье,
Занимай полполовицы,
Половину же похуже
Дай тому, кто там похуже.
Только так ты будешь мужем,
Будешь истинным героем,
Чтоб пройти тебе толпою,
Чтоб пройти под говор шумный
Через толпу героев сильных,
Через множество бесстрашных!"
Поспешает Лемминқяйнен,
Чтобы сесть скорее в сани;
Он қоня қнудом ударил,
Бьет его жемчужной плетқой,
И летит оттуда лошадь,
Шумно вдаль несет героя.
Лишь немного он отъехал,
Лишь часочек он проехал,
Чернышей увидел стаю:
Поднялася стая қверху,
Отлетели быстро птицы
Перед лошадью ретивой.
Перьев несколько осталось
От их қрыльев на дороге.
Поднял перья Лемминқяйнен
И в қарман себе запрятал.
Он не знал, что статья может,
Что случится по дороге:
Все ведь может пригодиться,
При нужде всему есть место.
Чуть подальше он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Қонь зафырқал средь дороги,
Испугался, вислоухий.
Сам веселый Лемминқяйнен,
Молодец тот, Қауқомғели,
Поднялся повыше в санқах
И вперед нагнувшись, смотрит:
Вот, как мать и говорила,
Как старушқа уверяла,

Перед ним река пылает,
Пред конем среди дороги
Водопад горит в потоке,
Средь него скала пылает,
На скале сверкает холмик,
А на нем орел горящий
Изрыгает пламя горлом;
Шаки бьет огонь из глотки,
Пышут огненные перья,
Мечут огненные искры.
Увидал вдали он Кауко,
Лемминкяйнену промолвил:
"Ты куда стремишься, Кауко,
Держишь путь свой, Лемминкяйнен?"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгъели:
"Еду в Похъялу на свадьбу,
Шам на тайную пирушку.
Повернись, орел, немного,
Отойди чуть-чуть с дороги,
Дай ты путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;
Пусть он тронется сторонкой,
Пусть он краешком проедет!"
Шаки орел ему ответил,
Крикнул огненной глоткой:
"Дам я путнику дорогу,
Лемминкяйнену тем боле;
Пусть пройдет моей он глоткой,
Пусть по горлу погуляет;
Вот куда тебе дорога,
Вот куда ты мчаться должен;
Долгий пир там приглашенным,
Бесконечное безделье".
Думал Ахти тут недолго,
Был он очень озабочен.
Он в карман поспешно лезет,
В кошельке своем он ищет,
Вынул перья чернышей он,
Сбил поспешно их в комочки,
Прет обеими руками;
Между пальцами потер их -
Глухарей возникло стадо,
Стая рябчиков явилась;
Он орлу их в глотку бросил,
В пасть ему, как корм, направил.
Кинул в огненное горло,
В зубы огненной той птицы;
Шаки отправился он дальше,
В первый день от смерти спасся.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной;
Конь бежит оттуда прямо,
Скачет дальше жеребенок.

Вот немного он проехал,
Лишь частичку той дороги,
Снова лошадь испугалась
И заржала, стала снова.
Поднялся он на сиденье
И, вперед нагнувшись, смотрит.
Вот, как мать и говорила,
Как старуха уверяла:
Перед ним пылает пропасть,
И как раз среди дороги
Широко лежит к востоку,
Без конца идет на запад,
Вся полна камней горящих,
Глыб огромных раскаленных.
Думал Ахти тут недолго,
Обратился к Укко с просьбой:
"О ты, Укко, бог верховный,
Дорогой отец небесный!
С севера пошли мне тучу,
С запада пошли другую,
Претью ты пошли с востока,
Также с северо-востока.
И ударь ты их краями,
Пустоту меж них заполни,
Снег пошли ты толщей в сажень,
Вышиной с копье героя
На горящие камни,
На пылающие глыбы!"
Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,
С севера тут гонит тучу,
Гонит с запада другую,
Претью гонит он с востока,
Также с северо-востока,
Их ударил друг о друга,
Пустоту меж них заполнил,
Снег послал он толщей в сажень,
Вышиной с копье героя
На горящие камни,
На пылающие глыбы:
Озеро из снега вышло,
А на нем бушуют волны.
Чародейством Лемминкяйнен
Ледяной там мост устроил
Через озеро со снегом
С одного конца к другому.
Спасся он и во второй день
От гибели, от смерти.
Он коня кнутом ударил,
Хлопнул плеткою жемчужной,
Быстро едет конь оттуда,
Мчится дальше по дороге.
Мчится он версту, другую,
Проскакал еще немного,

Вдруг скакун остановился,
Точно вкопанный, на месте.
Сам веселый Лемминкяйнен
Соскочил с саней и смотрит:
Волк стоит как раз при входе,
Там медведь стоит в проходе,
В самом въезде в Сариолу
И как раз в конце проезда.
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели,
Пут в карман рукою лезет,
Ищет быстро в кошельке он,
Вынимает шерсть овечью,
Быстро трет ее в комочки,
Трет обеими руками,
Растирает между пальцев.
Только раз он в руки дует
И овец из рук пускает,
Стадо целое ягняток,
Много ярочек веселых,
Волки тут к стадам стремятся,
Их ловить медведи мчатся -
А веселый Лемминкяйнен
Скачет дальше по дороге.
Лишь немного поотъехал,
Похъёлы он двор увидел.
Из железа там ограда,
И забор из стали сделан.
Тот забор – в земле сто сажень,
Сажень тысячу до неба;
Копья были там столбами,
Змеи были там жердями,
Их гадюками скрепили,
Ящерицами связали,
И хвосты у них висели,
С свистом головы шипели,
Череп вверху качались,
А хвосты мотались снизу.
Пут веселый Лемминкяйнен
Призадумываться начал:
"Это – как мне мать сказала,
Мне родимая твердила.
Вот забор стоит тот самый,
Глубоко ползут гадюки,
А забор еще поглубже;
Высоко летают птицы,
А забор еще повыше".
Все же вышел Лемминкяйнен
Из беды и затрудненья:
Потчас вынул нож из ножен,
Вынул страшное железо,
Колет яростно ограду,
Разломал ее в кусочки,
Расколол забор железный,

ТШу змеиную ограду;
Пять жердей ее ломает,
Семь шестов ее высоких;
Сам потом поехал дальше,
К тем воротам Сариолы.
На пути змея лежала,
Поперек дороги самой;
Подлинней она, чем балка,
Всякой притолки потолще;
Сотней глаз змея глядела,
Жал до тысячи имела;
Шириной глаза с решета,
А язык с копье длиною,
Как зубцы у грабель – зубы,
Шириной спина в семь лодок,
Не посмел тут Лемминкяйнен
Проезжать прямой дорогой
Мимо той змеи стоглазой,
Мимо тысячеязычной.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели:
"Ты, змея, что под землю,
Тшунелы червяк ты черный,
Ты, что ползаешь в колосьях
И в корнях растений Лемпо,
Извиваешься по дерну
И ползешь в корнях деревьев!
Кто же высрал из колосьев,
Кто послал с корней растений,
Чтобы здесь могла ты ползать,
По дороге извиваться?
Кто твой зев высоко поднял,
Кто тебе дал приказанье,
Чтоб ты голову вздымала,
Шею высоко держала?
Это мать твоя, отец твой,
Иль, быть может, брат старейший,
Иль сестра твоя меньшая,
Или кто другой из рода?
Зев закрой, главой понижи
И язык сокрой свой легкий,
Ты свернись клубком плотнее,
Тшам в один клубок ты свейся.
Ты оставь мне полдороги,
Пропусти скитальца дальше
Иль уйди совсем с дороги,
Уползи, змея, в кустарник,
Уходи ты, злая, в вереск,
Удались, во мху сокройся,
Уходи, как клок из шерсти
И как стружка от осины.
Головой в траву уткнися,
Устреми ее на холмик,
В дерне лишь твое жилище

И убежище под кочкой;
Если голову поднимешь,
Разобьет ее там Укко
Закаленную стрелю,
Шем железным страшным градом!"
Шақ промолвил Лемминкяйнен.
Не послушалась гадюка,
Все шипит ужасным жалом,
Высоко, шипит, поднявшись,
Угрожает страшным зевом,
Голове грозит героя.
И промолвил Лемминкяйнен,
Слово древности припомнил,
Что он слышал от старушки,
Что от матери узнал он.
Шақ промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели:
"Коль ослушаешься слова
И отсюда не уйдешь ты,
Шақ своей болезнью вспухнешь
И раздуюшься от боли;
Ты растрескаешься, злая,
На три части ты, дрянная,
Если мать твою найду я,
Отыщу твою старуху.
Знаю я начало толстой,
Знаю изверга рожденье:
От земли идет до неба;
Мать твоя ведь – людоедка,
Мать твоя – из глубы моря.
Мать твоя плевала в воду
И слюну пускала в волны.
Шесть годов ее качало
И баюкало теченьем:
Шесть годов она качалась.
Все семь лет она носилась
На хребте блестящем моря,
На вздымающихся волнах,
Там вода слюну тянула,
Ей давало гибкость солнце,
И потом прибой отбросил,
Волны к берегу погнала.
Вот три дочери творенья
Вышли к берегу морскому,
К краю шумного теченья,
И слюну там увидали;
Шақ они сказали слово:
"Из слюны что может выйти,
Если ей творец даст душу
И глаза он ей дарует?"
Услыхал творец те речи,
Говорит слова такие:
"Только дрянь из дряни выйдет,
Из дурных отбросов злое,

Если я вложу в них душу,
Если им глаза дарую".
Услыхал слова те Хийси,
Он готов к дурному делу;
Приступил он сам к созданию,
Даровал слюне он душу,
Шой, что Сюэтар бросала,
Что выплевывала злая.
Из слюны змея явилась,
Вышла черная гадюка.
Из чего ей жизнь досталась?
Из угляй, из груды Хийси.
У змеи откуда сердце?
Сюэтар дала ей сердце.
Из чего мозги гадюки?
Из морской кипучей пены.
Чувства изверга откуда?
Из пучины водопада.
Голова дрянной откуда?
Из боба дрянного вышла.
Из чего глаза гадюки?
Из зерна льняного Лемпо.
Уши изверга откуда?
Из листов березы Лемпо.
Из чего же рот змеиный?
Он – из пряжи людоедки.
Из чего язык гадюки?
Дал копье ей Кейтолайнен.
Что такое зуб гадюки?
С Шуонелы ячменный усик,
Что такое десны злобной?
Десны девы бога смерти.
А спина змеи ужасной?
Шо – печной ухват у Хийси.
Хвост откуда появился?
Из косы нечистой силы.
Из чего гадюки чрево?
Шо бог смерти дал свой пояс.
Вот твоё происхождение,
Вот, змея, твоя краса!
Шы, подземная ползунья,
Шуонелы червяк ты чёрный,
Цвет земли и цвет осины,
Пестрой радуги цвета все.
Шы уйди скорей с дороги
Перед едущим героем,
Дай мне, путнику, дорогу,
Лемминкяйнена пусти ты;
Едет в Похьёлу на свадьбу,
Мчится он на пир великий!"
Вот свивается гадюка,
Ша стоглазая сползает,
Лезет толстая гадюка -
По другой ползет дороге;

Мог пройти свободно путник,
Лемминкяйнен мог проехать.
Мчит он в Похьёлу на свадьбу,
Мчит на тайную пирушку.

Руна двадцать седьмая

1. Лемминкяйнен прибывает в Похьёлу и держит себя очень заносчиво.
2. Хозяин Похьёлы сердится и, не победив Лемминкяйнена в искусстве заклинания, вызывает его драться на мечях.
3. Во время поединка Лемминкяйнен отрубает голову хозяину Похьёлы, а хозяйка Похьёлы, чтобы отомстить за убийство мужа, собирает против Лемминкяйнена войско.

Миновал теперь мой Кауко,
Ахти, мой Островитянин,
Пасть смертей свирепых многих,
Глотку губельного Калмы,
Прибыл в Похьёлы жилище,
В дом на тайную пирушку.
Должен я теперь поведать,
Продолжать рассказ я должен,
Как веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели,
В Похьёлы селенье прибыл,
В Сариоле появился,
Как пришел незванный в гости
И на пир без приглашенья.
Вот веселый Лемминкяйнен,
Удалец, цветущий жизнью,
Подойдя, в избу проходит,
Вышел он на середину -
Пол из липы покочнулся,
И гудит изба из елей.
Шут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Ну, здорово, вот и я здесь!
Здравствуй тот, кто сам так скажет!
Слышишь, Похьёлы хозяин,
На твоём дворе найдется ль
Ячменя на корм лошадке,
Пива доброго мне выпить?"
Сам тут Похьёлы хозяин,
На углу стола сидевший,
Отвечает так оттуда,
Говорит слова такие:
"На дворе моем нашлось бы
Твоему коню местечко,
Я тебе не отказал бы,
Если б ты вошел, как должно,
У дверей остановился,
У дверей бы, у порога,
Там, где наш котел поставлен,

Возле трех крюков котельных!"
Обозлился Лемминкяйнен,
Кудри черные откинул,
Как котел, черны те кудри;
Говорит слова такие:
"Пусть придет сюда сам Лемпо,
У дверей у этих станет,
Перепахается в саже,
В черных пятнах постоит здесь!
Никогда отец мой прежде,
Никогда мой милый старец
Не стоял на этом месте,
Под стропилами у входа.
На скамье имел он место,
Для коня имел он стойло,
Для людей избу имел он,
Для своих перчаток угол,
Гвоздь, где обувь мог он вешать,
Для мечей имел он стены.
Отчего же мне нет места,
Как отцу бывало прежде?"
Он прошел в избу подальше,
У конца стола садится,
На краю скамейки длинной,
На конце скамьи сосновой:
Хрустнула в ответ скамейка,
Сильно вся под ним погнулась.
И промолвил Лемминкяйнен:
"Видно, я пришел некстати,
Что мне пива не приносят,
Мне, сидящему, как гость, здесь".
Ильпотар, сама хозяйка,
Так в ответ сказала слово:
"О ты, юный Лемминкяйнен!
Пы, по мне, не смотришь гостем!
"Головы моей ты ищешь,
Раскроить виски мне хочешь!
В ячмене пока здесь пиво,
А ячмень пока лишь солод,
Не замешана пшеница,
Мясо вовсе не готово.
Что б тебе вчера приехать
Иль приехать хоть бы завтра".
Пуще злится Лемминкяйнен,
Так, что рот перекосился,
Набок волосы все сбились.
Говорит слова такие:
"Значит, кушанье поели,
Уж окончили пирушку,
Поделили вы все пиво,
Мед весь выпили до капли,
Унесли уже все кружки
И убрали все кувшины!
Ну, ты, Похъялы хозяйка,

Длиннозубая, послушай!
Уж и справила ты свадьбу,
По-собачьи люд созвавши.
Испекла большие хлебы,
Наварила много пива,
По шести местам сзывала,
Девять наняла дружков ты:
Позвала убогих, бедных,
Позвала навоз, отбросы,
Позвала людей последних,
Всех поденищиков в лохмотьях,
Позвала народ ты всякий -
Лишь меня не пригласила!
Как могло со мной случиться,
Что я сам ямень просыпал?
Все его несли ковшами,
Все умеренно ссыпали,
Я ж его большою кучей
Четверть целую просыпал,
Собственный ямень хороший,
Из зерна, что я посеял.
Но не будет Лемминкяйнен
Гостем с именем хорошим,
Коль ему не будет пива
И котла пред ним не будет,
И в котле не сварят пищи,
Фунтов на двадцать свинины,
Не дадут ни есть, ни выпить
После дальней той дороги".
Ильпотар, хозяйка дома,
Говорит слова такие:
"Эй ты, девочка-малютка,
Пы, слуга моя, рабыня!
Принеси в котле съестного,
Поднеси ты гостю пива".
Эта малая девчонка,
Что посуду быстро мыла,
Что все ложки вытирала,
Все ковши там вымывала,
Принесла в котле съестного,
Рыбьи головы да кости,
Да ботвы увядшей репы,
Да сухую корку хлеба.
Принесла в кувшине пива,
Пива жидкого, дрянного,
Чтобы выпил Лемминкяйнен,
Чтобы жажду утолил он.
Говорит слова такие:
"Если муж ты настоящий,
Выпьешь разом это пиво,
Весь до дна кувшин осушишь".
Шут веселый Лемминкяйнен
Посмотрел на дно кувшина,
А на дне лежат гадюки,

Змеи плавают в середине,
Черви ползают по краю,
Видны ящерицы в пиве.
И сказал ей Лемминкяйнен,
Обозлившись, Каукомьели:
"В Пуонелу – за это пиво,
В Маналу – за эту кружку -
Раньше, чем взойдет здесь месяц,
Раньше, чем зайдет здесь солнце!"
И затем сказал он слово:
"Пиво, ты дрянной напиток!
Набралось теперь ты сраму
И таким ты гадким стало!
Это пиво все ж я выпью!
Но всю нечисть наземь брошу,
Безымянным брошу пальцем,
Левым пальцем побросаю!"
Опустил в карман он руку,
Поискал в своем мешочке
И крючок оттуда вынул,
Из мешка крючок удильный,
Опустил его он в кружку,
В пиво он крючок забросил.
На крючок попались змеи,
Зацепились гадюки,
Сотню вытащил лягушек,
Тысячи червей попались.
Побросал он их на землю,
Покидал все это на пол;
Вынимает острый ножик,
Лезвие из ножен злое;
Змеям головы отрезал,
Разрубил гадюкам шеи,
Темный мед охотно выпил,
С удовольствием все пиво.
Говорит слова такие:
"Видно, гость я нежеланный,
Что не подали мне пива,
Не дали питья получше,
Не дали питья побольше,
Не дали в большом сосуде,
Не зарезали барана
И быка мне не убили,
Не внесли вола в избу мне,
Двухкопытного в жилище".
Сам тут Похьёлы хозяин
Говорит слова такие:
"Ты зачем сюда явился,
Кем сюда ты зван, ответь-ка?"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели:
"Званный гость хорош, конечно,
А незванный гость дорож.
Слушай ты, сын похьёланца,

Слушай, Похъёлы хозяин!
Дай за деньги пива выпить,
За наличные продай мне!"
Злится Похъёлы хозяин,
Обозлился, стал свирепым,
Обозлился, рассердился,
Колдовством прудочек сделал
Лемминкяйнену под ноги.
Говорит слова такие:
"Вот река, пей сколько хочешь,
Похлебай воды из пруда".
Не задумываясь долго,
Отвечает Лемминкяйнен:
"Не теленок я у бабы,
Я совсем не бык хвостатый,
Чтобы пить речную воду,
Чтоб лапать ее из лужи".
Сам он начал чародейство,
Приступил к волшебным песням:
На полу быка он сделал,
С золотыми бык рогами:
Бык тот выхлебал всю лужу,
Без остатка выпил воду.
Похъёлы сын долговязый
Сделал волка чародейством;
На полу избы он сделал,
Чтоб тому быку погибнуть.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал беленького зайца,
Чтобы по полу он прыгал
Перед пастью злого волка.
Похъёлы сын долговязый
Сделал жадную собаку,
Чтоб она убила зайца,
Чтоб қосого растерзала.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал белку на стропилах,
Чтобы прыгала по балкам,
Лай собаки вызывала.
Похъёлы сын долговязый
Сделал желтую куницу:
Погнала куница белку
И поймала на стропилах.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал бурую лисицу:
Чтоб она куницу съела,
Чтоб красивую убила.
Похъёлы сын долговязый
Сделал курицу тотчас же,
Чтобы по полу летала
Перед пастью той лисицы.
Но веселый Лемминкяйнен
Сделал ястреба с когтями,
Заклинаньем его сделал:

Чтобы курицу убил он.
Сам тут Похъёлы хозяин
Говорит слова такие:
"Этот пир не будет пиром,
Коль гостей не поубавим;
Уходи ты, чужеземец,
Убирайся-ка с пирушки!
Прочь иди, исчадьё Хийси,
От мужей иди подальше!
В дом свой скройся, тварь дрянная,
Возвратись домой ты, злобный!"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели:
"Шақ никто ведь не позволит,
Даже муж меня похуже,
Чтоб его сгоняли с места,
Чтоб с сиденья прогоняли".
Пут уж Похъёлы хозяин
Со стены свой меч хватает,
Меч свой огненный рванул он,
Говорит слова такие:
"Ахти, ты, Островитянин,
Молодец ты, Каукомгьели!
Ну, померимся мечами,
На клинки посмотрим наши,
Мой ли меч получше будет,
Или твой, Островитянин!"
Отвечает Лемминкяйнен:
"Мой клинок не очень годен,
Черепами он изрублен,
На костях почти поломан!
Но пусть будет, кто как хочет,
Если так зовешь ты в гости,
Шақ померимся, посмотрим,
Чей-то меч получше будет!
Мой отец, бывало, прежде
Храбро мерился мечами:
В сыне род не изменился,
И в дитяти он не хуже!"
Взял он меч, схватил железо,
Меч свой огненный он вынул
Из ножон, покрытых шерстью,
С кушака перевитого.
Оба мерили, смотрели
На длину мечей обоих:
Меч у Похъёлы владельца
Оказался подлиннее,
Подлинней на кончик ногтя,
Лишь на полсустава пальца.
И сказал Островитянин,
Молодец тот, Каукомгьели:
"Меч твой больше оказался,
И удар твой первым будет".
Нападать хозяин начал,

Сыплет яростно удары,
Хочет он попасть – не может,
Метит в голову он Кауко,
Полосует по стропилам,
Попадает между балоқ,
Изломал в куски стропила,
Ищепал у балоқ связқи,
И сказал Островитянин,
Молодец тот, Кауқомгъели:
"В чем стропила согрешили,
В чем тут балқи провинились,
Что ты бьешь мечом стропила,
Разбиваешь в щепқи балқи?
Ты послушай, северянин,
Слушай, Похъёлы хозяин:
Трудно здесь в избе сражаться,
Здесь нам женщины мешают.
Здесь мы горницу испортим,
Обольем полы мы кровью;
Выйдем лучше из жилища,
Будем мы сражаться в поле,
На поляне будем биться!
На дворе ведь кровь красивей,
На открытом месте лучше,
На снегу еще прекрасней".
Вот они на двор выходят,
Там нашли қоровью шкуру,
На дворе же растянули,
И на шкуру стали оба.
Говорит Островитянин:
"Ты послушай, похъёланец!
Твой қлинок ведь подлиннее,
Меч твой много пострашнее,
Так воспользуйся им раньше,
Чем простишься ты со светом,
Чем ты шею потеряешь,-
Бей смелее, похъёланец!"
И ударил похъёланец.
Раз ударил, два ударил,
Третий раз еще ударил;
Но не мог попасть он верно,
Оцарапать тело Ахти
Иль содрать кусочек қожқи.
Говорит Островитянин,
Молодец тот, Кауқомгъели:
"Ну, теперь я попытаюсь,
Уж давно черед за мною!"
Только Похъёлы хозяин
Ничего не хочет слышать,
Ударяет непрерывно,
Ударяет, но напрасно.
Бьет уж пламя из железа.
Из қлинқа струятся искры,
Из меча в руках у Ахти;

Искры сыплются все дальше,
Блеск их шею озаряет
Сыну Похъёлы туманной.
Молвит юный Лемминкяйнен:
"Слушай, Похъёлы хозяин!
Вижу блеск на подлой шее,
Словно утренняя зорька!"
Повернулся северянин,
Смотрит Похъёлы хозяин -
Блеск на шее видеть хочет,
Смотрит собственную шею.
Шут ударил Лемминкяйнен,
Быстро он клинком ударил,
И попал мечом он в мужа,
Бьет оружием железным.
Вот один удар наносит:
С плеч он голову снимает,
С шеи череп отрезает;
Так у корня режут репу,
Со стебля так режут колос,
Так плавник от рыбы режут.
Голова к земле упала,
На дворе свалился череп,
Так, сраженная стрелой,
С ветки падает тетерка.
Сто столбов там возвышалось,
Больше тысячи стояло,
Сотни там голов на кольях,
И один лишь был свободен.
Взял высокий Лемминкяйнен
Эту голову, приподнял,
Насадил он этот череп
Шам на колышек свободный.
Ахти, мой Островитянин,
Молодец тот, Каукомгели,
Вновь тогда в избу вернулся,
Говорит слова такие:
"Принеси воды, девчонка,
Дай воды – от рук отмыть мне
Кровь хозяина дрянного,
Кровь из раны злого мужа!"
В гневе Похъёлы старуха
Разозлилась, разбесилась.
Создала людей с мечами,
Все мужей вооруженных,
Сто мужей с мечами вышло,
Вышла тысяча с оружием
Лемминкяйнену на шею,
Каукомгели на погибель.
И тогда настало время,
Отступить пора настала.
Шрудно сделалось тут Ахти,
Даже вовсе невозможно
Лемминкяйнену младому

*В Сариоле оставаться,
В Похьёле, на славном пире,
На пирушке этой тайной.*

Руна двадцать восьмая

1. Лемминкяйнен спешно покидает Похьёлу, прибывает домой и спрашивает у матери, где бы он мог скрыться от похьёланцев, которые, по его словам, скоро нагрянут и будут во множестве воевать против него одного.

2. Мать упрекает его за то, что он поехал в Похьёлу, предлагает ему различные места, где бы он мог скрыться, и, наконец, советует ему удалиться на остров за морями, где раньше во время больших войн мирно жил его отец.

*Ахти, тот Островитянин,
Шот веселый Лемминкяйнен,
В путь стремительно собрался,
Он поспешно покидает
Села Похьёлы туманной,
Шой суровой Сариолы.
Из избы бежит, как буря,
Кю двору, как дым, стремится,
Чтоб спастись от злодеяний
И сокрыть свои проступки.
Но когда во двор он вышел,
Двор обыскивает взглядом,
Чтоб коня найти в дорогу,-
Он нигде коня не видит:
Лишь один на поле камень,
Шолько ива на поляне.
Кто бы мог его наставить,
Кто бы дал совет хороший,
Чтоб главы он не лишился,
Чтоб волос не потерял он,
Чтоб они не разлетелись
По двору той Сариолы?
Гул донесся из деревни,
Пыли облако поднялось,
Уж глаза сверкают в окнах,
Блеск по всей деревне виден.
Должен был тут Лемминкяйнен,
Ахти, тот Островитянин,
Новое принять обличье,
В облике другом явиться.
Полетел орлом высоко,
Долететь до неба хочет,-
Обжигало щеки солнце,
Освещал височки месяц.
И взмолился Лемминкяйнен,
Он, веселый, молит Укко:
"О ты, Укко, бог верховный,
Шы, благой мудрец на небе,
Шы, кто правит туч грозою,*

Облаками управляет,
Облачка мне в небе сделай
И сокрой меня в туманах,
Чтобы я под их защитой
Мог на родину вернуться,
К милой матери поближе,
К ней, моей седой старушке!"
Он летит по небу дальше,
Вдруг назад он оглянулся,
Видит: мчится серый ястреб,
И глаза его пылают,
Почто очи похъёланца,
Что был в Похъёле хозяин.
Шақ промолвил старый ястреб:
"Ой ты, Ахти, милый братец!
Не забыл ты нашу битву,
Наше в поле состязанье?"
Отвечал Островитянин,
Молодец тот, Кауқомгъели:
"Ястреб-птица, ты мой птенчик,
Поверни полет свой к дому
И, когда туда прибудешь,
В Похъёлу, в страну тумана,
Расскажи там всем, как трудно
Взять орла и съесть на небе".
Он спешит прямой дорогой
К дому матери любимой;
На лице его забота,
В сердце туча огорченья.
Вышла мать ему навстречу
Шам, где шел он по дорожке,
Возле изгороди шел он.
Прежде мать его спросила:
"Ты, сыночек самый младший,
Мальчик самый мой надежный!
Отчего такой ты мрачный
Вдруг из Похъёлы вернулся?
Или обнесен ты кружкой
В мрачной Похъёле на свадьбе?
Если обнесен ты кружкой,
Шақ возьми получише кружку,
Что в войну отец твой добыл,
Что принес он с поля битвы".
Отвечает Лемминкяйнен:
"Мать родная, дорогая!
Был бы обнесен я кружкой,
Я хозяина б обидел,
Проучил бы сто героев,
Всю бы тысячу обидел".
Лемминкяйнену мать молвит:
"Отчего ж такой ты мрачный?
Или конь твой опозорен,
На бегу ты осрамился?
Если конь твой опозорен,

Должен ты купить другого
На отцовское богатство,
На большой достаток старца!"
Отвечает Лемминкяйнен:
"Мать родная, дорогая!
Был бы конь мой опозорен,
На бегу бы осрамился,
Я хозяина б обидел,
Ездоков бы опозорил,
Этих сильных с их конями,
С лошадьми героев этих".
Лемминкяйнену мать молвит:
"Отчего ж такой ты мрачный
И с таким печальным сердцем
Вдруг из Похьёлы вернулся?
Иль там женщины смеялись
И девицы над тобою?
Если женщины смеялись
И девицы насмеялись,
Высмеять самих их можно,
Отплатить им всем насмешкой".
Отвечает Лемминкяйнен:
"Мать родная, дорогая!
Если б женщины смеялись
Иль девицы надо мною,
Я б хозяина обидел,
Всех девиц я осмеял бы,
Насмеялся бы над сотней
И над тысячею женщин".
Но на это мать сказала:
"Что ж с тобой, сыночек, было?
Иль случилось что дорогой,
В Похьёлу пока ты ехал?
Или много ты покушал,
Шы покушал или выпил?
Или сны дурные видел
На местах твоих ночлегов?"
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Пусть обдумывают бабы,
Что им ночью темной снится.
Знаю сны свои ночные,
Сновидения дневные.
Мать, старушка дорогая!
Наложу в мешок припасов,
Положу муки мне в сумку,
Положу в мешочек соли;
Должен сын твой ехать дальше,
Из страны своей уехать,
Бросить милое жилище,
Двор чудесный свой покинуть.
На меня мечи уж точат
И навастривают конья".
Быстро мать его спросила:

"Что так скоро ты уходишь?
Для чего мечи уж точат
И навастривают копья?"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели:
"Вот на что мечи уж точат
И навастривают копья -
Мне, несчастному, на гибель,
На мою главу готовят:
Вышел спор у нас и битва
В поле Похъёлы туманной,
И убил я похъёланца,
Что был Похъёлы хозяин.
Похъёла идет войною,
Север весь идет войною,
На усталого идет он,
Я один, а их так много".
Вот что мать ему сказала,
Сыну молвила старушка:
"Я тебе ведь говорила,
Я тебя предупреждала,
Я тебе ведь запрещала
Отправляться в Сариолу.
Ты ведь мог бы здесь остаться,
Жить у матери в жилище,
Под защитою старушки,
На дворе твоей родимой, -
И война б не разгорелась,
Без борьбы ведь обошлось бы.
Но куда ж ты, мой сыночек,
Ты куда спешишь, несчастный,
Чтоб спастись от страшной мести,
Чтоб избежать злодеянья,
Чтоб главы твоей не сняли,
Чтобы шею не рассекли,
Чтоб волос не повредили,
Не развеяли по ветру?"
Отвечает Лемминкяйнен:
"Я еще не знаю места,
Где б убежище найти мне
И спастись от мести страшной.
Мать родная, дорогая!
Ты куда велишь укрыться?"
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
"Где укрыть тебя, не знаю,
И куда тебя отправить.
Стань на горке ты хоть елкой,
Можжевельником на поле,
Все ж и там беда настигнет,
Там тебя найдет несчастье:
Часто елочку на горке
Расщепляют на лучину,
Также часто можжевельник

Облупляют для подпорок,
Коль березкою в долине
Иль ольхой ты встанешь в роще,
Что и там беда настигнет,
Что и там найдет несчастье:
Ведь березу, что в долине,
Часто режут на поленья,
А ольху в зеленой роще
Часто рубят, жгут под пашню.
Если ягодой нагорной,
Станешь ягодой лесною,
Земляничкою в отчизне
Иль в чужих краях черникой,
Что и там беда настигнет,
Что и там найдет несчастье:
Там сорвут тебя девицы
В оловянных украшениях,
Станешь щукой в синем море
Иль сегом в реке глубокой,
Что и там беда настигнет,
Что и там найдет несчастье:
Молодец, что ловит рыбу,
Там закинет в воду сети
И тебя поймает в сети,
Иль поймает старец в невод.
Если в лес пойдешь ты волком
Иль медведем в дебри леса,
Что и там беда настигнет,
Что и там найдет несчастье:
Молодец, покрытый сажей,
Там копье свое наточит,
Чтоб охотиться на волка,
Чтоб убить того медведя".
Но веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Сам места дурные знаю,
Те места, что хуже прочих,
Те, где смерть меня настигнет,
Где судьба отыщет злая.
Мать, ты жизнь мне даровала,
Молоком дитя питала!
Ты куда велишь бежать мне,
Мне куда бежать, укрыться?
Ужу рта стоит погибель,
К бороде идет несчастье -
Головы лишусь я завтра,
И несчастье совершится".
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
"Назову тебе, пожалуй,
Подходящее местечко,
Где укроется виновный,
Избежит беды преступный,
Знаю я клочок землицы,

Очень малое местечко,
Где ни споров, ни раздоров;
Меч туда и не заходит.
Поклянись мне вечной клятвой,
Клятвой истинной и страшной,
Что пройдет шесть лет и десять,
А в сражение не пойдешь ты,
Хоть и золота захочешь,
Серебра ты пожелаешь".
Отвечает Лемминкяйнен:
"Я клянуся страшной клятвой,
Что ни в первое я лето
И затем ни во второе
Не отправлюсь на сражение,
В место, где мечи сверкают.
У меня плечо все в ранах,
На груди остались язвы
От последних славных схваток,
От последних состязаний
На полях обширных битвы,
Где мужи Друг с другом бьются".
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
"Так возьми челнок отцовский
И спешь, чтоб там укрыться.
Проплыви морей ты девять;
Полдесятого проедешь -
Прямо к острову пристанешь
И кутесу над водою.
В дни былые там отец твой
Укрывался и спасался.
В год, когда война шумела,
Целый год велись сраженья,
Прожил он, беды не зная,
Прожил там прекрасно время.
Год, другой ты там скрывайся,
Приезжай домой на третий,
К дорогой избе отцовской,
На родительское поле!"

Руна двадцать девятая

1. Лемминкяйнен отправляется через моря на лодке и благополучно прибывает на остров.
2. На острове он соблазнил много девушек и женщин, за что мужчины, рассердившись, решают убить его.
3. Лемминкяйнен поспешно собирает вещи и покидает остров, к большому сожалению девушек.
4. На море сильная буря разбивает судно Лемминкяйнена, он вплавь добирается до берега, добывает новую лодку и приплывает на ней к родным берегам.
5. Он видит, что дом его сожжен и вся местность пустынна; тут он начинает плакать и жаловаться, боясь, что и мать его погибла.
6. Мать, однако, жива, она на новом месте, в глухом лесу, где Лемминкяйнен, к большому своему счастью, находит ее.

7. Мать рассказывает, как народ Похьёлы пришел и испепелил их жилище; Лемминкяйнен обещает построить новое, еще лучшее жилище, а также отомстить Похьёле и рассказывает своей матери о веселой жизни на острове, где он скрывался.

Вот веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Положил в мешок запасов,
Масла летнего в лукошко.
На год маслом он запасся,
На другой берёт свинины
И уходит укрываться,
Удаляется поспешно.
Говорит слова такие:
"Ухожу теперь отсюда,
Ухожу я на три лета,
На пять лет страну оставляю
На съеденье злым змеям,
Рысям отдыхать здесь – роцци,
Здесь поля – резвиться лосям,
Для жилища поляны – гусям.
Шы прощай, о мать родная!
Коль из Похьёлы прибудет
Племя Пиментолы злое
И меня искать захочет,
Шы скажи, что прочь ушел я,
Что отсюда удалился,
Как устроил ту подсеку,
Где теперь снимают жатву".
Он челнок спускает в воду,
На теченье вывел лодку
С тех қатқов, обитых сталью,
С тех валов, богатых медью.
Натянул на мачте парус,
Полотно вознес на рее,
На қорме в челне уселся,
Сел он там, чтоб править лодкой,
Сам вперед он наклонился,
У қормы весло он держит.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Шы повеи в мой парус, ветер,
Шы гони весь остов лодки,
Пусть ладья сильней стремится,
Пусть идет челнок сосновый
Вдаль, на остров неизвестный,
На мысочек без названья".
Расқачали лодку ветры,
Погнало теченье моря
По хребту воды прозрачной,
По открытому теченью;
Шам два месяца качает
Да без малого и третий.
На мыске девицы были,
На мыске при синем море

Во все стороны смотрели,
Взоры к морю обращали:
Ша ждала, что брат подъедет,
Эта – батюшку родного,
Жениха с дороги третья
Всего больше поджидала.
Увидали в море Кауко,
Прежде лодку увидали:
Лодка облаком казалась
Между небом и водою.
И подумали девицы,
Девы острова сказали:
"Что тут странное на море,
Незнакомое на волнах?
Если ты, корабль, из наших,
Если с острова ты, парус,
Поверни домой сейчас же,
Прямо к острову на пристань:
Чтобы новости с чужбины
И известья мы узнали,
Как народ приморский – в мире
Или в войнах пребывает".
Гонит лодку ветер дальше
И качают сильно волны,
Гонит лодку Лемминкяйнен,
Мчит он лодку на утесы,
Приближается мысочек,
Берег острова крутого.
И, подплыв туда, спросил он,
Появившись, так промолвил:
"Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы вытащить мне лодку,
На сухом поставить месте?"
Девы острова сказали,
Так девицы отвечали:
"Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где вытащить ты можешь лодку,
На сухом поставить месте.
Здесь катки тебе готовы,
Полон пристанями берег,
Будь с тобой хоть сотня лодок,
Хоть бы тысячу привел ты".
Шут веселый Лемминкяйнен
Лодку вытащил на землю,
На катки челнок поставил,
Говорит слова такие:
"Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой,
От большого шума битвы,
От игры мечей звенящих?"

Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
"Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Чтобы слабого скрыть мужа,
Мужа с маленькою силой;
Есть и крепости, и много
Для жилья домов просторных,
Пусть хоть сто мужей приходят,
Пусть хоть тысяча героев".
Шут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Часть березового леса
Иль другой земли кусочек,
Где б леса подсесть я смог бы,
Приготовить землю к пашне?"
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
"Нет на острове местечка,
Нет земли в полянах этих
Даже в кадку шириною,
В ширину спины не будет,
Где бы лес подсесть ты смог бы,
Приготовить землю к пашне:
Остров весь уж поделили,
Все размерены поляны,
Лес по жребию раздали,
Все луга уж у хозяев".
Так спросил их Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
"Есть на острове местечко,
Есть пространство на полянах,
Где бы мог пропеть я песни,
Мог начать надолго пенье?
На устах слова уж тают,
Уж из десен вырастают".
Девы острова сказали,
Так ответили девицы:
"Есть на острове местечко,
Есть земля в полянах этих,
Где пропеть ты можешь песни
И начать искусно пенье,
Где играть ты можешь в роце
И плясать ты можешь в поле".
И веселый Лемминкяйнен
Шотчас песнь свою заводит:
На дворе рябин наделал,
На поляночке дубочков,
На дубах большие ветви,
Желудей на ветках сделал,
Золотые с веток кольца,
А на кольцах по кукушке:

Как начнет кукушка кликать,
Выйдет золото из клюва,
А с боков все медь стекает,
Серебро сбегает к низу
На холмочки золотые,
На серебряные горки.
Пели дальше Лемминкяйнен,
Пел и делал заклинанья:
Обращал песок он в жемчуг,
Камни делал с чудным блеском,
А деревья – с красным цветом
И цветочки золотые.
Пел все дальше Лемминкяйнен:
На дворе колодец сделал
С золотой прекрасной крышкой,
А на крышке сделал ковшик,
Чтобы юноши здесь пили,
Чтоб глаза девицы мыли.
Сделал он пруды в полянах,
На прудах же – синих уток,
Златошеких, сереброглавых,
Пальцы медные у уток,
Девы острова дивились,
Те девицы изумлялись
Лемминкяйнена напевам,
Чарованьям этих песен.
И сказал им Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели:
"Я прекрасно спел бы песню,
Прозвенел бы я чудесно,
Если б был я где под крышей,
На углу стола сидел бы.
Коль избы здесь не найдется,
Если на пол я не стану,
Все мои заклятья в рощу,
Песни в лес я побросаю".
Девы острова сказали,
Так надумали девицы:
"Для жилья найдутся избы
И дворы, где жить удобно,
Чтобы взять со стужи песню,
Чтоб укрыть слова в жилище".
Начал пенье Лемминкяйнен:
Как вошел в избу, тотчас же
Сделал кружки чародейством,
По краям стола расставил,
Эти кружки с пивом были,
Кувшины с питьем медовым,
Блюда полные до верха,
Чашки в уровень с краями:
Много было в кружках пива,
В кувшинах довольно меду.
Был большой запас там масла,
Много было там свинины,

Чтоб наелся Лемминкяйнен,
Сытым стал бы Каукомгели.
Важный вид тут принял Кауко:
Он иначе есть не может,
Как чтоб в золоте был ножик,
И с серебряною ручкой.
Взял серебряную ручку,
Золотой клинок напел ей;
Ел он сколько захотелось;
Попивал в охотку пиво.
И прошел тут Лемминкяйнен
Все деревни по порядку
Девам острова на радость,
Длиннокосым – на отраду.
Головой лишь повернется,
Поцелуй ему навстречу,
Лишь куда протянет руку,
А ее уж и хватают.
Он приходит на ночевку
В час, когда совсем стемнело.
Деревень там было много
И дворов с десяток в каждой,
На дворах же этих в каждом
Дочерей с десяток было,
И хотя б одна осталась
Из девиц прекрасных этих,
Чтоб он с ней не поразвлекся,
Руки ей не утомил бы.
Сотни вдов ему достались,
Целой тысячей невесты.
Двух в десятке не осталось,
Не осталось трех из сотни
Там девиц не обольщенных
И тех вдов не увлеченных.
Веселится Лемминкяйнен,
Жизнь проводит он в веселье,
Жил на острове три лета,
В деревнях больших скрывался;
Девам острова на радость,
Многим вдовам на отраду.
Не порадовал одну лишь
Полько старую девицу.
Там жила в селе десятом,
На конце большого мыса.
Он уж думал о дороге,
Чтоб на родину вернуться,
Вдруг пришла старуха-дева,
Говорит слова такие:
"Кауко, миленький красавчик!
Если ты меня забудешь,
Пожелаю, чтоб в дороге
Твой челнок на риф наехал".
Не вставал он темной ночью,
До петушьей переклички,

Не ходил на радость с девой,
На забаву с той девицей.
Наконец, однажды поздно,
Как-то вечером решил он
Встать до месяца восхода,
До петушьей переклички.
Даже раньше он поднялся,
До назначенного часа.
Он решил пройти немедля
Все деревни по порядку,
Заглянуть на радость даже
К старой деве, посмеяться.
Он один проходит ночью
Все деревни по порядку
На конец большого мыса,
В ту десятую деревню.
Проходя деревню, видит -
На дворах везде три дома,
А в домах он там увидел
В каждом доме три героя.
Из героев этих каждый
Меч оттачивает острый
И топор свой наостряет
Лемминкяйнену на гибель.
Пут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"День, ты светлый лик поднимешь,
Солнце, ты взойдешь сияя,
Для несчастнейшего мужа,
Злополучному на шею!
Разве Лемпо спрячет мужа,
Защитит своей рубашкой,
Иль своим плащом покроет,
Иль в свою запрячет шапку
Против ста мужей враждебных,
Против тысячи напавших!"
Так он девушек не обнял,
С ними он не попрощался.
Повернул скорее к лодке,
К челноку пошел несчастный:
А челнок его спалили,
Весь в золу он превратился!
Видит он: несчастье близко,
Время бедствий наступает.
Хочет он челнок наладить,
Лодку новую построить.
Но деревьев нет для стройки,
Нет досок, чтоб сделать лодку.
Видит дерева кусочки,
Вовсе малые дощечки:
Пять кусочков от катушки,
Шесть осколков веретенца.
Он из них челнок устроил,
Лодку новую сготовил.

Все своим искусством сделал,
Мудростью своей устроил;
Раз ударил – и пол-лодки,
Два ударил – всю достроил,
В третий раз тогда ударил –
Лодка новая готова.
Он толкнул ее на волны,
Свой челнок спускает в воду.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Как пузырь, плыви по волнам,
Как цветочек, по теченью!
Дай три перышка, орел, мне,
Три – орел и два – ворона,
Пусть на лодку будут крышей,
На плохой челнок брусками!"
Он на дно садится в лодку,
В задней части поместился,
Головой пони печально,
Шапка на сторону сбилась,
Уж не смел теперь он ночью,
Днем не смел он оставаться
Девам острова на радость,
Где кудрявые плясали.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели:
"Должен молодец проститься,
Бросить здешние жилища,
Бросить девичьи забавы,
Пляски девушек прекрасных,
При моем прощанье с ними,
При моем отъезде скором
Здесь не радуются девы,
Не играют молодые,
Здесь полны печали избы
И дворы полны несчастья".
Девы острова горюют,
На мыске девицы плачут:
"Что ты едешь, Лемминкяйнен,
Отчего, жених, уходишь?
Иль здесь много дев стыдливых,
Или женщин тебе мало?"
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели:
"Нет, здесь девы не стыдливы,
Женщин вовсе мне не мало:
Сотню женщин мог бы брать я,
Дев хоть тысячу имел бы.
Оттого я, Кауко, еду,
Оттого, жених, скрываюсь,
Что меня желанье мучит
Снова родину увидеть,
У себя рвать землянику,
На своей горе малину,

Дев на собственном мысочке,
Кур иметь в своем жилище".
И поехал Лемминкяйнен
На кораблице по морю.
Вьется ветер, поддувает,
Волны лодку погоняют
По спине по синей моря,
По открытому теченью.
А по бережку, бедняжки,
На камнях стояли девы,
Плачут острова девицы
И горюют золотые.
До тех пор горюют девы,
До тех пор девицы плачут,
Там пока виднелась мачта
И железные колечки.
Не о мачте плачут девы,
Не о кольцах из железа,
А о муже, что у мачты,
Женишке под парусами.
Плакал также Лемминкяйнен,
Он печалился от горя,
Там пока был виден остров
И еще виднелись горы.
Не об острове он плакал,
Не оплакивал он горы:
Дев на острове жалел он,
Он жалел гусынь нагорных.
Проезжает Лемминкяйнен
По волнам на синем море.
Едет день, другой день едет.
Но на третий день внезапно
Загудел вдруг сильный ветер,
Зашумел прибрежный воздух,
Буря с острова несетя,
Ветры резкие с востока:
Разорвали борт у лодки,
Челнока изгиб расшибли.
И свалился Лемминкяйнен,
Он упал руками в воду,
Быстро пальцами гребет он,
И ногой в волнах он правит.
И плышет и день и ночь он,
Изю всей гребет он силы.
Вдруг на западе увидел,
Словно облачко нависло.
Облачко землею стало
И мысочком обратилось.
Стал на землю, в дом он входит,
Там печет хозяйка хлеба,
Дочки дружно тесто месят.
"Ох ты, добрая хозяйка!
Если б знала ты мой голод,
Про беду мою узнала,

Шы б в амбар пошла скорее,
Шы б сошла в подвал за пивом;
Принесла бы кружку пива,
Принесла б кусок свинины,
Шы изжарила б свинину,
Масла щедро положила,
Чтоб насытился усталый,
Чтоб герой здесь пива выпил.
Плавал я и дни и ночи
По волнам широким моря,
Охраняли меня ветры,
А ласкали волны моря".
Вышла добрая хозяйка
В тот амбар, что на пригорке,
Забрала в амбаре масла,
Принесла кусок свинины;
И изжарила свинину,
Чтоб насытился голодный,
Принесла кувшинчик пива,
Чтоб испил герой усталый.
Лодку новую подводит,
Челночок вполне готовый,
Чтоб он мог оттуда ехать
На места свои родные.
Вот приехал Лемминкяйнен
На места свои родные,
Узнает он землю, берег,
Острова, проливы видит,
Видит пристань, как и прежде,
Видит все места жилие,
Видит сосны на пригорке,
По холмам все те же ели,
Но избы своей не видит,
Не стоят уж больше стены:
Где изба была когда-то,
Там черемуха ветвится,
Где был двор, там встали ели,
У колодца – мохжевельник!
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомьели:
"Я играл вот в этой роще,
По камням этим прыгал,
По траве я здесь катался,
Здесь валялся я на пашне.
Кто ж унес избу отсюда,
Кто сломал здесь нашу кровлю?
Сожжено мое жилище,
Разнесли весь пепел ветры".
И заплакал он от горя,
Плачет день, другой день плачет.
Не оплакивает дом свой,
Плачет он не о жилище,
Но о милых в том жилище,
Дорогих, в том доме живших.

Видит он: орел слетает,
Птица в воздухе несется.
Повернулся и спросил он:
"Ты, орел, большая птица!
Ты не можешь ли поведать,
Где же мать моя осталась,
Что меня в себе носила
И любя меня вскормила?"
Ничего орел не помнил,
Птица глупая не знала:
Знала только, что скончались,
Знает только, что погибли,
Меч отточенный сразил их
И секира зарубила.
И промолвил Лемминкяйнен
Молодец тот, Каукомгъели:
"Мать, ведь ты меня носила,
Дорогая, ты вскормила!
Умерла моя родная,
Нет тебя, моя голубка,
Трахом тело твоё стало,
На главе растут уже ели,
Можжевьельник там, где пятки,
Ветлы выросли меж пальцев!
Вот мне, глупому, награда,
Вот несчастному возмездье,
Все за то, что меч я мерил,
Что понес мое оружие
К избам Похъёлы суровой,
За черту земли туманной.
Род мой весь погиб за это,
Мать моя лежит убита!"
Он кругом повсюду смотрит:
Видит след едва заметный,-
Вот трава прижата следом,
Злаки сильно попримяты.
Он пошел, дорогу ищет,
Смотрит в этом направленье.
В лес следы идут тропинкой,
Направляются дорожкой.
Он версту идет, другую
И еще прошел немного
Посреди тенистой чащи,
Посреди густого леса.
Видит: хижинка ютится,
Чуть заметная избушка
Меж двух скал стоит в ущелье,
В середине меж трех елей,
А в избушке мать он видит,
Седовласую старушку.
Очень рад был Лемминкяйнен,
Радовался всем он сердцем.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

"Мать любимая, родная,
Ты меня ведь воспитала!
Ты жива еще, родная,
Не уснула ты, старушка!
Я уж думал, ты скончалась,
Думал я, что ты убита,
Что мечом тебя сразили,
Что копьем тебя пронзили!
Я уж вытлакал все очи,
Все слезами залил щеки".
Лемминкяйнену мать молвит:
"Я жива еще, как видишь,
Я должна была спастись,
В тайном месте укрываться
Здесь во мраке этой чащи,
В темноте густого леса.
Люди Похъёлы собрались
И пришли ко мне с войною,
Всё тебя они, бедняжку,
Злополучного искали:
Превратили дом наш в пепел,
Весь наш двор опустошили".
И сказал ей Лемминкяйнен:
"Мать родная, дорогая!
Ты забудь теперь про горе,
Прогони свои печали!
Я избу тебе поставлю,
Вновь построю я получше,
Снова в Похъёлу отправлюсь,
Уничтожу племя Лемпо".
Лемминкяйнену мать молвит,
Говорит слова такие:
"Долго, сын, ты оставался,
Долго, Кауко, там ты пожил,
В отдаленных этих странах,
У чужих дверей скитался,
На мысочке безыменном,
Шам, на острове далеком".
Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
"Хорошо мне жить там было
И играть весьма приятно.
Шам краснеются деревья,
Шам поляны голубые,
Шам серебряные ели,
Золотистые цветочки,
Шам из меду были горы,
Из яиц куриных скалы;
Мед стекал по веткам елей,
Молоко текло из сосен,
Из плетней лилося масло,
По жердям стекало пиво.
Хорошо мне жить там было,
Оставаться там приятно.

Только плохо мне пришлось,
Проживать там неудобно:
Стали там за дев бояться,
Будто женщины все эти,
Эти жалкие бедняги,
Весь дрянной народец этот,
От меня терпели горе,
Будто ночью я ходил к ним.
От девиц я только бежал,
Дочерей я лишь боялся,
Вот как волк свиней боится
Иль как кур боится ястреб"

Руна тридцатая

1. Лемминкяйнен отправляется со своим прежним боевым товарищем Тиарой воевать против Похъёлы.

2. Хозяйка Похъёлы посылает против них сильный мороз, который замораживает их судно на море и чуть было не заморозил героев, находившихся на судне; однако Лемминкяйнен своими заклинаниями и проклятиями изгоняет мороз.

3. Лемминкяйнен со своим товарищем добирается по льду до берега, опечаленный бродит по глухим лесам, пока, наконец, не возвращается домой.

Раз веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели,
Вышел самым ранним утром,
Только зорька занималась,
Стал на лодочную пристань,
Корабельную стоянку.
Лодка с крючьями стонала,
Так челнок дощатый плакал:
"Должен я лежать, несчастный,
Должен, жалкий, только сохнуть:
На войну не едет Ахти,
Шесть лет, десять лет не хочет
Серебра искать войною
Или к золоту стремиться".
Тут веселый Лемминкяйнен
Хватъ челнок тот рукавицей,
Рукавицею расшитой,
Говорит слова такие:
"Ты, сосновый, не тревожься,
С превосходными боками!
На войну еще пойдешь ты,
Ты поедешь на сраженье,
Полон будешь ты гребцами,
Прежде чем минует завтра".
Ахти к матери подходит,
Говорит слова такие:
"Ты не плачь, о мать родная,
Не горюй, моя старушка,
Если я уйду сражаться,

Если снова ринусь в битву,
Мне на ум пришло внезапно,
Мысль мозгами овладела -
С людом Похъёлы сразиться,
Истребить весь род негодный".
Мать сдержать его хотела,
Говорит ему старушка:
"Не ходи, сыночек милый,
В Похъёле ты не сражайся!
Смерть тебя постигнуть может,
Скоро можешь ты погибнуть".
Но недолго думал Ахти,
Он туда идти решился,
Все разрушить там поклялся,
Говорит слова такие:
"Где бы мне найти другого,
Где с мечом найти мне мужа,
Чтобы в битве был подмогой,
Стал бы помощью в сраженье?
Хорошо знаком мне Кура,
Пиара смелый предан крепко.
Вот его возьму я лучше;
Он с мечом пойдет за мною
И поможет мне в сраженье,
Будет сильному подмогой".
Он прошел через деревню,
К Пиаре он во двор приходит,
И, придя туда, промолвил,
Так сказал он, появившись:
"Пиара, ты мой друг сердечный,
Мой любезный, дорогой мой!
Помнишь ты бывшее время,
Как мы оба вместе жили,
Как с тобою мы ходили
На поля больших сражений?
Деревень прошли мы много,
Десять изб в деревне было,
В этих избах все герои,
По десятку было в каждой;
Ни один из тех героев,
Из мужей никто не спасся,
Всех с тобой в бою убили,
Всех мы в битве поразили".
У окна родитель Пиары
Вырезал для копий древки;
У амбара на пороге
Мать сбивала масло в кадке;
У ворот трудились братья,
Шам сколачивали сани;
У мосточка были сестры
И стирали там платочки.
От окна отец ответил,
Мать с порога у амбара,
От калитки молвят братья,

Сестры молвили с мосточка:
"Нет, не время биться Пиэре,
Воевать с копьем не время:
Пиэра сделку заключает,
По рукам уже ударил;
Он ведь только что женился,
Взял недавно он хозяйку
И груди ей не тронул,
Не прижал ее он к груди".
Пиэра тот лежал на печке,
На краю лежал тот Кура;
На печи обул он ногу,
На скамье обул другую,
На дворе надел он пояс,
У калитки застегнулся,
И копье схватил потом он.
По копье не из великих,
Но не очень чтоб из малых,
Так оно длиной из средних:
На конце стоит лошадка,
Скакунок по древку скачет,
А на ручке воют волки,
На кольце рычат медведи.
Вот копьем он потрясает,
Потрясает и качает,
Бросил древо он на сажень.
В пашню с глинистою почвой,
В твердый луг копье вонзает,
В землю ровную, без кочек.
И потом копье он бросил
Близ копья у Каукомъели
И поспешно устремился,
Как товарищ Ахти, в битву.
Ахти, тот Островитянин,
Оттолкнул челнок свой в воду,
Как змею между колосьев,
Как живучую гадюку.
И поехали на север,
В море Похьёлы помчались.
Пут хозяйка Сариолы
Вызвала мороз ужасный
В Похьёлу – на зыбь морскую,
На открытое течение;
Говорит слова такие
И такие наставленья:
"Ты, морозец, мой сыночек,
Мною вскормленный малютка!
Ты иди, куда пошлю я
И куда тебя отправлю.
Заморозь ты лодку Ахти,
Челночок у Каукомъели
На хребте блестящем моря,
По открытому простору!
Пусть замерзнет сам хозяин,

Пусть весельи сгинет в море,
Пусть оттуда он не выйdet
Никогда, пока живешь ты,
Коль сама я не избавлю,
Коль ему не дам свободы!"
Сын дрянного поколенья,
Юный, с правами дурными,
Стал мороз морозить море,
Стал он сковывать течение;
А пока он шел до цели,
По земле пока влачился,
Покусал листы деревьев,
У травы забрал все семя.
А когда ступил на берег,
Берег Похьёлы широкий,
На морское побережье,
Что сначала заморозил
Ночью бухты и озера,
Сделал твердым берег моря -
Моря самого не тронул,
Не сковал еще течения.
На хребте морском был зяблик,
На волнах там трясогузка:
Когти зяблика не мерзли,
Голова не цепенела.
Но второю ночью начал
Он все дальше простираться
И совсем уж стал бесстыдным,
Вырос с дерзостью ужасной;
Все сполна он стал морозить,
Леденить с ужасной силой:
Лед он сделал выше лося,
Набросал на сажень снегу,
Заморозил лодку Ахти,
На волнах челнок у Каукро.
Самого хотел он Ахти
В страшных льдинах заморозить:
На руках уж тронул пальцы,
Стал до ног он добираться.
Рассердился Лемминкяйнен,
Рассердился, обозлился,
Он в огонь мороз толкает
И теснит его к горнилу.
Он схватил мороз руками,
Кулаками держит злого,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Сын ты северного ветра,
Сын зимы, мороз знобящий!
Пальцы рук не смей морозить,
Пальцев ног моих не трогай,
До ушей ты не дотронься,
Головы не смей касаться!
Есть и так тебе работа,

Можешь многое морозить,
Ты оставь людскую кожу,
Тело матерью рожденных;
Ты морозь болота, землю
И холодные каменья,
На воде морозь ты ивы,
Пусть расколются осины,
Облупи кору с березы,
Раздирай большие сосны,
Но не тронь людскую кожу,
Волосы женой рожденных.
Если этого все мало,
Ты морозь еще другое:
Раскаленные каменья
И горячие утесы,
Скалы, полные железом,
Горы дикие со сталью;
Вуокси пусть оцепенеет,
И матра пусть онемееет.
Ты заткни пучине глотку,
Укроти ее свирепость!
Иль сказать твое начало,
Объявить происхождение?
Знаю я твое начало,
Верно знаю, как ты вырос,
Родился на ивах холод,
Сам мороз пошел с березы
В Сариоле возле дома,
У избы страны туманной,
От отца, что был злодеем,
И от матери бесстыдной.
Кто ж вспоил мороз на ивах,
Кто же придал злему силы?
Мать его была без груди,
Молока совсем не знала.
Там его вспоили змеи,
Там гадюки насыщали.
Не свежо их вымя было,
Без концов у змей сосочки.
Там мороз качала буря,
Ветер северный баюкал
На дурной воде меж ветел,
На источниках болотных,
Был воспитан мальчишко плохо,
Перенял дурные нравы,
Рос без имени мальчишко,
Шот злокозненный ребенок.
Наконец уж дали имя:
Стал Морозом называться.
Жил потом он по заборам,
По кустарникам таскался,
Летом плавал он в трясиных
По верхам болот широких,
А зимой трещал он в елях,

Бушевал в сосновых рощах
Иль гудел в лесах, в березах,
Иль неистовствовал в ольхах,
Мерзнут травы и деревья,
Выровнял мороз поляны,
Покусал листы деревьев,
Снял у вереска цветочки,
Покусал кору у сосен,
Пощипал у елок корку.
Шы велик уж что-то слишком:
Чересчур высоко вырос.
Шы меня морозить хочешь,
Чтоб мои распухли уши,
Хочешь ты отнять мне ноги
И концы похитить пальцев?
Перестань меня морозить,
Перестань знобить со злобой,
Я огонь в чулки засуну,
В башмаки же головешки,
Наложу угля по складкам,
Под ремни напрячу жару -
И мороз меня не схватит,
Холод тронуть побоится.
Прогоню тебя заклятьем
К дальним северным пределам.
И когда туда придешь,
Шолько родины достигнешь,
Застуди котлы немедля,
В очаге печном все угли,
Руки женщин в вязком тесте,
На груди у жен младенцев,
Молоко у всех овечек,
Жеребенка в кобылице!
Если ж этого все мало,
Прогоню тебя отсюда
В кучу угольев у Хийси,
На печной очаг у Лемпо.
Шы в огонь туда проникни
И садись на наковальню,
Чтоб кузнец тебя помял там
Молотком и колотилом,
Молотком чтоб бил сильнее,
Раздробил бы колотилом!
Если ж этого все мало,
Шы послушаться не хочешь,
Знаю я другое место,
Подходящее местечко:
Я твой рот направлю к лету,
Твой язык в его теплицу,
Чтоб навек ты там остался,
Никуда б назад не вышел,
Если я не дам свободы,
Сам не выпущу оттуда".
Шут сын северного ветра,

Сам мороз беду почуял;
Он взмолился о пощаде,
Говорит слова такие:
"Так давай мы сговоримся
Не вредить друг другу больше
Никогда в течение жизни
И пока сияет месяц.
Коль услышишь, что морожу,
Что веду себя я дурно,
Ты в огонь меня направишь
И толкнешь в большое пламя,
Междузвездными углями
К Ильмаринену в горнило,
Ты мой рот направишь к лету,
Мой язык в его теплицу,
Чтоб всю жизнь я там остался,
Никогда б назад не вышел!"
Так веселый Лемминкяйнен
Лодку там во льду оставил,
Свой челнок военный в льдинах,
Сам пошел дорогой смело,
Пиэра вслед за ним шагает,
Вслед за другом, за веселым.
Вот по льду ступает Ахти,
Он идет по ровной глади,
День идет так и другой день,
Наконец, уже на третий,
Показался мыс Голодный:
Там дрянная деревушка.
В замок мыса входит Ахти,
Говорит слова такие:
"В крепости найдется ль мясо,
На дворе найдется ль рыба
Для героев утомленных,
Для мужей, ослабших сильно?"
Только не нашлось тут мяса,
Только не нашлось тут рыбы.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели:
"Пусть огонь спалит всю крепость,
Пусть снесет ее водою!"
И пошел оттуда дальше,
По густым лесам идет он,
Где совсем жилья не видно,
По дорогам неизвестным.
Собирает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгели,
Мягкий пух по всем камням
И волокна по утесам;
Он связал чулки поспешно,
Рукавицы быстро сделал,
Чтоб мороза *** бояться,
Всей его свирепой стужи.
Он пошел искать дорогу

И разведать направленье:
Путь прямой тянулся к лесу,
В лес дорога направлялась.
И промолвил Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели:
"Шиэра, братец мой любезный,
Плохо нам с тобой пришлось!
Дни и месяцы блуждая,
Вечно странствовать мы будем".
Шиэра так ему ответил,
Он такие речи молвил:
"Месть нам, бедным, угрожает
И погибель нам, несчастным;
Для войны сюда пришли мы,
В Похьёлу, в страну тумана,
Чтоб своей лишиться жизни,
Навсегда самим погибнуть
На местах, совсем негодных,
На неведомых дорогах,
Никогда мы не узнаем,
Не узнаем и не скажем,
По какой идем дороге,
По какой пошли тропинке,
Чтоб погибнуть здесь, у леса,
Умереть здесь, на равнинах,
Здесь, где ворон лишь рождается
И живут в полях вороны.
Смело вороны потащут,
Понесут здесь злые птицы,
Тело наше расхватывают,
Жадно выпьют кровь вороны,
Клювы вороны запустят
В трупы мертвецов несчастных,
Понесут на камни кости,
На скалистые утесы.
Мать, бедняжка, знать не будет,
Мать несчастная, родная,
Где ее осталось тело
И где кровь ее сбегает:
На равнинах ли болотных,
Иль в сражении жестоком,
На хребте ль большого моря,
По обширному теченью,
На горе ль, где много сосен,
По дороге ли к кусточкам.
Ничего мать не узнает
О несчастнейшем сыночке:
Будет думать, что он умер,
Будет думать, что погиб он.
Мать тогда заплачет горько,
Причитать начнет старушка:
"Там теперь мой сын, бедняжка,
Там любимец мой несчастный:
Пуонелы посев он сеет,

Боронует поле Калмы.
Дал мой сын теперь, бедняжка,
Дал сыночек мой несчастный
Отдыхать в покре луку,
Благородным дугам – сохнуть.
Птицы могут откормиться,
Куропатки жить в кусточках,
Без боязни жить медведи
И играть на поле лоси!"

Отвечает Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели:
"Мать несчастная, родная,
Ты меня в себе носила!
Кур ты выходила много,
Лебедей большую стаю;
Вдруг их всех развеял ветер,
Вдруг их всех рассеял Лемпо,
Ты сюда, туда другую
И загнал куда-то третью.
Помню я былое время,
Помню дни, что были лучше:
Выступал цветом я дома,
Точно ягодка ходил я.
Кто на нас, бывало, взглянет,
Удивится, как растем мы.
Но совсем иначе стало
В это бедственное время:
Знаем мы теперь лишь ветер,
Видим мы теперь лишь солнце,
Но его скрывают тучи,
Дождь собою закрывает.
Но все это мне не страшно,
А моя о том забота:
Хорошо ль живут девицы,
Как прекрасные играют,
И как женщины смеются,
Как невесты распевают,
И не плачут ли от горя,
Не страдают ли от скорби?
Нет пока здесь чародейства,
Нет и против нас заклятий,
Чтоб мы умерли в дороге,
Чтоб в пути мы здесь погибли,
Чтобы юные свалились
И столь бодрые пропали.
Коль чаруют чародеи,
Колдуны коль здесь колдуют,
Пусть их чары обратятся
На жилища их родные;
Пусть колдуют друг на друга,
На детей наводят чары,
Род свой быстро умерщвляют
И родных уничтожают!
Никогда отец мой прежде,

Этот старец седовласый,
Колдунам не поклонялся
И не чтит сынов лапландских,
Так говорил отец мой,
Так и я теперь промолвлю:
"Защити, могучий Укко,
Огради, о бог прекрасный,
Охрани рукою мощной
И твоей великой силой
От мужских коварных мыслей,
От коварства злобных женщин,
От злословья бородастых,
От злословья безбородых!
Будь мне вечною защитой,
Будь надежною охраной,
Чтоб дитя не заблудилось,
Чтоб сын матери не сбился
На пути благого Укко,
На дороге, богом данной!"
Потчас сделал Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауконгели,
Из забот коней рысистых,
Вороних коней из скорби,
А узду из дней печальных
И седло из тайных бедствий.
На спине коня уселся,
На лошадке этой пегой,
Едет он тяжелым шагом.
С ним Шиара едет рядом.
Он с трудом по взморью едет,
По песку едва плетется,
Едет к матери любезной,
К ней туда, к седой старушке.
Я теперь бросаю Кауко,
Долго петь о нем не буду;
В путь отправил я и Шиэру -
Пусть на родину он едет,
Сам же пенью поверну я,
Поведу другой тропюю.

Руна тридцать первая

1. Унтамо начинает войну против своего брата Калерво, убивает Калерво вместе с его войском, оставив в живых из всего рода только одну беременную женщину; эту женщину он берет с собой, и у нее в Унтамоле родится сын Куллерво.

2. Куллерво еще в колыбели думает об отомщении Унтамо, а Унтамо пытается различными способами убить его, но это ему не удается.

3. Когда Куллерво вырос, он портит всякую работу, которую ему поручают, и рассерженный Унтамо продает его в рабство Ильмаринену.

Воспитала мать цыпляток,
Лебедей большую стаю,

Привела цыплят к насести,
Лебедей пустила в реку.
Прилетел орел, спугнул их,
Прилетел, рассеял ястреб,
Разогнал крылатый деток;
В Карьялу унес цыпленка,
Взял другого он в Россию,
Дома третьего оставил.
Шот, кого он взял в Россию,
Вырос там и стал торговцем.
Шот, кого он взял к карелам,
Имя Калерво там принял,
А оставленный им дома
Унтамойненом был назван.
Он принес отцу несчастье,
Сердцу матери печали.
Ставит сети Унтамойнен,
Где у Калерво затоны.
Калервойнен видит сети,
В свой мешок берет всю рыбу.
Унтамо исполнен злобы,
Сильно сердится на брата.
В бой свои пускает пальцы
И в борьбу пускает руки
За остатки этой рыбы,
За окунью эту мелочь.
Оба бились и боролись,
Не могли побить друг друга:
Сильно бьет один другого,
Получая – сам ответно.
Наконец, уже в другой раз,
На второй день иль на третий,
Калерво овес посеял
Рядом с Унтамо жилищем.
Унтамойнена овечка
Всходы Калерво поела,
Но у Калерво собака
Унтамо овцу пожрала.
Угрожает Унтамойнен
Калерво, родному брату,
Род весь Калерво прикончить,
Всех от мала до велика,
Уничтожить всех домашних
И пожечь у них жилища.
Он мужей снабдил мечами,
Храбрецам дает оружие,
Молодым на пояс копья,
Шопоры дает красавцам,
И пошел он, чтоб сражаться
Против собственного брата.
Калерво сноха-красотка
У окна как раз сидела;
Вот в окно она взглянула,
Говорит слова такие:

"Дым ли это закрубился,
Туча ль темная находит
На краю вон той поляны,
На конце дороги новой?"
Шо не туча поднималась,
Шо не дым густой стелился:
Войско Унтамо поднялось,
Шло на Калерво с войною.
Вот пришли мужи с мечами,
Войско Унтамо явилось,
Всех у Калерво убили,
Все его большое племя,
И дотла весь двор спалили,
Весь с землей его сровняли.
Дева Калерво одна лишь
Шам спаслась с плодом во чреве.
Люди Унтамо схватили,
Увели ее с собою,
Чтоб мела она там избы,
Пол почище подметала.
Мало времени проходит -
Родился малютка-мальчик,
Сын той матери несчастной.
Как теперь назвать малютку?
Куллерво, — так мать прозвала,
Воин, — Унтамо промолвил.
Положили тут малютку,
Вез отца того ребенка,
Чтоб качался в колыбели,
Чтобы двигался он в люльке.
Вот качается он в люльке,
Волосами повеваает.
День качается, другой день;
Но когда настал и третий,
Вдруг толкнул ногами мальчик,
Взад, вперед толкнул он люльку,
С силой сбросил свой свивальник,
И ползет на одеяло,
Люльку надвое сломал он,
Разорвал свои пеленки.
Обещает выйти мужем
И как будто будет храбрым.
В Унтамоле ожидают,
Что, когда войдет он в возраст
И получит смысл и силу,
Будет мужем, как и надо,
Сотни он рабов заменит
Или тысячи, пожалуй.
Два, три месяца растет он,
Но уже на третий месяц,
Ставши ростом по колено,
Шак раздумывать он начал:
"Если б вырос я побольше,
Получил бы в теле силу,

За отца я отомстил бы
И за скорбь моей родимой!"
Унтамо ту речь услышал,
Сам сказал слова такие:
"В нем семье моей погибель,
Новый Калерво растет в нем".
Размышлять мужи тут стали,
Стали женщины тут думать,
Мальчику куда бы спрятать,
Как бы вовсе уничтожить.
Вот его сажают в бочку,
Вот запрятали в бочонок,
Отнесли ребенка в воду
И на волны опустили.
Посмотреть потом приходят,
Как три ночи миновало,
Погрузился ль мальчик в воду,
Не погиб ли он в бочонке.
Но в воде не утонул он,
Не погиб в своем бочонке!
Из бочонка мальчик выполз,
На хребте волны уселся,
Удочку из меди держит,
Палку с шелковой леской;
Ловит мальчик в море рыбу,
Измеряет в море воду:
В море там воды немного,
На два ковшика, быть может;
Если ж все его измерить,
Хватит, может быть, на третий.
Унтамо тут думать начал:
"Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его настигла?"
Вот рабам своим велит он
Взять березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Чтобы сжечь на них ребенка,
Куллерво чтоб уничтожить.
Вот собрали, наложили
Шам березовых поленьев,
Много сотен сучьев сосен,
Сосен толстых и смолистых,
Тысячу саней бересты,
Ясеня сто сажен полных,
Был огонь в поленья брошен
И по куче разошелся;
В кучу бросили ребенка,
В печь самого середку.
День там жгут его, другой день,
Жгут его еще и третий.
Вот пришли туда и видят:
До колен сидит он в пепле,

До локтей в золу зарылся,
Кочергу руками держит,
Увеличивает пламя,
Разгребают его угли,
И волос он не лишился,
Ни единой даже пряди!
Рассердился Унтамойнен:
"Деть куда теперь ребенка,
На него навлечь несчастье,
Чтобы смерть его постигла?"
И на дерево повесил,
Притянул ребенка к дубу.
Вот проходит уж три ночи,
Столько ж дней проходит также.
Унтамо тут думать начал:
"Не пора ль пойти проверить,
Жив ли Куллерво на дубе,
На суку он не погиб ли".
И раба он посылает.
Шақ ответ слуга приносит:
"Куллерво и тут не умер,
Не погиб на этом дубе!
Он в коре рисунки режет,
У него в ручонках гвоздики,
Все стволы стоят в рисунках,
Ствол дубовый изрисован:
Он мужей с мечами сделал,
По бокам приделал копья".
Ничего не может сделать
Унтамойнен с тем ребенком!
Как бы смерть ни приготовил,
Как бы гибель ни измыслил,
Все не гибнет этот мальчик,
Нет погибели на злого.
Наконец он утомился,
Погубить его желая:
Куллерво растить решил он
Как дитя своей рабыни.
Унтамо тогда промолвил,
Говорит слова такие:
"Поведешь себя пристойно,
Будешь жить как подобает,
Шақ останься в здешнем доме
И рабом моим работай.
Будешь ты иметь и плату,
По заслугам ты получишь:
Поясок себе на тело
Или по уху удары".
Куллерво подрос побольше,
Он на четверть стал повыше,
Шут ему работу дали,
Чтобы он имел занятие -
Малого ребенка нянчить,
Крошку ростом толькo с палец:

"Ты смотри за ним прилежно,
Дай поесть и сам поешь с ним!
Постирай в реке пеленки,
Вымой платьице ребенка!"
Нянчит день, другой день нянчит:
Вырвал ручки, колет глазки,
А на третий день больного
Доконал совсем ребенка,
Побросал пеленки в реку,
Сжег дитяти колыбельку.
Унтамо тогда подумал:
"Вижу, что не будет годен
Куллервойнен нянчить деток,
И качать ребенка с палец!
И на что он только годен
И к чему его приставить.
Подсечет лесочек разве?"
Посылает в лес на рубку.
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Вот тогда я стану мужем,
Как топор дадут мне в руки,
Буду лучше я, чем прежде,
Посмотреть приятно будет:
Пятерых мужчин сильнее,
Шестерых я крепче буду".
К кузнецу пошел к горнилу,
Говорит слова такие:
"Ты, кузнец, послушай, братец!
Скуй получише мне топорик!
Как герою, мне секиру,
Мне железную по силам!
В лес иду я на подсечку,
Шам хочу рубить березы".
Шут кузнец, что нужно, сделал,
Он топор сковал поспешно.
И топор по мужу вышел,
По работнику железо.
Калервы сын, Куллервойнен,
Свой топор железный точит;
Целый день топор готовит,
К ночи занят топорщиком.
В лес затем идти собрался
Старые рубить деревья,
Строевого ищет лесу,
Самых крепких из деревьев.
Шопором деревья рубит,
Лезвием их режет ровным:
Крепкий ствол одним ударом,
А похуже – в пол-удара.
Пять деревьев повалил он,
Восемь там стволов огромных,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:

"Пусть работает здесь Лемпо!
Пусть разрубит Хийси балку!"
Он воткнул топор в колоду,
Поднял шум большой по лесу,
Засвистал по лесу громко,
Говорит слова такие:
"Пусть дотуда лес валится,
Лягут стройные березы,
Голос мой докуда слышен,
Свист докуда раздаётся!
Пусть ни веточка не выйдет,
Ни один не выйдет стебель,
Никуда в течение жизни
И пока сияет месяц,
Где сын Калервы рубил здесь,
Где молодчик новь расчистил!
Коль ячмень посеют в землю,
Выйдут новые посевы,
Выйдут всходы молодые,
Всходы станут стебелиться,
Пусть они не қолосятся,
Никуда не выйдут в қолос!"
Унтамойнен, муж отважный,
Посмотреть тогда приходит,
Как у Куллерво подсечка,
Новый раб прилежно ль рубит:
Не годилась та работа,
И плоха была подсечка.
Вновь подумал Унтамойнен:
"И на это не годится!
Бревна лучшие испортил,
Строевые все деревья!
Для чего он только годен
И к чему его приставить,
Заплетет плетень, быть может?"
Заплести плетень велит он.
Калервы сын, Куллервойнен,
Заплетать плетень собрался.
Взял стволы огромных елей
И как қолья их поставил,
Сосны целые лесные
Для плетня жердями сделал;
А для этих қольев связки
Из рябин огромных сделал;
И плетень сплошной устроил,
Без ворот его оставил.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Кто летать не может птицей
И на двух подняться қрыльях,
Шот войти сюда не сможет
Через Куллерво ограду!"
Унтамо из дому вышел,
Посмотреть сюда приходит,

Как тут Куллерво работал,
Раб его, в войне добытый:
Вот плетень сплошной он видит,
Без прорубок, без отверстий
На земле плетень поставлен
И до облака поднялся.
Говорит слова такие:
"И на это не годится!
Он плетень сплошной мне сделал
И поставил без калитки,
От земли довел до неба,
К облакам его он поднял:
"Через плетень нельзя пройти мне,
Нет отверстия для входа!
Для чего он только годен,
Для какой такой работы?
Разве пусть мне рожь молотит?"
Молотить его заставил.
Калервы сын, Куллервойнен,
По приказу рожь молотит:
В пыль он зерна обращает
И в мякину всю солому.
Вот приходит сам хозяин,
Посмотреть туда приходит,
Как сын Калервы молотит,
Как там Куллерво цепом бьет:
Рожь летит тончайшей пылью,
А солома вся трухую!
Рассердился Унтамойнен:
"Никуда слуга не годен!
Что ни дам ему работать,
Всю работу он испортит.
Отвести ль его в Россию
Или в Карьялу продать мне
Ильмаринену на кузню,
"Чтоб там молотом махал он?"
Продав Калервы он сына,
Продав в Карьяле на кузню,
Ильмариненом он куплен,
Славным мастером кузнечным.
Цену дал кузнец какую?
Цену дал кузнец большую:
Два котла он отдал старых,
Ржавых три крюка железных,
Кос пяток он дал негодных,
Шесть мотыг плохих, ненужных,
За негодного парнишку,
За раба весьма плохого.

Руна тридцать вторая

1. Жена Ильмаринена назначает Куллерво пастухом и со злости запекает ему в хлеб камень.

2. Хозяйка выпускает стадо на луг, провожая его заклинаниями.

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,
К кузнецу пришел в жилище;
У хозяина он просит
Потчас на вечер работы,
У хозяйки же на утро:
"Мне бы надо дать работу,
Указать работу надо:
Что я должен здесь работать
И какое делать дело?"
Ильмаринена хозяйка
Размышлять об этом стала:
"Что раба заставить делать,
Дать ему какое дело?
Пастухом его послала,
Сторожить стада велела.
На смех сделала хозяйка,
Кузнечиха для обиды:
Пастуху готовит хлебец,
Хлеб печет довольно толстый,
Верх пшеничный, низ овсяный,
И кладет в середину камень.
Мажет хлеб негодным маслом,
Мажет жиром корку хлеба
И слуге тот хлеб вручила,
Пастуху на пропитанье.
Так сама слугу учила,
Говорит слова такие:
"Этот хлеб ты ешь не раньше,
Чем ты стадо в лес загонишь!"
Ильмаринена хозяйка
Выпускает скоро стадо,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"В лес коров я выпускаю,
Я гоню молочных в поле,
По березам криворогих,
По осинам пряморогих,
Чтобы жиру набирались,
Чтобы салом запасались
На лесных полянах чистых,
Посреди широких рожиц,
Средь березняков высоких,
Средь осин, растущих туго,
В золотых лесах сосновых
И в серебряных дубравах.
Шы возьми воды в потоке,
Чтоб стада мои омылись,
Чтоб стада получише стали,
Чтоб хозяйкин скот удался

Раньше, чем придет хозяйка,
Чем увидит их пастушка,
Та неловкая хозяйка,
Неумелая пастушка.
Миэлиққи, хозяйка леса,
Попечительница стада!
Шы пошли рабынь повыше,
Шы пошли служанок лучших,
Чтоб смотрели за стадами,
За скотом чтоб наблюдали
Непрестанно этим летом,
Что творец дал на тепло нам,
Что дарует нам всевышний,
Что дает нам милосердный!
Шапио красота дочка,
Шеллерво, ты дочка леса,
В нежном платье из тумана,
С золотом кудрей прекрасных,
Шы, что стадо охраняешь!
Сохрани стада хозяйки
Среди Метсолы радушной,
Среди бдящей Шапиолы!
Охраняй стада получише,
Прилагай заботы больше!
Охраняй рукой прекрасной,
Пальцами чеши и гладь их,
Пусть их шерсть блестит, как крысья,
Пусть блестит, как рыбы перья,
Пусть блестит, как шерсть тюленя,
Словно шерсть овечки дикой!
Как стемнеет, свечерет,
Сумрак вечера настанет,
Проведи стада домой ты,
Подведи к очам хозяйки,
Чтоб вода была на спинах
И молочные озера!
А домой уйдет лишь солнце,
Птичка к ночи защебечет,
Шы стадам тогда промолви,
Шы скажи им, криворогим:
"Ну, домой вы, роконосы,
Молоко домой несите!
Хорошо вам будет дома,
На земле вам спать там мягко;
По лесам блуждать вам страшно,
Шопать шумно по прибрежью.
А когда домой придете,
Разведет огонь хозяйка
На траве, богатой медом,
На земле, где много ягод".
Ньюриққи, сын Шапиолы,
Шы, сын леса в синей куртке!
Шы поставь стволы еловых
И с верхушкой стройной сосен,

Постели на грязь мосточки,
По мосточкам неудобным,
По трясинам, жидким топям,
По трясущимся болотам
Проведи ты криворогих,
Погони ты двухкопытных
К облакам густого дыма
Без вреда и без блужданья,
Чтоб не вязли по болотам,
Чтоб в грязи не утонули!
Не послушается стадо
И не будет дома ночью,
Шы тогда, рябины дева,
Можжевельника девица,
Срежь березовую розгу,
Прут березовый в кусточке,
Хлыст рябиновый в лесочке,
Можжевеловую плетку
Там, где Папиолы крепость,
За черемушной горою.
Ко двору гони ты стадо,
Как топить начнут там баню,
Скот домашний – прямо к дому,
Скот лесной весь – в Папиолу!
Отсо, яблочко лесное,
Гнешь медовую ты лапу!
Мы с тобою сговоримся,
Вечный мир с тобой устроим,
Мир на время нашей жизни,
На года, что проживем мы:
Не губи ты двухкопытных,
Скот молочный ты не трогай
Во все время, долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!
Коль услышишь колокольчик
И призыв рожка узнаешь,
Шы ложись тогда на дерне,
Шы улягся на лужайке
И уткни в былинки уши,
Головой уткнися в кочки
Иль беги оттуда в чащу,
В кучу моха удалися;
Убегай в места другие,
Убегай к другим холмочкам,
Чтоб бубенчиков не слышат,
Ни пастушьих разговоров!
Слушай, Отсо мой любезный,
Шы, краса с медовой лапой!
Я тебе не запрещаю
Там хвостом махать у стада;
Языком не смей лишь трогать,
Ртом не смей хватать противным,
Разрывать мой скот зубами
И душить своею лапой.

Обходи кругом лужайку,
Пу молочную поляну,
От бубенчиков же бегай
И страшись рогов пастушьих!
Если стадо на поляне,
Должен ты бежать к болоту;
Если стадо на болоте,
Должен ты бежать в дубраву;
На горе пасется стадо -
Пу останься у подошвы;
Ходит стадо под горою,-
Пу ходи там по вершине;
Если в поле выйдет стадо,
Удаляйся ты в лесочек;
Ходит стадо по лесочку -
Уходи оттуда в поле.
Пу стремись златой кукушкой,
Голубочком серебристым;
Как сижок, ходи сторонкой,
Почто рыбка водяная;
Пу катись клубочком шерсти,
Как льняной клубочек легкий;
В волосы попрячь ты когти,
Зубы спрячь поглубже в десны,
Чтобы стадо не пугалось,
Скот бы малый не страшился!
Пу оставь все стадо в мире,
Двухкопытных тех в покое.
Пусть они гуляют мирно,
Пусть в порядке выступают
По полям и по болотам,
По лесным полянам тихим;
Полько ты их там не трогай,
Не хватай свою лапой!
Вспомни, как ты прежде клялся
Шам, у Пуонелы потока,
При шумящем водопаде,
Пред всевышнего коленом;
Шам тебе ведь разрешили
Прижды в лето приближаться
К колокольчикам звенящим,
К месту, где звучит бубенчик,
Но тебе не разрешали,
Позволения не давали
Продолжать дурное дело,
Им всецело заниматься.
Если злоба одолеет,
Если злость к зубам подступит,
Обрати на лес ты злобу,
Злость свою на зелень елок!
Их грызи стволы гнилые,
Ствол прогнивший у березы,
К водяным поиди растениям
И к холмам, где много ягод!

Если ты поешь захочешь,
Пожелаешь что покушать,
По питайся ты грибами,
В муравейнике поройся,
Ешь стеблей ты красных корни,
В Папиоле – мед кусками,
Но не ешь мою скотину,
Что питается травой!
И когда кадушка с медом
Зашипит, забродит бурно,
На холмах, покрытых золотом,
На пригорках серебристых,
Пам ты, алчный, питайся,
Пам ты, жаждущий, напейся;
Пой еде конца не будет,
Пот напиток не иссякнет.
Пак с тобой мы сговоримся,
Вечный мир с тобой устроим,
Чтобы жили мы в довольстве,
Чтоб все лето славно жили;
Вместе мы землей владеем,
И у нас прекрасны яства.
Если битвы пожелаешь,
Воевать со мной захочешь,
Воевать зимой мы будем,
На снегу сражаться станем!
А когда вернется лето,
Стают речки и болота,
Пы проваливай оттуда,
Где стада златые слышны!
Если ж ты сюда вернешься,
Подойдешь ты к этим рощам,
По тебя здесь встретят стрелы.
Если тут стрелков не будет,
По у нас они найдутся,
Да при доме есть хозяйка,
Что тебе пути испортит,
Что беду пошлет дороге,
Чтобы ты вреда не делал,
Не принес стадам погибель
Против божьей вышней воли,
Против божьего решенья.
О ты, Укко, бог верховный!
Слышишь, я прошу о важном:
Зачаруй моих коровок,
Преврати мое все стадо,
Милых всех моих в деревья,
Дорогих моих в каменья,
Коль чудовище пройдет там,
Эта глыба будет близко!
Если б я была медведем
И жила с медовой лапой,
Никогда б я не вертелась
Под ногами старой бабы.

Есть еще места другие,
Есть подальше загородки,
Где лентяй таскаться может
И прохаживаться праздный.
Наколи, поиди ты, лапы,
Чтоб сошло все мясо с икор
Средь синеющего леса,
В лоне чудного лесочка.
Шы иди по кочкам поля,
По песку, веселый, бегай:
Есть готовая дорога,
Чтоб тебе идти по взморью
К дальним Похьёлы пределам,
На лапландские пространства;
Там тебе прожить приятно,
Хорошо навек остаться:
Бармаков не нужно летом,
Ни носков не нужно в осень
Топать по просторным топям,
По широким днам болотным.
Если ж ты пройти не можешь,
Не найдешь туда дороги,
Так спеши другой дорогой,
Шы беги скорей тропую
В чащи Шуонелы лесные,
Калмы дальние поляны!
Там найдешь себе болота,
Даже боры для прогулок;
Там и Кирьё, там и Карьё,
И других коров там много
В крепких путах из железа,
В десяти цепях на шеях;
Наживают жир худые,
Набирают мясо кости.
Будьте добры, лес и роца,
Благосклонна будь, дубрава!
Успокой мой скот рогатый,
Дай покой ты двухкопытным,
Дай им отдых долгим летом,
Что творец дал на тепло нам!
Куйппана, властитель леса,
Шы, добряк седобородый!
Тсов своих держи покрепче,
Брехунов своих отважных!
Вставь в ноздрю им по грибочку
И по ягодке в другую,
Не почували бы носом,
Не пронюхали бы стада!
Завяжи глаза им шелком,
Завяжи повязкой уши,
Чтоб не видеть им ходящих,
Чтоб не слышать им бродящих!
Если ж этого им мало,
Если слушаться не станут,

Што гони детей оттуда,
Прогони семью подальше:
Пусть уходят из дубравы,
Пусть бегут отсель, с побережья,
С луговинок нешироких
И с полей весьма обширных!
Спрячь собак своих в пещерах,
Брехунов свяжи проворных
Золотистыми цепями,
Серебристыми ремнями,
Чтоб не сделали злодеяния
Иль бесстыдного поступка.
Если ж этого все мало,
Если слушаться не станут,
Золотой мой царь ты, Укко,
Шы, серебряный защитник,
Шы услышь слова златые
И мои от сердца речи!
Дай рябиновые узы
На тупые эти морды;
Коль не сдержат эти узы,
Шы отлей из меди узы;
Если ж медь годна не будет,
Выкуй узы из железа!
Коль железо разорвется,
Коль оно не будет годно,
Шы продень златую палку
Через костлявые их морды;
Шы концы закуй покрепче,
Шы стучи по ним сильнее,
Чтоб не двигались щеки,
Чтобы зубы не разжались,
Если цело то железо,
Коль его не режут сталью,
Ни ножом его не портят,
Шопором его не рубят!"
Ильмаринена супруга,
Эта умная хозяйка,
Погнала коров из хлева,
Скот на пастбище пустила,
Пастуха ж пустила сзади,
Чтобы раб погнал скотину.

Руна тридцать третья

1. Куллерво пасет стадо и вечером вынимает хлеб из сумки, начинает резать его ножом и ломает свой нож о камень, замешанный в хлеб. Особенно огорчило его то, что этот нож был единственной памятью, оставшейся ему от его рода.

2. Он решает отомстить хозяйке, загоняет стадо в болото, а вместо него собирает стадо волков и медведей, которых вечером пригоняет домой.

3. Хозяйка идет доить и гибнет, дикие звери разрывают ее на куски.

Калервы сын, Куллервойнен,
Положил еду в котомку
И погнал коров болотом,
Их погнал сосновым лесом;
На ходу он так промолвил,
Говорил слова такие:
"Ах, я парень горемычный,
Самый жалкий я мальчишка!
И куда теперь попал я,
Лишь на праздную дорогу,
Сторожить хвосты бычачьи,
За телятами тащиться,
По болотам лишь влачиться,
По плохой земле лишь ползать!"
Он на кочке там уселся,
Сел, где солнышко пригрело,
Стал слагать он песнопенья,
Так запел свои он песни:
"Дай тепла мне, божье солнце,
Колесо господне, света
Пастуху пошли, бедняге.
Кузнецу стада пасу я;
Кузнецу же не свети ты,
Ни ему и ни хозяйке!
Хорошо живет хозяйка,
Хлеб печет себе пшеничный,
Пироги себе готовит,
Их намазывает маслом,
А пастух берет хлеб черствый
И сухую корку гложет,
Овсяной грызет он хлебец,
Хлеб с мякиной разрезает,
Хлеб съедает из соломы,
Хлеб жует с корой сосновой,
Воду черпает берестой,
Пьет ее из-под кореньев.
Солнце, скройся ты, пшеничка,
Исчезай ты, божье время!
Уходи за сосны, солнце,
Ты, пшеничка, за лесочек,
Поспеши за можжевельник,
За ольховые верхушки!
Пастуха домой сведи ты,
На хлеба, где много масла,
Чтобы хлеб жевал он свежий,
В пирогах бы ел середку!"
Ильмаринена хозяйка,
Шел покуда пастушонок,
Пел покуда Куллервойнен,
Соскреблила масло с чашки,
В пирогах середку съела,
Ковырять взялась лепешки,
Уж сготовила похлебку,
Щей для Куллерво холодных

Где весь жир собака съела,
Жир весь черная слизала,
Сыто пестрая поела,
Вдоволь серая наелась.
Из леска запела птичка,
Из куста певичка-малютка:
"Уж рабу поесть бы время,
Сироте бы пообедать".
Калервы сын, Куллервойнен,
Посмотрел на тень от солнца,
Говорит слова такие:
"Да, уж время и поесть бы,
За обед пора приняться,
Поискать запас дорожный".
Отогнал коров на отдых,
Чтоб соснули на лужайке,
Сам на кочке он уселся,
На траве зеленой, свежей,
Со спины он снял котомку,
Вынул хлебец из котомки,
Повернул его и смотрит,
Говорит слова такие:
"Часто хлеб хорош снаружи
И гладка снаружи корка,
А внутри с корой сосновой
Да под ней еще мякина".
Из ножон он вынул ножик,
Чтобы хлеб себе разрезать:
И уперся ножик в камень,
Лезвием в гольиш претвердый;
У ножа конец сломался,
На куски клинок распался.
Калервы сын, Куллервойнен,
Увидал, что ножик сломан,
Увидав, он начал плакать,
Говорит слова такие:
"Этот ножик был мне дорог.
Он один был мой любимый,
От отца он мне достался,
Он был собственностью старца;
Вот сломал его о камень,
О гольиш он разломался,
Здесь о хлеб дрянной хозяйки,
Испеченный злою бабой!
Как отмщу за осмеянье,
За насмешку злую бабы,
Отмщу за хлеб негодный,
Испеченный злобной тварью?"
С ветки каркает ворона,
Ворон каркает и кличет:
"Бедный, золотая пряжка,
Калервы ты сын единственный!
Отчего ты так печален,
Что ты грустен так, бедняжка?"

Шы возьми из лесу ветку,
Сук березовый из дола,
Загони қоров в болото,
Грязноногих на тряси́ну,
Дай медведям половину,
А волкам большим другую!
Собери волков по лесу,
Собери медведей стадо!
Обрати волков в қоров ты,
Обрати в қоров медведей
И на двор гони, как стадо,
Почто пестрый скот, гони их!
Отплати за смех хозяйке,
За насмешку скверной бабе".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова тақие:
"Подожди ж, блудница Хийси!
О ноже отца я плачу,
Шы сама побольше будешь
О своих қоровах плакать".
Отломил он прут в лесочке,
Можжевеловую ветку;
И погнал қоров в болото,
Всех быков в тальник он гонит,
Дал медведям половину
И волкам большим другую.
Из волков телушек сделал,
Обратил в қоров медведей,
Стали волки как телята
И қоровами медведи.
Солнце за полдень спустилось.
Уж идет оно на вечер,
На верхушки сосен сходит;
Уж пора доить подходит.
Калервы сын, Куллервойнен,
Пот пастух несчастный, в злобе
Подогнал медведей к дому,
Ко двору волков подводит.
И свое он стадо учит,
Говорит слова тақие:
"Рвите вы хозяйке бедра,
Ей прокусывайте икры,
Лишь на вас она посмотрит,
Лишь доить она нагнется!"
Из қоровьей кости дудку,
Из бычачьей рог он сделал -
Кости Шуомиққи для рога,
Бедра Қирьё взял для дудки.
Заиграл тогда на дудке,
Затрубил в свой рог пастуший
На горе близ дома трижды,
На конце прогона шесть раз.
Ильмаринена хозяйка,
Кузнеца жена-красотка,

Молока ждет не дождется,
Масла летнего желает.
Чу, играют на болоте,
Шум с зеленой луговины.
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Будь прославлен, бог верховный!
Рог звучит, подходит стадо!
Где взял раб рожок пастуший,
Из чего он сделал дудку,
Он во что трубит так громко,
И трубит и дует сильно,
Звучом уши раздирая,
Шумом голову мне полня?"
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Раб нашел рожок в болоте,
Вынес дудку из трясины.
Стадо все уж на прогоне,
Уж коровы в загородке,
Разведи огонь дымящий,
Подойти коров отправься!"
Ильмаринена хозяйка
Позвала доить старуху:
"Мать, пойдн-ка подои их,
Позаботься о скотине!
Мне же некогда, пожалуй,
Замесить мне надо тесто".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Ведь хорошая хозяйка,
Женщина с рассудком добрым,
Подойт сама коровок,
За скотом сама присмотрит".
Ильмаринена хозяйка
Шут сама огонь разводит
И идет доить коровок,
Стадо разом осмотрела,
Скот рогатый оглядела;
Говорит слова такие:
"Хорошо по виду стадо,
Цвет скота совсем не дурен,
Шерсть у стада – словно рысья,
Словно шерсть лесной овечки,
Вымя толсто и припухло,
Переполнились сосочки".
Шут коров доить нагнулась,
Молоко собирать присела.
Потянула раз, другой раз,
В третий раз тянуть собралась:
Быстро волк ее кусает,
И медведь терзать принялся,
Волк хватает пастью икры,
И медведь кусает пятки,

Прокусили мясо в икрах,
У бедра сломали кости.
Калервы сын, Куллервойнен,
Шақ отместил насмешку бабы,
Смех ее и осмеянье,
Злобной женщины обиду.
Ильмаринена хозяйка,
Эта гордая, тут плачет,
Говорит слова такие:
"Злой пастух, ты что наделал?
К дому ты пригнал медведей
И волков на двор обширный!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Ей на это отвечает:
"Как пастух, я сделал дурно,
Ты же дурно – как хозяйка!
Запекла ты в хлебе камень,
Гольшиа кусок в запасе;
Я ножом уперся в камень,
О гольши сломал я ножик –
От отца он мне достался,
Рода нашего железо!"
И хозяйка так сказала:
"О пастух, пастух мой милый!
Измени свои ты мысли
И возьми назад заклатье,
Ты избавь от волчьей пасти,
От медвежьих лап хозяйку!
Дам тебе рубашек лучших,
Дорогих штанов достану,
Хлеб пшеничный с свежим маслом,
Молока дам посвежее;
Год ты будешь без работы,
На другой кормиться даром.
Коль меня ты не избавишь
И не дашь сейчас свободы,
Я погибну злою смертью,
Обращусь в сырую землю".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Умирать, так умирай уж,
Погибай ты поскорее!
Под землей тебе найдется
Место славное у Калмы:
Там сильнейшие в покое,
Там могучие в дремоте".
И сказала тут хозяйка:
"Ой ты, Укко, бог верховный!
Натяни свой лук великий,
Приготовь свое оружие,
Приложи стрелу из меди
К огневому луку сверху!
Целься огненной стрелой,
Что из самой твердой меди,

Пусть пройдет стрела под мышку,
Через мясо на лопатке,
Сына Калервы свали ты,
Пусть падет дрянной на землю
От стрелы с стальной головкой,
От оружия из меди!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Сам сказал слова такие:
"Ой ты, Укко, бог верховный!
Не меня рази стрелой!
Ильмаринена хозяйку,
Что всех женщин в мире хуже,
Бей, пока она на месте,
Не ушла пока отсюда!"
Ильмаринена хозяйка,
Кузнеца жена, упала
Мертвою на этом месте,
Как с котла спадает сажа;
У избы своей свалилась,
На дворе упала тесном.
Так та женщина скончалась,
Так красавица погибла,
А ее так долго ждали,
Ведь шесть лет ее искали
Ильмаринену на радость,
Кузнецу тому на славу.

Руна тридцать четвертая

1. Куллерво убегает от Ильмаринена, скитается опечаленный по лесу и узнает от одной старушки, что его отец, мать, брат и сестра еще живы.
2. Он находит их, по указанию старухи, на границе Лапландии.
3. Мать говорит ему, что она считала Куллерво уже давно потерянным, как и свою старшую дочь, ушедшую по ягоды в лес и больше не вернувшуюся.

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Стройный, золотоволосый,
В башмачках красивой кожи,
Кузнеца собрался бросить,
Ильмаринена оставит
Раньше, чем кузнец узнает,
Что жена его скончалась:
Он вскипит великой злобой,
С Куллерво он станет биться.
Он, играя, шел оттуда,
Веселясь, от дома Ильмы,
По лесам трубил веселый,
Шел, играя, новой пашней,
Потрясал болота, земли,
И земля вся откликнулась
Сына Калервы веселью,

Куллерво злорадным кликам.
Стало в кузнице уж слышно;
Шам кузнец работу бросил,
На дорогу вышел слушать,
Посмотреть во двор выходит,
Что там из лесу за звуки,
Кто там в рог в песках играет.
Шут он истину увидел,
Без прикрас, что там случилось;
Видит он: жена уснула,
Шам красавица упала;
На дворе она лежала,
Шам на травушку свалилась.
И кузнец стоял недвижим,
Шажело ему на сердце;
Он провел всю ночь, рыдая,
Проливая долго слезы.
Мысль его чернее дегтя,
Не белее угля сердце.
Куллерво идет все дальше,
Он блуждает где попало.
День идет он частым лесом,
По земле деревьев Хийси,
А как ночи потемнело,
На земле он там уселся.
На земле сидит сиротка.
Шак покинутый размыслил:
"Кто меня, бедняжку, создал,
Кто родил на свет сиротку,
Чтоб по месяцам блуждал я
Здесь под воздухом пространным?
Кто на родину стремится,
Кто идет в свое жилище;
Мне же родина – лес темный,
На полях – мое жилище:
Очагом мне служит ветер,
Дождик баней мне бывает.
"Ой ты, Укко, бог верховный,
Никогда на этом свете
Не твори дитя несчастным,
Чтоб дитя сироткой было,
Без отца бы проживало
И без матери осталось,
Как меня ты создал, Укко,
Сотворил меня, бедняжку,
Шочно чайку в синем море,
Шочно птицу на утесе.
Солнце ласточке сияет,
Воробью оно блистает,
Веселит воздушных птичек;
Шолько мне оно не светит,
Никогда не светит солнце,
Никогда мне нет веселья.
Кто родил меня, не знаю,

Кто носил меня во чреве;
Может, утка при дороге
Принесла меня в болото
И покинула на взморье
Шам, в расщелине утеса.
Потерял отца я в детстве,
В раннем детстве мать родную;
Унесла их смерть навеки,
Весь погиб наш род великий.
Башмаки из льда мне дали
Да чулочки снеговые
И пустили в гололедку
На качающийся мостик,
Чтоб свалился я в болото,
Чтоб упал в гнилую воду.
Но в мои ли, право, годы
Мне лежать мостком в трясине,
Лечь мостом в болотной луже,
Как мосток в трясине зыбкой,
Не хочу упасть в болото:
Две руки ведь я имею,
Все пять пальцев я сгибаю
И ногтей имею десять".
Вот ему на ум приходит,
И в мозгах засела дума
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить отцовы раны,
Слезы матери родимой
И свое несчастье злое.
Говорит слова такие:
"Подожди же, Унтамойнен,
Моего губитель рода!
Я приду с тобою биться,
Разорю твое жилище
И сожгу твой двор широкий".
Вот идет лесная баба,
В синем платье та старуха,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Куллерво, куда идешь ты,
Калервы сынок, спешишь ты?"
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"А вот мне на мысли вспало
И в мозгах засела дума
Отправляться на чужбину,
К Унтамо пойти в деревню,
Отомстить погибель рода,
Смерть отца, родимой слезы,
Разорить его жилище,
Обратить жилище в пепел".
Так промолвила старуха,
Говорит слова такие:
"Нет, ваш род не уничтожен,

Калерво еще не умер.
Жив еще старик отец твой,
Мать твоя еще здорова".
"Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Где отец мой проживает,
Мать моя живет родная?"
"Там отец твой проживает,
Там и мать твоя родная:
На земле живут лапландской,
Где пруды богаты рыбой".
"Ты, старушка дорогая,
Ты мне, милая, поведай:
Как мне той земли достигнуть,
Как найти туда дорогу?"
"Хорошо дойти ты можешь,
И совсем пути не зная:
Ты пройди сначала лесом,
Берегом реки отправься,
День пройдешь ты и другой день,
Так и третий день пройдешь ты;
Поверни потом на север,
Встретишь гору на дороге,
Ты иди ее подошвой,
Обогни налево гору
И придешь к реке оттуда.
Вправо будет эта речка;
Ты по берегу отправься,
К трем тогда придешь порогам,
На конце косы ты будешь,
На довольно длинном мысе.
Там ты хижину увидишь,
На мыске рыбачью хату:
В ней живет отец доселе
И живет твоя родная,
Две твоих живут сестрицы,
Две прекраснейшие девы".
Калервы сын, Куллервойнен,
Собрался идти в дорогу.
День идет он и другой день,
И уже проходит третий;
Повернул тогда на север,
Гору встретил на дороге,
Он пошел ее подошвой,
От горы пошел налево,
Подошел тогда к потоку,
Берегом реки пошел он,
Левым берегом потока,
Подошел он к трем порогам,
На конце косы приходит,
К краю самому подходит;
Там он хижину увидел.
На мыске избу рыбачью.
Он вошел в избушку эту,

И его там не узнали:
"С моря прибыл ты откуда,
Из какого ты семейства?"
"Сына вы не узнаете?
Я дитя родное ваше.
Мужжи Унтамо когда-то
Увели меня из дома,
Был я в пядь отца росточком,
Был не выше веретенца".
Мать сперва ему сказала,
Так промолвила старушка:
"О мой бедный сын, мой милый,
Бедный, золотая пряжка!
Ты живой сюда явился,
Ты прошел через эти страны!
Как по мертвом я рыдала,
По тебе лила я слезы!
У меня два сына было,
Две прекраснейшие дочки;
Вот из них пропали двое,
Старших двое вовсе сгibli:
На войне пропал сыночек,
Дочка без вести пропала;
Вот сыночек возвратился,
Дочь еще не появлялась".
Калервы сын, Куллервойнен,
Так спросил свою родную:
"Но куда ж она пропала,
Где сестра моя погибла?"
Мать ему сказала слово
И такие молвит речи:
"Вот куда она пропала,
Где сестра твоя погибла:
В лес за ягодой ходила,
Под горою за малиной;
Шам-то курочка исчезла,
Птичка сгibli смертью тяжкой.
Шам-то без вести пропала,
Как погибла – неизвестно.
Кто по дочери тоскует?
Ведь никто, как мать родная!
Мать ее всех больше ищет,
Ищет мать и к ней стремится;
Так пошла и я, бедняжка,
Отыскать хотела дочку:
Как медведь, я мчалась лесом,
Точно вьдра, мчалась рощей,
День искала и другой день,
Третий день еще искала,
Но когда прошел и третий,
Как неделя миновала,
На горе вверху я стала,
На холме весьма высокою,
Шам звала я громко дочку,

Шам ушедшую искала:
"Где ты, дочка дорогая?
Воротись домой скорее!"
Шақ звала я громко дочку,
О пропавшей горевала;
Мне в ответ сказали горы,
Шақ ответили дубравы:
"Не зови свою ты дочку,
Не зови ее тақ громко!
Не вернется больше дочка,
Никогда она не сможет
Быть у матери в жилище,
Быть у пристани отцовской".

Руна тридцать пятая

1. Куллерво пытается работать у своих родителей, но помощи от него мало, и отец отправляет его везти податъ.
2. Отвезя податъ, он встречается на обратном пути пропавшую сестру, но, не узнав, соблазняет ее.
3. Позже, когда оба узнали, кто они такие, сестра бросается в реку, а Куллерво спешит домой, рассказывает матери, что он обесчестил родную сестру, и хочет покончить с жизнью.
4. Мать запрещает ему покончить с собой и уговаривает уехать, найти спокойный уголок и тихо доживать жизнь. Куллерво приходит в голову мысль отомстить за все Унтамо.

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
С этих пор и поживает
Под родительской кровлей;
Он не сделался умнее,
Не обрел рассудка мужа,
Ибо дурно был воспитан,
Глупо в люльке был укачан,
Воспитатель был неумный
И укачиватель глупый.
Начал юноша работать,
Брал он разную работу.
Рыб ловить он снарядился,
Расставлял снаряд для ловли.
Говорил слова такие,
Шақ с веслом в руках промолвил:
"Что есть сил тянуть мне невод,
Изо всей грести мне мочи,
Иль тянуть его не сильно
И грести, насколько нужно?"
Рулевой промолвил с лодки,
Говорил слова такие:
"Хоть тяни со всею силой,
Хоть гребь по-молодецки,
Шы разбить не сможешь лодки,
Ей уключин не сломаешь".
Калервы сын, Куллервойнен,

Стал грести со всею силой,
Приналег по-молодецки -
И сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку.
Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:
"Ты грести совсем не можешь!
Ты сломал крюки у лодки,
Можжевеловые ребра,
Всю осиновую лодку!
Ты поди гнать рыбу в невод!
Может, в этом ты получишь".
Калервы сын, Куллервойнен,
Собрался гнать рыбу в невод.
Гонит рыбу, рассуждая,
Говорит слова такие:
"Со всего ль плеча работать,
Гнать ли рыбу с полной силой,
Иль работать осторожно,
Рыбу гнать, насколько нужно?"
И сказал тащивший невод:
"Что ж была бы за работа,
Если гнать не с полной силой,
Не работать молодецки!"
Калервы сын, Куллервойнеи,
Со всего плеча тут гонит,
Гонит рыбу молодецки:
Воду в кашу превращает,
Растрепал весь невод в паклю,
Рыбу сделал просто слизью.
Калерво взглянуть приходит,
Говорит слова такие:
"Рыбу гнать ты не годишься!
Растрепал весь невод в паклю,
Поплавки разбил в кусочки,
Разорвал на части сети!
Ты пойдешь плати-ка подать,
Поземельные налоги!
Ты в дороге, может, лучше,
На пути умнее будешь".
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Статный, золотоволосый,
В башмаках красивой кожи,
Уплатить поехал подать,
Поземельные налоги.
Уплатил, как нужно, подать,
Отдал зерна все, как надо,
И в своих санях уселся,
На сиденье занял место;
И домой оттуда едет,
Сам на родину стремится.
С шумом сани заскользили

И в дороге измеряли
Вяйнямейнена поляны,
Прежде вспаханное поле.
Златокудрая девица
Едет, лыжней измеряя
Вяйнямейнена поляны,
Прежде паханное поле.
Калервы сын, Куллервойнен,
Останавливает сани;
Говорит девице начал,
Говорит и приглашает:
"Ты войди, девица, в сани,
Отдохни на этой шкуре!"
На бегу девица молвит,
Проскользнувши, отвечает:
"Смерть к тебе пусть в сани сядет
И болезнь на эту шкуру!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Шут коня кнутом ударил,
Бил коня жемчужной плетью.
Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
С сильным шумом он понесся,
Спешно едет по дороге,
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.
Вот девица повстречалась,
В башмаках идет хороших
По хребту морей блестящих,
По полям широким льдистым.
Калервы сын, Куллервойнен,
Удержал коня поспешно,
Рот сложил, как мог, красивой,
Молвил вежливо девице:
"Ты садись, красотка, в сани,
Красота страны, со мною!"
А девица отвечает,
В башмачках хороших молвит:
"Пуони пусть в те сани сядет,
Маналайнен там с тобою!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Шут коня кнутом ударил,
Бьет его жемчужной плетью.
Мчится конь, бежит дорога,
И скрипят по снегу сани.
Шумно едет он дорогой,
И в пути он проезжает
Гладью Похьёлы песчаной,
Шой Лапландии полями.
Едет девушка навстречу
В оловянных украшениях
Гладью Похьёлы песчаной

И лапландскими полями,
Калервы сын, Куллервойнен,
Удержал коня вожжами,
Рот сложил, как мог, красивей,
Молвил вежливо девице:
"Ты садись, девица, в сани,
Ляг под полостью, красотка,
В санках яблочков поешь ты,
Погрызешь моих орешков!"
Так ответила девица
В оловянных украшениях:
"Я плюю тебе на сани,
На сиденье негодяя!
Мне под полостью морозно,
Мне в санях твоих противно".
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Подхватил девицу в сани,
Подтащил ее к сиденью,
На меху сажает в санках,
Шянет девушку под полость.
Зло промолвила девица
В оловянных украшениях:
"Отпусти меня с сиденья,
Выпусти из рук малютку,
Чтоб мне слов дурных не слушать,
Не слышать бы просьбы злого,
Иль я сани разломаю,
Выбью длинные брусочки,
На куски сломаю сани,
Разобью бока их в щепки!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Шут открыл сундук с деньгами,
Стукнул пестренькою крышкой,
Серебро ей показал он,
Расстелил платки цветные,
С золотой каймой чулочки,
Пояски посеребрены.
Манит золото девицу,
Ей платок меняет мысли,
Серебро несет ей гибель,
Портит золото ей думы.
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Шут ласкать девицу начал,
Увещает, обольщает,
Держит вожжи он рукою,
А другою грудь девицы.
Утомляет он девицу
В оловянных украшениях
Шам, под полостью расшитой,
На мехах прекрасных, пестрых,
Вот уж бог послал и утро,

День уж следующий выслал.
Говорит ему девица,
Увещает, вопрошает:
"Из какой семьи ты, смелый,
Из какого рода будешь?
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Сын я Калервы несчастный,
Сын, лишенный разума,
Глупый, ни к чему не годный.
Ты сама откуда родом,
Из какой семьи, красота,
Из большого, верно, рода,
Твой отец, должно быть, знатный".
Так ответила девица,
Говорит слова такие:
"Не высокого я рода,
Не высок мой род, не низок,
А как раз он только средний:
Калервы я дочь, бедняжка,
Неразумная я дева,
Я негодная девица.
Как была еще ребенком
В доме матери любимой,
В лес по ягоды пошла я,
Там у горки, за малиной,
Сбирала землянику,
У холма брала малину;
Сбирала день, заснула,
Сбирала день, другой день;
Наконец, уже на третий,
Не нашла домой дороги:
Дальше в лес вела дорога,
В чащу все вели тропинки.
Там я плакала, сидела,
День проплакала, другой день;
Наконец, уже на третий,
Поднялась высоко в гору,
На горе высокой стала,
Там аукала, кричала.
Отвечал мне лес зеленый,
Мне в ответ холмы звучали:
"Дева глупая, не кликай,
Не кричи так безрассудно,
Твоего не слышно крика,
Он до дома не доходит".
Третий день я шла, четвертый,
Пятый день, шестой блуждала.
Умереть я покушалась

И погибели искала;
Но никак не умирала,
Не могла никак погибнуть!
Если б умерла, бедняжка,
Если б, слабая, погибла,
На другой бы год, быть может,
Иль на третье, может, лето
Зеленела бы я травкой,
Зацвела бы я цветочком,
Вышла б ягодкой на землю,
Вышла б красною брусничкой,
Этих ужасов не знала б,
Не узнала бы позора".
И едва она сказала,
Только вымолвила слово,
Как с саней вдруг соскочила,
Быстро бросилась в реку,
Прямо в пену водопада,
В эту огненную бездну.
Там нашла себе кончину,
Обрела себе погибель;
В Пуонеле нашла забвенье,
Мир в потоках этих водных.
Калервы сын, Куллервойнен,
Из саней поспешно вышел,
Начинает горько плакать,
Очень громко причитает:
"О, как я несчастен в жизни,
Как судьба моя ужасна!
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!
Горе батюшке родному,
Горе матушке-старушке!
Вы к чему меня вскормили,
Для чего на свет пустили?
Мне б гораздо лучше было
Не расти и не рождаться,
Не рождаться в этом мире,
На земле не появляться.
Смерть неверно поступила
И болезнь несправедлива,
Что меня не умертвила,
На вторую ж ночь от роду".
Он хомут ножом разрезал,
Режет он ремни из кожи,
И на лошадь он садится,
На крестец у белолобой.
Он спешит, дорогой скачет
И в пути недолго побыл,
Ко двору отца приехал,
На поляну он домчался.
На дворе там мать стояла.
"Мать родная, дорогая!
Если б ты меня, родная,

Шолько я на свет родился,
В дымной бане положила,
Двери крепко затворила,
Шам бы в дыме задушила,
На вторую ж ночь от роду,
С одеялом и с пеленкой
Шы меня бы утопила,
Люльку бросила бы в печку,
На огне ее сожгла бы!
На деревне бы спросили:
"Отчего в избе нет люльки,
Заперта так крепко баня?"
Шы тогда бы им сказала:
"На огне сожгла я люльку,
В печку бросила качалку.
В бане зерна прорастают,
Я из них готовлю солод".
Мать тогда его спросила,
Седовласая старушка:
"Что с тобой, сынок мой, случилось,
О каком твердишь ты чуде?
Словно в Туонеле ты побыл,
Как из Маналы ты вышел!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Верно, что случилось чудо,
Совершилось злодеянье,
Я сестру мою родную,
Дочь родимой обесчестил!
Как я выплатил всю подать,
Все зерно, как надо, отдал,
Повстречалась мне девица;
И ласкал я эту деву:
Шо была моя сестрица,
Шо – дитя моей родимой!
Уж нашла она кончину,
Обрела себе погибель
В страшной глубине водопопада,
В той пылающей пучине.
Не могу никак понять я,
Не могу никак постигнуть,
Где найду себе кончину,
Где я смерть найду, несчастный:
В пасти ль воющего волка,
В зеве ль страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки?"
Мать на это отвечает:
"Не ищи, сыночек, смерти
В пасти воющего волка,
В зеве страшного медведя,
У кита в огромном чреве
Иль в зубах свирепой щуки!
Ведь обширен берег Суоми,

Широки пределы Саво,
Где преступный скрыться может,
Чтоб оплакать злодеянье,
На шесть лет укрыться можно,
Даже на девять лет сряду,
Время мир ему дарует,
Скорбь ему утишат годы".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Не пойду я укрываться,
От стыда бежать не буду!
Я пойду я к пасти смерти,
Я пойду к воротам Калмы,
На поля больших сражений,
Где храбрейшие воюют:
На ногах еще Унтамо,
Не погиб, не умер изверг,
Раны батюшки отмишу я,
Слезы матушки родимой,
Все страдания припомню,
Что я сам на свете вынес".

Руна тридцать шестая

1. Куллерво снаряжается на войну и покидает родных; одной только матери не безразлично, куда он пойдет, умрет ли, останется ли в живых.
2. Он приходит в Унтамолу, убивает всех и сжигает жилища.
3. Возвращается домой, но дом его пуст, в живых на месте оказывается только старая черная собака, с которой он идет в лес, чтобы добыть себе пищи.
4. По дороге он попадает на то место, где соблазнил свою сестру, и убивает себя своим мечом.

Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Собрался идти войною,
Снарядился для сраженья,
Наточил клинок блестящий,
Наострил у пики кончик,
Мать ему тогда сказала:
"Не ходи, сыночек милый,
Не ходи туда войною,
Где мечей железных много!
Кто воюет без причины,
Сгоряча вступает в битву,
Шот и жизнь в войне теряет,
Шот в сражение погибает,
От железа смерть находит,
От меча свою кончину.
На козе ль ты едешь в битву,
На козе ль сражаться едешь,
Ша коза побита будет,
Упадет козел немедля,

На собаке ты вернешься,
На лягушке в дом ты въедешь".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Не паду я на болоте,
На песках я не погибну,
Там, где ворона жилище,
Где вороны ищут пищу.
Я паду на поле битвы,
Я погибну в битве храбрых,
Хорошо погибнуть в битве,
Умереть под звон оружия!
На войне скончатся славно:
Жизнь герой кончает скоро,
Он отходит, не боля,
Не худея, свет бросает".
Мать ему сказала слово:
"Если ты умрешь в сраженье,
Кто отцу защитой будет,
Кто останется при старом?"
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Пусть умрет он на прогоне,
На дворе пусть жизнь окончит".
"Кто ж при матери защитой,
Кто останется при старой?"
"На снопе пусть погибает,
Задохнется в грязном хлеве".
"Кто ж останется при брате,
Чтоб помочь ему в несчастье?"
"Пусть в лесу он истомится,
Пусть он свалится на поле!"
"При сестре твоей кто будет
Утешать ее в несчастье?"
"У колодца пусть погибнет
Иль умрет, стирая платье!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Поспешил уйти из дома,
И отцу сказал он слово:
"Ты прощай, отец мой добрый!
Ты поплачешь ли о сыне,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?"
И отец промолвил слово:
"О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер:
Приживу другого сына,
Будет он тебя получше
И умней тебя намного".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;

Сам себе отца устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Борода – сухие стебли,
Ноги – ивовые сучья,
Мясо – сгнившие деревья".
Так потом промолвил брату:
"Ты прощай, мой милый братец!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?"
Брат ему промолвил слово:
"О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер:
Я себе добуду брата:
Будет он тебя получше,
Вдвое будет он красивей".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Да и я не стану плакать,
Как услышу, что ты умер;
Я себе устрою брата:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса – сухие стебли,
Ноги – ивовые сучья,
Мясо – сгнившие деревья".
Он сестре потом промолвил:
"Ты прощай, моя сестрица!
Ты поплачешь ли о брате,
Коль услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?"
Так промолвила сестрица:
"О тебе я не заплачу,
Как услышу, что ты умер;
Отыщу другого брата:
Будет он тебя получше
И умней тебя намного".
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Да и я не стану плакать,
О твоей узнавши смерти;
Я себе сестру устрою:
Голова из камня будет,
Рот из глины, глаз из клюквы,
Волоса – сухие травы,
Из цветов болотных – уши,
Из кленовых сучьев – тело".
Шут он матери промолвил:
"Мать родная, дорогая,
Ты в себе меня носила,
Ты ребенка воспитала!

Ты поплачешь ли о сыне,
Как услышишь, что я умер,
Что исчез я из народа,
Выбыл Куллерво из рода?"
Мать ему сказала слово,
Мать такие молвит речи:
"Ты не знаешь мыслей старой,
Сердце матери, бедняжки!
Горько, горько я заплачу,
Как умрешь ты, мой сыночек,
Из числа людей исчезнешь,
В нашем роде уж не будешь.
Я залью избу слезами,
На полу потоки будут,
Я на улицах заплачу,
Я от слез согнусь в хлеве,
Снег от слез обледенится,
Лед землю талой станет,
Порастет земля травой,
А трава от слез повянет.
Если плакать я устану,
Утомлюся я от воплей,
На глазах у всех рыдая,
В бане тихо я заплачу,
Так что лавки все и доски
Поплывут в потоках слезных".
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
На войну пошел, изгряя,
Шел он с кликами на битву,
Он трубил, идя болотом,
По лесу он громко топал,
По лугам шумел он громко,
С громом шел он по полянам.
По следам дошло известье,
До ушей достигла новость:
"Твой отец уже скончался,
Отошел навеки старый.
Приходи домой – посмотришь,
Как умершего хоронят!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Дал в ответ слова такие:
"Коль скончался, так скончался;
Дома там найдется мерин,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы".
И трубит, идя болотом,
И гудит, идя пожогом.
По следам идет известье,
До ушей достигла новость:
"Братец твой недавно умер,
Сын родителей скончался;
Приходи домой – посмотришь,
Как умершего хоронят!"

Калервы сын, Куллервойнен,
Дал в ответ слова такие:
"Коль скончался, так скончался;
Жеребец найдется дома,
Чтоб свезти его в могилу,
Опустить в жилище Калмы!"
И гудит, идя болотом,
И трубит в свой рог по лесу.
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
"Умерла твоя сестрица,
Дочь родителей скончалась;
Приходи домой – посмотришь,
Как умершую хоронят!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Дал в ответ слова такие:
"Коль скончалась, так скончалась;
Дома есть у нас кобыла,
Чтоб свезти ее в могилу,
Опустить в жилище Калмы!"
По жнивью идет, ликуя,
И гудит, идя лугами,
По следам пришло известье,
До ушей достигла новость:
"Мать твоя уже скончалась,
Эта добрая старушка,
Приходи домой – посмотришь,
Как умершую хоронят!"
Калервы сын, Куллервойнен,
Говорит слова такие:
"Горе бедному мне сыну!
Мать моя уже скончалась,
Что готовила постель мне,
Одеяло украшала,
Что пряла на прялке пряжу,
Что вертела веретенцем;
Я же не был при кончине,
Не видал души исхода.
Может, с холоду скончалась
Или с голоду погибла!
В доме мертвую обмойте,
Мойте самым лучшим мылом,
В шелк умершую оденьте,
Полотном ее прикройте,
Отвезите так в могилу,
Опустите в лоно Калмы,
Отвезите с скорбным пеньем,
Опустите с горьким воплем!
Не могу я возвратиться:
Унтамо мной не наказан,
Не погиб противник злобный,
Не сражен еще преступный".
Он идет, трубя, на битву,
К Унтамо в страну победно,

Говорит слова такие:
"Ой ты, Укко, бог верховный!
Пы пошли мне меч получше,
Дай ты мне клинок прекрасный,
Чтоб он мог с толпой бороться,
Устоял бы против сотни".
Меч нашел себе по мысли,
Взял клинок из самых лучших,
Толпы он мечом сражает,
Род весь Унто истребляет,
Обращает избы в пепел;
Только пыль одна осталась,
Лишь остались в печке камни
Да рябина у забора.
Калервы сын, Куллервойнен,
Повернул в страну родную.
Шел к отцовскому жилищу,
На поля родного старца;
Но пустой нашел избушку,
И вошел он, как в пустыню:
Ни обнять никто не вышел,
Ни руки никто не подал.
Протянул он руку к углям:
В печке уголья остыли;
Потому-то и узнал он,
Что уж мать его скончалась.
Приложил он к печке руку:
Холодны у печки камни;
Потому-то и узнал он,
Что отец его скончался.
Пол тогда окинул взглядом:
Пол не подметен в избушке;
Потому-то и узнал он,
Что сестра его скончалась.
Он пошел затем на пристань:
На катках не видно лодок;
Потому-то и узнал он,
Что и брат его скончался.
Начинает горько плакать,
Плачет день, другой день плачет,
Говорит слова такие:
"Мать ты, добрая, родная!
Что оставила ты сыну,
На земле живя на этой?
Но ты, мать, меня не слышишь:
На глазах твоих стою я,
На бровях твоих горюю
И на темени тоскую!"
Мать во гробе пробудилась,
Из могилы отвечала:
"Черный пес тебе остался,
Чтоб ходил ты с ним по лесу,
Пы возьми его с собою
И в леса ты с ним отправься

По ту сторону дубравы,
К дочерям лесным приблизься,
К синим девам, к их подворью,
На конце лесного замка;
Там поищешь пропитанья,
Там попросишь подаянья!"
Калервы сын, Куллервойнен,
В лес отправился с собакой,
Шел далеко по дороге
И прошел сквозь чащу леса;
Там прошел еще немного,
Очень малое пространство,
И пришел к тому лесочку,
На ужасное то место,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Плачет там и луг прекрасный,
Плачет жалобно и роща,
Травки юные горюют,
На песках цветы тоскуют,
Что он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Не возшла трава молодая,
На песках цветы не вышли,
Не росли на этом месте,
Там, на месте преступления,
Где он деву опозорил,
Обесчестил дочь родимой.
Калервы сын, Куллервойнен,
Меч вытаскивает острый,
Повернул кругом железо;
У меча тогда спросил он,
Хочет знать его желанье:
Не захочет ли оружье
Мяса грешного отведать
И напиться злобной крови?
Понял меч его желанье,
Он учуял мысли мужа,
Говорит слова такие:
"Отчего же не желать мне
Мяса грешного отведать
И напиться злобной крови,
Коль пронзаю я безгрешных,
Пью я кровь у неповинных?"
Калервы сын, Куллервойнен,
Юноша в чулочках синих,
Рукояткой меч втыкает,
Глубоко вонзает в землю,
Острие на грудь направил,
Сам на меч он повалился,
Поспешил навстречу смерти
И нашел свою кончину.
Так скончался этот юный,
Куллерво погиб бесстрашный,

Шакова кончина мужа,
Смерть несчастного героя.
Слышит старый Вяйнямёйнен
О кончине той известье,
Что так Куллерво скончался,
И такие речи молвит:
"Не давай, народ грядущий,
Пы детей на воспитанье
Людям глупым, безрассудным,
Не давай чужим в качалку!
Если дурно нянчат деток,
И качают безрассудно,
То дитя не выйдет умным,
Не получит мудрость мужа,
Хоть окрепнет мощным телом
И состарится с годами".

Руна тридцать седьмая

1. Ильмаринен долго оплакивает свою жену, потом с большим трудом выковывает себе новую жену, неодушевленную, из золота и серебра.
2. Он проводит с ней ночь, но та сторона его тела, которою он касается золотой жены, становится холодной, как лед.
3. Ильмаринен предлагает золотую жену Вяйнямёйнену, но тот не берет ее и советует Ильмаринену выковать из нее другие предметы или отвезти ее а таком виде, как она есть, в другие страны и отдать ищущим золота женихам.

Каждый вечер Ильмаринен
О своей супруге плачет,
Все без сна проводит ночи,
Днем не ест, а только плачет;
Ранним утром причитает,
День начнется, он вздыхает,
Ибо нет его супруги,
Умерла его красота;
Не берет он в руки молот,
Молот с медной рукояткой,
Не слышать его кованья,
Не слышать уж целый месяц.
Так промолвил Ильмаринен:
"Горе молодцу-бедняге,
Как мне быть теперь, не знаю.
Сплю ли, бодрствую ли ночью,
Ни о чем не в силах думать,
И от горя ослабел я.
Вечерами мне так скучно,
Мне тоскливо ранним утром,
Ночь еще того тяжело,
А проснусь, так станет горше.
Я не жду, как прежде, ночи,
Поутру не жаль вставать мне,
День ли, ночь ли – все равно мне:

Я печалюсь о прекрасной,
Я тоскую по желанной,
Я грущу по чернобровой.
Часто в середине ночи,
На перине мягкой лежя,
Вижу милую во сне я,
Щетно руки протираю,
Щетно ощупью скольжу я
В обе стороны рукою".
Без жены кузнец страдает.
Постарел он без супруги.
Два-три месяца проплакал,
Но, когда настал четвертый,
Взял он золота из моря,
Серебра в морских теченьях;
Кучу дров нагромоздил он,
Придцать раз за ними ездил;
Пережег дрова на угли,
Наложил углей в горнило.
Взял он собранное золото,
Серебра он взял обломок,
В рост осеннего ягненка
Или зимнего зайчонка.
Бросил золото расплавить,
Серебро в горнило бросил
И к мехам рабов поставил
За поденную оплату.
Раздувать мехи пустились
И накачивают воздух
Тольми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли -
Изваяние из золота,
Из серебра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздувать мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горячей печки,-
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Вот овца из печки вышла,
Побежала из горнила,
Шерсть из золота, из меди,
Шерсть серебряная также.
Все любят овецкой,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
"Это волку нужно только!
Я жены хотел из золота,

Ждал из серебра супруги".
И кователь Ильмаринен
Вновь овцу в огонь кидает,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.
Раздуть мехи пустились
И накачивают воздух
Толыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли -
Изваяние из злата,
Из серебра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо.
Сам кователь Ильмаринен
Раздуть мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз,
И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горячей печки,-
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Из огня бежит жеребчик,
И к мехам он подбегает,
Златогривый, серебrogлавый,
А копыта все из меди.
Все жеребчиком довольны,
Но кователь недоволен.
И промолвил Ильмаринен:
"Это волку только нужно!
Я жены хотел из злата,
Ждал из серебра супруги".
И кидает Ильмаринен
Вновь жеребчика в горнило,
Прибавляет больше злата,
Серебра еще бросает,
Вновь рабов к мехам он ставит
За поденную оплату.
Раздуть мехи пустились
И накачивают воздух
Толыми рабы руками,
Плечи вовсе не покрыты.
Сам кователь Ильмаринен
Поворачивает угли -
Изваяние из злата,
Из серебра невесту сделать.
Но плоха рабов работа,
И мехи качают слабо;
Сам кователь Ильмаринен
Раздуть мехи подходит.
Раз качнул, качнул другой раз,

И потом, при третьем разе,
Посмотрел на дно горнила,
На края горячей печки,-
Что выходит из горнила,
Что в огне там происходит?
Из горнила вышла дева
С золотыми волосами
И с серебряной головкой,
С превосходным чудным станом,
Так что прочим стало страшно,-
Ильмаринену не страшно.
Стал трудиться Ильмаринен,
Сам кузнец над изваяньем,
Он ковал, не спавши, ночью,
Днем ковал без остановку.
Ноги сделал этой деве,
Ноги сделал ей и руки,
Но нога идти не может,
И рука не обнимает.
Он куёт девице уши,
Но они не могут слышать.
Он уста искусно сделал
И глаза ей, как живые,
Но уста без слов остались
И глаза без блеска чувства.
И промолвил Ильмаринен:
"Хороша была бы дева,
Если б речью обладала,
Дух и голос бы имела".

И повлек красотку деву
На пуховую перину,
На покойные подушки,
На постель свою из шелка.
Вот кователь Ильмаринен
Истопил, напарил баню,
Приготовил в бане мыло;
Он связал ветвистый веник,
Да воды принес три кадки,
Чтобы зяблиця купалась,
Подорожничек омылся
От нагара золотого.
Вдоволь сам кузнец помылся,
С наслаждением искупался.
Лег он рядом с этой девой
На пуховую перину,
На стальной своей кровати,
На подставках из железа.
Взял кователь Ильмаринен,
Взял он первую же ночью
Одеял число большое,
Да принес платков он кучу,
Две иль три медвежьи шкуры,
Одеял пять-шесть суконных,

Чтобы спать с своей супругой,
С золотой женою рядом.
Он с того согрелся боку,
Где покрыли одеяла;
Но с другого, где лежало
Изваянье золотое,
Только холод проникает,
Лишь мороз проходит страшный,-
Этот бок уж леденеет,
Уж твердеет, словно камень.

И промолвил Ильмаринен:
"Негодна такая в жены!
В Вяйнёлу ее свезу я,
Вяйнямёйнену в подарок;
Пусть ему подругой будет,
Сядет курочкой любезной".
В Вяйнёлу отвез он деву
И, придя туда, промолвил,
Говорит слова такие:
"О ты, старый Вяйнямёйнен!
Вот возьми красоту деву,
Эту видную девицу,
Рот ее широк не будет,
Не надуты будут щеки".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Что увидел изваянье,
Бросил взор на это злато,
Говорит слова такие:
"Ты зачем привез мне это,
Это чудище златое?"
Отвечает Ильмаринен:
"Чтоб тебе же было лучше,
Я привез тебе супругу,
Эту курочку в подарок".
Молвил старый Вяйнямёйнен:
"О кузнец, мой милый братец!
Брось в огонь ты эту деву
И накуй вещей различных
Иль вези ту куклу к немцам,
Как диковинку, к венецам,
Пусть ее богатый любит,
Пусть к ней сватается знатный!
Неприлично в нашем роде,
Самому мне точно так же,
Брать невесту золотую,
Брать серебряную в жены".
Запретил тут Вяйнямёйнен,
Не велел Сувантолайнен
Поклоениям грядущим,
Возрастающему роду
Перед золотом склоняться,
Серебру уступки делать.
Говорит слова такие

*И такие речи молвит:
"Дети бедные, смотрите
Вы, растущие герои,
Будете ли вы с достатком
Иль совсем без достоянья,
Берегитесь в вашей жизни,
И пока сияет месяц,
Сватать деву золотую,
Брать серебряную в жены!
Блеск у золота холодный,
Серебро морозом дышит".*

Руна тридцать восьмая

1. Ильмаринен отправляется в Похьёлу свататься за младшую сестру прежней своей жены, но слышит в ответ ругань; рассердившись, он похищает девицу и отправляется с нею домой.

2. По дороге девица оскорбляет Ильмаринена и доводит его до гнева; в ответ на оскорбления он превращает ее в чайку.

3. Затем он возвращается домой и рассказывает Вяйнёмейнену о беззаботной жизни Похьёлы, обладающей Сампо, а также о том, что с ним случилось во время сватовства.

*Вот бросает Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Золотое изваянье,
Из серебра свою невесту.
На коня надел он сбрую,
Он коня запряг как надо,
Сел тут в сани расписные,
Поместился на сиденье.
Он отправиться решился,
И намеренье имел он
Снова в Похьёле посватать -
Похьёлы вторую дочку.
День проехал Ильмаринен,
И второй потом он мчится,
Наконец, уже на третий,
В Похьёлу во двор въезжает.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
На дворе сама стояла.
Говорить тут начинает
И все выведать желает:
Хорошо ль ее дитяти,
Хорошо ль живется дочке
С мужем в доме у свекрови,
Как хозяйке и невестке?
И кователь Ильмаринен
Головой пониц печально.
Шапка на сторону сбилась.
Сам сказал слова такие:
"И не спрашивай ты, теща,
Не спрашивай ты больше,
Хорошо ль живется дочке,*

Хорошо ль живет родная!
Смерть ее уже схватила,
Был конец ее суровый;
В землю ягодку зарыли
И в песочек положили
Чернобровую под стебли,
Серебристую под травы.
Вот за дочь вторую
Я пришел, за младшей девой.
Ты отдай мне деву, теща,
Отпусти вторую дочку
В дом моей супруги первой,
На скамью сестрицы милой!"
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Плохо прежде поступила,
Дурно сделала я раньше,
Что дитя тебе вручила,
Отдала тебе ту дочку,
Чтобы юная скончалась,
Чтобы нежная погибла,
Точно в пасти злого волка,
В глотке страшного медведя.
Не отдам тебе вторую,
За тебя я дочь не выдам,
Чтоб с тебя смывала сажу,
Очищала бы от гари.
Я скорее брошу дочку,
Это детище родное,
В водопад, шумящий бурно,
В пасть пылающей пучины,
В страшный зев налима Мань,
В пасть зубастой щуки Шуони".
Шут кователь Илмаринен
Рот скривил, пониқ главою,
Волосы все набок сбились,
Головой махнул курчавой
И в избу прошел поспешно,
Сам прошел под кровлю быстро,
Говорит слова такие:
"Ты пойдй ко мне, девица,
На скамью своей сестрицы,
В дом моей супруги первой,
Чтобы печь мне хлебы с медом,
Чтоб варить получше пиво!"
На полу запел ребенок,
Он запел и так промолвил:
"Уходи отсюда, лишний,
Уходи от нашей двери!
Повредил ты раньше дому,
Причинил ты дому горе,
Как пришел сюда впервые,
У дверей здесь появился.
Дева, милая сестрица!

Не влюбляйся в жениха ты.
Не смотри на ноги мужа,
На румянец уст не зарься:
У красавца – зубы волка,
Он припрятал лисьи когти,
Когти острые, медвежьи;
Нож его лишь крови жаждет,
Им он головы срезает,
Им, негодным, режет спины".
И промолвила девица,
Ильмаринену сказала:
"За тебя не выйду замуж,
За такого негодяя!
Ты убил свою супругу,
Погубил мою сестрицу,
И меня убить ты можешь,
Сам меня лишишь ты жизни,
Ведь заслуживает дева,
Чтобы муж ее был лучше
И имел бы рост хороший,
Чтоб поехать в лучших санках,
Ехать к лучшему жилищу,
К дому лучшему, побольше,
А не к кузнице с углями,
Не к огню дрянного мужа".
Рассердился Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Рот скривил, пониқ главою,
Волосы все набоқ сбились;
Подбежал, схватил девицу;
Обхватил ее руками,
Из избы бежит метелью,
Подбежал к саням поспешно,
Посадил девицу в сани,
Бросил в сани расписные,
Собрался оттуда ехать,
Отправляется оттуда
И рукою держит вожжи,
А другою грудь девицы.

Горько плакала девица,
Говорит слова такие:
"Я иду к болотной клюкве,
На прибрежную осоку;
Шам я, курочка, погибну,
Шам умру я, птичка, с горя.
О кователь Ильмаринен!
Если ты меня непустишь,
Разобью я эти сани,
Расщеплю их по кусочкам,
Их коленями сломаю,
Разобью я их ногами".
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:

"Так кузнец устроил сани,
Что бока их из железа,
Чтобы их не повредила
Этим тоганьем красотка".
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшениях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
"Если ты меня непустишь,
Обращусь тогда я в рыбу
И сигом уйду под волны".
Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
"От меня ты не спасешься:
За тобой пуцусь я щукой".
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшениях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
"Если ты меня непустишь,
Убегу я в лес зеленый
Горностаем на утесы".
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
"От меня ты не спасешься:
За тобой пуцусь я выдрой".
Плачет бедная девица,
Вся в блестящих украшениях,
И свои ломает пальцы,
Стискивает больно руки,
Говорит слова такие:
"Если ты меня непустишь,
То я жаворонком стану,
От тебя я спрячусь в туче".
Но кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
"От меня ты не спасешься:
За тобой орлом помчуся".
Лишь отъехали немного,
Небольшую часть дороги,
Начинает лошадь фыркать,
Вислухая пугаться.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Заяц здесь бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
"Горе мне, девице бедной!"

Было б мне гораздо лучше,
Лучше, если б мне пришлось
Побежать за этим зайцем
И уйти за қосолапым,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы у зайца лучше,
Рот у зайца покрасивей".
Сам қователь Ильмаринен,
Смотрит вниз, кусает губы,
Едет шумно по дороге;
Но немного лишь отъехал,
Очень громко қонь зафырқал,
Вислоухий испугался.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Здесь лисица пробежала».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
"Горе мне, девице бедной!
Мне жилось бы много лучше,
Лучше, если б мне пришлось
Ехать в саночках лисицы,
На сиденье лиски быстрой,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:
Волосы лисицы лучше,
Рот лисицы покрасивей".
Сам қователь Ильмаринен,
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге;
Но немного лишь отъехал,
Очень громко қонь зафырқал,
Вислоухий испугался.
Подняла головку дева,
След по снегу увидала
И тогда сказала слово:
«Кто-то здесь бежал дорогой?»
Отвечает Ильмаринен:
«Это волк бежал дорогой».
Дева бедная вздохнула,
С горьким вздохом зарыдала,
Говорит слова такие:
"Горе мне, несчастной дева,
Мне жилось бы много лучше,
Бели бы пришлось мне, бедной,
Побежать за этим волком,
Что всегда лишь в землю смотрит,
А не с суженым остаться
Под помятым покрывалом:

Волосы у волка лучше,
Рот у волка покрасивей".
Сам кователь Ильмаринен
Смотрит вниз, кусает губы,
Шумно едет по дороге
Ночью в новую деревню.
Здесь, усталый от дороги,
Он уснул тотчас же крепко,
А жена с другим смеялась
Над своим уснувшим мужем.
Как кователь Ильмаринен
Поутру тогда проснулся,
Рот скривил, главу понурил,
Волосы все набок сбились;
И промолвил Ильмаринен,
Вымолвил такое слово:
"Не приняться ль мне за пенье,
Не заклать ли мне невесту,
Обратить в лесного зверя
Или в зверя водяного?
Если в лес ее пущу я,
То весь лес перепугаю;
Коль пущу ее я в воду,
Убегут оттуда рыбы,
Я возьму клинок мой острый
И мечом я с ней покончу".
Чует меч его решенье,
Угадал клинок желанье,
Говорит слова такие:
"Не на то ведь я устроен,
Чтоб губить бессильных женщин,
Чтоб лишать несчастных жизни".
Вот кователь Ильмаринен
Начал сильные заклатья,
Громко начал закланья:
Обратил жену он в чайку,
Чтоб скакала по утесам,
Чтоб пицала по скалистым,
Чтоб вертелась по побережью
И носилась в непогоду.

Пут кователь Ильмаринен
Быстро вновь уселся в сани.
Шумно мчится по дороге,
Головой пониך печально,
Едет к родине обратно,
На знакомые поляны.
Старый, верный Вяйнямёйнен
На пути его встречает,
Говорит слова такие:
"Брат, кователь Ильмаринен!
Отчего ты так печален,
Шапка на сторону сбилась?
Ты из Похьёлы вернулся?"

Как же Похъёла живет там?"
Отвечает Ильмаринен:
"Что ж ей, Похъёле, не жить там!
Сампо мелет неустанно,
И шумит немолчно крышка,
Мелет день для пропитанья,
А другой день для продажи,
Третий мелет для пирушки;
Говорю я справедливо,
Повторяю это снова:
Сладко в Похъёле живется,
Если в Похъёле есть Сампо!
Шам и пашни и посевы,
Шам и разные растенья,
Неизменные там блага".
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Брат, кователь Ильмаринен!
Где ж супругу ты оставил;
Знаменитую девицу,
Что один ты возвратился,
Без жены назад приехал?"
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
"Обратил в морскую чайку
Я жену свою дрянную,
И теперь на море чайкой
Все кричит она, все кличет,
Все шумит там по утесам,
Оглашает криком скалы".

Руна тридцать девятая

1. Вяйнямейнен предлагает Ильмаринену отправиться вместе с ним в Похъёлу за Сампо; Ильмаринен соглашается, и герои отправляются на лодке в путь.
2. Лемминкяйнен встречает их и, услышав, куда они едут, просит взять его с собой, на что они охотно соглашаются.

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"О кователь Ильмаринен!
Едем в Похъёлу с тобою,
Чтоб добыть оттуда Сампо,
Крышку пеструю увидеть!"
Шут кователь Ильмаринен,
Отвечая, так промолвил:
"Невозможно взять нам Сампо,
Крышку пеструю похитить
Из той Похъёлы туманной,
Сариолы вечно мрачной!
Сампо в Похъёле убрали,
Крышку пеструю укрыли
В каменной скале высокой,

В медном Похьёлы утесе,
Шам – за девятью замками;
И пошли от Сампо корни
В глубину на девять сажень;
И один проходит в землю,
На берег другой проходит,
Третий в гору, что при доме".
Молвит старый Вяйнямйнен:
"Брат, кузнец ты мой любезный!
Едем в Похьёлу со мною,
Чтоб добыть оттуда Сампо!
Мы корабль большой построим,
Чтоб на нем поставить Сампо,
Крышку пеструю похитить
В скалах Похьёлы туманной
Из горы, где много меди,
Из-за девяти замочков!"
Отвечает Ильмаринен:
"Путь по суше безопасней.
Лемпо морем пусть поедет,
Смерть пусть тащится по волнам!
Шам нагнать нас может ветер,
Может буря опрокинуть,
Как бы не пришлось грести нам
Шам – как веслами – руками".
Молвил старый Вяйнямйнен:
"Путь по суше безопасней,
Безопасней, но не легче,
Он извилистей и дальше.
Хорошо по морю в лодке,
В челноке приятно плавать,
По равнинам вод стремиться,
Ехать прямо по течению:
Ветры лодочку качают,
Волны двигают кораблик,
Ветер западный качает,
Южный ветер подгоняет.
Но пусть будет, как кто хочет,
Шы не хочешь ехать морем,
Так поедем мы по суше,
Мы поедем по побережью!
Шолько ты клинок мне выкуй,
Огневой мне меч устрой ты,
Чтоб собаку разогнал им,
Похьёлы народ рассеял,
Ибо я иду брать Сампо
В деревнях морозом полных,
В Похьёле туманно-мрачной,
В той суровой Сариоле".
Стал у горна Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
На огонь железо бросил,
Бросил сталь на кучу углей,
Бросил золота пригоршню,

Серебра пригоршню тоже.
Раздуть рабов заставил
За поденную оплату.
Шут рабы мехи качают,
Раздувают сильно воздух;
Точно тесто, сталь размякла,
Точно каша — железо,
Как вода, серебро блистает,
Как волна, струится золото.
И нагнулся Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Посмотрел на дно горнила,
На края горячей печи:
Там клинок образовался
С золотой рукояткой.
Смесь из пламени он вынул,
Положил металл прекрасный
Из горна на наковальню,
Чтоб стучал веселый молот.
Сделал меч, какой хотелось,
И клинок был самый лучший.
Меч он золотом украсил,
Серебром отделал славным.
Старый, верный Вяйнямейнен
Посмотреть туда приходит.
Огневой клинок берет он,
Взял его рукою правой.
Поворачивает, смотрит,
Говорит слова такие:
"А придется ль меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу?"
И пришелся меч по мужу,
Тот клинок по меченосцу,
На конце сияет месяц,
Посредине светит солнце,
В рукоятке блещут звезды,
В нижней части ржет жеребчик,
Наверху кричит котенок,
На ножнах собачка лает.
Там и тут мечом он рубит
По железному утесу,
Говорит слова такие:
"Лезвием я этим мог бы
Горы твердые разрезать,
Расколоть на части скалы!"
Сам кователь Ильмаринен
Говорит слова такие:
"Чем же я могу, несчастный,
Чем, отважный, защищаться,
Опоясаться, закрыться
От всех бед морей и суши?
Не в броню ли мне одеться,
Взять железную рубашку
Да стальной на чресла пояс?"

Всякий муж в броне сильнее,
Богатырь в железе лучше,
Крепче в поясе из стали".
Вот пришла пора уехать,
Час приблизился отъезда.
Должен ехать Вяйнямйнен,
С ним кователь Ильмаринен.
И пошли искать лошадку,
С колосистой гривой лошадь,
Обмотались поводками,
Сбруи на плечи взвалили.
Вот высматривают лошадь,
Морду лошади средь леса,
Смотрят пристально сквозь чащу,
По лесной опушке темной:
Наконец нашли в дубраве
Желтогривую лошадку.
Старый, верный Вяйнямйнен,
С ним кователь Ильмаринен
На коня ремни надели,
Повод лошади на морду.
И, стуча, дорогой едут,
Оба едут по побережью:
Услыхали вопль на взморье,
Крики с пристани несутся.
Старый, верный Вяйнямйнен
Говорит слова такие:
"Это девушка там плачет,
Это курочка рыдает!
Не подъехать ли поближе,
Посмотреть, что там такое?"
Сам подъехал он поближе,
Посмотреть, что там такое.
"Но не девушка там плачет,
"Но не курочка рыдает:
Это лодочка там плачет,
"Но челнок печально стонет.
Молвит старый Вяйнямйнен,
Стоя сбоку этой лодки:
"Что ты плачешь, челн дощатый,
"Пы, с уключинами лодка?
Иль груба твоя работа,
"Тяжелы крюки для весел?"
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
"В море выйти хочет лодка
С тех катков, смолой покрытых,
"Точно в мужнино жилище
Хочет девушка из дома.
Вот я плачу, челн несчастный,
Лодка бедная, горюю:
"Чтоб меня толкнули в воду,
"Чтоб меня спустили в море.
Мне, как строили, сказали,

Как сколачивали, пели:
Быть мне лодкою военной,
Быть корабликом для битвы,
Чтоб возить на дне богатство,
Чтоб с сокровищами плавать:
На войне еще я не был,
За добычею не ездил!
А другие лодки, хуже,
Ездят все-таки на битву,
На войне они бывают,
Прижды в лето выезжают,
Возвращаются с деньгами
И на дне везут богатство.
Я же построенный прекрасно
Из досок, из целой сотни,
Здесь гнию на этих щепках,
На катках, смолой покрытых;
Земляные только черви
Подо мной живут спокойно,
Да противнейшие птицы
На моей гнездятся мачте,
Да лягушки из лесочка
На боку мои садятся.
Вдвое было бы мне лучше,
Вдвое лучше, даже втрое,
Если б я был горной елью,
На песочке был сосною:
Там по мне б скакала белка,
Подо мною пес скакал бы".
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Ты не плачь, челнок дощатый,
Ты, с уключинами лодка!
На войну пойдешь ты скоро,
Ты поедешь на сражение.
Только создана ль ты, лодка,
Мастером своим искусно?
Бокром сможешь ли проехать,
Стороною по теченью,
Чтоб тебя рукой не трогать,
Не касаться даже пальцем,
И плечом тебя не двигать,
Не тащить тебя руками?"
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
"Мой обширный род не ходит,
Челны, братья дорогие,
Не столкнут пока их в воду,
Не погонят их на волны,
Не дотронутся руками
И не сдвинут силой с места".
Молвил старый Вяйнямейнен:
"Коль столкну тебя я в воду,
Побежишь ли ты без весел,

Чтоб не двигались весла,
Руль тебе не помогал бы,
В паруса не дули б ветры?"
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
"Мой обширный род не ходит,
И никто из нас не едет,
Коль грести не будут пальцы,
Если весла не помогут,
Если руль служить не будет,
Не подуют в парус ветры!"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Побежишь ли ты при гребле,
Если весла будут двигать,
Если руль тебя погонит,
В паруса подуют ветры?"
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
"Весь обширный род мой ходит,
Челны, братья дорогие,
Если руки держат весла, •
Если весла помогают,
Руль подвижный направляет,
Если дуют в парус ветры!"
Оставляет Вяйнямейнен
На песках свою лошадку,
Привязал к суку за повод,
К деревцу на недоуздох,
И столкнул челнок на волны,
Пеньем гонит лодку в воду,
Так у лодки вопрошает,
Говорит слова такие:
"Челн, изогнутый прекрасно,
Ты, с уключинами лодка!
Так же ль ты пойдешь прекрасно,
Как ты выглядишь, дощатый?"
Отвечал челнок дощатый,
Челн с уключинами молвил:
"Я могу ходить прекрасно,
Поместить на дне могу я
Сто мужей, держащих весла,
Или тысячу сидящих!"
Начал старый Вяйнямейнен
Напевать тихонько песни:
На одном боку той лодки
Молодцы-красавцы сели;
В кулаках их много силы;
На ногах у них сапожки;
На другом боку той лодки
Сели девушки в колечках,
В оловянных украшениях,
В поясах блестящей меди.
Тел и дальше Вяйнямейнен;

Занял все скамьи мужами;
Там, на дне, уселись старцы,
Что всю жизнь свою сидели;
Посадил их потеснее,
Молодежь расселась раньше.
Сам он сел в конце на лодке,
У кормы, что из березы,
Свой кораблик направляет,
Говорит слова такие:
"Ты беги, мой челн, по волнам,
По пространству без деревьев,
Ты беги, как пузыречек,
Как цветочек, по теченью!"
Молодцов грести заставил,
А девиц сидеть без дела:
Молодцы гребут прилежно,
Но пути не убывает,
Он девиц грести заставил,
Молодцов сидеть без дела:
И гребут девицы сильно,
Но пути не убывает.
Стариков грести заставил,
Молодых сидеть без дела:
Старики гребут усердно,
Но пути не убывает.
Наконец уж Ильмаринен
Сам грести туда уселся;
Побежал челнок дощатый,
И дорога убывает.
Лишь звучат удары весел,
Визг уключин раздается.
Он гребет с ужасным шумом;
И качаются скамейки,
Стонут весла из рябины,
Ручки их, как куропатки,
Их лопатки, как лебедки,
Носом челн звучит, как лебедь,
А кормой кричит, как ворон,
И уключины гогочут.
Сам же старый Вяйнямйнен
Лодку с плеском направляет,
На корме на красной сидя,
У руля занявши место.
Вдруг мысочек показался,
На мысочке – деревушка.

Ахти жил на том мысочке,
Кауко жил у этой бухты.
Плачет он, что нету рыбы,
Не хватает ему хлеба,
Больно мал амбар дощатый,
Что живется плуту плохо.
Он бок устроил лодке,
Челноку он дно приделал

На голодном этом мысе,
У несчастной деревушки.
Слух у Ахти превосходный,
А глаза того получше:
Осмотрел он север, запад,
Повернул на солнце взоры,
Видит радугу далеко,
А еще подальше – тучу.
Но не радугу он видит
И не тучу дождевую:
Это лодка проезжает,
Это челн дощатый едет
На хребте прозрачном моря,
По открытому теченью;
У руля сидит отважный,
Славный муж налег на весла.
Молвит юный Лемминкяйнен:
"Этой лодки я не знаю,
Челнока такой постройки,
Что из Суоми к нам стремится,
Весла воду бьют с востока,
Руль направился на запад".
Громким голосом он кличет,
Крик его раздался всюду;
Он кричит с конца мысочка,
Через воду громко кличет:
"Это чья на море лодка,
Чей кораблик здесь на волнах?"
Молодцы сказали с лодки,
Шап девичьи отвечали:
"Что за муж ты в этой роще,
Что за храбрый в этой чаще,
Коль не знаешь нашей лодки,
Лодки Вяйнёлы дощатой,
И не знаешь рулевого
И гребца того на веслах?"
Отвечает Лемминкяйнен:
"Рулевого-то я знаю,
И гребца я знаю тоже:
Старый, верный Вяйнямёйнен
У руля сидит и правит,
А гребец – сам Ильмаринен.
Вы куда, мужи, плывете,
Направляетесь, герои?"
Молвил старый Вяйнямёйнен:
"Едем прямо мы на север,
Против сильного теченья,
По волнам, покрытым пеной:
Мы себе добудем Сампо,
Крышку пеструю захватим
В скалах Похьёлы туманной,
В недрах медного утеса".
И промолвил Лемминкяйнен:
"О ты, старый Вяйнямёйнен!

Шы меня возьми как мужа
И как третьего героя,
Ибо ты идешь взять Сампо,
Крышку пеструю похитить!
Окажусь еще я мужем,
Если драться будет нужно:
Дам рукам я приказанье,
Поучу еще я плечи".
Старый, верный Вяйнямейнен
Взял с собой в дорогу мужа,
Молодца с собою в лодку.
Вот веселый Лемминкяйнен
Входит в лодку торопливо,
Поспешает легким шагом
И несет бруску с собою
Вяйнямейнену для лодки.
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Есть уж дерево на лодке,
Есть в челне моем брусочки,
Все устроено, как надо.
Шы зачем принес брусочки,
Бревна нам сюда на лодку?"
Отвечает Лемминкяйнен:
"Не через помощь тонет лодка,
Тонет не через осторожность,
В море Похьёлы нередко
Бури сносят брусья лодок,
Ветры доски отрывают".
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Для того в военной лодке
Выгиб сделан из железа
И обит он сверху сталью,
Чтобы ветры не вредили,
Бури лодку не разбили".

Руна сороковая

1. Охотники за Сампо приплывают к водопаду, и под водопадом лодка насакивает на большую щуку.
2. Щуку убивают, втаскивают в лодку, варят и съедают.
3. Вяйнямейнен делает из челюстей щуки кантеле, на котором многие пробуют играть, но ни у кого не хватает умения.

Старый, верный Вяйнямейнен
Направляет лодку дальше,
От конца большого мыса,
От несчастной деревушки.
По волнам он правит с пенъем,
Полный радости, по морю.
Смотрят с берега девицы,
Смотрят, слушают и молвят:
"Что за клики там на море,

Что за песни над волнами?
Эти клики лучше прежних,
Пенье лучше, чем бывало!"
Направляет Вяйнямйнен
В первый день по речке лодку,
Во второй же по болотам,
В третий правит по порогам.
Вспоминает Лемминкяйнен,
Как он прежде слушал речи
Возле огненных потоков,
У святой речной пучины.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Ты, порог, не пенься бурно,
Ты, вода, не колыхайся!
Дева рек, девица пены,
Сядь на камнях средь пучины,
На скале среди шипенья;
Захвати ты волны в руки,
Ты сожми прибой руками,
В кулаках сожми ты пену,
Не пускай на грудь нам брызги
И на головы шипенье!
Ты, старуха, в глуби моря,
Ты, что в пене обитаешь!
Ты всплыви наверх, на волны,
Поднимись над пеной грудью,
Ты свяжи покрепче пену,
Стерези получше волны,
Чтобы тот от них не сгинул,
Кто безгрешен и невинен!
Вы, среди реки каменья,
Опененные утесы!
Вы чело нагните ваше,
Головы склоните ниже
На дороге лодки красной,
На пути ладьи смоленной!
Если этого все мало -
Киви-Киммо, ты, сын Каммо!
Буравом ты щель проделай,
Пробуравь дыру побольше
Сквозь утес среди потока,
Сквозь подводный злобный камень,
Чтобы лодка не застряла,
Пробежала невредимо!
Бели этого все мало,
Ты, хозяин вод текущих!
Обрати ты в мох каменья,
А челнок в дыханье щуки,
Как пройдет он через волны,
Через горы водяные!
О ты, дева водопада,
Что в реке живешь, девица!
Ты скрути помягче нитку,

Нить скрути-ка из тумана,
Протяни сквозь воду нитку,
Сквозь потоки голубую,
Чтоб по ней мой челн стремился,
Осмолённым дном проехал,
Чтоб неопытные даже
Здесь по ней нашли дорогу!
Мелатар, жена благая,
Фуль возьми свой благосклонно,
Чем ты лодку направляешь
В зачарованных потоках
Мимо злобного жилища,
Мимо окон чародеев!
Если этого все мало,
О ты, Укко, бог верховный!
Проведи мечом ты лодку,
Пы направь клинком блестящим,
Чтоб бежал челнок дощатый,
Чтоб спешил челнок сосновый!"
Старый, верный Вяйнямейнен
Правит дальше через волны,
Меж подводными скалами,
Через пену с диким ревом.
Шам челнок не зацепился,
Лодка мудрого не стала.
Но когда она уж вышла
На открытое течение,
Вдруг свой бег остановила;
Быстрый челн вперед не мчится,
На одном застрял он месте,
Он подвинуться не может.

Сам кователь Ильмаринен,
С ним веселый Лемминкяйнен
Весла в море упирают,
Жердь еловую в течение,
Напрягают все усилья,
Чтобы дать свободу лодке.
Лодка сдвинуться не может,
Челн не стронулся дощатый.
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Пы, веселый Лемминкяйнен,
Посмотри туда, нагнися:
Что такое держит лодку,
Что наш челн остановило
В распростершихся потоках,
В успокоившихся глубях?
Что там: пень какой, иль камень,
Иль другая там преграда?"
Сам веселый Лемминкяйнен
Посмотреть туда нагнулся,
Смотрит вниз под лодку быстро,
Говорит слова такие:

"Не на пне сидит челнок наш,
Не на пне и не на камне:
На плече сидит он щуки,
На бедре морской собаки".
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Все в воде возможно встретить:
Есть там пни, и есть там щуки.
На спине сидим у щуки,
На бедре морской собаки;
По воде мечом ударь ты
И разрежь на части рыбу".
Шут веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Из-за пояса меч вынул,
Острый меч, что кости рубит,
По воде мечом ударил,
Да свалился с края лодки,
С борта в воду повалился
И упал руками в море.
Ильмаринен быстро тащит
Потчас за волосы мужа,
Из потоков его поднял,
Говорит слова такие:
"Все повыросли мужами,
Бородатыми все стали.
И таких, пожалуй, сотня,
Даже тысяча найдется!"
Взял кователь с подпояски,
Меч свой выхватил из ножен,
Чтоб покончить с хищной рыбой;
Ударяет вниз под лодку;
Но клинок в куски разбился,
Щука же того не чует.
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Вы в полмужа не годитесь,
В вас героя нет и трети!
Если надобность есть в муже,
Если разум мужа нужен,
Шут ума и не хватает,
Исчезает ваш рассудок".
Сам клинок свой вынимает,
Вынул острое железо:
Он клинок вонзает в волны,
С края лодки вглубь вонзает,
В спину той огромной щуки,
В ребра той морской собаки.
Меч, однако, там остался
И застрял у рыбы в теле.
Старый, верный Вяйнямейнен
Рыбу вытащил наружу,
Из воды он щуку поднял,
Та на части развалилась:

Рыбий хвост на дно свалился,
Голова свалилась в лодку.
Снова мог челнок проехать,
Лодка стронулась с места.
Старый, верный Вяйнямейнен
Повернул челнок к утесу,
Лодку к берегу он гонит.
Повернулся он и видит
Щучью голову в обломках,
Говорит слова такие:
"Кто из юношей постарше?
Распластал бы мне он щуку,
Разделил на части рыбу,
Щучью голову разрезал!"
Отвечали с лодки мужи,
С борта женщины сказали:
"У ловца прекрасней руки
И его святее пальцы".
Старый, верный Вяйнямейнен
Ножик свой из ножен вынул,
Сталь холодную взял сбоку,
Чтоб разрезать эту щуку,
Распластать на части рыбу,
Сам сказал слова такие:
"Кто из дев здесь всех моложе?
Пусть мне сварит эту щуку,
Приготовит мне на завтрак,
Приготовит на обед мне".
И взялись варить девицы,
Десять дев на спор взялись,
И сварили эту щуку,
Приготовили на завтрак,
На скале остались кости,
Рыбьи кости на утесе.

Старый, верный Вяйнямейнен
Посмотрел на эти кости:
Он со всех сторон их смотрит,
Говорит слова такие:
"Что б могло отсюда выйти,
Из зубов огромной щуки
И из челюстей широких,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу?"
И промолвил Ильмаринен:
"Ничего из бесполезных
Рыбьих косточек не выйдет,
Если бросить их в горнило,
Где кует кователь-мастер,
Дать их опытному мужу".
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Из костей, однако, может

Выйти кантеле, пожалуй,
Веселящая услада,
Звонкий короб многострунный".
Где же мастер, чтобы сделать
Веселящую усладу,
Звонкий короб многострунный?
Начал старый Вяйнямейнен
Сам скреплять те рыбы кости,
Сам он мастером явился,
Кантеле он сам устроил,
Вещь на вечную усладу.
Короб кантеле откуда?
Он из челюсти той щуки.
Гвозди кантеле откуда?
Из зубов огромной рыбы.
Струны кантеле откуда?
Из волос коня у Хийси.
Создан короб многострунный,
Кантеле давно готово,
Короб тот из щучьей кости,
Кантеле из рыбьих перьев.
Собралися холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
С ними девочки-малютки,
И старухи и девицы,
Также с ними молодницы,
Чтобы кантеле увидеть,
Чтоб игру на нем послушать.
Старый, верный Вяйнямейнен
Дал и юным, дал и старым,
Людям средних лет дозволил,
Чтобы пальцами играли
На том кантеле из щуки,
Коробе из рыбьей кости.
Старик и молодые,
Люди средних лет играли:
У младых ломались пальцы,
Старых головы тряслися,
Но веселье не вклицало
И игра не разгоралась.
И промолвил Лемминкяйнен:
"Толоумные вы дети,
Шупоумные девчонки,
Вы – народ совсем негодный!
Извлекать искусно звуки,
Вы играть ведь неспособны,
Мне вы короб этот дайте,
Мне вы кантеле несите,
Мне поставьте на колени,
Под мои под десять пальцев".
Вот веселый Лемминкяйнен
Держит кантеле руками,
Ставит короб пред собою

И кладет на струны пальцы.
Вот он кантеле потрогал,
Так и сяк переставляет,
Не звучат, однако, струны,
Не дают они услады.
Молвит старьй Вяйнямёйнен:
"Ни средь тех, кто помоложе,
Средь растущего народа,
Ни средь старцев не найдется,
Кто на кантеле сумел бы
Заиграть и дать усладу.
Может, в Похьёле найдется,
Кто на кантеле сыграет,
Извлечет из струн отраду,
Коль их в Похьёлу пошлю я?"
В Похьёлу послал он короб,
Кантеле туда направил.
Там и юноши играли,
Там и девушкци играли,
И замужние играли,
И женатые мужчины;
Даже старая хозяйка
Поворачивала короб,
Крепко пальцами хватала,
Ноготками струн касалась.
В Похьёле все поиграли,
Люди возрастов различных;
Там веселье не вскипало,
Не была игра приятна.
Струны все перекосились,
Жалко волосы стонали,
Звуки грубо рокотали,
Дурно кантеле звучало.
Спал слепой, в углу свернувшись,
Там лежал на печке старьй.
Вот на печке он проснулся,
Пробудился на лежанке,
Забурчал, на печке сидя,
Заворчал, в углу приткнувшись:
"Перестаньте вы играть там,
Прекратите шум несносный!
Вы мне голову развили,
Мне в ухах продули щели
И сквозь волосы прорвались,
Сон мой надолго отбили!
Коль игра столь многих финнов
Не приносит нам отрады,
Не дает дремоты сладкой,
Сна приятно не наводит,
Кантеле вы бросьте в воду,
В глубину морей забросьте
Иль назад его снесите,
Положите эти струны
На создавшие их руки,

*Их создателю на пальцы!"
Потчас струны отвечали,
Кантеле в ответ сказало:
"Не хочу идти я в воду,
Погрузиться в глубь морскую;
Пусть на мне играет мастер
Сам своей рукой искусной".
Отнесли тихонько струны,
Осторожно положили
На создавшие их руки,
Мастеру их на колени.*

Руна сорок первая

1. Вяйнямёйнен играет на кантеле, и все, живущее в воздухе, на земле и в море, собирается послушать его игру.

2. Игра за душу хватает слушающих – слезы выступают у них на глазах; из глаз самого Вяйнямёйнена падают на землю крупные слезы и, скатываясь в воду, превращаются в чудесные голубые жемчужины.

*Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный песнопевец,
Свои пальцы разминает,
Два больших смочил слюною,
На скалу отрады вышел;
Сел на камень песнопенья,
На серебряном пригорке,
На холмочке золотистом.
Кантеле берет он в руки,
Ставит выгиб на колени,
Держит кантеле руками,
Говорит слова такие:
"Приходи сюда послушать,
Кто еще не слышал раньше
Этих вечных рун усладу
Вместе с кантеле напевом!"
Под рукою старца Вяйнё
Издает искусно звуки
Этот короб многострунный,
Кантеле из рыбьей кости.
Плавно вскидывал он пальцы,
Высоко большой он поднял.
Шло веселье за весельем,
Радость с радостью сливалась;
Это было впрямь игрою,
Песня с песнею сплеталась,
Напевали рыбы кости,
Тон давали щучьи зубы;
Струны толстые – звук сильный,
Конский волос – звук высокий.
Вот играет Вяйнямёйнен -
И в лесу не стало зверя*

Из всех четвероногих,
Кто скакать и бегать может,
Чтоб не шли туда послушать
И, ликуя, восторгаться.
Белка весело цеплялась,
С ветки прыгала на ветку;
Подбежали горностаи
И на изгороди сели;
Лось запрыгал на поляне,
Даже радовались рыси,
Волк проснулся на болоте,-
На песчанике поднялся
Сам медведь в сосновых чащах,
Средь густых зеленых елей.
Волк бежит широким полем,
По песку медведь несется
И садится у забора,
У калитки он уселся:
Повалил забор на камни,
На песок свалил калитку,
На сосну тогда влезает,
Он вскарабкался на елку,
Чтобы ту игру послушать
И, ликуя, восторгаться.
Бодрый Шапиолы старец,
Шот, кто в Метсоле хозяин,
С ним и Шапио народец,
Все, и девушки и парни,
Влезли на гору повыше,
Чтобы ту игру послушать.
И сама хозяйка леса,-
Эта бодрая старуха,
Вышла в синеньких чулочках,
Подвязав их красным бантом,
На нарост березы села,
На изгиб ольхи зеленой,
Чтобы кантеле послушать,
Чтоб услышать эти звуки.
Все воздушные летуны,
Все с двумя крылами птицы
Запорхали, прилетели,
Прилетели и уселись
Слушать радостные звуки
И, ликуя, восторгаться.
Вот орел услышал дома
Суоми дивную усладу;
Он птенцов в гнезде оставил,
Сам, собравшись, улетает,
Чтоб игру героя слушать,
Вяйнямейнена напевы.
С высоты орел спустился,
Из-за туч спустился ястреб,
Из потоков вышли утки,
Снялись лебеди с болота,

Даже зяблики-малютки,
Что так весело щебечут,
Сотни чижицков слетелись,
С ними жаворонки вместе
Тысячей вверху шумели,
На плечах возились старца.
Так играл отец почтенный,
Восхищал всех Вяйнямёйнен.
Даже дочери творенья,
Девы воздуха явились
И, ликуя, восторгались,
Слыша кантеле звучанье;
А одна в небесном своде
Там на радуге уселась,
А на облаке другая,
На краю сияя красном.
Дочь Луны, красота дева,
И прекрасная дочь Солнца
Берда, что в руках держали,
Ниченицы поднимали,
Золотую ткань тут ткали,
Ткань серебряную стали,
На краю румяной тучки,
На краю большого свода.
Но как только услышали
Звуки песни многострунной.
Берда вытала из ручек,
Ускользнул челнок из пальцев,
Нить из золота порвалась,
Нить серебряная тоже.
И в воде не оставалось
Никого, кто шесть имеет
Плавников на теле рыбьем,
Не осталось рыбьей стаи,
Чтоб не шла туда послушать
И, ликуя, восторгаться.
Собрались, приплывши, щуки,
Тсы нескладные морские;
Собрались от рифов семги,
Из глубин сизги приплыли,
Выплыл окунь красноглазый,
Корюшки приплыли стаей,
Вместе все в камыш уткнулись,
Стали в ряд, чтобы послушать
Вяйнямёйнена напевы
И игрою восторгаться.
Ахто, этот царь потоков,
С бородой из трав зеленых,
Выплыл тоже на поверхность,
На цветке морском он выплыл.
Слышит дивной песни звуки,
Говорит слова такие:
"Не слышал ни разу в жизни
Ничего, чтоб так звучало,

Как играет Вяйнямейнен,
Как поет певец чудесный".
Дочки-уточка у моря,
Простниковые сестрицы,
На морском побережье сидя,
Волосы свои чесали,
Локоны свои ровняли
Гребнем, золотом богатым,
Серебром обитой щеткой.
Услыхали эти звуки:
Соскользнула щетка в воду,
Быстро в волны опустилась;
Так волос не расчесали,
Разве только вполвину.
Наконец, воды хозяйка,
Вся покрытая травой,
Поднялась из глубы моря,
Выплыла она из зыби:
Проползла в тростник прибрежный
И на риф облокотилась,
Чтоб послушать эти звуки,
Вяйнямейнена напевы.
Звуки дивно раздавались,
И игра была чудесна,
Задремала вод хозяйка,
Вниз лицом она заснула
На спине скалы высокой,
На краю большого камня.

Старый, верный Вяйнямейнен
День играет и другой день.
Не осталось там героя,
Ни единого из храбрых,
Не осталось там ни мужа,
Ни жены, носящей косы,
Кто б от той игры не плакал,
Чье не тронулось бы сердце.
Плачут юноши и старцы,
Плачут люди холостые
И женатые герои,
Полувзрослые ребята,
Плачут также и девицы,
Плачут девочки-малютки, -
Так чудесны эти звуки,
Так играет дивно старец.
Плачет старый Вяйнямейнен,
Слезы катятся обильно,
Из очей сбегают капли,
Вниз жемчужные стекают;
Покрупней они брусники
И горошины потолще,
Покрупней яйца пеструшки,
Головы касатки больше.
Из очей водица каплет,

Сильно каплями сбегает
И на челюсти стремится,
По щекам стекает книзу,
А со щек бежит прекрасных
На широкий подбородок,
С подбородка же струится
По груди высокой старца,
А с груди высокой старца
На крепчайшие колени,
А с колен крепчайших этих
На подъем ноги высокой,
А с ноги высокой старца
Уж на землю под ногами;
Через пять струится курток,
Шесть золотистых подпоясок,
Через семь кафтанов синих,
Через восемь верхних платьев.
Так роняет Вяйнямёйнен
Водяные капли, старый,
На морское побережье,
А с морского побережья
В глубину воды блестящей,
На чернеющую тину.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Не найдется ль кто из юных
Из цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал мне эти слезы
Из глубоких вод блестящих?"
Отвечали молодые,
И в ответ сказали старцы:
"Не найдется тут меж юных
Средь цветущей молодежи,
В этом племени обширном
Из сынов его отважных,
Кто б собрал тебе те слезы
Из глубоких вод блестящих".
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Кто мои добудет слезы,
Водяные вынет капли
Из глубоких вод блестящих,
Дам тому из перьев шубу".
Подошел, закаркав, ворон.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
"Принеси мне, ворон, слезы
Из глубоких вод блестящих!
Дам тебе из перьев шубу".
Не достал те слезы ворон.
Утка синяя то слышит,
Утка синяя подходит.
Молвит старый Вяйнямёйнен:

"Утка синяя, ты часто
В глубину ныряешь с клювом,
Любишь свежую водицу:
Собери пойдя мне слезы
Из глубоких вод блестящих!
Будет славная награда:
Дам тебе из перьев шубу".
Собирать уходит утка
Эти слезы старца Вяйнё
Из глубоких вод блестящих,
Там на черном, темном иле
Собрала по морю слезы,
Принесла их в руки Вяйнё.
Слезы вид другой имели
И чудесно изменились:
Заблестели жемчугами,
Голубым сверкали блеском,
Королевскою украсой
И могучего утехой.

Руна сорок вторая

1. Герои прибывают в Похьёлу, и Вяйнямейнен говорит, что они приехали поделить Сампо; если они не получат половины, то возьмут насильно все.

2. Хозяйка Похьёлы не соглашается отдать Сампо и поднимает против них всех жителей Похьёлы. Вяйнямейнен берет кантеле, начинает играть и погружает своей игрой в сон всех в Похьёле; затем вместе с товарищами он разыскивает Сампо, достает его из каменной горы и кладет в лодку.

3. Взяв Сампо в лодку, они отплывают из Похьёлы и счастливо плывут домой.

4. На третий день хозяйка Похьёлы пробуждается и, увидев, что Сампо похищено, насылет густой туман, большой ветер и прочие препятствия, чтобы задержать похитителей Сампо, пока она сама их не догонит; во время бури Вяйнямейнен теряет в море свое новое кантеле.

Старый, верный Вяйнямейнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Третий с ними Лемминкяйнен,
Молодец тот, Кауконгели,
По морю спокойно едут,
По равнине вод открытых,
В ту холодную деревню,
В сумрачную Сариолу,
Где героев топят в море
И мужей уничтожают.
Кто ж гребет у них на лодке?
Первый был там Ильмаринен,
Он гребет на этой лодке,
Он гребет веслом передним,
А второй был Лемминкяйнен,
Он гребет веслом последним.
Старый, верный Вяйнямейнен
На корме крулю садится,
Направляет челн по морю,

Направляет через потоки,
Через пенистые волны,
По теченью с бурной пеной,
К пристани той Сариолы,
К тем знакомым перекатам.
Вот туда они подходят,
Путь окончивши далекий,
И челнок на сушу тащат,
Уставляют челн смоленый
На катках, обитых сталью,
На катках, богатых медью.
Челн поставив, входят в избу,
Быстро внутрь избы проходят.
И хозяйка Сариолы
Распросила у прибывших:
"Что, мужи, пришли поведать,
Что расскажете, герои?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Дал в ответ слова такие:
"Речь героев здесь о Сампо,
Речь мужей о пестрой крышке.
Поделив пришли мы Сампо,
Крышку пеструю увидеть".
Но тут Похъёлы хозяйка
Говорит слова такие:
"Меж тремя не делят белку
И не делят куропатку.
Хорошо вертеться Сампо
И шуметь здесь пестрой крышке
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса.
Хорошо мне быть владыкой,
Обладательницей Сампо".
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Если ты делить не хочешь,
Чтоб мы взяли половину,
Все тогда возьмем мы Сампо,
Унесем насильно в лодку".

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Очень сильно обозлилась,
Похъёлы народ сзывает,
Молодых людей с мечами,
Всех героев с их оружием
Вяйнямейнену на гибель.
Старый, верный Вяйнямейнен
Потчас к кантеле подходит
И на нем играть садится.
Начал он играть прекрасно:
Все заслушались люди,
Удивлялись чудным звукам,
Все мужи развеселились,
На устах у жен улыбка,

Влажны очи у героев,
На коленях все ребята.
Весь народ ослабил старец:
Все, уставши, повалились,
И, кто слушал, тихо дремлет,
Кто дивился, засыпает,
Детям, старцам – сон навеян
Вяйнямёйнена игрою.
Потчас мудрый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
В свой карман полез поспешно,
Ищет в кожаном мешочке,
Вынул стрелы сна оттуда:
На глаза навел дремоту,
Крепко запер всем ресницы,
На замок он запер веки
Утомленному народу,
Погруженным в сон героям.
Крепкий сон на них навел он,
Чтоб они проспали долго,
Похъёлы все населье,
Весь народ со всей деревни.
Он пошел тогда за Сампо,
Крышку пеструю увидеть
В глыбе Похъёлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.
Начал старый Вяйнямёйнен
Шихим голосом напевы
Возле медного утеса,
Перед крепостью скалистой,
Покачнулись там ворота,
И крюки их затрещали.
Сам помазал Ильмаринен,
Мажут вместе с ним другие
Жиром те замки у входа,
Салом те крюки дверные,
Чтобы дверь не заскрипела,
Чтоб крюки не завизжали.
Повернул замок он пальцем,
Поднял он засов рукою,
Без труда замки он отпер
И легко открыл ворота.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
"О веселый Лемминкяйнен,
Всех друзей моих ты выше!
Захвати пойдя ты Сампо,
Крышку пеструю в утесе!"
И веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгъели,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья,

Устремился взять там Сампо,
Крышку пеструю в утесе,
И, идя туда, промолвил,
На ходу он похвалился:
"Говорит во мне мужчина,
Богатырь, что создан Укко;
Я собью в утесе Сампо,
Крышку пеструю сверну я
Шолько правою ногою,
Шолько пяткою я двину!"
Вот сбивает Лемминкяйнен,
Он сбивает, ударяет,
Ухватил руками Сампо
И упер колено в землю,-
Но не сдвинулось Сампо,
Крышка пестрая не сбилась.
Сампо корни запустило
В глубину на девять сажень.
В Похъэле бычище вырос.
Был он рослый и могучий,
С очень крепкими боками
И с хорошим сухожильем;
Каждый рог его был в сажень,
В полторы сажени морда.
Взял быка с полей зеленых,
Взял он плуг с окраины поля,
Корни выпахал у Сампо,
Корешки у пестрой крышки,
И подвинулось Сампо,
Крышка пестрая качнулась.
Взял тут старый Вяйнямейнен,
С ним кователь Ильмаринен,
Претым с ними Лемминкяйнен,
Взяли так большое Сампо
В глыбе Похъэлы скалистой,
В недрах медного утеса,
Отнесли его на лодку,
В корабле его укрыли.

Наконец-то Сампо в лодке,
В лодке пестрая та крышка.
Челн мужи толкают в море,
На течение – стодоцатый.
С шумом в воду челн спустился
На течение боками.
И спросил тут Ильмаринен,
Говорит слова такие:
"Но куда свезем мы Сампо
И куда его мы денем,
Чтоб его подальше спрятать,
Скрыть от злобной Сариолы?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Вот куда свезем мы Сампо,

Крышку пеструю упрячем:
На туманный мыс далекий,
На покрытый мглою остров,
Чтоб всегда там счастье было,
Чтоб оно там вечно жило.
Шам ведь есть еще местечко,
Шам клочок земли остался
Невредимый и спокойный
И мечом не посещенный".
Едет старый Вяйнямйнен
Шут из Похьёлы суровой,
Едет он с покойным сердцем,
Едет к родине веселый,
Говорит слова такие:
"Отвернись от Сариолы,
Повернись ты, челн, к отчизне,
А к чужбине стань спиною!
Ветер, ты качай кораблик;
Шы, вода, гони мне лодку,
Окажи ты веслам помощь,
Легкость дай лопаткам весел
На равнинах вод широких,
По открытому теченью!
Коль малы у лодки весла,
Коль гребцы здесь малосильны,
Невелик на лодке кормчий,
Если дети правят лодкой -
Дай твои нам весла, Ахто,
Шы, хозяин, дай и лодку,
Весла новые получише,
Дай и руль, вполне пригодный!
Сам тогда садись у весел,
Сам иди, чтоб двинуть лодку;
Пусть челнок бежит скорее,
Пусть уключины гогочут
Средь прибоя волн шумящих,
Средь воды, покрытой пеной!"
Гонит старый Вяйнямйнен
Свой челнок прекрасный дальше.
Сам кователь Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен
Шам гребут на этой лодке,
Шам гребут и поспешают
По волнам прозрачным, чистым,
По равнинам вод открытым.
И промолвил Лемминкяйнен:
"Сколько я ни греб, бывало,
Заняты гребцы водою,
А певцы искусным пеньем.
А сегодня я не слышу
Ничего у нас такого:
Нет песен в нашей лодке,
Нет пеня на волнах".
Старый, верный Вяйнямйнен

Говорит слова такие:
"Петь не следует на море,
Начинать в потоках пенье:
Пенье лишь приносит лень,
Песни лишь мешают гребле.
Свет золотого дня исчезнет,
Темнота нас здесь застанет
На равнинах вод широких
На открытом их теченье".
Шут веселый Лемминкяйнен
Говорит слова такие:
"Все равно уходит время,
Исчезает день прекрасный,
Ночь торопится на море,
Набегают ночи сумрак,
Хоть бы ты не пел и вовсе,
Хоть всю жизнь не распевал бы".
Едет старый Вяйнямйнен
По волнам на синем море,
Правит день, другой день правит,
Наконец, уже на третий,
Встал веселый Лемминкяйнен,
Говорит слова такие:
"Отчего же, Вяйнямйнен,
Лучший муж, ты петь не хочешь,
Ты же завладел ведь Сампо
И уже домой стремишься?"
Старый, верный Вяйнямйнен
Так разумно отвечает:
"Слишком рано петь нам песни,
Поржеству еще не время;
Лишь тогда запеть пристойно,
Поржеству тогда лишь время,
Как свои увидишь двери,
Заскрипит своя калитка".
Молвил юный Лемминкяйнен:
"Если бы сидел я кормчим,
Из всех я сил запел бы,
Всею глоткой зашумел бы,
Даже вовсе не умея,
Напевая очень дурно.
начать не хочешь пенье,
Сам я к пенью приготовлюсь".
Шут веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомъели,
Рот сложил, как было надо,
И налаживает звуки;
Начинает сам он пенье,
Жалкий шум он поднимает:
Пел он голосом осипшим,
Напевал он горлом грубым.
Так веселый Лемминкяйнен
Расшумелся, Каукомъели.
Борода и рот трясутся,

Подбородок закачался,
Далеко несется пенье,
По волнам оно несется,
До шестой дошло деревни,
За семью морями слышно.
На пеньке журавль уселся,
На сыром холме зеленом;
В пальцах он считает кости,
Поднимает кверху ноги;
Он ужасно испугался
Лемминкяйнена напева.
Поднял крик журавль, услышав,
Испугался, страшно крикнул,
Полетел тотчас оттуда,
В Похьёлу он быстро мчится.
Прилетев туда, на север,
На болоте он остался,
Крикнул голосом противным,
Что есть силы закричал он:
Похьёлы народ он поднял,
Пробудил людей негодных.

Встала Похьёлы хозяйка,
От дремоты пробудилась,
В хлев пошла стада проведать
И к овину побежала,
Осмотрела в хлеве стадо,
Перечла зерно в амбаре:
Не потеряны коровы,
И зерна не уменьшилось.
Шут к скале она подходит,
К двери медного утеса,
И, придя туда, сказала:
"Горе, горе мне, несчастной!
Здесь была рука чужая,
Все поломаны замочки,
И открыта дверь твердыни,
Все крючки совсем разбиты:
Неужель исчезло Сампо
И похищено насильем?"
Уж похищено то Сампо,
Крышка пестрая исчезла
Шам, из глыбы Сариолы,
Шам, из медного утеса,
Где замков висело девять,
Десять где засовов было.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Вся от злобы распалилась,
Видит: власть ее слабеет,
Пропадает так же слава.
Удудар она так просит:
"Дева мглы, тумана дочка!
Шы просей туман сквозь сито,
Ниспошли ты мглу густую,

С неба дай сгущенный воздух,
Пусть пусти пары густые
На хребет морей блестящих,
По открытому простору,
Чтоб засел там Вяйнямйёнен,
Чтоб застрял Сувантолайнен!
Если ж этого все мало,
Ику-Шурсо, ты, сын Старца!
Подними главу из моря,
Подними из волн макушку,
Калевы мужей низвергни,
Утони друзей потоков,
Пусть те злобные герои
В глубине валов погибнут;
В Похьёлу верни ты Сампо,
Захватив его с той лодки!
Если ж этого все мало -
Ой ты, Укко, бог верховный,
Золотой мой царь воздушный,
Мой серебряный владыка!
Сделай бурю, непогоду,
Силу воздуха ты вышли,
Подними волнение, ветер
Против этой лодки в море,
Чтоб засел там Вяйнямйёнен,
Чтоб застрял Сувантолайнен!"
Надышала дочь тумана,
Нагустила мглу на волны,
Плотно воздух мглой застлала,
Чтобы старый Вяйнямйёнен
Простоял подряд три ночи
Посреди морей широких,
Никуда не мог бы выйти,
Никуда не мог отъехать.
Простояв подряд три ночи
Посреди морских потоков,
Молвит старый Вяйнямйёнен,
Говорит слова такие:
"Даже муж совсем негодный,
Из героев самый слабый,
Не потонет средь тумана,
Не погибнет в испареньях".
Он клинком прорезал воду,
Он мечом ударил море:
Мед с клинка его струится,
Сладкий мед с меча сбегает,
Испаренья всходят к небу,
Поднимаются туманы;
Скоро воды стали чисты,
Прояснились все потоки,
Приоткрылись дальше воды,
И кругом все стало видно.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновение,

Шум послышался ужасный
На волнах, у красной лодки;
Пена так и брызжет сверху,
Вяйнямёйнену на лодку.
Шут кователь Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Кровь со щек внезапно пала,
Вниз с лица его бежала,
С головою он накрылся
И с обоими ушами,
Закрывает обе щеки,
А еще плотнее очи.
Потчас старый Вяйнямёйнен
Посмотрел на море с лодки,
Бросил в сторону он взоры,
Видит маленькое чудо:
Ику-Шурсо, тот сын Старца,
Поднялся у борта лодки
Головой своей из моря,
Из воды своей макушкой.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Шурсо за уши хватает,
Поднял за уши повыше
И спросил его сурово,
Говорит слова такие:
"Ику-Шурсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся
Пред очами человека,
Пред сынами Калевалы?"
Ику-Шурсо, тот сын Старца,
Не обрадовался очень
И не очень испугался,
Но ответа так и не дал.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Во второй раз вопрошает,
В третий раз он молвит строго:
"Ику-Шурсо, ты, сын Старца!
Ты зачем из моря вышел,
Ты зачем из вод поднялся?"
Ику-Шурсо, тот сын Старца,
Отвечал при третьем разе,
Дал в ответ слова такие:
"Я затем из моря вышел,
Я затем из вод поднялся,
Что намеренье имел я
Калевы весь род прикончить,
Отнести на север Сампо.
Коль меня отпустишь в воду,
Жизнь мне жалкую оставишь,
Не явлюсь уже в другой раз
Пред очами человека".
Потчас старый Вяйнямёйнен
Отпустил его обратно,

Говорит слова такие:
"Ику-Шурсо, ты, сын Старца!
Выходить не смей из моря,
Никогда не поднимайся
Пред очами человека,
От сегодня и до века".
Никогда теперь не смеет
Выходить из моря Шурсо
Пред очами человека,
Никогда, пока нам месяц,
Солнце, свет дневной и воздух
Радость светлую даруют.
Правит старый Вяйнямёйнен
Лодкой по морю все дальше.
Мало времени проходит,
Протекло едва мгновенье -
Посылает Укко с неба,
Сам он, воздуха властитель,
Сильный ветер им навстречу
И бушующие бури.
Ветры сильные подули,
Бури страшно загудели,
Ветер с запада бушует,
С юго-запада пронзает,
Напирает он с восхода,
Воет с северо-восхода,
Воет с северо-заката,
Страшно с севера ревет он.
Он сорвал с деревьев листья,
Оторвал у сосен иглы,
Оборвал с лугов цветочки,
Оборвал у злаков стебли
И погнал пески земные
На просторы вод блестящих.
Сильно дули эти ветры,
Захлестали лодку волны,
Унесли тот кораб щучий,
Это кантеле из кости,
На веселье всем у Ахто,
Всем у Велламо живущим.
Ахто ловит кораб в волнах,
Дети Ахто – на потоках,
Взяли кантеле с собою -
Унесли с собою в воду.
Плачет старый Вяйнямёйнен.
На глазах у старца слезы,
Сам слова такие молвит:
"Вот исчезло, что я создал,
Сгибла вся души отрада,
Утонула радость старца!
Никогда теперь уж больше,
Никогда, пока живу я,
Не придет из зуба щуки,
Из костей моя утеха".

Сам кователь Ильмаринен
Очень сильно испугался,
Говорит слова такие:
"Горе мне, что я поехал,
Что я вышел в это море,
На открытое течение,
На колеблющихся бревнах,
На ветвях, дрожащих сильно!
Волосы мои знавали
Ветры и большие бури;
Борода моя видала
Злые дни в пространствах водных;
Но видал я редко бурю,
Чтоб была подобна этой:
Страшны бурные потоки,
Эти пенистые волны.
Хоть бы ветер тут помог мне,
Пощадили волны моря".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Шут высказывает мнение:
"В лодке плакать не годится,
Горевать в челне не должно:
Плач в несчастье не поможет
И печаль в годину бедствий!"
И потом промолвил слово,
Говорит такие речи:
"Удержи сынов ты, море,
Чад своих, волна морская,
Вниз спусти ты, Ахто, волны,
Велламо, народ свой сбрось ты,
Чтоб он мой челнок не трогал
И не брызгал в ребра лодки.
Поднимись на небо, ветер,
Уходи туда на тучи,
В те места, где ты родился,
Где живут твои родные!
Не вали дощатой лодки,
Не крути мой челн сосновый -
Шы вали в лесу деревья,
Нагибай на высях ели!"
Сам веселый Лемминкяйнен,
Молодец тот, Каукомгьели,
Говорит слова такие:
"Прилетай, орел турьянец,
Принеси мне тройку перьев,
Принеси мне пару, ворон,
Для защиты лодки малой,
Для боков ее негодных!"
На края бруска набил он,
Боковые делал доски,
Новые бока он делал,
Вышиной их сделал в сажень,
Чтоб через них большие волны
Не могли прорваться в лодку.

*Хорошо челнок устроен,
Хорошо подправлен сбоку,
Чтоб его качать мог ветер,
Чтоб могли бросать и волны,
Если он средь пены моря
По волнам пойдет высоким*

Руна сорок третья

1. Хозяйка Похъёлы снаряжает военный корабль и отправляется за похитителями Сампо.
2. Когда она их настигает, на море между Похъёлой и Калевалой завязывается бой, в котором побеждает Калевала.
3. Однако хозяйке Похъёлы удастся выхватить Сампо из лодки, оно падает в море, где разбивается на куски.
4. Большие куски тонут в море, но мелкие куски волны выбрасывают на берег, к великой радости Вяйнямёйнена, видящего в них основу будущего благоденствия.
5. Хозяйка Похъёлы угрожает уничтожить все счастье Калевалы, но угрозы ее Вяйнямейнен не боится.
6. Огорченная потерей своей власти, возвращается хозяйка Похъёлы домой, захватив с собой от всего Сампо только пустую крышку.
7. Вяйнямёйнен старательно собирает с берега обломки Сампо, сращивает их и желает своей стране вечного счастья.

*Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Северный народ сзывает,
Раздает тугие луки,
Собирает меченосцев,
Снаряжает челн военный,
Похъёлы корабль готовит.
На корабль мужей сажает,
Снаряжает их на битву,
Как птенцов выводит утка
И ведет детей в порядке:
Сели сотни меченосцев,
Тысяча державших луки.
Утверждает мачту в лодке,
Ставит парусные стеньги;
Парус к мачте прикрепляет,
Полотно на эти стеньги
Точно облако спустилось
Иль нависла туча в небе,
Собралась оттуда ехать
И поспешно уезжает
Отбивать обратно Сампо,
Взять его из лодки Вяйнё.*

*Старый, верный Вяйнямейнен
Правит лодкой в синем море,
Говорит слова такие,
На корме поднявшись, молвит:
"О ты, сын веселый Лемпи,
Ты друзей моих всех лучше!*

Шы взойди наверх, на мачту,
Влезь на парусные стеньги!
Посмотри вперед на воздух,
Посмотри назад на небо,-
Ясны ль воздуха границы,
Все ли ясны иль туманны!"
Влез веселый Лемминкяйнен,
Молодец здоровый, ловкий,
Что всегда готов без просьбы,
Скор всегда без поощренья.
Влез на верх высокой мачты,
Влез на парусные стеньги.
На восток, на запад смотрит,
Он на юг глядит, на север,
И на Похъёлу глядит он.
Говорит слова такие:
"Впереди нас воздух ясен,
Но за нами небо мутно;
Мчится с севера к нам тучка,
Облачко идет с заката".
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Шы сказал несправедливо!
Это вовсе там не тучка
И не облако несется:
Это – лодка с парусами.
Посмотри-ка ты получше".
Смотрит пристально второй раз,
Говорит слова такие:
"Там вдали как будто остров,
С юга будто остров в море;
Соколы там на осинах,
Глухарь там на березах".
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Шы сказал несправедливо;
Соколов там не бывало,
Глухарей там вовсе нету:
Похъёлы мужи там едут.
В третий раз взгляни получше!"
Шут веселый Лемминкяйнен
В третий раз прилежно смотрит,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Лодка с Похъёлы подходит,
Сотней весел бьет по морю!
Сто мужей сидят у весел,
Штысячи сидят там в лодке!"
Шут-то старый Вяйнямейнен
Наконец узнал всю правду.
Говорит слова такие:
"Налегай-ка, Ильмаринен,
Шы, веселый Лемминкяйнен,
Люди, побыстрее гребите,
Чтоб умчалась дальше лодка,
Чтоб челнок ушел подальше!"

Налегают Ильмаринен
И веселый Лемминкяйнен,
И гребут все люди с ними.
Ходит руль еловый с треском
И уключины со стуком,
И затрясся челн сосновый;
Нос его ревел тюленем,
А корма шумит, как омут,
Вся вода кипит волнами,
Пена движется клубами.
Что есть сил гребут герои,
Все мужи легли на весла,
Но напрасны их усилья,
Не ушел челнок дощатый
От той лодки с парусами,
Лодки с Похьёлы туманной.
Видит старый Вяйнямёйнен,
"Что теперь беда приходит,
Что грозит ему несчастье.
Он подумал и размыслил,
Как же быть и что же делать,
Говорит слова такие:
"У меня исход найдется,
Знаю маленькое чудо".
Он полез в мешочек с трутом,
Он полез туда поспешно,
Взял в мешке кремня кусочек,
Взял он там немного трута;
Бросил тот кусочек в воду,
"Чрез плечо налево бросил.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Из кремня возникни, отмель,
Появись, утес подводный,
Лодка Похьёлы, разбейся
С ста крюками об утесы
Средь морских прибоев диких,
Среди волн морских громадных!"
И подводный камень вырос,
Под водой утес поднялся;
Он в длину идет к востоку,
В ширину идет на север.
Лодка Похьёлы несетя,
По волнам белеет парус;
Натолкнулась вдруг на отмель,
На подводный этот камень,
Раскололся челн дощатый,
Челн стореберный распался,
Мачта в воду повалилась,
Паруса упали в волны,
Их отнес далеко воздух,
Подхватил их резкий ветер.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Входит в воду по колёно,

Хочет сдвинуть лодку с места,
Приподнять свой челн повыше,
Но поднять его не может
И не может лодку сдвинуть:
Ребра все переломались,
Все крюки ее распались.
Долго думала, гадала,
Говорит слова такие:
"Кто совет подать мне может,
Кто помочь мне в состоянье?"
Быстро облик свой меняет,
Принимает облик новый.
Старых кос пяток приносит,
Шесть мотыг, давно ненужных:
Служат ей они как пальцы,
Их как горсть когтей, сжимает,
Вмиг пол-лодки подхватила:
Подвязала под колена;
А борты к плечам, как крылья,
Руль, как хвост, себе надела;
Сто мужей на крылья сели,
Тысяча на хвост уселась,
Села сотня меченосцев,
Тысяча стрелков отважных.
Распустила Лоухи крылья,
Поднялась орлом на воздух.
В высоте крылами машет
Вяйнямейнену вдогонку:
Бьет одним крылом по туче,
По воде другое тащит.
Мать воды, жена-красотка,
Говорит слова такие:
"О ты, старый Вяйнямейнен!
Поверни глаза на солнце,
Обрати на запад взоры,
Посмотри назад немножко!"
Потчас старый Вяйнямейнен
Повернул глаза на солнце,
Обратил на запад взоры,
Посмотрел назад немножко:
Видит Похьёлы старуху,
Птицу страшную в полете,
Головою – словно ястреб,
На орла похожа телом.
Вяйнямейнена настигла.
К самой мачте подлетела,
Уцепилась за стеньги,
На верхушке мачты села;
Уж грозит паденьем лодке,
Уж корабль склонила набок,
Прибегает Ильмаринен
К богу с жаркою мольбою,
Уж он усердно просит,
Говорит слова такие:

"Уққо, защити, всесильный,
Огради, о бог прекрасный,
От погибели злой сына,
Чадо матери от смерти,
Защити свое творенье,
Охрани свое создание!
Ой ты, Уққо, всюду славный,
Ой ты, Уққо, бог верховный!
Дай мне огненную шубу,
Дай горящую рубашку,
Чтоб я бился под защитой,
Под охраною сражался,
Голова б моя не пала,
Волосы б не повредились
В играх острого железа,
В столкновеньях злобной стали!"
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"О ты, Похъёлы хозяйка!
Хочешь, мы разделим Сампо
На краю земли туманной,
Шам, на острове тенистом?"
Молвит Похъёлы хозяйка:
"Не хочу делить я Сампо,
Не хочу с тобой, несчастный,
Поделиться, Вяйнямейнен!"
А сама хватает Сампо,
Щащит Сампо с лодки Вяйнё.
Шут весёлый Лемминкяйнен
Меч свой с пояса хватает,
Щащит острое железо
С бока левого поспешно.
По когтям орла ударил,
По когтям ударил сильно.
Бьет веселый Лемминкяйнен,
Бьет мечом и прибавляет:
"Ну-ка, вниз, мужи, валитесь,
Вниз, мечи, и вниз, герои,
Сто героев с этих крыльев,
С коготочков по десятку!"
Молвит Похъёлы хозяйка,
Говорит с вершины мачты:
"О веселый Лемминкяйнен,
Кауко жалкий, муж преступный!
Мать родную обманул ты:
А живо клялся ей, старухе,
Что лет шесть, а то и десять
Не пойдешь ни с кем сражаться,
Хоть бы золота возжаждал,
Серебра хотя б желал ты!"
Старый, верный Вяйнямейнен,
Вековечный прорицатель,
Шут решил – настало время,
Наступил уж час удобный.

Щащит руль из глуби моря,
Руль дубовый из течения;
Им чудовище ударил,
Отрубил орлице когти:
И все когти обломались,
Только маленький остался.
Все мужи упали с крыльев,
В волны падают герои,
С крыльев сотня повалилась,
С тела тысяча упала.
А сама орлица с шумом
На края свалилась лодки,
Точно с дерева тетерка,
Точно белка с ветки ели.

Ухватилась за Сампо,
Щащит пальцем безымянным,
Щащит Сампо прямо в воду,
Крышку пеструю роняет
Прямо с края красной лодки
В глуби синие потоков.
Так разбилось в море Сампо,
Крышка пестрая сломалась.

Потонули те обломки,
Те куски большие Сампо,
В глубине потоков синих,
В темной тине дна морского;
Там от них в воде богатство
И сокровища у Ахто.
Никогда в течение жизни
И пока сияет месяц,
Не погибнет вод богатство
И сокровища у Ахто.
Полегли куски другие,
Те обломки, что поменьше,
На хребте воды лазурной,
На волнах морских широких,
Чтоб морской качал их ветер,
Кольхало б их течение
И качал их в море ветер,
Кольхало их течение
На хребте воды лазурной,
На волнах морских широких;
Их на берег гонит ветер,
Их к земле несет течение.
Старый, верный Вяйнямейнен
Видит волны от прибоя,
Видит, как на берег моря,
На побережье волны гонят
И влекут обломки Сампо,
Те осколки пестрой крышки.
Он обрадовался очень,
Говорит слова такие:

"Вот отсюда выйдет семя,
Неизменных благ начало,
Выйдут пашни и посевы
И различные растенья!
Блеск луны отсюда выйдет,
Благодетельный свет солнца
В Суоми на больших полянках,
В Суоми, сладостной для сердца".

Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"У меня найдется выход,
У меня найдется средство
Против пашни и посевов,
Против пастбищ и растений,
Против месяца сиянья,
Против солнечного блеска:
Заточу в утес я месяц,
Я в горе упрячу солнце;
Я морозом заморожу,
Застужу я сильной стужей
Все, что вспашешь и посеешь,
Все посевы и запасы.
Я направлю град железный,
Наброшаю град из стали
На твои большие пашни,
На прекраснейшее поле.
Вышлю из лесу медведя,
Редкозубого из чащи;
Пусть жеребчиков терзает,
Пусть кобыл он разрывает,
Пусть стада твои пожрет он,
Пусть коров твоих погубит.
Изведу народ твой мором
И весь род твой уничтожу,
Чтоб, пока сияет месяц,
Не было о нем и слуху".
Молвит старый Вяйнямйнен,
Говорит слова такие:
"Ни лапландские мне чары,
Ни турьянские не страшны!
Укко лишь – в погоде властен,
Он ключи судьбы имеет.
Не чудовищу иметь их,
Не врагу держать руками.
Если я творцу доверюсь,
На благого понадеюсь,
Он червей с посевов сгонит,
Сгонит он злодеев с жатвы,
Чтоб не портили посевов,
Не губили бы растений,
Чтоб стеблей не истребляли,
Ни от семени побегов.
О ты, Похьёлы хозяйка!

Ты в скалу сажай лишь беды,
В гору прячь одну лишь злобу,
Заклучай страданье в камни,
А не лунный свет прекрасный
И не солнце золотое!
Ты морозь своим морозом,
Ты студи своею стужей
То, что ты сама посеешь,
Семена, что в землю бросишь!
Шли туда свой град железный,
Эти градины стальные,
Где твои же пашут плуги,
К пашням Похьёлы направь их!
Вышли из лесу медведя,
Из чащобы злую кошку,
Косолапого из леса,
Редкозубого из роши -
Выгон Похьёлы тревожить,
Стаду Похьёлы угрозой!"

Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Говорит слова такие:
"Власть моя отныне гибнет
И могущество слабеет:
Под водой мое богатство,
В глубине у моря – Сампо".
Шут домой уходит с плачем,
В Похьёлу идет со скорбью;
Не пришлось ей взять от Сампо
Ничего, что было б ценно,
Но взяла с собой немножко
Безымянным только пальцем:
В Похьёлу приносит крышку,
В Сариолу лишь щепотку.
Бедность в Похьёле отсюда,
Мало хлеба у лапландцев.

Старый, верный Вяйнямейнен
Вышел сам тогда на берег,
Там нашел куски от Сампо,
Щепочки от пестрой крышки,
Он собрал на побережье,
На песчаном мягком месте.
Посадил осколки Сампо,
Щепочки от пестрой крышки
На мысочке средь тумана,
Там, на мглистом островочке,
Чтоб росли и умножались,
Чтоб могли преобразиться
В рожь прекрасную для хлеба
И в ячмень для варки пива.
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"Ой ты, Укко, бог верховный,

Дай нам счастьем насладиться,
Провести всю жизнь счастливо
И ее окончить с честью
На полянах Суоми светлых,
В этой Карьяле прекрасной,
Укко, защити, всесильный,
Огради, о бог прекрасный,
От мужей со злою мыслью
И от жен с недоброй думой!
Укроти земных злых духов,
Водяные злые силы!
Будь сынам своим защитой,
Будь для чад своих подмогой,
Ночью будь для них опорой,
Будь и днем для них охраной!
Пусть не светит дурно солнце,
Не сияет дурно месяц,
Пусть не веют злые ветры,
Пусть не льется вредный ливень,
Холода не повредят нам
Или злая непогода!
Ты поставь забор железный,
Выстрой каменную крепость
Вкруг того, чем я владею,
С двух сторон родного края,
Чтобы шли с земли до неба,
Чтоб с небес к земле спускались,
Были нашему жилищу
И защитой и охраной,
И злодей не смог бы тронуть,
Враг плодов не смог похитить
Никогда, пока на небе
Золотой блистает месяц!"

Руна сорок четвёртая

1. Вяйнямейнен отправляется в море искать потерянное кантеле, однако не находит его.
2. Затем он делает из березы новое кантеле, играя на нем, восхищает все, что есть в природе.

Старый, верный Вяйнямейнен
Так подумал и размыслил:
"Хорошо вот поиграть бы,
Хорошо б повеселиться
И пожить бы жизнью новой
В ослепительных палатах,
Шолько кантеле пропало,
Унеслась моя утеха
В те места, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги,
На утеху водяному
Да у Велламо живущим.

Мне она его не выдаст,
Не отдаст обратно Ахто.
О кователь Ильмаринен!
Ты вчера ковал, работал,
Ты покуй еще сегодня,
Скуй мне грабли из железа,
Частозубые мне грабли,
Зубы с длинной рукояткой,
Чтоб я мог сгребать в потоках,
Чтоб сгребал я волны в кучу,
Чтоб тростник собрал я вместе
По всему побережью моря
И нашел утеху в море,
Взял бы кантеле обратно
Из глубин, где плещут рыбы,
Где живут меж камней семги!"
И кузнец тот Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Сделал грабли из железа
С рукояткою из меди,
По сто сажень в каждом зубе,
Ручку впятеро длиннее.
Принял старый Вяйнямйнен
Эти грабли из железа
И прошел весьма немного,
Путь прошел весьма короткий
По каткам, обитым сталью,
По каткам, где много меди.
Два челна там находились,
Две совсем готовых лодки
На катках, покрытых сталью,
На катках, где много меди.
И один челнок был новый,
А другой челнок был старый.
Молвил старый Вяйнямйнен,
Сам сказал он новой лодке:
"Ты, сойди на воду, лодка,
Поспеши, челнок, на волны,
Чтоб без рук тобою править
И большим не трогать пальцем!"
Потчас лодка вышла в море,
Там спустилась на течение.
Старый, верный Вяйнямйнен
На конце уселся лодки,
И пошел он чистить море,
Подметать его течение.
Смел цветочки водяные,
Смел весь мусор у побережья,
Тростника кусочки даже,
Водяных растений крохи.
Он сучок сгибает каждый,
Рифы граблями цепляет,
Но нигде найти не может
Кантеле из щучьей кости:

Навсегда его утеха,
Это кантеле пропало.
Старый, верный Вяйнямйнен
Шут домой пошел обратно,
Головой пониқ печально,
Шапка на сторону сбилась;
Он опять промолвил слово:
"Никогда уж не найду я
Прежних звуков в рыбьей кости,
Утешенья в щучьем зубе!"

Вот лесочек он проходит,
Вот идет опушкой рощи,
Слышит: плачет там береза,
Сукватая горюет,
Он подходит к ней поближе,
Близко к дереву подходит.
Спрашивает он березу:
"Что, краса-береза, плачешь?
Что, зеленая, горюешь?
Белый пояс, что ты стонешь?
Не ведут тебя на битву
И к войне не принуждают".
И березка отвечает,
Так неторопливо молвит:
"Может, многие наскажут,
Может, кто и насудачит,
Будто весело живу я,
Шелестя, смеюсь листвою.
Я же, бедняжка, вся в заботах,
Шолько скорбь – мое веселье,
О себе в часы несчастья
Я печалюсь и жалею.
Плачу я от малосилья
И от бедности горюю.
Я, бездольная бедняжка,
Так несчастна без опоры,
На дрянном на этом месте,
Я на выгоне стою здесь.
У других так много счастья,
Много счастья от надежды,
Что вернется радость лета,
Время теплое наступит.
Я же, слабая береза,
Я должна терпеть, бедняжка,
Чтоб с меня кору сдирали,
Эти ветки обрубали.
Часто к бедненькой березе,
К этой нежной очень часто
Дети краткою весною
К белому стволу приходят,
Острый нож в него вонзают,
Пьют из сердца сладкий сок мой!
Злой пастух в теченье лета

Белый пояс мой снимает,
Ножны он плетет и чаши,
Кузовки плетет для ягод.
Часто под березкой нежной,
Часто под березкой белой
Собираются девицы,
Вкруг ствола красотки ходят,
Листья сверху обрезают,
Вяжут веники из веток,
Часто тонкую березку,
Горемычную частенько
При подсечке подсекают,
На поленья расщепляют.
Вот уж трижды в это лето,
В эту солнечную пору,
У ствола мужи стояли,
Шопоры свои точили,
Чтоб головушку срубить мне,
Чтоб я с жизнью распростилась.
Вот и вся от лета радость,
Вся от солнышка отрада.
И зимою мне не лучше,
Время снега не милее.
Уж всегда кручина злая,
Горе облик мой изменит,
Низко голову наклонит,
И лицо мое бледнеет,
Лишь, бывало, только вспомню
День мой черный, время злое.
Шут и боль приносит ветер,
Иней – горькие заботы,
Вихрь уносит зелень шубы,
Иней – всю мою одежду,
И тогда-то я, бедняжка,
Я, несчастная береза,
Остаюсь совсем раздетой,
И стою я обнаженной,
И дрожу я в лютой стуже,
На морозе горько плачу".
Молвит старый Вяйнямёйнен:
"Ты не плачь, моя березка,
Не горюй, дружок зеленый,
Белый пояс, не печалься!
Ты еще узнаешь счастье
В жизни новой, наилучшей,
Ты от радости заплачешь,
Зазвучишь от наслажденья".
Сделал старый Вяйнямёйнен
Из березы той утеху,
Целый летний день строгал он,
За день кантеле устроил,
На мысочке, скрытом мглою,
На туманном островочке.
Короб кантеле он режет,

На утеху ящик этот,
Короб делает он прочный,
Весь в прожилках этот ящик,
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Короб кантеле закончен,
Всем на радость этот ящик,
Где же гвоздиков достану,
Где возьму қолқов хороших?"
На дороге дуб поднялся,
На дворе высоко вырос.
Ветви ровные на дубе,
С желудями были ветки,
И на желуде по шару,
И на шаре по кукушке.
И кукушка куковала;
Пять тонов там раздавалось,
Золото текло из клюва,
Серебро текло обильно
На пригорки золотые,
На серебряные выси.
Взял для кантеле гвоздочки,
Взял он қолқи для утехи.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Есть для кантеле гвоздочки,
Есть и қолқи для утехи.
Все же кантеле не полно,
Струн пяти в нем не хватает.
Где возьму я эти струны,
Где я звучные достану?"
Он идет искать те струны
И проходит по поляне.
Видит: девушка в лесочке,
Видит – девица в долине.
Эта девица не плачет
И не очень веселится:
Просто так запела песню:
Поскорей бы вечер минул -
Поскорей бы друг явился,
К ней пришел ее желанный.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Без сапог бежит поспешно,
Без чулок туда стремится,
Добежал он до девицы
И волос у девы просит,
Говорит слова такие:
"Дай волос своих, девица,
Дай қудрей твоих нежнейших,
Чтоб они пошли на струны,
Стали вечною усладой".
И дала волос девица,
Подала волос тончайших,
Подала пять шелковистых,

Шесть и семь ему достала.
Струны кантеле явились,
Голоса отрады вечной.
Было кантеле готово.
Сел тут старьей Вяйнямейнен,
Сел на самый нижний камень,
На ступеньку возле двери.
В руки кантеле берет он,
Взял к себе свою отраду,
Повернул он выгиб к небу,
А основу на колени
И настраивает струны,
Он настроил их как надо.
Вот настроил эти струны,
Музыку родник наладил.
Кантеле взял на колени,
Поперек его поставил;
Вот бегут по струнам пальцы,
Все пять пальцев пробегают,
Пальцы струны рвут с весельем,
Перепрыгивают быстро.
Начал старьей Вяйнямейнен;
Он на кантеле играет.
Пальцы тонкие он выгнул,
Приподнял большие пальцы.
Зазвенела тут береза,
Шут зеленая запела,
Пела золото-кукушка,
Нежно пел девичий волос.
Заиграл сильнее старец.
Струны кантеле ликут,
Скачут горы, рвутся камни,
Скалы все загрохотали,
Рифы треснули морские,
Хряц на волнах закачался;
Сосны с радости плясали,
Пни скакали на полянах.
И все Калевалы жены
Шут работу побросали;
Как река, текут на звуки,
Как поток, туда стремятся.
Молодицы шли со смехом,
Шли весельями хозяйки,
Чтоб игру его послушать
И, ликуя, восторгаться.
Все мужчины, сколько было,
Все стояли снявши шапки,
Сколько ни было там женщин,
Все рукой подперли щеки;
Девушки все прослезились,
Парни стали на колени,
Звукам кантеле внимали,
Звону чудному дивились.
Как одни уста, все люди,

Как один язык, сказали:
"Мы доселе не слышали
Здесь игры такой прекрасной,
Никогда в течение жизни,
С той поры, как светит месяц".
Чудный звон летит далеко,
Мчится через шесть селений:
Никого там не осталось,
Кто б не шел игру послушать,
Пу игру с прекрасным звоном,
Это кантеле звучанье.
Все, как есть, лесные звери,
Когти подобрав, расселись,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
И воздушные летуны
Разместились все на ветках;
Разные морские рыбы
К берегам плывут поближе;
Из земли выходят черви,
Из земли ползут наружу,
Извиваются, чтоб слушать
Кантеле тот звон прекрасный,
Вечную его отраду,
Вяйнямёйнена искусство.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Удивительно играет,
Издает он чудно звуки.
День играл он и другой день,
Он играл без передышки,
На заре поевши хлеба,
Подпоясанный все так же
И в рубашке той же самой.
Он в своем играл жилище,
В собственном сосновом доме:
И звучала кровля дома,
И дрожал весь пол жилища.
Потолок пел, пели двери,
Восклицали все окошки,
Каменная печь качалась,
Притолоки все звучали.
Он пошел еловым лесом,
Он побрел сосновой рощей -
Кланялись ему все ели,
И к земле склонялись сосны;
Шишки с них упали наземь,
Иглы их к корням упали.
И проходит ли по рощам,
Приближается ль к кусточкам,
Рощи весело играют,
И кусточки веселятся.
Все цветы с любовью смотрят,
Нагибаются сучочки.

Руна сорок пятая

1. Хозяйка Похъёлы насылает на Калевалу ужасные болезни.
2. Вяйнёмейнен исцеляет народ мощными заговорами и мазями.

Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Весть услышала однажды,
Весть о Вяйнёлы расцвете,
Калевалы процветанье
Через те обломки Сампо
И кусочки пестрой крышки.
Позавидовала сильно,
Стала думать неустанно,
Смерть какую уготовить
И наслать какую гибель
Людям, в Вяйнёле живущим,
Детям Калевы отважным.
Обратилась с просьбой к Укко,
Умоляет бога грома:
"О ты, Укко, бог верховный!
Калевы народ сгуби ты,
Погуби железным градом,
Стрелами с концом из стали!
Им пошли болезней лютых,
Уничтожь их род противный,
Чтоб мужи погибли в поле,
В хлеве женщины погибли!"
Дочка Шуонелы слепая,
Ловьятар, старуха злая,
Таже всех рожденных Маной,
Всех ее детей противней,
Бедствий всех была истоком,
Целой тысячи пороков,
Лиц она имела черных
С кожей мерзковолосатой,
Дева Шуонелы слепая,
Черноликая девица
На тропе постель постлала,
Ложу в месте неудобном,
И легла она под ветром,
Улеглась под непогодой,
На сквозном ветру холодном,
На ветру холодном, раннем.
Поднялся ужасный вихорь,-
От востока зашумел он,
Плод надул он глупой деве,
Чрево беременем наполнил
На полянах без деревьев,
На лугах, травы лишенных.
И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью;
Два, три месяца носила

И четвертый месяц, пятый
И седьмой, восьмой носила
И девятый также месяц,
А по счету старых женщин,
Полдесятого носила.
Вот истек девятый месяц,
И десятого в начале
Пшвердой сделалась утроба,
Мучит деву сильной болью;
Но родов не получалось:
Не зачатый – не рождался.
С места тут она уходит,
На другом ложится месте,
И пошла родить блудница,
Непотребная, от ветра,
Меж двух скал в середине самой,
Где пять гор сошлись в ущелье,
Но родов не получалось:
Не зачатый – не рождался.
Вновь подыскивает место,
Облежить утробу хочет
Около болот зыбучих
У источников ревущих;
Но найти не может места,
Чтоб от плода разрешиться.
Хочет скинуть порожденье,
Бремя выпустить желает
В пену бурного течения,
В страшные водовороты,
В глубь пучины трех порогов,
К девяти крутым стремнинам,
Но родов не получалось:
Не зачатый – не рождался.
Стала скверная тут плакать:
Страшно чудище ревело,
И куда идти – не знала,
И куда бы ей деваться,
Чтоб свободным сделать чрево,
Чтоб детей родить скорее.
С облаков сказал всевышний,
Так создатель молвил с неба:
"Есть изба с тремя углами
У побережия морского,
В Похьёле, в стране тумана,
В Сариоле, вечно мрачной,
Ты туда родить отправься,
Там оставишь бремя чрева,
Там тебя уж поджидают,
Там детей твоих желают!"
Дева Шуонелы слепая,
Маны скверное отродье,
К Похьёле избе подходит,
Прямо к бане Сариолы,
Чтоб детей родить скорее,

Чтобы выпустить потомков.
Лоухи, Похъёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Потчас деву в баню вводит,
Шайно в банное строенье,
Чтоб деревня не узнала,
Не слышала б ни словечка.
Натопила Лоухи баню,
Приготовила все быстро:
Двери вымазала пивом,
Брагою – задвижку в бане,
Чтобы дверь не заскрипела,
Не запела бы задвижка.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Дева древняя творенья,
С золотым красота блеском,
Ты, старейшая из женщин,
Мать, древнейшая на свете!
По колени стань ты в море,
Ты войди по пояс в воду,
У ерша слюну возьми ты,
Собери ты слизь налима
И помажь ей меж костями,
Намочи бока ей слизью,
Женщину избавь от боли,
От родильных мук девицу,
От мучений, слишком сильных,
От жестокой боли чрева.
Если ж этого все мало,
Укко, ты, творец верховный!
Опустись сюда скорее,
Поспеши, к тебе взываю!
Есть здесь женщина в страданьях,
Есть девица с болью чрева,
Здесь она, средь дыма бани,
В этой бане деревенской.
Ты возьми рукою правой
В золотой оправе палку!
Устрани ты все преграды,
Сокруши столбы у входа,
И замок творца открой ты,
Поломай там все задвижки,
Чтоб пролез большой и малый,
Чтоб прошел и слабосильный!"
Выпускает та дрянная,
Дева Шуонелы слепая
Полноту своей утробы.
Злых детей своих сложила
Под узорным покрывалом,
Под хорошей занавеской.
Всех сынов рождает девять
В продолженье летней ночи,
В продолженье топки бани,

Шам, пока она купалась,
Родила их силой чрева
Из наполненного брюха.
Сыновьям дала названья,
Назвала она рожденных
Кличками по их деяньям,
По тому, что каждый делал:
И один был назван раной,
Колотьем другой был назван,
Ломотой был назван третий,
Звать четвертого сухоткой,
Пятый назван был водянкой,
Был шестой коростой назван,
Зван седьмой – гниющей язвой,
А восьмой – заразой чумной.
Был без имени девятый,
Что родился позже прочих;
Мать его тотчас послала
Заклинателем на воду,
Чтоб зацелял он побережье
И везде посеял зависть.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Всех их вместе созывает
На мысочек, скрытый мглою,
На туманный островочек,
Посылает этих злобных,
Беспримерные болезни,
Против Вяйнёлы народа,
Роду Калевы на гибель.
В Вяйнёле народ болеет,
Калевы лежат герои
В неизвестных им болезнях,
Шам неведомых дотолё,
Шак что пол гниет под ними,
Потолок покрылся гнилью.

Вышел старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Чтоб их головы избавить,
Чтоб спасти болящих души.
В Пуонелу идет он биться,
Сам с болезнями сражаться.
Нагревает жарко баню,
Накаляет в бане камни
Лишь чистейшими дровами,
Принесенными водою.
Воду он принес покрытой,
Чистых веников принес он,
Парит веники для бани,
Густолистые смягчает.
Сделал в бане жар медовый,
И медовый пар поднялся
От камней раскаленных,
От кусков камней жгучих.

Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"В банный жар сойди, создатель,
В теплоту, отец небесный,
Чтобы нам подать здоровье,
Чтоб спокойствие вернуть нам!
Затопчи здесь злые искры,
Погаси здесь тленье злое,
Уничтожь чрезмерность жара,
Жар дурной отсюда вышли,
Чтоб детей твоих не сжег он,
Не убил твоих творений!
Вот я прыскаю водою
На горячие камни,
Пусть вода здесь станет медом,
Пусть стекает сладким соком!
Потечет рекой медовой,
Станет озером медвяным
На камнях этой печи,
Посреди замшелой бани!
Пусть невинные – не гибнут,
Пусть не гибнут без болезни,
Что пошлет на них создатель,
И без смерти, данной богом.
Кто ж губить нас, правых, будет,
Пусть от слов своих погибнет,
Пусть главу свою он сложит
От своих же злобных мыслей!
Коль не силен я настолько
И не столь герой могучий,
Чтоб избавить от несчастья,
Чтоб спасти от тяжких бедствий,
Пусть придет сюда сам Укко,
Шот, кто тучи направляет,
В облаках кто восседает,
Облачка по небу водит.
О ты, Укко, бог верховный,
Шь, на тучах высочайший!
Опустись сюда скорее,
Поспеши, к тебе взываю,
Отыми мученья эти,
Прогони ты эту хворость,
Отошли несчастья злые,
Уничтожь болезни эти!
Меч мне огненный даруй ты,
Огневой клинок пошли мне,
Чтоб сразил я этих злобных
И прогнал бы этих скверных,
На стезю ветров – болезни,
В поле дальше – мученья!
Я туда сгоню болезни,
Я туда пошлю мученья,
В погребя внутри утесов,
В горы, полные железа,

Чтобы камни заболели,
Чтоб узнали муку скалы.
Не заплачут камни, скалы
От болезней и мучений,
Если их и много мучить,
Если их терзать безмерно.
Пуони дочка, дева болей!
Ты живешь в горе болезней
При теченье трех потоков,
При разделе трех течений,
Ты вращаешь камни болей,
Крутишь скалами болезней!
Приходи, возьми болезни
К пасти камня голубого,
Иль сведи ты их на море,
Погрузи в морские глубины,
Где ни ветер не подует,
Ни луч солнца не заблещет!
Если ж этого все мало,
Болей дочь, душа-хозяйка,
Дочка ран, всех женщин краше,
Появись, приди скорее,
Чтоб вернуть нам здесь здоровье,
Даровать успокоенье!
Отними у болей силу,
Прогони от нас мученья,
Дай больным заснуть спокойно
И не знать заботы слабым,
Чтоб ослабший снова ожил,
Храбрый на ноги поднялся!
Заключи в бочонок боли,
В медный ящик все мученья,
Чтоб могла ты взять болезни,
Унести от нас мученья
На главу утеса болей,
В глубину горы болезней.
Там свари болезни эти
В самом малом котелочке,
Что никак не больше пальца
И куда войдет лишь ноготь!
Посреди горы есть камень,
Посреди ее отверстие.
Просверлил бурав отверстие,
Через него прошло железо:
Побросай туда болезни,
Брось туда все злые муки,
Ты сдavi там диких тварей,
Ты сожми там все несчастья,
Чтоб в ночи они не вышли,
Чтоб и днем не появлялись".
Мажет старый Вяйнямйнен,
Вековечный прорицатель,
Мажет все места больные,
Где болезни те засели,

Девятью из лучших мазей,
Восемью из средств волшебных,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"О ты, Укко, бог верховный
Ты, древнейший небожитель!
Ты пошли с востока тучу,
Тучу с севера ты вышли,
Тучу с запада направь ты!
Капай медом, капай влагой,
Чтоб смягчить болезни эти,
Успокоить здесь мученья!
С ними я один не слажу,
Если бог мне не поможет.
Ты, творец, приди на помощь,
Ты помочь, всевышний, должен,
Чтоб я видел то, что нужно,
Чтоб рукой, что нужно, трогал,
Чтоб, что нужно, говорил я
И творил своим дыханьем!
Где моя рука не тронет,
Пусть рука творца коснется;
Где мои персты не тронут,
Пусть персты коснутся божьи!
Ведь персты творца нежнее
И способней руки божьи.
Приходи, творец, заклать их,
Заклинать явись, создатель,
Поглядеть сойди, могучий!
В ночь пусть люди исцелятся,
Днем найдут себе здоровье,
Голова чтоб не болела,
Чтобы тело не страдало,
Чтоб не знали страха в сердце,
Чтоб болезней не имели,
Ни малейшего страданья
Никогда, пока на небе
Золотой сияет месяц!"
Старый, верный Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Так несчастье прогоняет,
Изгоняет все болезни.
Отвращает скорбь людскую,
Лечит тяжкие недуги,
От конца людей спасает,
Род весь Калевы от смерти.

Руна сорок шестая

1. Хозяйка Похъёлы натравливает медведя на стада Калевалы.
2. Вяйнямёйнен убивает медведя, и, согласно древнему обычаю, в Калевале устраиваются по этому случаю торжественные празднества.

3. Вяйнямейнен поет, играет на кантеле и желает Калевале счастливой жизни на будущие времена.

Слышны вести в Сариоле,
Слышны новости в деревне:
В Вяйнёле все исцелились,
Калевала избежала
Наколованных ей бедствий
И несчастий беспримерных,
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Весть услышав, обозлилась,
Говорит слова такие:
"Знаю я другое средство,
Знаю я пути иные:
Выгоню из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На богатства Калевалы".
Погнала из чащ медведя,
Косолапого из леса
К Вяйнёле на скот рогатый,
На поляны Калевалы.

Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Брат, кователь Ильмаринен!
Выкуй новую мне пику,
Сделай то копье трехгранным,
С рукояткою из меди!
Надо бы убить медведя,
Зверя с мехом драгоценным,
Чтоб кобыл моих не трогал,
Жеребцов не задирали бы,
Чтобы не валил мне стадо,
Не губил моих коровок".
И кузнец сковал ту пику:
Не мало копье, не длинно,
По копье размеров средних;
На рубце там волк уселся,
Острие медведь все занял,
Лось бежит по основанью,
Жеребец по рукоятке,
Сел олень там у головки.
Свежий снег поутру выпал,
Нежный снег устлал дорогу,
Белый снег, как зимний зайчик,
Как осенняя овечка.
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"Мне пришло одно желанье,
В Метсолу меня торопит;
Я пойду к девицам леса,
Ко двору девицы синей.

От мужей иду я к лесу,
От героев на работу;
Лес, прими меня как мужа:
Шапио, хозяин леса,
Помоги, пошли мне счастье,
Чтоб красу лесов поймал я!
Мизликки, хозяйка леса,
Шеллерво, дочь Шапиолы,
Удержи своих собачек,
Привяжи ты псов покрепче
На пути, где много веток,
Где навес стоит дубовый!
Отсо, яблочко лесное,
Красота с медовой лапой!
Слышишь ты, что я явился,
Что к тебе иду я храбро.
В мех густой запрячь ты когти,
Зубы деснами прикрой ты,
Чтоб они мне не грозили,
Чтоб и двинуться не смели!
Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Ляг, усни в траве зеленой,
На прекраснейшем утесе,
Чтоб качались сверху сосны,
Над тобой шумели ели.
Шам покатывайся, Отсо,
Шам вертись с медовой лапой,
Как в гнезде на яйцах рябчик,
Как в гнезде своем гусыня!"
Слышит старый Вяйнямейнен:
Лает вдруг его собака,
Пес его вдруг громко брешет
На дворах, где малоглазый,
На местах, где тупомордый.
Молвит он слова такие:
"Думал я – кукушка кличет,
Птичка милая распелась,-
Это вовсе не кукушка,
Это не распелась птичка:
По шумит моя собака,
По испытанный зверек мой
У дверей избушки Отсо,
На дворе красавца мужа!"
Старый, верный Вяйнямейнен
Видит логово медведя,
Опрокинул его ложе,
Пу постельку золотую,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Да прославится всевышний,
Да восхвалится создатель,
Даровал он мне медведя,
Дал мне золото лесное!"

Золотого старец видит,
Говорит слова такие:
"Мой возлюбленный ты, Отсо,
Красота с медовой лапой!
Не сердись ты понапрасну -
Я не бил тебя, мой милый,
Сам ты с дерева кривого,
Сам ты ведь свалился с ветки,
Разорвал свою одежду
О кусты и о деревья:
Скользко осенью бывает,
Дни осенние туманны.
Шь, кукушечка лесная,
Что потряхиваешь мехом!
Брось холодное жилище
И оставь жилье пустынным,
Дом из веточек березы,
Свой шалаш из сучьев ивы!
Славный, ты пойдя со мною,
Пронься, леса украшенья,
В башмаках своих легчайших,
В голубых своих чулочках,
Брось здесь малые пространства,
Эти узкие тропинки,
И пойдём к мужам, героям,
Поспешим к толпе огромной!
Шам тебя не примут дурно,
Заживешь ты там не плохо:
Шам медку дают покушать
И запить медком сотовым
Всем гостям, всем приходящим,
Всем бывающим там людям.
Уходи отсюда с места,
Брось гнездо свое дрянное
И иди под балки крыши,
В превосходное жилище;
По равнине снежной двинься,
Как цветочек по прудочку,
Через эти ветки шмыгай,
Точно белка по сучочкам!"
Старый, верный Вяйнямейнен,
Вековечный песнопевец,
По полям идет, играя,
По пескам он распекает,
Он ступает рядом с гостем,
С гостем в шубе волосатой:
Ша игра несется к дому,
Слышно пенье у жилища.
И в избе народ воскликнул,
В доме вся толпа сказала:
"Слышно, шум сюда несется,
Слышны звуки из дубравы,
Звон клеста из чащи сосен
И рожок лесной девицы!"

Старый, верный Вяйнямейнен
К двору пришел поспешно;
Все навстречу побежали,
Люди добрые сказали:
"Что не золото ль явилось,
Не пришло ли серебро к нам?
Мех ли ценный появился,
Золотая ли монета?
Лес дал лакомку до меда,
Рысь ли дал хозяин добрый,
Что приходите вы с песней,
С торжеством на лыжах мчитесь?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Выдру взял и воспеваю,
Божий дар я прославляю;
Оттого я прибыл с песней,
С торжеством на лыжах мчался.
Только здесь совсем не выдра,
Только здесь не рысь со мною -
Это прибыл знаменитый,
Красота лесов явилась,
Это старый появился,
Сам в кафтане из суконца.
Отворяйте-ка калитку,
Если люб вам чужеземец,
Если ж он вам не по нраву,
Вы калитку затворите!"
Так народ ему ответил,
И такие слышны речи:
"Здравствуй, с лапою медовой,
Здравствуй ты, медведь, прибывший
К нам на выметенный дворик,
На украшенное место!
Я всю жизнь надеждой прожил,
С молодых годов все ждал я,
Чтоб рог Папио раздался,
Дудка леса зазвучала,
Показалось злато леса,
Серебро тут появилось
На дворе, в пространстве малом,
На дороге узкой в поле.
Ждал я, словно урожая,
Словно лета, ожидал я.
Так ждет лыжа первопутка,
Сани ждут дороги ровной,
Жениха так ждет девица,
Краснощекая ждет мужа.
У окна сидел я к ночи,
У ворот сидел я утром,
По неделям у калитки,
Ждал по месяцам при въезде;
У овина ждал зимою,
На снегу стоял я твердом,

Я стоял, когда он таял
И земля в комки свалаялась,
А комки покрылись пылью,
Пыль на них зазеленела.
Утро каждое я думал,
В голове моей держал я:
Где медведь так долго бродит,
Где застрял любимец леса,
Иль в Эстонию ушел он?
Видно, Суоми он оставил?"
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
"Но куда ж вести мне гостя,
Проводить куда златого?
Отвести ль его к овину,
Поместить в жилье соломы?"
Так народ ему ответил,
Люди добрые сказали:
"Отведи туда ты гостя,
Проведи-ка дорогого,
Под прославленную кровлю,
К нам в прекрасное жилище:
Там уж кушанье готово,
Там поставлены напитки,
Чисто выметены доски
И протерты половицы;
Там все женщины надели
Что ни есть прекрасней платья,
Головы их в украшеньях,
Белье на них платочки".
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Отсо, милая пичужка,
Красота с медовой лапой!
Есть земля тебе пройтися,
Есть поля тебе промерить.
Ты пройдишь там, золотой мой,
По земле пройди ты, милый,
Ты пройди в чулочках черных,
Ты пройди в штанах суконных
По тропинке для синицы,
Воробьиною дорожкой,
Там, где пять стропил огромных,
Там, где шесть крепчайших балок,
Жены бедные, смотрите,
Чтобы стадо не пугалось,
Малый скот не разбежался,
Вся скотина не боялась,
Как в избу медведь полезет,
Как пойдет с косматой мордой!
Из сеней долой вы, парни,
От ворот долой, девицы!
Ведь герой в избу вступает,
Ведь краса мужей подходит!

Отсо! Яблочко лесное,
Ты, в дубраве ком красивый!
Этих девушек не бойся,
Не страшись прекраснокудрых,
Не пугайся ты и женщин,
Этих жен, чулки носящих!
Все вы, женщины в избушке,
Все скорей за загородку,
Коль в избу идут мужчины,
Молодец вступает гордый!"
Молвил старый Вяйнямйнен:
"Боже, дай благополучье,
Ниспошли под эти балки,
Под прекрасной этой кровлей!
Но куда ж сведу любимца,
Где мохнатого оставлю?"
Люди старицу отвечали:
"Просим милости, пожалуй!
Пропусти свою пичужку,
Проведи ты золотую
На сосновое сиденье,
На железную скамейку,
Чтоб нам мех его потрогать,
Осмотреть всю шубу Отсо!
Отсо! Ты не беспокойся,
Не сердись на то нисколько,
Что осмотр начнется меха,
Шубу мы твою осмотрим.
Не погубим эту шубу
И твой мех не отдадим мы
Оборванцу на лохмотья,
Нищему на одежку".
Тотчас старый Вяйнямйнен
Шубу снял с того медведя,
Шут же спрятал в кладовую.
Положил в котел он мясо,
В золотистую посуду,
На котельное то донце.
На огонь котел поставлен,
В печке медная кастрюля,
Вся наполнена, набита
Мяса толстыми кусками
И обсыпанными солью,
Что из дальних мест везется,
Из земли идет немецкой,
С вод морских, что за Двиною:
По соленому проливу
В кораблях она приходит.
Как сварили это мясо,
Как котел с огня убрали,
Понесли тогда добычу
И поставили ту птичку
На сосновый стол огромный
В раззолоченной посуде,

Чтоб хлебнуть медку из кружки,
Получить бы в кружках пиво.
Этот стол был весь сосновый,
Блюда были все из меди,
Все серебряные ложки,
А ножи все золотые;
И все чашки были полны,
Переполнены все блюда
Тем богатым даром леса,
Золотою той добычей.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
"Златогрудый дед холмочков,
Ты, хозяин Тапиолы!
Метсолы краса, супруга,
Добрая хозяйка леса!
Сильный Тапио сыночек,
Сильный муж ты в красной шапке,
Теллерво, дочь Тапиолы,
Также Метсолы народ весь -
Приходите на пирушку,
К лохмачу на пир, на свадьбу!
Есть запасы, чтоб покушать,
Чтоб покушать здесь и выпить,
И останется довольно,
Чтоб раздать на всю деревню".
Шут народ промолвил слово,
Люди добрые сказали:
"Как медведь на свет родился,
Как он рос с прекрасным мехом?
На соломе ль он родился,
В бане ль он, косматый, вырос?"
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
"Он рожден не на соломе,
Не в овине на мякуне.
Вот где он, медведь, родился,
Где рожден с медовой лапой:
Возле месяца и солнца
И Медведицы небесной,
Около воздушной девы,
Возле дочери творенья.
Шла по воздуху, по краю,
Посредине неба дева,
На краю какой-то тучки,
Шла по самой грани неба,
Шла она в чулочках синих,
В башмачках гуляла пестрых,
И в руке был ящик с шерстью,
Короб, полный волосами.
Шерсть бросает дева в воду,
Волосы бросает в волны.
Их укачивают ветры,
По воде их движет воздух

Их качает там течение,
Тонят их к побережью волны,
К мысу сладкому на берег,
Там к медвяному лесочку.
Миэлиққи, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
На воде клочки собирает,
Шерсть мягчайшую на волнах,
Быстро шерсть в комок скатала,
Спеленала, положила
В короб из коры кленовой,
В прехорошенькую люльку,
И цепями золотыми
Прикрепила эту люльку
К веткам, зеленью покрытым,
К сучьям прочным, очень крепким.
Там качался этот милый,
Там баюкали младенца,
Под цветущею сосною,
Под развесистою елью.
Так медведя и взрастила:
Вырос он с прекрасной шерстью
Посреди лесов медовых,
Посреди медовой рощи.
Там, в лесах, он жил прекрасно,
Он в хорошей жизни вырос,
Низконогий, краслапый,
Алоскомордый, тупоносый,
С головой весьма широкой
И с прекрасной, мягкой шубой;
Лишь не показались зубы
И не выросли лишь когти.
Миэлиққи, хозяйка леса,
Говорит слова такие:
"Я дала б ему и когти,
Даровала бы и зубы,
Бели б он их не на злое,
Не на вред употребил бы".
Дал медведь большую клятву
У колен хозяйки леса,
Перед богом всемогущим,
Пред всезнающим владыкой,
Что он зла не будет делать,
Не свершит дурного дела.
Миэлиққи, хозяйка леса,
Леса мудрая супруга,
Ищет зубы для медведя,
Хочет также когти сделать.
Смотрит плотную рябину,
Смотрит твердый можжевельник,
Смотрит корни попрочнее
И стволы как можно тверже,
Но найти когтей не может
И зубов там не находит.

Шам росла сосна в лесочке,
Елка там была на горке,
Серебро – в ветвях сосновых,
Золото – в ветвях у елки.
Их берет она с собою,
Создает медведю когти,
Зубы в челюсти сажает,
Прямо в десны помещает.
Отпускает тут любимца,
Молодца-красавца гонит,
Чтоб бежал он на болота,
Чтобы бегал он по роцам,
Чтоб бродил опушкой леса,
Чтобы прыгал по полянам.
Но идти велит пристойно,
Подвигаться осторожно,
Жить в веселье постоянном,
Золотые дни лелея,
На полях и на болотах,
На полянках, полных жизни,
Бармаков не зная летом
И чулок не зная в осень,
Отдыхая в непогоду,
Укрываясь зимою
Под навесом из черемух,
Возле крепости изглистой,
У корней прекрасной ели,
В можжевельника объятых;
Пять на нем одежд из шерсти
И плащей прекрасных восемь.
Шам я взял свою добычу,
Шам охота удалась".
Так сказали молодые,
Так промолвили и старцы:
"Как же лес таким был добрым
И как милостива роца,
Ласков так хозяин леса,
Шапио так благосклонен,
Что он дал тебе любимца,
Выдал лакомку до меда?
Иль за ним с копьем бежали,
Иль стрелою напугали?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Лес ко мне вполне был добрым,
Очень милостива роца,
Ласков был хозяин леса,
Шапио, хозяин роци.
Мизлики, хозяйка леса,
Шеллерво, дочь Шапиоды,
Ша красотка, дева леса,
Ша малюточка лесная,
Мне дорогу показали,
Мне готовили тропинки,

Метқи делали дорогой,
Чтобы знал я направленья,
Знақи делали на горках
И зарубқи на деревьях
К двери знатного медведя,
К месту, где его берлога.
И когда туда я прибыл,
Подошел к его границам,
Я копьем своим не бросил,
Не стрелял я там из лука:
Сам скользнул он с возвышенья,
Сам упал со скользкой ветви,
Сучья грудь ему порвали,
Ветқи брюхо распороли".
И затем сказал он снова,
Сам такие молвил речи:
"Мой возлюбленный ты, Отсо,
Пташка милая, любимчик!
С головы сними одежду,
Хищной пастью не кусайся,
Зубы редкие отдай нам,
Подари свою нам челюсть!
И смотри, не рассердися,
Коль мы так с тобой поступим,
Что твоя головка треснет,
Заскрежещут сильно зубы.
Вот беру я нос у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру у Отсо ухо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру я глаз у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру я лоб у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру у Отсо морду,
К прежде взятой в добавление:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Вот беру язык у Отсо,
К прежде взятому в придачу:
Не беру для посрамленья
И беру не только это.
Назову того я мужем
И почту того героем,
Кто сочтет здесь эти зубы,
Кто весь ряд зубов повинет

Шут из челюсти железной,
Вынет крепкими руками".
Никого там не нашлось,
Ни один храбрец не вышел.
Сам тогда считает зубы,
Сам ряды их вынимает;
Вынул крепкими руками,
Став коленом на медведя.
Вынул зубы у медведя,
Говорит слова такие:
"Отсо, яблоко лесное,
Круглый шар в лесах зеленых!
Ты пройди еще немного,
Прошуми еще немножко,
Из гнезда, что очень тесно,
Из жилища, что так низко,
Перейди ты в дом высокий
И в широкие пороги.
Выйди, золото, пройдемся,
Шубка милая, ступай-ка
По тропе, где свиньи бродят,
Где проходят поросята,
К соснам, ветками богатым;
Выйди к соснам стовестивым,
На тот холм, покрытый лесом,
На высокую ту гору!
Там побыть тебе не дурно,
Там прожить тебе не плохо,
Где звенит бубенчик громкий,
Раздается колокольчик".
Старый, верный Вяйнямейнен
В дом ушел к себе оттуда.
Молодежь тогда сказала,
Так промолвили красавицы:
"Ты куда отнес добычу,
Ты куда свой лов доставил?
Не на льду ль его оставил,
Не в снегу ли закопал ты,
Иль сложил в болотной тине,
Иль зарыл в песках глубоко?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Ни на льду его не бросил,
Ни в снегу не закопал я:
Рвали б там его собаки,
Замарали б скоро птицы.
Не сложил его я в топях,
Не зарыл в песок глубоко:
Там его проели б черви,
Муравьи бы повредили.
Вот куда я снес добычу,
Эту маленькую долю:
К золотой холма вершине,
На вершину горки медной,

Шам на дереве повесил,
На сосне, на стоветвистой,
На ветвях ее крепчайших,
На верхушке на широкой,
Человеку на усладу
И прохожему на радость.
Я к востоку пасть направил,
К западу глаза медведя.
Слишком высоко не поднял:
Если б высоко их поднял,
Повредил бы их там ветер,
Вихрь испортил бы воздушный;
Я к земле их не приблизил:
Если б их к земле приблизить,
Утащили бы их свиньи,
Своротили бы их рылом".

Старый, верный Вяйнямейнен
Шут запел прекрасно, громко,
Чтобы вечер был украшен,
День весельем был закончен.
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"Шы свети, ставец с лучиной,
Чтоб я мог при пенье видеть;
Мой черед начать здесь пенье,
Зазвучат уста с отрадой".
Шак и пел, играл он долго,
Чтобы вечер был веселым,
И сказал, окончив пенье,
Под конец промолвил слово:
"Дай на будущее время,
Дай нам навсегда, создатель,
Чтобы мы справляли праздник,
Чтобы мы не забывали
Молодцу устроить свадьбу,
Пир мохнатому устроить!
Подавай всегда, всевышний,
Подавай, благой создатель,
Знаки ясные в дороге
И пометки на деревьях
Молодцам геройски храбрым,
Молодецкому народу!
Шы позволь всегда, всевышний,
Шы позволь, благой создатель,
Слышать рог лесного царства,
Слышать дудочку лесную
На дворе, пространстве малом,
На жилых местечках узких!
Целый день пускай играют,
Вечерком пусть веселятся
На холмах и на полянах,
На больших просторах Суоми,
Меж растущей молодежью,

Руна сорок седьмая

1. Луна и солнце сходят с неба, чтобы послушать игру Вяйнямёйнена; хозяйка Похьёлы захватывает их, прячет в гору и похищает даже огонь из очагов Калевалы.
2. Верховному богу Укко тяжело без света, и он высекает огонь для новой луны и солнца.
3. Огонь падает на землю, и Вяйнямёйнен с Ильмариненом отправляются его искать.
4. Дочь воздуха рассказывает им, что огонь попал в озеро Алуэ и там его проглотила рыба.
5. Вяйнямёйнен и Ильмаринен отправляются ловить рыбу сетью из мочалы, но поймать ее им не удастся.

Старый, верный Вяйнямёйнен
Все на кантеле играет,
Он поет, играет много,
Теньем радость пробуждает.
Звуки к месяцу доходят,
Донеслись к окошку солнца.
Из избы тут вышел месяц,
На кривую влез березу,
Вышло солнышко из замка,
На сосновой ветке село,
Чтобы кантеле послушать
И, ликуя, восторгаться.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
Шут же солнышко схватила
И взяла руками месяц,
Унесла с березы месяц
И с сосны стащила солнце.
Унесла домой с собою,
В Похьёлу, страну тумана.
Дома прячет светлый месяц
В недра пестрого утеса,
Солнце, – чтобы не светило,
В глубь горы, железом полной.
Говорит слова такие:
"Никогда светить не выйдет
Из горы на волю месяц,
Никогда не выйдет солнце,
Когда я не отпущу их,
Когда сама не дам свободы,
Жеребят доставя девять,
От одной рожденных матки!"
Шолько месяц был запряган,
Шолько солнце было скрыто,
В глыбе Похьёлы скамистой,
В недрах гор, железом полных,
Похищает Лоухи пламя,
Вяйнёлы огонь очажный,
Чтоб лишить огня жилища,
Чтоб лишить жилища света.

Ночь настала без просвета,
Мрак густой и бесконечный.
В Калевале ночь повсюду,
Темны Вяйнёлы жилища,
Даже там, вверху, на небе,
Темнота в жилище Укко.
Жить без света очень трудно,
Без огня и вовсе тяжко.
Люди все затосковали,
Встосковался даже Укко.
Укко, этот бог верховный
И творец небесной тверди,
Очень сильно удивился.
Он подумал-поразмыслил,
Что там с месяцем за чудо,
Что там с солнышком случилось,
Что совсем не светит месяц,
Не сияет вовсе солнце.
Стал на край он темной тучи,
На границу неба вышел,
Он стоит в чулочках синих,
В башмаках прекрасных пестрых;
Смотрит – не найдет ли месяц,
Не видать ли света солнца,
Но найти не может месяц,
Увидать не может солнце.
Потчас Укко выбил пламя,
Искру вышиб он живую,
Выбил огненным мечом он,
Шем клинком, горящим ярко;
Выбил он огонь ногтями,
Выпустил его из пальцев
В верхней области небесной,
В небе за оградой звездной.
И когда огонь он высек,
Спрятал огненную искру
В шитом золотом мешочке,
В среброкованой шкатулке.
Искру дал качать девице,
Дал ее воздушной деве,
Чтобы вырос новый месяц,
Солнце новое явилось.

Дева в облаке уселась,
На краю высокой тучи,
Шам огонь она качает,
Убаюкивает пламя
В золотой прекрасной люльке
На серебряных повязках,
Серебра повязки гнутся,
Золотая ходит люлька,
В туче шум, движение в небе,
Перегнулась крыша неба:

Тяж огонь качался в люльке,
Колебалось в небе пламя.
Вот огонь качает дева,
Убаюкивает пламя
И огонь перстами гладит,
На руках то пламя нянчит.
Вдруг упал огонь у глупой,
Безрассудной этой девы,
Он упал из рук качавшей,
Из перстов его ласкавшей.
Потряслось, расселось небо,
Двери воздуха раскрылись,
Искра огненная мчится,
Капля красная слетает
И скользит сквозь крышу неба,
И шипит сквозь толщу тучи,
И небес прошла все девять,
Шесть покрывшек этих пестрых,
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Брат, кователь Ильмаринен!
Мы пойдем с тобой посмотрим,
Мы пойдем и разузнаем,
Там какой огонь спустился
И сошло какое пламя
С верхней области небесной
Вниз на области земные,
Может, месяца кружочек
Или солнца шар, быть может!"
В путь пошли герои оба.
Зашагали, стали думать,
Как туда попасть вернее,
Как туда пройти прямее,
Где упало это пламя,
Где огонь свалился с неба.

Вот шумит река пред ними,
Разлилась широким морем.
Начал строить Вяйнямейнен,
Начал ловко ладить лодку,
Мастерить в лесу принялся.
Сам кователь Ильмаринен
Руль еловый к лодке сделал,
Из сосны он сделал весла.
Тяж была готова лодка
Вместе с веслами, с крюками;
Лодку на воду спускают,
Смастерили, опустили,
По Неве-реке поплыли,
По Неве вокруг мысочка.
Ильматар, краса-девица,
Дочка первая творенья,
Появилась им навстречу,
Говорит и слово молвит:
"Из каких мужей вы двое,

Как вас люди называют?"
Молвит старый Вяйнямёйнен:
"Оба мы – мужи морские,
Сам я – старый Вяйнямёйнен,
А со мною – Ильмаринен.
Ты сама откуда родом,
И твое какое имя?"
Шақ им женщина сказала:
"Я – старейшая из женщин,
Первая из дев воздушных,
Мать древнейшая на свете,
Жен пяти не ниже честью
И шести невест красою.
Вы куда, мужи, идете,
Путь свой держите, герои?"
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Пут огонь пропал бесследно,
Пламя без следа исчезло,
Без огня мы долго жили,
Все во мраке оставались.
Потому и в путь мы вышли
Отыскать, где это пламя,
Что с небес сюда свалилось,
С края облака упало".
Шақ им женщина сказала,
Молвит им слова такие:
"Нелегко найти то пламя,
Увидать его трудненько.
Принесло забот немало,
Зла наделало порядком!
Пламя это искрой пало,
Каплей красною скатилось
Из полей творца огромных,
Где ее сам Укко выбил,
Сквозь небесные равнины,
Сквозь воздушные пространства,
Сквозь отверстие для дыма,
На сухие на стропила,
В новое жилище Тури,
То, что Палвойнен построил.
Как огонь туда свалился,
В новое жилище Тури,
Начал он дела дурные,
Принялся за преступления:
Он хватает грудь девицы,
Разрывает груди девы,
Жжет он мальчику колено,
А хозяину бородку.
Мать дитя свое кормила,
Крошку в бедной колыбели.
А туда огонь стремится,
Совершает преступленье:
Жжет дитя он в колыбели,

Грудь матери опалает.
Так ребеночек несчастный
Отошел в жилище Маны,
Ибо создан был для смерти,
Предназначен для кончины;
От огня, от мук ужасных,
В красном пламени погиб он.
Мать имела больше знаний,
Не сошла мать в царство Маны;
Заковать огонь умела,
Знала, как изгнать то пламя
Сквозь ушко иголки малой,
В топоре через отверстие,
Через дырочку в мотыге,
Подле паханого поля".
Старый, верный Вяйнямейнен
Быстро деву вопрошает:
"Но куда та искра делась,
Это огненное пламя,
В лес ли бросилось зеленый?
Или в море покатилося?"
Так им женщина сказала,
Говорит слова такие:
"Искра бросилась оттуда,
Разнеслось далеко пламя
И сожгло поля сначала,
Жгло поля и жгло болота,
А потом упало в воду,
В волны Алуэ скатилось:
Это озеро вскипело,
В нем огнем блистают воды.
По три раза летней ночью,
Девять раз осенней ночью
Это озеро вздымалось
От берегов своих до елей,
Бушевал огонь в нем дико,
Пламя жгло и клокотало.
Рыб, кипя, бросали волны,
Малых окуней на скалы.
И обдумывали рыбы,
Окуньки там размышляли,
Как же быть и что же делать:
Рыбы плакали о доме,
Окунь – о своем подворье,
Ерш – о крепости скалистой.
Вышел окунь-кривошея,
Искру огненную ловит,
Но догнать ее не может.
Вышел синий сиз, погнался,
Ловит огненную искру,
Проглотил он злое пламя.
В берег Алуэ вступило,
Озеро с краев упало,
На привычное местечко

Опустилось летней ночью.
Мало времени проходит:
Проглотивший испугался,
Съевший искру боль почувял,
Сиг, пожравший пламя, страждет.
Шумно мечется повсюду,
День плывет он и другой день,
Где лежит сиговый остров,
Где стоят утесы семги,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
"Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Никого – убить беднягу,
Проглотить его, страдальца,
Уничтожить боль от жара,
От огня его страданья".
Вот пеструшка это слышит,
И сига она глотает.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей стало страшно,
Проглотившая болеет,
От огня она страдает.
Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день,
Где стоят утесы семги,
Где стоят пещеры щуки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
"Не найти в глубоких водах,
В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара,
От огня ее страданья".
Щука серая то слышит,
Проглотила ту пеструшку.
Мало времени проходит:
Рыбу съевшей страшно стало,
Проглотившая болеет,
От огня она страдает.
Шумно мечется повсюду.
День плывет она, другой день
Возле скал морской вороны,
Около утесов чайки,
Мимо тысячи мысочков,
Мимо сотни островочков.
Каждый мыс дает советы,
Каждый остров молвит слово:
"Не найти в глубоких водах,

В этом Алуэ спокойном,
Кто несчастную убил бы,
Проглотил бы кто бедняжку,
Уничтожил боль от жара
И от пламени страданья".

Старый, верный Вяйнямейнен,
С ним кователь Ильмаринен
Можжевательник тотчас режут,
Вяжут сети из мочалы;
Красят ивовой водою,
Ивовой корой скрепляют.
Старый, верный Вяйнямейнен
К тем сетям поставил женщин.
Стали женщины у сети,
Сестры сети потянули.
И, гребя, уж едут с ними
Возле кос и островочков,
Возле скал и гротов семги,
У сиговых островочков,
Где камыш стоит, серая,
Где тростник разросся стройно.
Едут дальше, рыбу ловят,
Шянут невод, погружают,
Держат наискось порою,
Наклонивши его тянут:
Не поймали этой рыбы,
Несмотря на все старанье.
Шут вступили в воду братья,
Подошли к сетям мужчины.
Сети тянут и толкают,
Невод дергают и тащат
Возле рифов, по заливам,
Возле Калевы утесов:
Но поймать не могут рыбы
Шой, что так была нужна им.
Щука серая не вышла
Из воды, из тихой бухты,
Из большой равнины водной:
Малой рыбе – петли крупны.
Стали жаловаться рыбы,
Щука щуке говорила,
Сиг сигу вопросы задал,
Семга спрашивала семгу:
"Или храбрые уж мертвы,
Калевы сыны погибли
Ше, что сеть из льна вязали,
Невод делали из ниток,
Что баграми рыб пугали,
Палкой длинною стучали?"
Слышит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"Храбрецы не умирали,
Калевы герои живы.

*Мертв один, а два родятся,
И у них багры получше,
Ловят палкой подлиннее,
Сетью вдвое пострашнее".*

Руна сорок восьмая

1. Сыны Калевы изготовляют сеть из льна и отправляются ловить проглотившую огонь рыбу, которую и вылавливают.
2. Огонь находят в брюхе рыбы, но он быстро выскользывает и сильно обжигает щеки и руки Ильмаринену.
3. Огонь распространяется по лесу, опустошает много земель и движется все дальше, наконец его вылавливают и доставляют в темные жилища Калевалы.
4. Ильмаринен оправляется от ожогов.

*Старый, верный Вяйнямейнен,
Вековечный прорицатель,
Вновь обдумал это дело,
Размышлять над ним он начал,
Как бы сеть связать льняную,
Невод свить во сто раз больше.
Наконец сказал он слово
И такие речи молвил:
"Ведь найдется же, кто вспашет,
Вспашет землю, лен посеет,
Чтоб я невод приготовил,
Сеть стопетельную сделал
И убил бы злую рыбу,
Уничтожил бы дрянную?"
Вот нашлось земли немного,
Несожженное местечко,
По обширному болоту,
Меж двух пней посередине.
Корень был тотчас же вырыт:
Там нашли льняное семя,
Пуонелы червем хранимо,
Спрятано червем подземным.
Там золы осталась кучка,
Тепла кучечка сухого
От сожженной как-то лодки,
Уничтоженного судна.
Здесь-то лен и был посеян,
Погружен в золу сухую,
Близко к Алуэ посеян,
В почву глинистую пашни.
Хорошо возшло растенье,
Лен богато там поднялся,
Неожиданно он вырос
Лишь в теченье летней ночи.
Ночью был тот лен посеян,
При луне запахан в землю,
Был очищен и разобран,*

Был обобран и ошипан,
Очень сильно был отрепан,
Очень быстро был очесан.
Вот снесли его для мочки;
Был он вымочен поспешно
И затем поспешно вынут,
Очень быстро был просушен.
Принесли его в жилище:
Шут толкли его усердно,
Со старанием помяли,
Растрепали все волокна.
Расчесали лен поспешно,
Расчесали ранним утром,
Разложили весь по связкам,
После лен на веретена
Намотали летней ночью,
Межд двух дней одною ночью.
Вот прядут тот лен сестрицы,
Нитки делают невестки,
Связывают невод братья,
А отцы веревки вяжут.
Взад-вперед вертелись спицы,
Петли делали прилежно,
Ша что сеть была готова,
Невод изо льна был связан
Лишь в теченье ночи летней,
Даже в ночи половину.
Наконец-то сеть готова,
Изо льна уж невод связан,
И в длину та сеть сто сажжен
И семьсот вокруг по краю.
Прикрепили к сети камни,
Прикрепили к сети доски.
Стали к сети молодые,
Дома старшие гадали:
Можно ль будет этой сетью
Захватить в воде ту рыбу?
Потянули, потащили,
Погрузили сеть для ловли:
Вдоль воды прилежно тянут,
В ширину воды проходят.
Ловят маленьких рыбешек;
Ловят ершиков несчастных,
Ловят окуней костлявых
И плотиц, богатых желчью;
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть связали.
Молвит старый Вяйнямёйнен:
"О кователь Ильмаринен!
Сами мы пойдем с тобою,
По воде потянем сети!"
И пошли вдвоем герои,
Птянут сеть в воде искусно
И один край повернули

Прямо к Вяйнёле на пристань,
А другою стороною
Повернули на мысочек
И бечевку натянули
Прямо к Вяйнёле на пристань.
Шянут сеть, вперед толкают,
Шянут, тащат этот невод,
Рыб достаточно поймали:
Окуней большую кучу,
И хорошеньких пеструшек,
И лещей, и разной семги,
Всяких рыб в воде поймали;
Но поймать не могут рыбы,
Для которой сеть вязали,
Невод в воду опустили.
К этой сети Вяйнямёйнен
Привязал еще другую;
И края к краям прибавил
В пятьсот сажен шириною,
С бечевою в семьсот сажен.
Говорит слова такие:
"Мы поглубже сеть оттащим,
Понесем ее подальше,
Через воду сеть потянем,
Мы опять потянем невод!"
Сеть к глубинам потащили,
Отнесли ее на волны,
Шянут дальше через воду;
Во второй раз тащат невод.
Молвит старый Вяйнямёйнен,
Говорит слова такие:
"Велламо, воды хозяйка,
С тростниковой грудью в волнах!
Шы смени свою рубашку,
Свой кафтан смени скорее!
Ведь камыш – твоя рубашка,
Пена моря – покрывало,
Их дала тебе дочь ветра,
Дочка моря подарила;
Я же дам тебе льняную,
Полотняную рубашку;
Дочь Луны над ней трудилась,
Солнца дочь ее соткала.
Ахто, ты, глубин хозяин,
Сотни омутов владыка!
Шы возьми в пять сажен палку,
Кол возьми семиконечный,
По всему пройди морю,
Перерой все дно морское,
В тростниках поройся палкой,
К нам гони ты рыбы стаи,
К нам, туда, где тащим невод,
Поплавок волочим сотню,
Рыб гони ты из заливов,

Из лососьих ям гони их,
Из большой пучины моря,
Из его бездонной глуби,
Где совсем не светит солнце,
По песку никто не ходит!"
Поднялся из волн малютка,
Богатырь из моря вышел,
На волнах остановился,
Говорит слова такие:
"Нужен вам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Нужен нам, кто гнал бы рыбу,
Кто б держал большую палку".
Муж-мальш, герой-малютка
Шут срубил сосну большую,
Взял он длинную из леса,
К ней скалу вверху приделал
И, спросив, промолвил слово:
"Из всей силы гнать мне рыбу,
Со всего плеча работать
Или гнать насколько нужно?"
Старый, мудрый Вяйнямейнен
Шут сказал слова такие:
"Будешь гнать насколько нужно,
Шак и то довольно будет".
Муж-мальш, герой-малютка
Начал тут свою работу.
Тонит он насколько нужно:
Тонит рыб большие стаи
К месту, где тащили невод,
Поплавков тащили сотню.
У весла кузнец уселся;
Старый, верный Вяйнямейнен
Сам повыше невод тянет,
Посильнее тащит сети.
Молвит старый Вяйнямейнен:
"Уж попала рыба стая,
Где я невод кверху поднял,
Где пустил пониже доску".
Шут уж вытянули невод,
Подняли его повыше,
Вытрясли на лодке Вяйнё.
Поймана была та рыба,
Для которой сеть вязали,
Заготавливали невод.

Старый, верный Вяйнямейнен
Едет к берегу на лодке,
Едет к синему мосточку,
К красной пристани прибрежной.
Груды рыб из лодки вынул,
Взял он кучу рыб костлявых;

Щуку серую там выбрал,
Что давно поймать хотел он.
Молвил старый Вяйнямёйнен,
Сам сказал слова такие:
"Взять ли рыбу мне рукою,
Без железной рукавицы,
И без каменной перчатки,
И без варежки из меди?"
Солнца сын услышал это,
Говорит слова такие:
"Распластал бы здесь я щуку,
Взял бы я ее рукою,
Если б здесь был нож отцовский,
Заповедный нож от предков".
С неба выпало железо
С череночком золоченым,
С лезвием посеребренным,
Прямо к чреслам сына Солнца.
Храбрый Солнца сын тотчас же
Этот нож берет рукою,
Разрезает тело щуки,
Шело той широкооротой;
Шам, в утробе серой щуки,
Оказался пеструшка;
У пеструшки этой в брюхе
Гладкий сиг уже нашелся.
Вот сига он разрезает -
Синий клуб оттуда тащит,
Из кишки сиговой тонкой,
Шам, из третьего загиба.
Развернул клубочек синий:
А из синего клубочка
Выпал красненький клубочек.
Вскрыл он красненький клубочек.
Изнутри того клубочка
Вынул огненную искру,
Что упала с высей неба,
Что проникла через тучи,
Что с восьми небес упала,
Из девятого пространства.
Вяйнямёйнен думать начал,
Как теперь доставить искру
К избам, пламени лишенным,
К обиталищам без света,
А она вдруг ускользнула
Из руки у сына Солнца.
Вяйнё бороду спалила,
Кузнеца сожгла сильнее,
Опалив бесстыдно щеки,
Опалив ему и руки.

И бежит огонь оттуда,
В волнах Алуэ мелькает,
Можжеватель обжигает,

Опалает всю равнину;
Поднимается на ели:
Сжег еловые лесочки.
И бежит все дальше, дальше,
Уж пол-Похъялы пожег он,
Опалил пределы Саво
И Карелии пределы.
Старый, верный Вяйнямйнен
Сам идти за ним собрался,
Через леса он там проходит,
По следам огня стремится.
Наконец его нашел он
Между двух пеньков у корня,
Был огонь в дупле ольховом,
Там, в изгибе пня гнилого.
Молвил старый Вяйнямйнен,
Сам сказал слова такие:
"Ты, огонь, создание божье,
Ты, светящее творенье!
В глубину идешь напрасно,
Вдаль идешь без основанья!
Лучше сделаешь, вернувшись
В избы, в каменные печки;
Там в своих ты ляжешь искрах,
Под свои укрывшись угли,
Чтобы днем ты пригодился
Для березовых поленьев,
Чтоб тебя скрывали на ночь,
В очаге тебя хранили".
Искру огненную взял он,
Положил на трут горячий,
На кусок сухой березы,
Положил в котел из меди
И в котле принес ту искру.
Он принес ее в бересте
На мысок, уккрытый мглою,
На туманный островочек;
Получили пламя избы,
Получили свет жилища.

Сам кователь Ильмаринен
Побежал на берег моря,
Подошел к утесу быстро,
На скале остановился,
От огня терпел мученья
И от пламени страданья.
Пламя хочет он утишить,
У огня ослабить силу.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Ты, огонь, создание божье,
Сын небесного светила!
Чем разгневан ты так сильно,
Что мои обжег ты щеки,

Что ты бедра опалил мне
И бока обжег ужасно?
Как смогу унять я пламя,
У огня ослабить силу,
Сделать жар огня бессильным,
Это пламя обезвредить,
Чтоб не жгло меня сильнее,
Чтоб не мучиться мне больше?
Приходи, о дочка Турьи,
Из Лапландии девица,
В лед и в иней ты обута,
В замороженной одежде,
Носишь с инеем котел ты
С ледяной холодной ложкой!
Окропи водой холодной,
Набросай побольше льдинок,
На места, где есть ожоги,
Где мне бед огонь наделал!
Если ж этого все мало -
Сына Похъёлы зову я.
Шы, Лапландии питомец,
Длинный муж земли туманной,
Вышиной с сосну ты будешь,
Будешь с ель величиною,-
У тебя из снега обувь,
Снеговые рукавицы,
Носишь ты из снега шапку,
Снеговой на чреслах пояс!
Снегу в Похъёле возьми ты,
Льду в деревне той холодной!
Снегу в Похъёле немало,
Льду в деревне той обилье:
Снега реки, льда озера,
Там застыл морозный воздух;
Зайцы снежные там скачут,
Ледяные там медведи
На вершинах снежных ходят,
По горам из снега бродят;
Там и лебеди из снега,
Ледяных там много уток,
В снеговом живут потоке,
У порога ледяного.
Лед вези сюда на санках,
На возах доставь ты снегу,
Привези с вершины дикой
И с краев горы твердейшей!
Охлади холодным снегом,
Заморозь ты льдом холодным
Все, что мне огонь наделал,
Все, что здесь спалило пламя!
Если ж этого все мало,-
О ты, Укко, бог верховный,
Укко, ты, что правишь в тучах,
Облаками управляешь,

Вышли тучу от востока,
А от запада другую
И ударь ты их концами,
Пустоту меж них наполни!
Шы пошли и лед и иней,
Дай ты мне хорошей мази
На места, что опалились,
Где мне бед огонь наделал!"
Шақ қователь Ильмаринен
Пламя грозное утишил,
У огня он отнял силу.
И кузнец стал вновь здоровым,
Получил обратно крепость,
Исцелившись от ожогов.

Руна сорок девятая

1. Ильмаринен выковывает новую луну и новое солнце, но не может заставить их светить.
2. Вяйнямейнен при помощи гадания узнает, что луна и солнце находятся в скале Похъёлы, он отправляется в Похъёлу, сражается с людьми Похъёлы и одерживает победу.
3. Он хочет увидеть луну и солнце, но не может попасть внутрь скалы.
4. Он возвращается домой, чтоб выковать оружие, с помощью которого можно было бы открыть скалу. Когда Ильмаринен принимается его ковать, хозяйка Похъёлы, в страхе, что ей придется плохо, выпускает из скалы луну и солнце.
5. Вяйнямейнен, увидев луну и солнце на небе, приветствует их и желает, чтобы они всегда украшали небо и приносили счастье людям.

Не восходит больше солнце,
Золотой не светит месяц
Ни над Вяйнёлы домами,
Ни над полем Калевалы.
Охватил мороз посевы,
На стада болезнь напала,
Птицы все затосковали,
Люди чувствовали скуку
Без сиянья солнца в небе,
И без лунного сиянья.
Щука ведала свой омут,
Знал орел дороги птичьи,
Ветер знал челна дорогу;
И не знали только люди,
Утро ль серое вернулось,
Ночь ли темная спустилась
На мысок, укрытый мглою,
На туманный островочек,
Совещались молодые,
Старцы также рассуждали,
Как без месяца прожить им,
Как без солнца сохраниться
В областях, несчастьем полных,
В бедных северных пространствах,
Совещались и девицы,

Девочки полны заботы.
К кузнецу пошли, к горнилу.
Так они ему сказали:
"Поднимись, кузнец, с постели,
Где лежишь у теплой печки,
Нам ты выкуй новый месяц,
Сделай круглое нам солнце!
Плохо, коль не светит месяц,
Тяжело прожить без солнца".
Поднялся кузнец с постели,
Где лежал у теплой печки,
Стал ковать он новый месяц,
Солнце новое стал делать,
Чтоб из золота был месяц
И серебряное солнце.
Вышел старый Вяйнямейнен,
У дверей уселся кузни.
Говорит слова такие:
"О кузнец, любимый братец!
Что там в кузнице стучишь ты,
Что колотишь беспрестанно?"
Отвечает Ильмаринен,
Говорит слова такие:
"Золотой кую я месяц
И серебряное солнце,
В небесах вверху повесить,
Выше, чем шесть пестрых крышек".
Молвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
"О кователь Ильмаринен!
Ты предпринял труд напрасный!
Злато месяцем не станет,
Серебро не будет солнцем".
Сделал месяц Ильмаринен,
Также выковал и солнце,
Кверху снес их осторожно,
Высоко он их поставил:
На сосну отнес он месяц,
На вершину ели – солнце.
Пот со лба его катился,
С головы струилась влага:
Так трудна была работа,
Так подняться было трудно.
Вот наверх отнес он месяц
И отнес на место солнце,
На сосну повыше месяц,
На верхушку ели солнце:
Но сиять не хочет месяц,
И светить не хочет солнце.

Молвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
"Ворожбу начать придется
И по знакам вызнать надо,

Где теперь укрылось солнце
И куда исчез наш месяц".
Сам он, старый Вяйнямёйнен,
Вековечный прорицатель,
Из ольхи лучинки режет,
Ставит их сперва в порядке,
А потом вертеть их начал,
Поворачивать перстами,
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"У творца прошу я знака,
Жду настойчиво ответа.
Божий знак, открой мне правду,
Знак всевышнего, скажи мне:
Где теперь укрылось солнце
И куда пропал наш месяц,
Отчего все это время
В небесах мы их не видим?
Знаменье, открой мне правду,
Не скажи по мысли мужа,
А скажи правдивым словом,
Знание верное даруй мне!
Если знак меня обманет,
Брошу я его на землю;
Знак в огонь тогда закину,
Пусть в огне тот знак сгорит".
Правду знаменье открыло,
Знак мужей тогда ответил:
"Что сокрылось с неба солнце
И с небес сокрылся месяц
В глыбе Похьёлы скалистой,
В недрах медного утеса.
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
"Если в Похьёлу пойду я,
Похьёлы сынов тропую,
Засияет снова месяц,
Заблестит как прежде солнце".
Он отправился поспешно
В землю Похьёлы туманной.
День идет он и другой день;
Наконец, уже на третий,
Земли Похьёлы открылись,
Видны каменные горы.
Вот кричит он очень громко
В Похьёле у переправы:
"Лодку мне сюда доставьте,
Чтобы реку переплыл я!"
Крик его услышан не был,
Лодки старцу не послали,
Он собрал деревьев кучу
И сухих еловых веток;
Он зажег их на побережье,
Так что дым большой поднялся,

Пламя к небу восходило,
Дым собой наполнил воздух,
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Подошла сама к орошку.
На пролив, на устье смотрит,
Говорит слова такие:
"Что за пламя там пылает,
В устье этого пролива?
Для войны, пожалуй, мало,
Для костров рыбачьих много".
Житель Похьёлы выходит
Из избы на двор поспешно,
"Чтоб увидеть и услышать
И получише все разведать:
"За рекой, на том побережье,
Виден мне герой могучий".
Крикнул старый Вяйнямейнен,
Во второй раз молвил громко:
"Ты, сын Похьёлы, дай лодку,
Вяйнямейнену челнок дай!"
Но сын Похьёлы промолвил,
Говорит слова такие:
"Нет незанятых здесь лодок,
Пальцы веслами ты сделай,
А рука рулем пусть будет
В Похьёлу доплыть водою".
Думал старый Вяйнямейнен,
Так подумал и размыслил:
"Не сочтут того за мужа,
Кто с пути назад вернется".
И пошел он шукой в воду,
Он сигом пошел в потоки,
Переплыл пролив он скоро,
Перешел пространство быстро.
Сделал шаг, другой шаг сделал
И ступил на берег грязный.
Дети Похьёлы собрались,
Говорит толпа дрянная:
«В Похьёлы избу пожалуй!»
В Похьёле во двор он входит.
Дети Похьёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
«В Похьёлы избу пожалуй!»
В Похьёлы избу он входит;
Он ступил ногою в сени,
Взял рукою ручку двери
И тогда вовнутрь проходит,
Проникает он под кровлю.
Мед в избе мужчины пили,
Сладкий сок они глотали,
Были все они с оружием,
Все у пояса с мечами
На погибель старца Вяйнё,
Чтоб погиб Сувантолайнен.

Шақ пришедшего спросили,
Говорят слова такие:
"Что, негодный муж, ты молвишь,
Что, герой-пловец, расскажешь?"
Старый, верный Вяйнямейнен
Говорит слова такие:
"Я о месяце скажу вам,
Чудеса скажу о солнце.
Где от нас укрылось солнце
И куда пропал наш месяц?"
Дети Похьёлы сказали,
Говорит толпа дрянная:
"Вот куда сбежало солнце,
Солнце скрылось, месяц скрылся
В грудь пятнистого утеса,
В грудь скалы, железом полной.
Уж не выйти им оттуда,
Не уйти, пока не пустят".
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"Если месяц из утеса,
Солнце из скалы не выйдет,
Шақ и бой начать мы можем,
На мечах тогда сразиться!"
Вынул меч, открыл железо,
Из ножон меч грозный тащит:
На конце сияет месяц,
Солнца блеск на рукоятке,
И конек стоит на спинке,
На головке кот мяучит.
Вот померились мечами,
Лезвия их осмотрели:
Шолько малую толику
Подлиннее меч у Вяйнё;
На зерно он подлиннее,
На обхват стебля соломы.
Вот на двор наружу вышли,
На просторную поляну.
Ударяет Вяйнямейнен
Шақ, что искры засверкали,
Раз ударил и другой раз:
Посрубил он, словно репы,
Головы, как льна головки,
Гордым Похьёлы потомкам.

И собрался Вяйнямейнен
Поглядеть на светлый месяц,
Унести с собою солнце
Из груди скалы пятнистой,
Из горы, железом полной,
Из железного утеса.
Вот проходит он немного,
Небольшое расстояние,
Видит там зеленый остров.

А на нем растет береза,
Под березой этой камень,
И утес стоит у камня,
А дверей в утесе девять,
На дверях задвижек сотни.
Видит трещину в утесе,
В камне узкую полоску.
Меч из ножен вынимает,
Острый меч в скалу вонзает,
Колет он клинком огнистым,
Колет пламенным железом
Так, что камень раскололся,
Быстро натрое распался.
Старый, верный Вяйнямейнен
Посмотрел через щели камня:
Змеи там хлеблют сусло,
Пиво пьют в скале гадюки,
В недрах этого утеса,
Что похож на печень цветом.
Молвит старый Вяйнямейнен,
Говорит слова такие:
"По-то бедная хозяйка
Мало пива здесь имела,
Шут хлеблют сусло змеи,
Пиво пьют в скале гадюки".
Змеям головы срубает,
Злым гадюкам рубит шею.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Никогда в течение жизни,
От сего дня впредь считая,
Да не пьют гадюки пива,
Не хлеблют сусла змеи!"
Хочет старый Вяйнямейнен,
Вековечный прорицатель,
Раскачать руками двери,
Силой слова снять задвижки:
Не открыл дверей рукою,
Слов не слушались задвижки.

Молвил старый Вяйнямейнен,
Сам сказал слова такие:
"Баба тот, кто безоружен,
Шот без сил, кто без секиры".
Шотчас он домой вернулся,
Головой пониң печально,
Что ни месяца не добыл,
Что ни солнца не достал он.
И промолвил Лемминкяйнен:
"О ты, старый Вяйнямейнен!
Отчего меня не взял ты
Как товарища в заклатьях?
Я отбил бы все замочки,
Поломал бы я задвижки,

Я сиять пустил бы месяц
И светить я дал бы солнцу".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Говорит слова такие:
"Не берут слова задвижек,
Не берут замков заклатья,
Кулаком их не подвинешь,
Не своротишь двери локтем".
К кузнецу пошел, к горнилу.
Говорит слова такие:
"О кузнец ты, Ильмаринен!
Выкуй мне трезубец твердый,
Выкуй дюжину мне копий
Да ключей большую связку,
Чтоб я месяц из утеса,
Из скалы достал бы солнце!"
И кузнец тот, Ильмаринен,
Вековечный тот кователь,
Все сковал, что было нужно:
Дюжину сковал трезубцев
И ключей большую связку,
Связку копий приготовил,
Не больших, не очень малых,
Сделал среднего размера.
Лоухи, Похьёлы хозяйка,
Редкозубая старуха,
К бедрам крылья прикрепила
И на воздух вознеслася.
Возле дома полетала
И летит она подальше,
Море Похьёлы минуя,
К Ильмаринену на кузню.
Посмотрел кузнец в окошко,
Уж не буря ль там несется:
Шо не буря там несется,
Шо слетает серый ястреб.
И промолвил Ильмаринен,
Говорит слова такие:
"Что тебе здесь нужно, птица,
У окна зачем ты села?"
Шақ ответила тут птица,
Шақ промолвил этот ястреб:
"О кузнец ты, Ильмаринен,
Замечательный кователь,
Шы, по правде, славный мастер,
Шы – кователь настоящий!"
Шақ ответил Ильмаринен,
Сам сказал слова такие:
"Никакого тут нет чуда,
Что кузнец я настоящий,
Если выковал я небо,
Кровлю воздуха устроил".
И сказала эта птица,
Шақ промолвил серый ястреб:

"Что куешь ты здесь, қователь,
Не оружие ль қақре?"
Шақ промолвил Ильмаринен,
Дал в ответ слова тақце:
"Я қую ошейник қрепқий
Этой Похъёлы старухе,
Приқовать старуху надо
Шам, у твердого утеса".
Лоухи, Похъёлы хозяйқа,
Редқозубая старуха,
Видит, қ ней беда подходит,
Ей несчастье угрожает.
И летит, стремясь чрез воздух
Дальней Похъёлы достигнуть.
Из сқалы пускает месяц,
Солнце выслала из қамня.

А сама свой вид меняет,
В виде голубя явилась:
Запорхала, прилетела
Қ Ильмаринену на кузню.
Подлетела қ двери птицей,
Голубқом у двери села.
И промолвил Ильмаринен,
Сам сқазал слова тақце:
"Шы зачем сюда явился,
Прилетел қ порогу, голубь?"
Из дверей ему ответил,
От порога этот голубь:
"Я затем здесь у порога,
Чтоб принестъ тебе известье:
Из сқалы уж вышел месяц,
Из утеса вышло солнце".
Сам қователь Ильмаринен
Посмотреть тогда выходит.
Он подходит қ двери кузни,
Смотрит пристально на небо:
В небе вновь сияет месяц,
В небе вновь блистает солнце.
Қ Вяйнямёйнену идет он,
Говорит слова тақце:
"О ты, старый Вяйнямёйнен,
Веқовечный песнопевец,
Посмотри поиди на месяц,
Погляди поиди на солнце!
Ведь они уже на небе,
На своих местах привычных".
Старый, верный Вяйнямёйнен
Сам на двор тогда выходит,
Поднял голову он қверху,
Посмотрел на небо быстро:
Месяц там стоял, қақ прежде,
И свободно было солнце.
Смотрит старый Вяйнямёйнен,

Говорит он начинает.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Здравствуй, месяц серебристый,
Вновь ты кажешь лик прекрасный,
Здравствуй, солнце золотое,
Снова всходишь ты, сияя!
Из скалы ушел ты, месяц,
Шы ушло из камня, солнце,
Как кукушка золотая,
Как серебряный голубчик,
На своих местах вы снова,
Прежний путь свой отыскали.
По утрам вставай ты, солнце,
С нынешнего дня вовеки!
Каждый день приветствуй счастьем,
Чтоб росло богатство наше,
Чтоб к нам в руки шла добыча,
К нашим удочкам шла рыба!
Шы ходи благополучно,
На пути своем блаженствуй,
В красоте кончай дорогу,
Отдыхай с отрадой ночью!"

Руна пятидесятая

1. У девушки Марьятты рождается сын от брусники.
2. Ребенок куда-то исчезает, и его наконец находят в болоте.
3. Для крещения приводят старца, но старец не крестит сына, у которого нет отца, до тех пор, пока не будет изучено и решено, должен ли он быть оставлен в живых.
4. Вяйнямёйнен приходит, чтобы изучить дело, и объявляет, что этот странный мальчик должен быть умерщвлен, однако младенец укоряет Вяйнямёйнена за несправедливый приговор.
5. Старец крестит младенца как будущего короля Карелии; разгневанный Вяйнямёйнен уходит, предсказывая, что он еще однажды понадобится своему народу для нового Сампо, кантеле и света; он уплывает на медной лодке туда, где сходятся земля и небо, но кантеле и свои велико-лепные песни он оставляет в наследство народу.
6. Заключительная руна.

Марьятта, красотка дочка,
Выросла в отцовском доме,
При отце жила, при знатном,
И при матери любимой.
Пять цепочек износила,
Шесть колец она истерла,
Что с отцовскими ключами
На груди ее блестели.
Полпорога вовсе стерла
Славно вышитым подолом,
Полстропила перетерла
Шонкым головным платочком
И полпритолку истерла
Рукавом из мягкой ткани,

Протоптала половицы
Башмаков своих подошвой.
Марьятта, красотка дочка,
Эта девочка-малютка
Скромницей была отменной
И стыдливость сохраняла.
Рыбой вкусно питалась
И корой сосновой мягкой;
Никогда яиц не ела,
Так как с курицей петух жил;
От овцы не ела мяса,
Коль овца жила с бараном.
Мать доить ее послала,
Но она доить не хочет,
Отвечает ей словами:
"Никогда такая дева
Не возьмет коров за вымя,
Что с быками поиграли,
Молока же не бывает
У телят или у телки".
Жеребца отец запряг ей,
Но она на нем не едет.
Брат тогда привел корбылу,
А девица молвит слово:
"Не поеду на корбыле,
С жеребцом она играла,
Жеребенка запрягите,
Что лишь месяц как родился".
Марьятта, красотка дочка,
Чистой жила девицей,
Кроткою, прекраснокудрой
И красавицей стыдливой,
Выгоняла стадо в поле,
За ягнятами ходила.
Раз на холм взошли ягнята,
Овцы на гору взобрались,
Дева ходит по поляне,
Между ольх в лесу играет,
А серебристая кукушка
Кличет, птичка золотая.
Марьятта, красотка дочка,
Звуки слушая, уселась
На лугу, где много ягод,
На покатоности пригорка,
Говорит слова такие
И такие речи молвит:
"Кличь, кукушка золотая,
Пой, серебряная птичка,
Кличь ты, с грудкой оловянной,
Молви, ягодка-красотка!
Шы скажи: я долго ль буду
Незамужнею пастушкой
По лесным бродить полянам,
По просторам этой рощи!"

Буду лето, буду два ли,
Пять лет буду или шесть лет,
Или десять лет, быть может,
Или ждать совсем недолго?"
Марьятта, красота дочка,
Долго уж была пастушкой.
Не сладка пастушья доля,
А особенно девице:
По земле ползут гадюки,
В травах ящериц довольно.
Но не ползают тут змеи,
В травах ящериц не видно -
Кличет ягодка с пригорка,
Слово молвила брусника:
"Ты сорви меня, девица,
Подбери меня, младая,
В оловянных украшениях
С подпояскою из меди!
Или съест меня улитка,
Иль червяк проглотит черный,
Уж меня видали сотни,
Тут вот тысячи сидели,
Женщин тысяча, дев сотня
И большой толпою дети,
Но никто меня не тронул,
Не сорвал меня рукою".
Марьятта, красота дочка,
По тропе прошла немного,
Чтобы ягодку увидеть,
Выбрать красную со стебля,
Выбрать кончиками пальцев,
Нежными сорвать руками.
Видит – ягодка на горке,
На полянке та брусника:
И на ягодку похоча,
Но стоит как будто странно -
Брать с земли – высоко слишком,
С дерева – так слишком низко!
Прутик тут взяла девица,
Сбила ягодку на землю.
Прыгнула с земли брусника
На башмак ее прекрасный,
С башмака она вскочила
К ней на чистое колено,
С чистого ее колена
На оборочку от платья.
Прыгнула потом на пояс,
С пояса на грудь девицы,
А с груди на подбородок,
С подбородка прямо в губы;
А оттуда в рот скользнула,
На язык там покатилась.
С языка же прямо в горло
И затем прошла в желудок.

Марьятта, красотка дочка,
От нее затяжелела,
Понесла от той брусники,
Полной сделалась утроба.
Одевалась без шнурочка
И без пояса ходила,
Удалялась тайно в баню,
В темноте там укрывалась.
Мать раздумывала часто,
Размышляла так старуха:
"Что-то с Марьяттой случилось,
С милой курочкою нашей,
Что шнурка не надевает,
Что без пояса гуляет,
Что украдкой в баню ходит,
Укрывается во мраке?"
И сказал один ребенок,
Он слова такие молвил:
"Видно, с Марьяттой случилось
Оттого такое горе,
Что бедняжка очень долго
Прожила со стадом в поле".
И носила тяжесть чрева,
Полноту свою со скорбью
Шак семь месяцев и восемь,
Девять месяцев носила,
По расчету старых женщин -
Даже девять с половиной.
Шак как в месяце десятом
Дева вовсе заболела,
Отвердело вовсе чрево
И томило деву мукой.
Просит мать устроить баню:
"Мать моя ты дорогая!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Чтоб могла я на свободе
Шам избавиться от болей!"
Мать промолвила ей слово,
Шак ответила старуха:
"Прочь уйди, блудница Хийси!
Отвечай мне, с кем лежала?
Холостой ли он мужчина?
Молодец ли он женатый?"
Марьятта, красотка дочка,
Ей в ответ сказала слово:
"Не была я с неженатым,
Ни с женатым я не зналась.
А пошла я на пригорок
И хочу сорвать бруснику.
Вижу – будто бы брусника,
На язык ее взяла я.
В горло мне она скользнула,
Проскочила в мой желудок;

От нее отяжелела,
Полноту я получила".
Шақ отца о бане просит:
"Дорогой отец любимый!
Дай мне место потеплее,
Дай нагретое местечко,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!"
Ей отец промолвил слово,
Старый ей тогда ответил:
"Уходи ты прочь, блудница,
Шы, презренная, подальше,
На утес, в жилье медвежье,
К ворчуну в его пещеру.
Шам родить, блудница, можешь,
Шам погибнешь ты, дрянная!"
Марьятта, красотка дочка,
Слово мудрое сказала:
"Я нисколько не блудница,
Не презренная нисколько.
Но великого героя,
Благородного рожу я,
Даже сильного сразит он
Вяйнямейнена седого".
Дева бедная не знает,
Где, в какую дверь стучаться,
У кого просить ей баню?
Говорит слова такие:
"Пилтти, девочка-малютка,
Шы всех лучше из служанок!
Попроси в деревне баню,
Баню у речушки Сары,
Где б нашла покой бедняжка,
Где бы вытерпела муку!
Шы беги, помчись быстрее,
Это нужно очень скоро!"
Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
"Но кого просить я буду,
У кого исцать подмоги?"
Молвит Марьятта служанке,
Говорит слова такие:
"Прямо к Руотусу отправься,
Где впадает речка Сара!"
Пилтти, девочка-малютка,
Шем словам ее внимает,
И без просьб она готова
И скоро без приказанья,
Шочно пар, она выходит
И, как дым, на двор стремится,
Подбирает свой передник,
Платье верхнее руками,
Побежала скорым шагом,
Прямо к Руотусу помчалась.

Затряслись от бега горы,
И качались тут пригорки,
Шишки по пескам скакали,
Камни скачут по болоту.
Вот и к Руотусу приходит
И вошла в его жилище.
Этот Руотус безобразный
Ест и пьет с большою спесью,
За столом сидит в рубашке
Из льняной отличной ткани.
Так сказал он за обедом,
Опершись на скатерть гордо:
"Что, негодная, ты скажешь?
Ты откуда прибежала?"
Пилтти, девочка-малютка,
Говорит слова такие:
"Я пришла просить о бане,
Баню я ищу у речки,
Где б покой нашла бедняжка,
Где б была несчастной помощь".
Пут жена его приходит,
Упершись в бока руками,
Переваливаясь, ходит,
Посредине пола стала
И расспросы начинает,
Говорит слова такие:
"Для кого ты баню просишь,
Для кого подмоги ищешь?"
Пилтти, девочка, сказала:
«Я для Марьятты прошу вас!»
И ответила старуха,
Руотуса жена дурная:
"Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.
Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:
Лошадь там надъишит пару,
В том пару вы и попарьтесь".
Пилтти, девочка-малютка,
Поспешила возвратиться,
Что есть силы побежала,
Прибежавши, так сказала:
"Не нашлось в деревне бани,
Не нашлось у речки Сарь,
Мне та Руотуса хозяйка
Слово молвила такое:
"Нету бани здесь на речке,
Для чужой у нас нет бани.
Есть вам баня на пожоге,
Есть и хлев в лесу сосновом,
Где родить блудница может,
Где презренная погибнет:"

Лошадь там надъшит пару,
В том пару вы и попарьтесь!"
Шақ сказала эта злая,
Шақ она мне отвечала".
Марьятта, малютка-дева,
Начинает горько плакать.
Говорит слова такие:
"Вот должна теперь идти я,
Как поденщица қакая,
Как наемная рабыня,
На спаленную поляну,
На траву в лесу сосновом!"
Вот берет руками платье,
Подбирает край подола
И несет в руках метелку,
Веником живот прикрывши.
Шақ идет она поспешно,
При жестоких муках чрева,
В темный хлев в лесу сосновом,
В домик Шапио на горке.
Говорит слова такие
И такие молвит речи:
"Снизойди, творец, на помощь,
Милосердный, будь защитой
В этом очень трудном деле,
В этот час, такой тяжелый!
Шы избавь от болей деву
И жену от муки чрева,
Чтоб от болей ей не сгнуться,
От мучений не скончатся!"
И, когда дошла до места,
Говорит слова такие:
"Надъши, қонек мой милый,
Надъши, моя лошадка,
Сделай теплый пар, как в бане,
Шеплоты побольше дай мне,
Чтоб покой нашла бедняжка,
Чтоб была несчастной помощь".
Надъшал қонек тот добрый,
Надъшал тот жеребенок
На страдающее чрево:
И, когда дышала лошадь,
Стало жарко, словно в бане,
И пары сгустились в капли.
Марьятта, малютка-дева,
Ша стыдливая девица,
Покупалась там довольно,
В том тепле омыла чрево.
Родила на свет сыночка,
И невинного младенца
К лошади кладет на сено,
В ясли к ней, прекрасногривой.
А затем сынка обмыла
И в пеленки спеленала,

Положила на колени,
На своем укрыла лоне.
Скрыла милого сыночка
И питала дорогого,
Это яблочко золотое,
Этот прутик серебристый.
На руках своих кормила,
На руках своих качала.
Положила на колени,
На своем укрыла лоне,
Начала головку гладить
И волосишки чесала.

Вдруг исчез с колен ребенок,
Вдруг пропал тот мальчик с лона.
Марьятта, малютка-дева,
Та стыдливая девица,
Собралась искать ребенка,
Сына милого, родного,
Это яблочко золотое,
Этот прутик серебристый.
И под жерновом глядела,
Под полозьями у санок,
И под грохотом искала,
Посмотрела под ушатом,
Меж деревьев, между злаков,
Правы мягкие раздвинув.
Долго, долго ищет сына,
Ищет милого сыночка.
На горах и в роще ищет,
На песках, в полянах смотрит,
Смотрит каждый там цветочек,
Разрывает каждый кустик,
Можжевелик рвет с корнями,
У деревьев ломит ветки.
Собралась искать и дальше,
Отправляется поспешно:
Ей звезда идет навстречу.
Перед звездой она склонилась:
"Ты, звезда, созданье божье!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко золотое?"
Так звезда ей отвечает:
"Если б знала, не сказала б.
Это он, сынок твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
Я на холоде блистала,
В темноте бы я мерцала".
Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Месяц ей идет навстречу.
Перед месяцем склонилась:
"Месяц, ты, созданье божье!"

Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко золотое?"
Говорит в ответ ей месяц:
"Если б знал, так не сказал бы,
Это он, сыночек твой, сделал,
Чтобы в эти дни плохие
По ночам ходил я стражем,
А в течение дня я спал бы".
Собралась идти подальше,
Отправляется поспешно:
Солнце ей идет навстречу.
Солнцу дева поклонилась:
"Солнце, созданное богом!
Что ты знаешь о сыночке,
Где мой маленький остался,
Это яблочко золотое?"
Мудро солнце отвечает:
"Знаю я сынка девицы!
Это он, сыночек твой, сделал,
Чтобы я по дням прекрасным
В светлом золоте ходило,
Серебром блистало чудным.
Знаю милого малютку!
Твоего сынка, бедняжка!
Вот где твой сыночек-малютка,
Это яблочко золотое:
Он увяз по пояс в топях,
Он в песке увяз по плечи".
Марьятта, малютка-дева,
Ищет сына по болоту,
Там в болоте и находит
И домой сынка приносит.

Вырос Марьятты сыночек,
Вырос мальчиком прекрасным.
Как назвать его, не знали,
Рос без имени малютка.
Мать его звала цветочком,
А чужие звали праздным.
Окрестить его хотели,
Окропить его водою.
Для крещенья прибыл старец,
Для моления Вироқаннас.
И промолвил старец слово,
Сам сказал такие речи:
"Бедный мальчик заколдован,
Я крестить его не стану,
Прежде чем его осмотрят,
И осмотрят и одобрят".

Кто же мальчику осмотрит,
Кто осмотрит и одобрит?
Старый, верный Вяйнямейнен,

Вековечный прорицатель,
Осмотреть его приходит,
Осмотреть его, одобрить!
Старый, верный Вяйнямйнен
Приговор свой изрекает:
"Так как сын в болоте найден
И от ягоды явился,
То он должен быть оставлен
На лугу, где много ягод,
Или пусть ему в болоте
Разобьют голову палкой!"
Полумесячный ребенок,
Двухнедельный так промолвил:
"О ты, старец безрассудный,
Безрассудный старец, слабый,
Приговор изрек ты глупо,
Объяснил законы ложно!
Ты за большие проступки,
За дела глупее этих
Отведен в болото не был,
Головы ты не лишился,
А пожертвовал когда-то
Твоей матери дитятей,
Чтобы жизнь свою спасти им,
Чтоб себя от бед избавить.
Отведен тогда ты не был,
Да и позже, на болото,
А ведь в молодости давней
Заставлял девиц топиться
В глубине морских потоков,
В черном иле дна морского".

Крестит мальчика тот старец
И дитя благословляет:
"Карьялы король да будешь,
Власти всей ее носитель!"
Рассердился Вяйнямйнен,
Рассердился, устыдился,
Собрался идти оттуда
И идет на берег моря.
Распеваает громогласно,
Там в последний раз запел он:
Теньем медный челн он сделал,
В медь окованную лодку.
На корме челна уселся,
В море выехал оттуда
И сказал он при отъезде,
Так промолвил на прощанье:
"Вот исчезнет это время,
Дни пройдут и дни настанут,
Я опять здесь нужен буду,
Ждать, искать меня здесь будут,
Чтоб я вновь устроил Сампо,
Сделал кораб многострунный,

Вновь пустил на небо месяц,
Солнцу снова дал свободу:
Ведь без месяца и солнца
Радость в мире невозможна".
Едет старый Вяйнямйнен,
Едет с парусом шуршащим
На челне, обитом медью,
На богатой медью лодке,
Едет он туда, где вместе
Сходятся земля и небо.
Там пристал с своею лодкой,
С челноком остановился.
Шолько кантеле оставил,
Суоми чудную усладу,
Радость вечную – народу,
Своим детям – свое пенье.

Я уста теперь закрою,
Завяжу язык свой крепко,
Прекращу я эту песню,
Распевать не буду больше.
Отдыхать должны и кони,
Если много пробежали,
И само железо слабнет,
Покосивши летней травки,
Опускаются и воды,
Коль бегут они рекою,
И огонь погаснуть должен,
Коль пылал он долго ночью;
Почему ж напев не должен,
Не должна ослабнуть песня,
Если пелась целый вечер,
С самого заката солнца?
Так, я слышал, говорили,
Очень часто повторяли:
"Водопад, и тот в паденье
Не всю воду выливает,
Точно так же песнопевец
Не споет всех песен сразу.
Лучше вовремя их кончить,
Чем прервать на середине".
Так бросаю, так кончая,
Заключая, оставляя,
Я в клубок мотаю песни,
Их в одну вяжу я связку,
Как запас, в амбар слагаю,
За замок из крепкой кости,
Не уйдут они оттуда
Никогда в течение жизни,
Коль замок не будет отперт,
Коль кость не отомкнется,
Не разжаты будут зубы
И язык не повернется.
Что бы было, если б пел я,

Распевал я очень много,
Пел бы я в долине каждой,
Пел бы в каждой синей роще!
Мать моя уже скончалась,
На земле уж нет старушки,
Золотая уж не слышит,
Дорогая уж не внемлет:
Здесь меня лишь сосны слышат,
Ветви ели мне внимают,
Клонятся ко мне березы
Да приветствуют рябины.
Мать меня еще ребенком
Здесь покинула, родная,
Я как жаворонок вырос,
На камнях как дрозд остался,
Чтобы жаворонком пел я,
Щебетал дроздом в лесочке,
Под надзором у чужой мне
И под мачехиной лаской.
Прогнала она бедняжку,
Нелюбимого ребенка,
К той стене, где дует ветер,
К стенке северной жилища,
Чтоб сгубил жестокий ветер
Беззащитного ребенка.
Я, как жаворонок, вышел,
Я блуждал, бедняжка, птичкой,
Я с трудом едва влачилсЯ.
Тихо шел своей дорогой,
И узнал я всякий ветер,
Познакомился я с бурей,
Стал дрожать я на морозе,
Научился плакать в стужу.
Нахожу теперь я многих,
Часто я людей встречаю,
Что меня ругают злобно
И меня словами колют,
За язык мой проклинают,
Заглушают криком голос;
Говорят, что я трещу лишь,
Что мое не нужно пенье,
Что пою я часто плохо
И не знаю лучших песен.
Люди добрые, прошу вас,
Не сочтите это странным,
Что пою я, как ребенок,
Щебечу я, как малютка!
Не был отдан я в ученье,
У мужей могучих не был,
Слов чужих не приобрел я,
Не принес речей с чужбины.
Ведь другие обучались,
Я ж не мог уйти из дома -
Бросить матушку родную,

С ней одной я оставался.
Я учился только дома
За своим родным забором,
Где родимой прялки пела,
Стружкой пел рубанок брата,
Я ж совсем еще ребенком
Бегал в рваной рубашонке.
Как бы ни было, а все же
Проложил певцам лыжню я,
Я в лесу раздвинул ветки,
Прорубил тропинку в чаще,
Выход к будущему дал я, -
И тропиночка открылась
Для певцов, кто петь способен,
Тех, кто песнями богаче
Меж растущей молодежью,
В восходящем поколеньи.